

Бурятский государственный
университет

***Сравнительное законодательство
есть лучшая история рода человеческого.***

П. Дегай

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF RUSSIAN FEDERATION
BURYAT STATE UNIVERSITY
Laboratory of Comparative Law
Inner Asia Institute,
Law Department,
Center of Legal Support of
cooperation between the Russian Federation and the countries of the APR,
with the support of the Supreme Court of the Republic of Buryatia (RB),
Constitutional Court RB,
Investigation Department of the Russia in RB,
Federal Migration Service of the Russia in RB

**COMPARATIVE JURISPRUDENCE
IN THE COUNTRIES OF ASIAN-PACIFIC
REGION – V**

Materials of the international scientific conference

(Ulan-Ude, April, 12, 2013)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Ulan-Ude
2013

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
БУРЯТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Лаборатория сравнительного правоведения
Института Внутренней Азии,
Центр правового обеспечения взаимодействия Российской Федерации
со странами Азиатско-Тихоокеанского региона,
Юридический факультет
при поддержке Верховного суда Республики Бурятия,
Конституционного Суда РБ,
Следственного управления СК РФ по РБ,
Адвокатской палаты РБ,
УФМС РФ по РБ

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ В СТРАНАХ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА—V

*Материалы международной научной конференции
молодых ученых, аспирантов и студентов*

(Улан-Удэ, 12 апреля 2013 г.)

2013

УДК 340 (5-01)
ББК 67.0(59:94)
С 75

Научный редактор

Ю.П. Гармаев

доктор юридических наук, профессор

Ответственный редактор

А.Ф. Онуфриенко

кандидат юридических наук, доцент

Редакционная коллегия:

Ю.И. Скуратов, д-р юр. наук, проф.; *Д.К. Чимитова*, д-р ист. наук, проф.; *В.М. Мельников*, канд. психол. наук, доц.; *Э.Л. Раднаева*, канд. юр. наук, доц.; *Хуан Даосю (КНР)*, д-р юр. наук, проф.; *Лян Миньянь*, д-р юр. наук; *К.А. Будаев*, канд. юр. наук, проф.; *Е.А. Мурзина*, канд. юр. наук, доц.; *Ю.Г. Хамнуев*, канд. юр. наук, доц.; *Н.В. Шатуев*, канд. юр. наук., доц.; *Ю.В. Хармаев*, канд. юр. наук, доц.; *П. Н. Дудин*, к. политол. н., доцент; *А. Ю. Доржиев*, к.юр.н., доцент; доц.; *Т.О. Балueva* (отв. секр.)

С75 Сравнительное правоведение в странах Азиатско-Тихоокеанского региона-V: материалы международной научной конференции молодых ученых, аспирантов и студентов (г. Улан-Удэ, 12 апреля 2013 г.) / науч. ред. Ю.П. Гармаев, отв. ред. А.Ф. Онуфриенко. – Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2013. – 312 с. ISBN 978-5-9793-0494-6

В настоящий сборник уже традиционно вошли статьи молодых ученых, аспирантов и студентов вузов России, Китая, Монголии, Украины, посвященные актуальным теоретическим и практическим проблемам сравнительного правоведения стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

Сборник предназначен для ученых, преподавателей вузов, аспирантов и студентов, а также для широкого круга читателей, интересующихся сравнительным правоведением и международным сотрудничеством в различных отраслях права.

Comparative law in the Asia-Pacific region-IV: the materials of international scientific conference of young scientists, post-graduate students and students (Ulan-Ude, the 12th of April, 2013)/ Scien. ed. Y.P. Garmaev, exec. ed. A.F. Onufrienko – Ulan-Ude: Buryat State University Publishing Department, 2013. - 312 p.

ISBN 978-5-9793-0494-6

This collection of works includes the articles of young scientists, post-graduate students and students from Russia, China, Mongolia, Ukraine, presents theoretical and practical problems of comparative jurisprudence in the Asia-Pacific region.

It is addressed to scientists, teachers, graduates and students, as well as for the broad audience of readers interested in comparative jurisprudence and international cooperation in legal area.

**УДК 340 (5-01)
ББК 67.0(59:94)**

ISBN 978-5-9793-0494-6

© Бурятский госуниверситет, 2013

ПРЕДИСЛОВИЕ

Как известно, модернизация российского юридического образования, как, впрочем, и всей системы высшего профессионального образования, характеризуется его интернационализацией, диверсификацией, фундаментализацией и углубленной специализацией¹. Такое впечатление, что мы все – юристы, стоим на пороге (или уже за порогом) глобальных, быть может, даже революционных изменений в системе образования. И одним из ключевых элементов этого процесса для юридических наук с очевидностью становится сравнительное правоведение.

Внутри самой этой науки, в ее научном сообществе также нарастает понимание принимаемой ответственности. Так, центральной темой II Публичных чтений, прошедших 3 декабря 2012 г. в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (ИЗиСП), была избрана проблематика, связанная с развитием институтов сравнительного правоведения в контексте интеграционных процессов. Как показали выступления докладчиков, изменениям подвержена и частноправовая, и публично-правовая сфера регулирования. В любом случае нарастающие процессы интеграции требуют иного взгляда и нового осмысления традиционных проблем сравнительного правоведения. В своем вступительном докладе выдающийся компаративист, профессор Ю.А. Тихомиров верно отметил, что проблема правовой интеграции государств - одна из сложнейших. Интеграционные процессы, активно развивающиеся в последние 50 лет (сначала в Европе), ныне отражают потребности всех стран (более 200) к единению для решения сложных региональных и глобальных вопросов. При этом в интеграционных явлениях присутствуют элементы декоративности, политической игривости, противоречивости. Например, Европейский союз - лидер интеграции в Европе испытывает в настоящее время объективные сложности, которые могут привести к разрушению сложившейся организационной структуры².

Однако по вполне понятным причинам вряд ли подобная угроза стоит, и вообще когда-либо встанет перед бурно развивающимися странами Азии, или как их порой называют: «азиатскими тиграми», чей авторитет на международной арене постоянно растет. А поскольку сравнительно-правовые исследования азиатского права в России, как и в других странах, ведутся явно не достаточно, при том что потребность в них не вызывает сомнений, уже седьмой год Бурятский госуниверситет при поддержке ряда юридических вузов и государственных органов региона предпринимает активные усилия по пропаганде сравнительно-правовых исследований в странах АТР. В рамках проводимых конференций мы разъясняем сложные и неоднозначные вопросы предметной области сравнительного правоведения как уже опытным участникам форума, так и вновь прибывающим, а также многочисленным, как мы надеемся, читателям его материалов в «бумажной» и электронной версиях.

В рамках настоящего введения вновь, как и в прошлом году, хотелось бы подвести некие итоги ставшей уже традиционной конференции и взять на себя смелость предложить отдельные направления дальнейшего движения всем тем, кто заинтересовался сравнительным правоведением в странах АТР. Точнее было бы сказать, что столь амбициозные задачи ставятся и достигаются материалами всего сборника, усилиями всех его авторов, всех участников конференции и редакционной коллегии. Но кое-что все же следует обозначить и в этих строках.

Как известно всем участникам, ежегодная Международная научная конференция молодых ученых, аспирантов и студентов, проводимая БГУ в апреле каждого года, предваряет еще более крупное ежегодное научное мероприятие – Международную научно-практическую конференцию «Государство и правовые системы стран Азиатско-Тихоокеанского региона: перспективы сотрудничества с Российской Федерацией». Это форум известных ученых, опытных преподавателей права и практических работников, одно из крупнейших событий в научной жизни юристов стран АТР. Трудно переоценить значение двух последовательно проводимых научных мероприятий в деле расширения и укрепления международного правового сотрудничества. И при этом все задумано и реализовано так, что результаты исследований и правоприменения старшего поколения активно подхватывает и развивает поколение молодое.

---

¹ См., например: Левитан К.М. Юридический перевод и сравнительное правоведение // Российский юридический журнал. - 2012. - №5. - С. 46.

² Кратко тезисы выступления Ю.А. Тихомирова и других участников Публичных чтений изложены здесь: Рафалюк Е.Е., Крысенкова Н.Б. Проблемы сравнительного правоведения в условиях интеграции государств // Журнал российского права. 2013. - № 3. - С. 118-119.

Причем, полагаем, что акцент нужно делать на исследованиях, прежде всего, в молодежной среде. Эту работу нужно продолжать и популяризировать. Ведь именно этому поколению молодых юристов суждено уже сейчас и в ближайшем будущем вывести на новый уровень качество международного сотрудничества в Азии, реализовать масштабные проекты между странами региона. Студентам, аспирантам, молодым ученым необходимо активизировать, прежде всего, прикладные исследования в области сравнительного правоведения, включаться в работу по переводу законодательства стран АТР, глубоко изучать сравнительное правоведение как науку и учебную дисциплину, шире использовать возможности языковых и научных стажировок, участвовать в разнообразных молодежных форумах в странах региона.

В то же время общение с молодыми юристами показывает, что не все те, кто интересуются сравнительным правоведением, хорошо понимают о какой науке, о какой системе знаний собственно идет речь, что изучать, как и о чем писать, какие акценты делать в исследованиях и каких «подводных камней» желательно избежать. В частности, изучение некоторых студенческих работ показало, что их авторы часто игнорируют применение всего арсенала методологии сравнительного правоведения, упрощая себе задачу путем применения банального в своей сути алгоритма: получение информации об источниках, изучение источника (иногда некачественного его перевода) и его текстовый анализ. Таким образом, не соблюдаются требования системного анализа, не принимаются во внимание важные исторические, экономические, социальные и политические факторы. Следует избегать такого упрощения, для чего нужно избирать верные методологические подходы³.

Для предупреждения подобного рода ошибок, помимо прочей разъяснительной работы, проведения специальных занятий, лаборатория сравнительного правоведения Института Внутренней Азии БГУ подготовила и разместила для свободного доступа в Интернете (сайт: labatr.bsu.ru, раздел «Новости») крупный архив материалов по сравнительному правоведению⁴.

Здесь любой желающий найдет следующие папки:

- Некоторые акты законодательства стран АТР;
- Литература по теме, включая учебную и научную;
- Перечень ссылок на сайты, так или иначе касающиеся вопросов сравнительного правоведения;
- Сборники наших предшествующих конференций, и многое другое.

Следует остановиться и на проблемах методологического порядка. Не секрет, что в целом в сравнительно-правовых исследованиях наблюдаются две тенденции:

1. Акцент часто делается на сравнении законов, отдельных правовых норм и государственных институтов, что оставляет в тени другие явления правовой жизни: источники права, государственные и иные институты, юридические учреждения, правоприменение, юридическое образование и науку⁵.

2. Повышенное внимание уделяется описанию отдельных правовых семей, сопоставлению и противопоставлению правовых систем, тогда как проблемы их взаимодействия остаются вне внимания. Мы разделяем позицию М.А. Дамирли и других ученых, о том, что «...правовая компаративистика должна выйти за рамки традиционного типологического подхода к изучению правовых систем в пространстве. Исследование *взаимодействия правовых систем* должно стать важным направлением сравнительно-правовой теории»⁶.

Вооружившись этими подходами, члены оргкомитета молодежной конференции предлагают всем действующим и будущим авторам перенести акценты:

1. на все то, что окружает не столько законодательство, сколько право, его применение. Очевидно, что в задачи прикладных сравнительно-правовых исследований необходимо включать анализ особенностей правосознания народов-соседей с учетом их нравственных и религиозных идеалов и ориентиров, что особенно актуально именно для стран АТР;

2. на исследование вопросов взаимодействия правовых систем. Так, будут поощряться работы, в которых, например, рассматриваются урегулированные и согласованные законодательством двух стран АТР процедуры рассмотрения коммерческих споров, таможенного оформления и таможенного

³ См. упоминаемую ниже электронную базу данных.

⁴ Архив RAR, объем свыше 60 Мб. См. ссылку: «Скачать материалы по сравнительному правоведению».

⁵ Тихомиров Ю.А. Сравнительное правоведение: развитие концепций и общественной практики // Журнал российского права. - 2006. - № 6. - С. 8.

⁶ Дамирли М.А. Указ. соч. — С. 45.

контроля товаров, налогообложения и другие вопросы, относящиеся именно к *взаимодействию между правовыми системами*.

Теперь несколько слов о том, как была проведена конференция. На торжественном открытии с приветственным словом выступили: Председатель Верховного суда Республики Бурятия А.А. Кириллова; Атташе Генерального консульства Монголии в г. Улан-Удэ, господин Дондив Болд; Председатель Конституционного Суда Республики Бурятия, д-р юр. наук А.Т. Тумурова; Начальник НИЧ БГУ, канд. ф.-м. наук Б.Б. Дамдинов; зам. декана по учебной работе юридического факультета БГУ, канд. юр. наук А.В. Доржиев.

На пленарном заседании с докладами выступили участники конференции из Монголии и России. Затем конференция продолжила свою работу в четырех секциях:

Секция №1. «Конституционно-правовые и административно-правовые проблемы сравнительного правоведения». Ведущими секции выступили д-р юр. наук, проф., и.о. Председателя Конституционного суда Республики Бурятия А.Т. Тумурова и канд. юр. наук, проф., Заслуженный юрист Республики Бурятия К.А. Будаев. В рабочий президиум секции, которому было поручено заслушать и оценить доклады молодых ученых, вошли: зав. кафедрой конституционного, административного и муниципального права ЮФ БГУ, канд. юр. наук, доц., Хамнуев Юлий Григорьевич, зав. кафедрой теории и истории государства и права ЮФ БГУ, канд. юр. наук, доц. Н.В. Шатуев, заместитель декана по воспитательной работе ЮФ БГУ, канд. полит. наук П.Н. Дудин, преподаватель кафедры конституционного, административного и муниципального права ЮФ БГУ С.В. Дагангаров, ассистент кафедры теории и истории права и государства ЮФ БГУ Б.А. Бальжиев.

Секция № 2: «Гражданско-правовые проблемы сравнительного правоведения в странах АТР». Ведущим секции выступила зав. кафедрой гражданского права и процесса ЮФ БГУ, канд. юр. наук, доц. Е.А. Мурзина. В рабочий президиум секции вошли: зав. кафедрой гражданско-правовых дисциплин ЮФ БЭПИ М.А. Васильева, канд. биол. наук, доц. кафедры гражданского права и процесса ЮФ БГУ Р.А. Балдаева, старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса ЮФ БГУ С.В. Доржиева; старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса ЮФ БГУ Л. Ю. Балбанова, старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса ЮФ БГУ Д.К. Миронова, ассистент кафедры гражданского права и процесса ЮФ БГУ Н.С. Полина.

Секция № 3: «Уголовно-правовые и криминологические проблемы сравнительного правоведения в странах АТР». Ведущим секции выступила заведующая кафедрой уголовного права и криминологии ЮФ БГУ, канд. юр. наук, доц. Э.Л. Раднаева. В рабочий президиум секции вошли: заместитель декана ЮФ БГУ по учебной работе, канд. юр. наук, доц. А.В. Доржиев, канд. юр. наук, доц. кафедры уголовного права и криминологии ЮФ БГУ С.К. Бураева, канд. юр. наук, доц. Кафедры уголовно права и криминологии ЮФ БГУ В.В. Ерофеев.

Секция № 4: «Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы сравнительного правоведения. Правоохранительные органы в странах АТР». Ведущими секции выступили зав. кафедрой уголовного процесса и криминалистики ЮФ БГУ, канд. юр. наук, Ю.В. Хармаев, зав. лабораторией криминалистики ЮФ БГУ, Заслуженный юрист РБ Н.Б. Садыков. В рабочий президиум секции вошли: канд. юр. наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса ЮФ БГУ Б.Б. Самданова, старший преподаватель кафедры уголовного процесса ЮФ БГУ, Заслуженный юрист РБ, Заслуженный юрист Украины Е.Н. Науменко, зав. лабораторией сравнительного правоведения ИВА БГУ, д-р юр. наук Ю.П. Гармаев.

На заключительном пленарном заседании конференции были подведены итоги научного форума. Авторы лучших докладов по целому ряду номинаций были отмечены дипломами, благодарственными письмами и призами – комплектами редких изданий юридической литературы.

Мы гордимся молодыми учеными, показавшими глубокие знания в области сравнительного правоведения в странах АТР, блестящие навыки публичных выступлений! Вот они – надежда и гордость компаративистики:

Лучшие доклады в пленарном заседании:

Диплом I степени – Алексеенко Александр Петрович, заведующий лабораторией кафедры частного права Владивостокского Государственного Университета Экономики и Сервиса (г. Владивосток, Россия)

Диплом II степени – Бянкина Анна Михайловна, старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса, замдекана по учебной работе факультета юридических и исторических наук ЗабГУ (г. Чита, Россия)

Диплом III степени – Меженина Елизавета Владимировна, студентка 5 курса УрГЮА (г. Екатеринбург, Россия)

Лучшие доклады в научной секции № 1:

Диплом I степени – Бянкина Кристина Михайловна, студентка 5 курса факультета юридических и исторических наук ЗабГУ (г. Чита, Россия)

Диплом II степени – Галицкий Эдуард Викторович, студент 3 курса юридического факультета РУДН (г. Москва, Россия)

Диплом III степени – Понкинова Мэдэгма Сергеевна, студентка 1 курса ЮФ БГУ (г. Улан-Удэ, Россия)

Лучшие доклады в научной секции № 2:

Диплом I степени - Колмаков Станислав Юрьевич, студент 4 курса ЮФ БГУ (г.Улан-Удэ, Россия)

Диплом II степени - Солодухина Анастасия Леонидовна, студентка 4 курса ЮФ БГУ (г.Улан-Удэ, Россия)

Диплом III степени – Шакирова Ольга Камельяновна, студентка 1 курса ЮФ БГУ (г. Улан-Удэ, Россия)

Лучшие доклады в научной секции № 3:

Диплом I степени – Кошечкина Алёна Сергеевна, студентка 4 курса ЗабГУ (г.Чита, Россия)

Диплом II степени – Мантатова Светлана Матвеевна, студентка 2 курса ЮФ БГУ (г. Улан-Удэ, Россия)

Диплом III степени – Дондокова Цыпелма Доржиевна, студентка 5 курса ЮФ БГУ (г.Улан-Удэ, Россия)

Лучшие доклады в научной секции № 4:

Диплом I степени – Викулов Олег Валерьевич, аспирант ЮФ БГУ, адвокат (г.Улан-Удэ, Россия)

Диплом II степени – Лугавцов Константин Викторович, студент 4 курса ЮФ БГУ (г.Улан-Удэ, Россия)

Диплом III степени – Полонных Артур Владимирович, студент 4 курса ВСГУТУ (г.Улан-Удэ, Россия)

Благодарственное письмо Верховного суда Республики Бурятия получили:

- Доржиева Светлана Валерьевна, аспирант Института Дальнего Востока (г.Чита, Россия)
- Урмаев Павел Олегович, студент 3 курса ЮФ БГУ (г. Улан-Удэ, Россия)
- Лалетина Юлия Вячеславовна, студентка 2 курса ЮФ БГУ (г. Улан-Удэ, Россия)

Благодарственное письмо Конституционного Суда Республики Бурятия получил:

- Лыгденов Баир Эдуардович, студент 3 курса ЮФ БГУ (г. Улан-Удэ, Россия)

Благодарственное письмо Адвокатской палаты Республики Бурятия получили:

- Цыдыпова Эржена Сергеевна, магистрант ЮФ БГУ (г. Улан-Удэ, Россия)
- Морозов Максим Валерьевич, адвокат (г. Бердск, Россия)

Благодарственное письмо Следственного управления СК РФ по РБ получил:

- Шестакова Виктория Сергеевна, магистрант ЮФ БГУ (г. Улан-Удэ, Россия)

Благодарственное письмо УФМС РФ по РБ получил:

- Куриганов Сергей Ахмедович, студент 2 курса ЮФ БГУ (г. Улан-Удэ, Россия)

Благодарственное письмо Генерального консульства Монголии в г. Улан-Удэ получили:

- Ром Мухийт, заведующий сектором административного права Национального Юридического института Монголии, преподаватель Академии управления Монголии, докторант; Алгаа

Тувшинтулга, научный сотрудник сектора административного права Национального Юридического института Монголии (г. Улан-Батор, Монголия)

- Ынылай Ольга, студентка 3 курса ЮФ ВСГУТУ (г. Улан-Удэ, Россия)

Благодарственное письмо Центра правового обеспечения взаимодействия Российской Федерации со странами Азиатско-Тихоокеанского региона получила:

- Свиридова Светлана Николаевна, магистрант ЮФ БГУ (г. Улан-Удэ, Россия)

Благодарственное письмо оргкомитета конференции получили:

- Жамбаева Ульяна Баировна, к.филос. н., начальник ОРС Управления высшего образования Улан-Баторского филиала ФГБОУ ВПО «РЭУ им. Г.В. Плеханова» (г.Улан-Батор, Монголия)
- Шашин Даниил Георгиевич, к.ю.н. доцент, подполковник полиции, заместитель начальника кафедры общеюридических дисциплин **Восточно-Сибирского института МВД России** (г. Иркутск, Россия)

Помимо этого, каждому участнику конференции был вручен сертификат, подтверждающий участие в научном форуме.

Традиционно интересной была и культурная программа конференции. Для участников и гостей были организованы экскурсии по г. Улан-Удэ, посещение Этнографического музея и буддистских храмов. 13-14 апреля был организован выезд на озеро Байкал.

Организаторы и члены президиумов конференции, все участники молодежного научного форума вновь отметили высокий научно-теоретический уровень и прикладную значимость большинства докладов, заслушанных на пленарном и секционных заседаниях, хорошие навыки публичных выступлений, проявленные выступающими, активное применение мультимедийных средств практически всеми докладчиками.

По единодушному мнению конференция вновь реализовала поставленные перед нею задачи.

* * * * *

Организаторы конференции вновь выражают признательность Генеральному консульству Монголии в г. Улан-Удэ, Верховному суду РБ, Конституционному суду РБ, Следственному управлению Следственного Комитета РФ по РБ, Управлению федеральной миграционной службы РФ по РБ, Адвокатской палате РБ и всем, кто помог в организации и проведении форума!

*Заведующий лабораторией
сравнительного правоведения
Института Внутренней Азии,
профессор кафедры уголовного процесса ЮФ БГУ,
доктор юридических наук, профессор
Ю.П. Гармаев*

I. КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ И АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ

АНТИКОРРУПЦИОННЫЕ МЕРЫ В ЯПОНИИ: ОПЫТ ДЛЯ РОССИИ

© М. С. Черепанов
Россия, г. Владивосток

По данным «Transparency International» Япония в 2011 г. признана 17-ой наименее коррумпированной страной в мире, в то время как Россия занимает 143-е место из 173 [3]. Очевидно, что в Японии борьба с коррупцией достаточно эффективна. Несмотря на благоприятную ситуацию, «грязная политика» была и остаётся неперенным атрибутом японской правовой действительности в течение длительного времени.

Японская коррупция проявляется в виде как прямого, так и непрямого подкупа высокопоставленных чиновников в различных министерствах, или губернаторов префектур. В основном это непосредственные выплаты денежных средств, или подарки в виде членства в дорогом гольф-клубе, не котируемые на бирже ценные бумаги, значение которых вскоре быстро возрастет. Частые фигуранты подобных скандалов - это министерства труда, образования, финансов, международной торговли и промышленности, здравоохранения и социального обеспечения.

В Японии высокопоставленные чиновники назначаются премьер-министром и правительством. При этом последние десять премьер-министров работали даже менее одного года. Представляется, что в условиях неопределённости относительно срока полномочий должностному лицу трудно строить план на будущее. В данной связи соблазн взятки очень высок.

В Японии отсутствует единый комплексный акт, направленный на борьбу с коррупцией. В Японии данные нормы прописаны в следующих нормативно-правовых актах: «О выборах общественных должностных лиц» (1950 г.), «О парламенте» (1950 г.), «О регулировании политических фондов» (1948 г.), «О государственных служащих» (1948 г.), «О местном самоуправлении» (1947 г.). Каждый из этих законов непрерывно изменяется с учётом действенности применения его положений. Объектом японского антикоррупционного законодательства являются две категории лиц, занимающих действительно властное положение. Это депутаты парламента, а также главы местных администраций, депутаты местных собраний. Вторая категория – государственные и муниципальные служащие.

В России к антикоррупционным актам следует отнести: Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», Федеральный закон от 4 мая 2011 г. № 97-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции», Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 329-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции», Указ Президента РФ от 13 марта 2012 г. № 297 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2012-2013 годы и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации по вопросам противодействия коррупции». Сюда же можно отнести: Указ Президента РФ от 18.05.2009 № 557 «Об утверждении перечня должностей федеральной государственной службы, при назначении на которые граждане и при замещении которых федеральные государственные служащие обязаны представлять сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей», Указ Президента РФ от 12.08.2002 № 885 «Об утверждении общих принципов служебного поведения государственных служащих», Указ Президента РФ от 21.09.2009 № 1065 «О проверке достоверности и полноты сведений, представляемых гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, и федеральными государственными служащими, и соблюдения федеральными государственными служащими требований к служебному поведению».

Заметим, что в Японии достаточно жёстко контролируется финансирование выборных кампаний. Связано это, очевидно, с тем, что из депутатов формируется правительство. По Закону кандидаты на выборах всех уровней тщательно ведут учёт поступлений и расход всех денежных средств. Кандидатам запрещено получать пожертвования от предприятий, работающих по контрактам с государством и муниципалитетами, а также от компаний, имеющих прямое отношение к кандидатам. Закон «О регулировании политических фондов» регламентирует финансирование партий и других политических организаций. Согласно ему определяется порядок отчётности о поступлениях и расходах денежных средств и публикация ежегодных отчетов о финансах политических организаций. Примечательно, что в течение 3 лет подобный отчет может быть затребован любым лицом для ознакомления.

Уголовный кодекс Японии содержит отдельную главу 25, посвящённую взяточничеству и иным злоупотреблениям властью служащими государственного и общественного учреждения. Однако данный акт устанавливает твёрдые правовые гарантии защиты от ложных обвинений во взяточничестве – активный подкуп карается так же строго, как и принятие должностным лицом взятки. Строго карается ложный донос или жалоба с целью возбуждения не только уголовного, но даже и дисциплинарного преследования. Благодаря таким мерам выявляются лица, которые действительно берут взятки, а не те, которых на это провоцируют.

С апреля 2000 года в Японии действуют Закон «Об этике государственных служащих», а также этические правила государственного служащего и нормы административных наказаний за их нарушение. Закон «Об этике государственных служащих» - это положения, содержащие запреты и ограничения на получение подарков и услуг от предпринимателей, кроме того, он определяет порядок контроля за соблюдением этих правил и норм. Служащие от помощника начальника отдела и выше обязаны каждые три месяца докладывать главе министерства о приёме услуг и подарков от предпринимателей на сумму 5 тысяч йен и более. Высокопоставленные чиновники докладывают начальству о доходе за предыдущий год. Для надзора за соблюдением этого Закона был создан Комитет по этическим расследованиям. Комитет имеет право проводить расследования и налагать административные взыскания.

Японский опыт показывает необходимость ещё на стадии становления демократической системы управления принятия мер по борьбе с коррупцией среди политиков и чиновников, создания надёжного заслона, опирающегося на единые для всей страны законы и подкреплённого народным контролем и воспитанием общественной нетерпимости к нарушениям морально-этических норм.

Опыт борьбы с коррупцией в Японии демонстрирует, что отсутствие единого кодифицированного акта не препятствует решению этой проблемы. Другой важный фактор - это национальное правосознание. В Японии одного расследования по обвинению в коррупции достаточно для того, чтобы чиновник сам ушел с поста, в отличие от России, где чиновник продолжает работать и занимать значимую должность.

Литература:

1. japanwatching [электронный ресурс] // URL: <http://japanwatching.com/politics/176-corruption-and-bad-governance-in-japan>
2. INVESTIGATION OF CORRUPTION IN JAPAN Tamotsu Hasegawa [электронный ресурс] // URL: http://www.unafei.or.jp/english/pdf/PDF_rms/no56/56-36.pdf
3. Transparency International [электронный ресурс] // URL: <http://www.transparency.org/country#JPN>
4. Коррупция в японском исполнении [электронный ресурс] // URL: <http://svpressa.ru/society/article/53869/>

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКА В РФ И КНР

© К.В. Красикова
Россия, г. Улан-Удэ

С древнейших времен взимание налогов является одной из основных функций и в то же время, важным условием эффективного развития государства. С возникновением государства и разделением общества на классы появились и налоги, первоначально представляющие собой взносы, взимаемые с граждан, в целях содержания публичной власти.

Исторически сложилось так, что ни одно государство в своем развитии не могло обойтись без взимания налогов, поскольку они необходимы не только для содержания публичной власти, но и для выполнения всех функций государства по удовлетворению тех или иных коллективных потребностей.

Исходя из этого, минимальный размер налогового бремени определяется, суммой расходов государства на исполнение минимума его функций: управление, оборона, суд, охрана порядка, - чем больше функций возложено на государство, тем больше оно должно собирать налогов.

На современном этапе развития общества почти каждый гражданин является либо непосредственным налогоплательщиком, либо является вовлеченным в налоговую политику, как получатель льгот, либо как получатель бюджетных средств.

Исполняя обязанность по оплате налогов, граждане вступают с государством в налоговые правоотношения. Подобного рода правоотношения, отличаются от других имущественных (например, гражданских) отношений тем, что для них характерно неравенство сторон, то есть подчинение одной стороны, в лице налогоплательщика, другой – в лице государства. В налоговых правоотношениях государство всегда выступает в лице своих органов, наделенных властными полномочиями.

В соответствии с этим, хотелось бы обратить внимание на определение налогоплательщика и плательщика сборов, которое дается в налоговом законодательстве Российской Федерации и Китайской Народной Республики.

Налоговый кодекс Российской Федерации не дает четкого определения налогоплательщика и плательщика сборов, в нем лишь приводится перечень субъектов, которые признаются налогоплательщиками. В соответствии со статьей 19 Налогового кодекса РФ налогоплательщиками признаются физические лица и организации. При этом в ст. 11 Налогового кодекса РФ достаточно подробно указывается, какие лица и организации относятся к данным категориям субъектов налоговых правоотношений. Так, к физическим лицам, в соответствии с данной статьей относятся граждане Российской Федерации, а также иностранные граждане и граждане без гражданства. К организациям, относятся юридические лица, а также иностранные юридические лица, компании и другие корпоративные образования, которые обладают гражданской правоспособностью и др.[1]

В ст.4 Закона КНР «Об управлении сбором налогов» несколько иначе сформулировано определение налогоплательщика и сборщика налогов, так, под «налогоплательщиком понимаются организации и частные лица, которые, согласно законам и административным правилам обязаны платить налоги» [2].

Сравнивая между собой понятия, приводимые в законодательстве России и КНР, а также анализируя различные подходы ученых к пониманию понятия «налогоплательщик», на наш взгляд, следует выделить родовые правовые статусы налогоплательщиков - физических лиц и налогоплательщиков – юридических лиц. Между тем, среди ученых нет единого понимания того, через какую правовую категорию следует определять понятие «налогоплательщик». Так, одни ученые полагают, что налогоплательщик - это субъект налогового права (субъект налогового правоотношения, участник налогового правоотношения), другие рассматривают налогоплательщика в качестве стороны налогового правоотношения, третьи полагают, что налогоплательщик - это особый правовой статус субъектов налогового права (налоговых правоотношений).

Следует отметить, что невозможно наиболее полно рассмотреть правовое положение налогоплательщиков в России и КНР и, как следствие, сформулировать единое понятие «налогоплательщика», не разобравшись, какими правами и обязанностями обладают данные субъекты налоговых правоотношений в рассматриваемых государствах.

Определение круга обязанностей налогоплательщика имеет большое значение, так как применение ответственности к налогоплательщику обусловлено именно нарушением какой-либо из обязанностей, установленных законодательством. С другой стороны, защита своих прав налогоплательщиком основывается в первую очередь, на доказательстве факта отсутствия у него той или иной обязанности, либо факта выполнения данной обязанности надлежащим образом.

В соответствии со статьей 56 Конституции КНР 1982 г. граждане КНР, согласно закону, обязаны выполнять обязанность по уплате налогов. Данное положение было включено в основной закон страны при разработке новой конституции после «культурной революции» и взято из Конституции КНР 1954 г. (статья 102) без изменений. Помимо статьи 56 Конституция КНР не содержит других положений, гарантирующих права налогоплательщиков или возлагающих на них обязанности [3].

Конституция РФ предоставляет налогоплательщикам следующие юридические гарантии: установление налогов и сборов только налоговым законодательством и запрет обратной силы законов, касающихся новых налогов и сборов, которые в той или иной степени ухудшают положение налогоплательщика в стране [4].

Ст. 21 Налогового кодекса РФ предусматривает следующие права налогоплательщиков: право на получение бесплатной информации по месту своего учета от налоговых органов (в том числе в письменной форме); о действующих налогах и сборах; о законодательстве о налогах и сборах, а также принятых в соответствии с ним нормативных правовых актах; о порядке исчисления и уплаты налогов и сборов; о правах и обязанностях налогоплательщиков, полномочиях налоговых органов и их должностных лиц, а также получать формы налоговой отчетности и разъяснения о порядке их заполнения; получать от Министерства финансов Российской Федерации письменные разъяснения по вопросам применения законодательства Российской Федерации о налогах и сборах; получать от финансовых органов в субъектах Российской Федерации и органов местного самоуправления информацию по вопросам применения законодательства субъектов Российской Федерации о налогах и сборах и нормативных правовых актов органов местного самоуправления о местных налогах и сборах; использовать налоговые льготы при наличии оснований и в порядке, установленном законодательством о налогах и сборах и др.[1].

Кроме перечисленных прав, налогоплательщики могут иметь и иные права, но они в таком случае должны будут быть установлены Налоговым Кодексом и принятым в соответствии с ним законодательством о налогах и сборах.

Далее речь пойдет об обязанностях налогоплательщиков. В соответствии с Налоговым кодексом РФ, каждый налогоплательщик обязан: уплачивать установленные законом налоги; встать на учет в налоговых органах, если такая обязанность предусмотрена НК РФ; вести в установленном порядке учет своих доходов (расходов) и объектов налогообложения, если такая обязанность предусмотрена законодательством о налогах и сборах; представлять налоговым органам и их должностным лицам в случаях, предусмотренных НК РФ, документы, необходимые для исчисления и уплаты налогов; выполнять законные требования налогового органа об устранении выявленных нарушений законодательства о налогах и сборах, а также не препятствовать законной деятельности должностных лиц налоговых органов при исполнении ими своих служебных обязанностей и др. [1].

Немаловажное место в понимании правового положения налогоплательщика в обеих странах занимает вопрос об уголовной и административной ответственности налогоплательщика за не выполнение тех или иных обязанностей, а так же налогового законодательства Российской Федерации и Китайской Народной Республики. Данная ответственность за нарушения законодательства о налогах и сборах обладает всеми признаками юридической ответственности: является формой государственного принуждения; содержит неблагоприятные последствия для нарушителя (имущественного и личного характера); устанавливается законом; применяется государственным органом, в порядке, установленном законом; основанием для наступления юридической ответственности является правонарушение; ответственность содержит отрицательную оценку государством поведения правонарушителя.

При анализе налогового законодательства Российской Федерации и Китайской Народной Республики можно выделить следующие основные виды нарушений законодательства о налогах и сборах:

1. Налоговые правонарушения;
2. Нарушения законодательства о налогах и сборах, содержащие признаки административного правонарушения (налоговые проступки);
3. Нарушения законодательства о налогах и сборах, содержащие признаки преступления (налоговые преступления) [5].

Выделение названных видов нарушений законодательства о налогах и сборах основано, прежде всего, на ст. 10 Налогового кодекса РФ, предусматривающей различные порядки производств по делам о налоговых правонарушениях, о нарушениях законодательства о налогах и сборах, содержащих признаки административного правонарушения или преступления [6].

В зависимости от видов нарушений законодательства о налогах и сборах, являющихся основанием для привлечения лица к юридической ответственности, выделяют соответствующие виды ответственности:

1. налоговая ответственность;
2. административная ответственность;
3. уголовная ответственность.

В Китае чаще всего, при нарушении законодательства о налогах и сборах к налогоплательщикам, налоговым агентам и другим субъектам налоговых правоотношений могут быть применены такие меры, как штраф, конфискация и другие. Порядок наложения административных наказаний регламентируется ст.23 Закона КНР «Об административном наказании». Согласно указанной статье при применении административными органами административного наказания следует, в первую очередь, предупредить лицо о необходимости выполнить установленные обязанности, а затем уже принудить его выполнить их и устранить допущенные нарушения в установленный законодательством срок [7].

Чаще всего, в качестве административного наказания в Законе КНР «Об управлении взиманием налогов» упоминаются штрафы. Такая санкция может налагаться в пределах сумм, которые: закреплены в определенных статьях Закона «Об управлении взиманием налогов»; выражены в процентах; рассчитаны в кратном выражении [2].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в одной статье может быть предусмотрен комбинированный метод наложения административных штрафов.

В современном мире, а в частности, в Российской Федерации и в Китайской Народной Республике, создана целостная система налогообложения, которая четко устанавливает перечень налогов, права и обязанности налогоплательщиков и налоговых органов, устанавливает ставки налогов и льготы по ним.

Налоговая система и система налогообложения в обеих странах создается практически заново и, в соответствии с этим, возникает достаточно много проблем, касающихся взаимоотношений налогоплательщика и государства, ответственности юридических и физических лиц за выполнение налогового законодательства, прав и обязанностей налоговых органов.

В связи с этим, важным условием соблюдения прав налогоплательщиков является их информированность о собственных правах, обязанностях и мерах, предусмотренных законом мерах ответственности за нарушение налогового законодательства для дальнейшего предотвращения тех или иных проблем, которые могут возникнуть в будущем при нарушении того или иного пункта налогового законодательства обеих стран.

В налоговом законодательстве РФ и КНР, закрепляющих правовое положение налогоплательщика, очень много общего, это объясняется тем, что обе страны находятся на переходном этапе своего развития в области налогового права.

Литература:

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть 1) от 31 июля 1998г. №146-ФЗ (по состоянию на апрель 2013г.).
2. Закон КНР «Об управлении сбором налогов» от 1 декабря 1993г. [Электронный ресурс] // Сайт «Законодательство Китая». – URL: <http://chinalawinfo.ru>.
3. Конституция Китайской Народной Республики [Электронный ресурс] // Сайт Законодательство Китая». – URL: http://chinalawinfo.ru/constitutional_law/constitution.
4. Конституция Российской Федерации.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 04.12.2012г.)
6. Лермонтов Ю.М. Практический комментарий к части первой Налогового кодекса РФ // [Электронный ресурс]. СПС «Гарант»: Информационный банк: Комментарий законодательства. М., 2009.
7. Закон КНР « Об административном наказании» от 17 марта 1996г. [Электронный ресурс] // Сайт «Законодательство Китая». – URL: <http://chinalawinfo.ru>.

ВЛИЯНИЕ КУЛЬТУРНОГО И ЭТИЧЕСКОГО ФАКТОРОВ НА ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРИОБРЕТЕНИЯ ГРАЖДАНСТВА В РОССИИ И ЯПОНИИ

© К.Г. Шумик
Россия, г. Владивосток

Институт гражданства сегодня представляет особое значение как для самого человека, имеющего статус гражданина, так и для государства. Прежде всего, под гражданством понимают устойчивую связь лица с государством, которая порождает взаимные права и обязанности. Для самого гражданина такая связь является гарантом обеспечения его прав и свобод и определяет положение личности в обществе, что обеспечивает защиту его интересов. [3, С. 78]. Отсутствие

такого статуса личности усложняет реализацию и охрану его прав, а так же исключает дипломатическую защиту. В связи с этим, государства, осознавая важность такой устойчивой связи, посредством заключения международных договоров и соглашений, стараются сократить число лиц без гражданства. [7, С. 53]

Ценность гражданства, конечно, можно представить, кроме того, в возможности населения осуществлять свои политические права, однако указанную привилегию, традиционно предписанную данному институту, все же не стоит ставить в приоритет. В большинстве своем данные права не реализуются по причине отрицания этих прав самим же народом, или же формальностью их осуществления. [4] Однако, человек, имеющий статус гражданина, все же несет ряд обязанностей перед государством, общим для большинства стран является прохождение обязательной военной службы и уплата законно установленных налогов. Исполнение обязанностей обеспечивает жизнеспособность государства, как допустим наличие вооруженных сил, обеспечивающих государственный суверенитет, относится к признакам государства в целом. [1, С. 28] Из вышеизложенного следует, что приобретение гражданства является важнейшим юридическим фактом, который порождает правоотношения между государством и личностью.

В некоторых странах существует понятие подданства, которое характерно для стран с монархической формой правления и, по сути своей, устанавливает личную верность монарху, но фактически, уже давно равнозначно гражданству. Исходя из этого, понятие «подданный», употребляемое в законодательстве Японии, и понятие «гражданин» целесообразно рассматривать как равнозначные.

В законах о гражданстве РФ и Японии одинаково предусмотрены филиация (в силу факта рождения) и натурализация (укоренение), как способы его приобретения. Филиация не требует специального волеизъявления лица, совершения действий для приобретения гражданства, и осуществляется на основе принципа крови и принципа почвы. Для большинства современных государств характерно сочетание данных принципов. [3, С. 79] Поскольку идеального баланса в мире не существует, предпочтение к принципам можно сравнить с маятником, который может склоняться как в сторону одного, так и в сторону другого принципа. Во многом, причиной такого дисбаланса является уровень национальной общности конкретного государства. Так, если рассматривать условия приобретения гражданства по рождению, предусмотренные в Федеральном законе от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве» [9], можно обнаружить, что принцип почвы достаточно выражен. Такой баланс является нормой для многонациональных и поликультурных государств, какой является Российская Федерация. По данным всероссийской переписи населения за 2010 год, в РФ проживает около 200 различных национальностей. [8] Так же для стран многонациональных характерно разграничение понятий «гражданство» и «национальность», в противоположность – политика страны, при которой два этих понятия практически идентичны. Япония – страна одной общины, которая отличается малоземельем и перенаселенностью. Успехи Японии во многом зависят от традиционных общественных институтов. К их числу следует отнести: институт пожизненного трудового найма, который воспитывает особое отношение японца к труду и коллективу, а также образует почти патриархальные отношения между работником и работодателем. [2] Кроме того, для восточного общества, характерно ярко выраженное стремление к коллективизму и согласованному принятию решений, в противовес западному принципу «одинокоего волка», поощрение принципов взаимозависимости, не соответствующих распространенному принципу поощрения независимого поведения. Нити «признательности долга» перед учителем, родителями, старшим, фирме задают нормы поведения людей. [6] Вышеперечисленные условия обуславливают необходимость доминирования принципа крови при филиации.

В японском законе о подданстве, принятом в 1950 году, гражданство по рождению приобретается в целом по принципу крови, принцип почвы указан лишь на тот случай, если родители неизвестны, либо являются лицами без гражданства [11]. Также данный принцип прослеживается при рассмотрении условий приобретения гражданства в упрощенном порядке. В таком порядке гражданство может приобрести лицо, являющееся ребенком от гражданина Японии, однако за исключением усыновленных детей. Дети «неродные» могут претендовать на японское гражданство при условии, что были усыновлены в период малолетства по закону страны, где он до этого проживал [11]. Политика поддержки национальной общности более ощутима при натурализации, ведь возникновение массовых иммиграционных потоков неизбежно приведет к разрушению традиционного японского общества и тех общественных институтов, которые определили Японию в число преуспевающих наций. [2]

Натурализация выражается в желании человека, как правило, достаточное время проживающего на территории данной страны, стать ее гражданином. Это обычно необходимо лицам, прибывшим в страну в соответствии с иммиграционным законодательством, а так же вступившим в брак с гражданином соответствующего государства или вследствие усыновления таким лицом. [3, С. 80]

Получение гражданства другой страны не является правом гражданина, законодатель страны может формировать данную политику удобным государству образом. Это может быть выражено в снижении или в целевом повышении барьеров для получения гражданства, в благосклонном или нетерпимом отношении к той или иной категории населения. В целом, условия принятия в гражданство РФ и Японии соответствуют международным стандартам: обязательный срок проживания на территории государства, достижение совершеннолетия, наличие законного источника дохода, необходимый уровень знания государственного языка [9]. Все эти условия способствуют успешной ассимиляции некогда иностранного гражданина в чужой стране. Государства также обращают особое внимание на личность кандидата. Так, в статье 16 Закона о гражданстве РФ в качестве основания для отказа в выдаче гражданства указано наличие снятой и непогашенной судимости, кандидат преследуется по закону либо осужден и находится в местах лишения свободы, представляет угрозу для целостности конституционного строя РФ. Все это относится к личности желающего получить гражданство. В статье 5 соответствующего закона Японии, определяющей условия проведения натурализации, основанием, применимым именно к личности человека, является соответствие моральному облику, что по сути своей, дает огромное число оснований для отказа [11]. Плохая кредитная история, штраф за парковку, некогда расторгнутый брак, внешнее впечатление – все это может сделать гражданина неблагонадежным. Такая обширная формулировка дает практически неограниченные полномочия сотрудникам миграционной службы.

Следующим важным пунктом в условии приобретения является выход из иного гражданства. В российском законодательстве предусмотрен институт двойного гражданства [9]. Данный институт весьма противоречив, однако в мировой практике наблюдается тенденция к минимизации случаев двойного гражданства и это не лишено смысла. Дело в том, что бипатризм предполагает потерю охвата населения для конкретного государства в пользу другого, существует опасность, что в случае чрезвычайной ситуации часть населения широким потоком перенесется в другую страну. Кроме того нередко возникают коллизии, касающиеся исполнения обязательств перед государством.

Закон о гражданстве РФ позволяет гражданам РФ иметь двойное гражданство, в этом случае, в соответствии со статьей 6, такое лицо рассматривается только как гражданин РФ, если иное не предусмотрено международным договором. Законодательство Японии двойного гражданства не признает. Однако в условиях приобретения гражданства так же указано, что в исключительных случаях, которые не позволяют иностранному гражданину утратить гражданство своей страны, министр может дать разрешение на выдачу такому лицу гражданства [11]. Такое решение может быть принято в случае исключительных обстоятельств в отношении связи его или его семьи с гражданином Японии, либо в иных случаях. Также двойное гражданство имеет ребенок, рожденный в браке от гражданина Японии и иностранного гражданина. Такой пункт значительно облегчает положение такого ребенка в семье и дает ему право определиться со своим будущим гражданством. Однако, по достижении совершеннолетнего возраста, который Японским законодательством установлен в 20 лет и в течение двух лет после этого, такой гражданин должен определиться со своей принадлежностью. В противном случае, ему будет вынесено предупреждение, а после, в случае если такое лицо в течение месяца не выберет японское гражданство, оно будет автоматически лишено его [11]. В данных нормах выражено ревностное отношение Японского государства к гражданам своей страны и желание исключить «перебежчиков». Смысл в том, что ты либо гражданин Японии, либо нет, промежуточные состояния - дело исключительного случая.

В обеих странах предусмотрен упрощенный порядок приобретения гражданства для отдельных категорий граждан. Такие уступки в большинстве случаев применяются к супругам или усыновленным детям, ранее имевшим гражданство другого государства. Однако, в соответствии с законодательством Японии, статус усыновленного ребенка отличается от статуса «родного», в отличие от законодательства РФ. Ребенок может приобрести в упрощенном порядке гражданство, согласно ст. 8 Закона о гражданстве РФ [9], если является ребенком гражданина Японии по крови и проживает на ее территории, а в ином варианте – только если на момент усыновления такое лицо считалось малолетним по законам той страны, где ребенок был усыновлен. Кроме того, в соответствии со статьями 6 – 8, если: лицо постоянно проживало на территории на протяжении трех лет и более и является ребенком японца (опять же за исключением случая усыновления), родилось и

проживало на территории Японии на протяжении 3 или более лет, если мать и отец родились в Японии, проживало 10 и более лет подряд на территории государства. В упрощенном порядке гражданство РФ могут получить лица, хотя бы один родитель которых имеет гражданство РФ и постоянно проживает на ее территории. По законодательству России, также право на упрощенный порядок имеют иностранные граждане, ребенок которых является гражданином РФ, в случае, если родитель является нетрудоспособным, а дети дееспособны, а также, если второй супруг по разным причинам не может осуществлять уход за несовершеннолетними. Некоторые пункты, касающиеся граждан бывшего СССР, ветеранов Великой Отечественной Войны, определены историческими особенностями государства.

В обеих странах, как уже говорилось, предусмотрен упрощенный порядок натурализации для супругов. По российскому законодательству на получение гражданства в данном порядке могут рассчитывать супруги, в течение трех лет состоящие в совместном браке. В Японии – если супруг проживает на территории не менее трех лет подряд – срок брака не имеет значение, в противном случае – если супруг состоит в браке с гражданином Японии не менее трех лет и проживает на ее территории не меньше года [11].

Еще одним способом пройти натурализацию без видимых барьеров, можно сказать, в самом простом порядке, наличие особых заслуг перед принимающей стороной, одинаково предусмотренным как в РФ, так и законодательством Японии. В соответствии с данным принципом, считается, что кандидат как бы продемонстрировал деятельную сторону патриотизма в отношении страны, гражданином которой желает являться.

Как уже говорилось, получение гражданства другой страны не является субъективным правом человека, и миграционная служба может отказать при наступлении различных условий. В целом такие условия в обоих государствах имеют сходный характер. В первую очередь – это несоответствие поставленным условиям приобретения, нарушение этих условий с помощью обмана или подлога документов, факты, негативно характеризующие личность кандидата, а также невыполненные обязательства перед страной кандидата, например прохождение военной службы по призыву.

В целом, можно сделать вывод, что политика государства по предоставлению гражданства во многом зависит как от демографических особенностей, так и от культурной и национальной общности народа. Это может выражаться и в балансе принципов филиации, и в степени преодолимости барьеров для натурализации. Такие барьеры позволяют скорректировать иммиграционные потоки таким образом, чтобы не допустить перенаселения, либо же снизить такой барьер по противоположным причинам. В Японии, стране, где национальная общность так важна, существующий барьер несколько выше, чем в России, что позволяет ей сдерживать влияние извне. Изначально, принципиально разная политика государства в предоставлении гражданства оказывает непосредственное влияние: политика Японии во многом обусловлена практически однородным национальным составом, а основные принципы РФ поддержаны гонкой за числом и стремлением обеспечить гражданством всех, кто «ощущает себя россиянином». В Российской Федерации баланс принципов филиации и двойного гражданства выбран вполне разумно, для государства поликультурного и многонационального. В целом, принципы, отраженные в законах двух стран соответствуют международным положениям по данному вопросу.

Литература:

1. Абдулаев М.И. Теория государства и права: Учебник для высших учебных заведений – М.: Финансовый контроль, 2004 – 410 с.
2. Анисимцев Н.В. Иммиграционная политика Японии: национальный вариант/<http://eps.dvo.ru/rap/2004/1/pdf/rap-046-055.pdf>
3. Баглай М.В. Конституционное право зарубежных стран: Учебник для высших учебных заведений – М.: Норма, 2004 – 832 с.
4. Белкин А.А. О некоторых доктринальных вопросах института гражданства//Правоведение. – 1995. - №6 – с. 3 - 12
5. Белов А.В. Двойное гражданство и проблема лояльности//Правоведение. – 2002. - №2 (241). – с. 157 - 161
6. Ирхин Ю.В. Институты и управленческая культура Японии: синтез традиций и инноваций//Вестник Пермского университета. – 2009. - №4(8). – с.15
7. Чиркин В.Е. Конституционное право зарубежных стран – М.: Юристъ, 1997 – 568 с.
8. Всероссийская перепись населения. Итоги переписи на 2010 год/http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm

9. О гражданстве Российской Федерации от 31.05.2002 №62 – ФЗ (ред. 28.06.2009) [Электронный ресурс]/ СПС «Консультант плюс».

10. The Nationality Law (Law No.147 of 1950, as amended by Law No.268 of 1952, Law No.45 of 1984, Law No.89 of 1993 and Law.No.147 of 2004, Law No.88 of 2008)//<http://www.moj.go.jp/ENGLISH/information/tnl-01.html>

11. Закон о гражданстве Японии №147 от 1950 г.

**ИНСТИТУТ ОБЖАЛОВАНИЯ ПОСТАНОВЛЕНИЙ ПО ДЕЛАМ
ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ
АНАЛИЗ (НА ПРИМЕРЕ ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАН И СТРАН
АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА)**

© В.Б. Русанова
Украина, г. Харьков

Право обжаловать в суд постановление по делу об административном правонарушении является одной из основных, наиболее действенных гарантий обеспечения прав и лица, привлекаемого к административной ответственности, и потерпевшего в соответствующем производстве. Этот институт также является существенным фактором соблюдения требований законности в процессе осуществления указанного производства, а также достижения целей административной ответственности. Соответственно одной из актуальных задач реформирования законодательства об административной ответственности, на том или ином этапе которого пребывают все страны постсоветского пространства, является надлежащее урегулирование процедур обжалования.

Представляется очевидным, что важной составляющей выработки эффективных механизмов обжалования постановлений по делам об административных правонарушениях является изучение опыта различных правовых систем в решении данной проблемы. Компаративистские исследования позволяют не только увидеть потенциальные проблемы в рассматриваемой сфере, но и выделить нормативные конструкции, которые было бы целесообразно внедрить в национальное право.

В рамках настоящей статьи мы остановимся на сравнительном анализе правовых систем таких стран бывшего СССР как Азербайджан, Армения, Беларусь, Казахстан, Латвия, Молдова, Российская Федерация, Украина, Эстония, а также отдельно рассмотрим проблематику обжалования постановлений по делам об административных правонарушениях в законодательстве ряда стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

Прежде всего, необходимо сделать ряд замечаний относительно применения сравнительно-правового метода. Как известно, в юридической компаративистике принято выделять нормативное и функциональное сравнение. Нормативное сравнение сосредоточено на схожих нормах права, законодательных актах и т.д. Функциональное сравнение имеет целью сопоставление юридических средств разрешения одинаковых социальных и правовых проблем разными правовыми системами [18, С. 26]. В данной статье мы стремимся соединить приемы нормативного и функционального сравнения. Это объясняется тем, что в постсоветских странах и тем более государствах Азиатско-Тихоокеанского региона имеет место различный уровень развития законодательства об административной ответственности (например, совместная или раздельная кодификация материального и процессуального административно-деликтного права, разная подведомственность последних и т.п.), существуют специфические институты права (например, институт констатирующего субъекта в Кодексе Молдовы о правонарушениях [14]), а также юридическая терминология, вследствие чего применение исключительно нормативного сравнения не представляется целесообразным.

Кроме того, как уже отмечалось, в рамках этой статьи нами анализируется законодательство об административной ответственности восьми постсоветских республик – от Прибалтики до среднеазиатских государств. Такая «география» обеспечивает необходимое для объективности полученных результатов разнообразие правовых систем с учетом степени их развитости, состояния реформирования нормативно-правового материала в интересующей нас сфере, политического режима (так как публично-правовое регулирование может существенно отличаться в демократических и недемократических государствах). Анализ права стран Азиатско-Тихоокеанского региона осуществляется под углом рассмотрения возможных вариантов дальнейшего становления административно-правовой отрасли и институтов административной ответственности, построения административной юстиции и т.д. Здесь мы исходим из того, что в условиях глобализации изучение мирового опыта в сфере юриспруденции не должно означать исключительно обращения внимания к

опыту европейскому (или шире – западному). Не менее важно представлять и другие альтернативы эволюции национальных правовых систем либо их отдельных элементов.

Сравнение в рамках нашей темы, с учетом ограниченности объема статьи, предлагается проводить по таким критериям: особенности законодательной регламентации судебного обжалования постановлений по делам об административных правонарушениях, подведомственность соответствующих дел, наличие возможности обжаловать решение, вынесенное судом по результатам рассмотрения дела об обжаловании постановлений по делу об административном правонарушении. Безусловно, возможны и другие критерии (субъекты обжалования, особенности рассмотрения и т.д.), которые могут быть предметом отдельных исследований.

1. Особенности законодательного регулирования обжалования в суд постановлений по делу об административном правонарушении. На постсоветском пространстве можно выделить три разных подхода к законодательному урегулированию вопросов судебного обжалования:

А) привлечение к административной ответственности урегулировано в кодексе об административных правонарушениях, принятому по единому образцу еще в советское время. Сегодня такие акты действуют в Армении [12], Латвии [11] и Украине [16]. При этом если латвийский кодекс детально регламентирует процедуру обжалования постановлений по делам об административных правонарушениях, то в армянском и украинском кодексах содержатся только отдельные нормы, касающиеся обжалования (субъекты, сроки и т.д.), а вся процессуальная часть содержится Гражданском процессуальном кодексе Армении [4] и Кодексе административного судопроизводства Украины [9] соответственно.

Б) принят новый кодифицированный акт в сфере административной ответственности, который внутренне структурируется на материальную часть (общие положения, составы правонарушений, субъекты привлечения к ответственности и т.п.) и процессуальную часть (порядок привлечения, в том числе и пересмотра постановлений по делам об административных правонарушениях). Такой вариант воплощен в Кодексе Азербайджанской Республики об административных проступках [10], Кодексе Республики Казахстан об административных правонарушениях [13], Кодексе Молдовы о правонарушениях, Кодексе об административных правонарушениях Российской Федерации [15].

В) проведена новая систематизация законодательства об административной ответственности в виде принятия отдельных кодифицированных актов, содержащих материально-правовые и процессуально-правовые нормы соответственно. Последнее имеет место в Беларуси, где действует Исполнительно-процессуальный кодекс об административных правонарушениях [5], а также в Эстонии, где принят Деликтно-процессуальный кодекс [7]. Данный подход является более сложным с политической и технико-юридической точки зрения, однако может характеризоваться лучшим качеством созданного нормативно-правового материала. В свое время отечественный специалист в области административного права М. Я. Масленников с сожалением констатировал, что идея раздельной кодификации материального и процессуального законодательства об административной ответственности в России не прижилась [17, С. 84].

Страны Азиатско-Тихоокеанского региона предлагают несколько иной подход к решению проблемы. Так в Японии материальное законодательство об административной ответственности не кодифицировано. Составы правонарушений и санкции за их совершение содержатся в различных законодательных актах [1, С. 243-247], что считается неприемлемым в постсоветских странах. Процессуальные нормы по привлечению лица к ответственности за совершение правонарушений, которые в постсоветской традиции принято считать административными, также не сосредоточены в едином акте [6, С. 260], что объясняется разграничением в Японии мелких уголовных проступков и проступков, совершаемых в сфере государственного управления.

2. Подведомственность дел об обжаловании постановлений по делам об административных правонарушениях. В Азербайджане подобные дела отнесены к компетенции общих судов (ст. 430 Кодекса об административных проступках). В Армении дела о судебном обжаловании постановлений по делам об административных правонарушениях рассматриваются в общими или хозяйственными судами в порядке, предусмотренном гражданским процессуальным законодательством. При этом привлечение к административной ответственности за правонарушения, отнесенные к компетенции суда, осуществляется административными судами. Обратная ситуация имеет место в Украине. Здесь обжалование постановлений о наложении административных взысканий во внесудебном порядке осуществляется в административных суд (ст. 288 Кодекса Украины об административных правонарушениях), в то время как репрессивную функцию (то есть привлечение к административной ответственности) осуществляет суд общей юрисдикции.

В Российской Федерации и Беларуси рассматриваемая категория дел отнесена к юрисдикции общих и арбитражных (хозяйственных) судов. Компетенция общих и арбитражных судов разграничена на основании субъектов и характера правонарушений. При этом производства по таким делам считаются административно-процессуальным (например, об этом прямо указано в ст. 2 Исполнительно-процессуального кодекса Беларуси).

В Эстонии дела об обжаловании в суд постановлений по делам о проступках (административных правонарушениях – В. Р.) подведомственны общим судам (ст. 78 Деликтно-процессуального кодекса Эстонии). Необходимо также отметить, что согласно ст. 2 упомянутого кодекса в этих производствах применяются положения уголовно-процессуального законодательства с учетом особенностей производства по делам о проступках, если данным кодексом не установлено иное. Аналогично общим судам подведомственны указанные дела и в Латвии (ст. 288 Кодекса Латвии об административных правонарушениях). Отметим также, что в указанных прибалтийских странах действует система административных судов, юрисдикция которых, соответственно, не распространяется на дела об административных правонарушениях. Последовательно такой подход на постсоветском пространстве воплощен также в Грузии [3] и в Азербайджане.

Как видно из проведенного анализа в странах СНГ, Грузии и Прибалтике отсутствует единая признанная модель рассмотрения дел о судебном обжаловании постановлений по делам об административных правонарушениях. Такая же ситуация характеризует и государства Азиатско-Тихоокеанского региона. В Китае отсутствует административная юстиция [2, С. 295], соответственно подобные дела рассматриваются общими судами. При этом ряд актов о привлечении к административной ответственности судебному обжалованию не подлежит и пересматривается исключительно в административном порядке.

В Японии действует система административных судов [19, С. 956], однако рассмотрение дел о мелких правонарушениях (уголовных проступков) находится в компетенции полицейских органов, первичных, территориальных, а также семейных (относительно лиц, не достигших 20 лет) судов. Обжалование решений о привлечении лица к ответственности за правонарушение, не относящееся к уголовным проступкам, осуществляется в территориальный суд, который в данном случае действует как суд административный (в этой ситуации подается административный иск «кококу» [8, С. 122]). Кроме того, следует иметь в виду, что в Японии достаточно сильно развита негосударственная медиация, когда такого рода дела решаются на уровне институтов разрешения конфликтов, сформированных местной общиной. Это объективно понижает значение и правосудия в целом, и судебного обжалования как гарантии обеспечения прав лица, привлеченного к ответственности, а также потерпевшего.

3. Наличие возможности обжаловать решение, вынесенное судом по результатам рассмотрения дела об обжаловании постановлений по делу об административном правонарушении. Показательно, что в законодательстве об административной ответственности всех стран бывшего СССР предусмотрена возможность обжалования указанных судебных актов. Исключением является Украина, где решение суда по результатам рассмотрения административного иска на постановление по делу об административном правонарушении является окончательным (ст. 171² Кодекса административного судопроизводства Украины), что, безусловно, негативно влияет на уровень гарантированности прав участников административно-деликтного производства. В этом смысле Украина единственная страна постсоветского пространства, которая повторяет опыт Китая и Японии, где возможности судебного обжалования, сдерживаются исключительностью административного обжалования по отдельным правонарушениям и существенной ограниченностью пересмотра судебных решений по делам об административной ответственности.

Литература:

1. Абдуллаев Э.И. Сравнительное административное право [Электронный ресурс]: дис. ... докт. юрид. наук: 05.13.10. – Баку: РГБ, 2007. – 452 с. (Из фондов Российской Государственной Библиотеки).
2. Административное право зарубежных стран: Учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» [текст] / Под ред. В. Я. Кикотя, Г. А. Василевича, Н. В. Румянцева. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2012. – 431с.
3. Административный процессуальный кодекс Грузии от 23.07.99 г. (на англ. языке) // [Электронный ресурс]. URL: http://www.gncc.ge/files/7050_3556_252672_administrative%20procedures%20code%20of%20georgia.pdf.
4. Гражданский процессуальный кодекс Республики Армения от 17.06.98 г. (на рус. языке) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1918&lang=rus#3>.

5. Деликтно-процессуальный кодекс Республики Эстония от 22.05.2002 г. (на рус. языке) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://estonia.news-city.info/docs/sistems/dok_iegefb/index.htm
6. Еремин, В. Н. История правовой системы Японии [текст] / В. Н. Еремин. – М.: РОССПЭН, 2010. – 293с.
7. Исполнительно-процессуальный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 20.12.2006 г. (на рус. языке) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0>.
8. Зеленцов, А. Б. Субъективное публичное право : учеб. пособие [текст] / А. Б. Зеленцов. – М.: РУДН, 2012. – 146с.
9. Кодекс административного судопроизводства Украины от 06.07.2005 г. № 2747-IV (на укр. языке) // [Электронный ресурс]. URL: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/2747-15>.
10. Кодекс Азербайджанской республики об административных проступках (на рус. языке) // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.caa.gov.az/ru/legislation/13.pdf>.
11. Кодекс Латвийской Республики об административных правонарушениях от 07.12.84 г. (на англ. языке) // [Электронный ресурс]. URL: http://www.knab.gov.lv/uploads/free/extract_admin_violations_code.pdf.
12. Кодекс Республики Армения об административных правонарушениях от 06.12.85 г. (на армян. языке) // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1392>.
13. Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 30.01.2001 г. (на рус. языке) // [Электронный ресурс]. URL: http://www.base.spinform.ru/show_doc.fwx?Regnom=1156.
14. Кодекс Республики Молдова о правонарушениях от 24.10.2008 г. (на молд., рус. языках) // [Электронный ресурс]. URL: <http://lex.justice.md/index.php?action=view&view=doc&lang=2&id=330333>.
15. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. (на рус. языке) // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/popular/koap/>.
16. Кодекс Украины об административных правонарушениях от 07.12.1984 № 8073-X (на укр. языке) // [электронный ресурс]. URL: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/80731-10>.
17. Масленников, М. Я. Российский административный процесс: перспективы легитимации, централизации и систематизации [текст] / М. Я. Масленников. – М.: Изд-во СГУ, 2009. – 275с.
18. Порівняльне правознавство : підруч. для студ. юрид. спец. вищ. навч. заклад. [текст] / С. П. Погребняк, Д. В. Лук'янов, І. О. Биля-Сабадаш та ін. ; за заг. ред. О. В. Петришина. – Х. : Право, 2011. – 272с.
19. Правовые системы стран мира: Энциклопедический справочник [текст] / Отв. ред. А. Я. Суханов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: НОРМА, 2003. – 976с.

ОБЩИЙ ОБЗОР И СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СЛОЖИВШЕЙСЯ СИТУАЦИИ В УСЛОВИЯХ ВЕРХОВЕНСТВА ЗАКОНА В КИТАЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

INTRODUCTION AND COMPARISON OF PRESENT SITUATION UNDER THE RULE OF LAW IN CHINESE SOCIETY

©Пэн Бо
Китай, г. Харбин

В статье автор проводит подробный сравнительно-правовой анализ гражданского законодательства КНР и России в части правового регулирования торговых отношений. Автор выявляет сходства и различия в системах гражданского права упомянутых государств.

Introduction and a Brief Review

It is obvious to all that the development of China, the improvement of Chinese comprehensive national strength and international status which has power housed a respectable lick. As a neighboring country- Russia, where I am studying, also has a lot we could learn. The development of the law, regardless the countries, is based from religious and mixed law as a whole, develops from habit to canonical independent form, so does China. The origin of the earliest Chinese Law could date back to the spring and autumn period and the warring states period, when the Legalism and the Confucianism became the representative of law. In a manner of speaking, till today, the spirit of Confucianism also plays an role of vital importance in establishing and developing the Chinese Law virtually. Nowadays, we could say «Pursuing the rule of the Law» as to describe the developing process.

The legal system modernization of China really began since the Third Plenary Session of the Eleventh Central Committee and is basically dominated gradually by the Chinese government meanwhile under the

leadership of the communist party of China. Since China's reform and opening up, China has established a series of modern concept of the rule of law like the principle of equality before the law and the freedoms after referencing, absorption, transplanting laws from the advanced countries in the world.

Facing the blank construction of modern legal system at the beginning, starting from basic national conditions, China initially formed with the constitution as the core of the socialist legal system in a short span of 20 years while the western countries spent thousand years completing the legislation formulation. So far, the legal system of socialism with Chinese characteristics presents three levels, covering seven departments, in total 239 constitutions, together constitutes the core content of the current law system in China. Three levels: first level, the constitution; the second level, the law; Third level, the administrative regulations, local regulations and other normative documents. In this article, I will mainly talk about the constitution and civil law related issues.

The Constitution is the fundamental law in China which formulates the country's fundamental political system, economic system and the citizens' basic rights and obligations, which has supreme legal force, regarded as the core of the legal system. The development of Chinese constitution has experienced four important revision, in order to advance with The Times, promote the constitution guarantee the fundamental status. The constitution in 1982, regulations the total articles of association for Chinese socialist construction in the new period. Incorporated the socialism with Chinese characteristics for the construction of the political, economic and cultural fields, making it a truly Chinese characteristic socialist constitution. The constitution amendment in 1993, firstly put forward "the state shall practice a system of socialist market economy", instead of the guidelines of Planned Economy Supplemented by Market Regulation. Constitution in 1999, Deng Xiaoping theory has been clear about the will of the People's Republic of China governing the country according to law, the construction socialism country under the rule of law, changed the system of rural production and operation, and established the status of non-public economy in the socialist market economy. Regulation amendments to the constitution in 2004, Human Rights Protection, Protection of Private Property, and the social security system were written into the constitution, "the state respects and preserves human rights", "The lawful private property of citizens may not be encroached upon". Establishing the social security system with the level adapts to economic development. Although constitution had specific rules in this regard before, however, it is the first time to the height of the constitutional principles.

Besides constitutional law, the Constitution also includes the relevant laws. This is to ensure the implementation of the constitution. For example, it is known to all that through what the deputies of people's congress produce? It is Electoral Law. And the Anti-secession Law is to safeguard China's territorial integrity. The current situation of China's constitution is that it is easy to constitute the law but difficult to fulfill. Just as Mr. Xu Chongde said: "It is important to fulfill a good constitution, otherwise, it is not a good constitution, even then it is well written." Everyone has his own standard and criteria to the implement of current constitution, but the fact that does not dispute is that the actual effect of current constitution in China is discounting greatly in present. This is mainly embodied the restriction of state power and judicial protection of human rights. In a word, could the people be protected by judicial and enjoy the legislation rights when they exercise their rights to bring an action to protect their legitimate rights, and what is the limit of state in executive power?

The revolution of the law in Russia changes almost synchronous with China, till the year 2011 has enacted more than 20 codes, more than 400 federal law documents. Although it has not officially announced the formation of the legal system, these accomplishments have gained achievements. China and Russia both belong to the state which is on transition from planned economy to market economy society. In the history, Chinese law is deeply under the influence of Soviet union. Law is the product of social policy; China and Russia in the social reform train of thought have different direction of guiding ideology and target. Still, reflections in the legal system of the theory and practice also have huge differences. It is obvious that the ideological stresses the point that Chinese current legal system is the "Chinese characteristics" of socialist legal system. Chinese characteristics means the law system which originated from western theory of socialism after a period of practice, has become the «Chinese style». «Chinese characteristics» this concept which is proposed at the beginning of reform and opening up. After years of practice, added the traditional cultural elements to system, in order to have a explanation of using the theory more flexibility and freedom especially in China.

Since reform and opening up, China's civil legislation has made remarkable achievements, which has played a huge role in economic development.

(1) Civil and commercial legislation begin to take shape.

Over the past 20 years, China has developed a various of civil and commercial laws and regulations, which formed a civil and commercial law system of socialism with Chinese characteristics. In despite that

there is no Civil Code in China at present, we cannot say that China has no civil law in adjustment concerning commercial matters. On one hand, the Civil Law, together with the Economic Law, Marriage Law, Adoption law covers the major part of the Civil Code:the general, creditor's rights, relatives, and inheritance. On the other hand, the basic civil and commercial laws and regulations have been developed relating commercial matters which basically have laws to go by in the principal.

(2) Basically reflects the demand of a market economy.

The Civil Legislation of China noted the intrinsic contact between the Civil Law and the market economy, therefore, striving to make civil and commercial legal meet the market economy's needs, reflecting the objective economy's regular pattern of the Socialist market economy not only reflect on some new civil and commercial laws and regulations, but also on revising civil and commercial laws and regulations which had already exist, such as, new enacted commercial legal -the Guarantees Law and the Insurance Law, obviously provides the purpose of promoting socialist market economy. Not in the end, the Economic Law, the Patent Law, and the Trademark law in which do not meet the market economy's development need to be corrected, in order to better serve the market economy.

(3) Pay more attention to the protection of civil rights. Current Civil Legislation draws lessons from the past experience, paying particular attention to the rights of civil. It is clearly defined in the basic principles of the General principles of civil law that the lawful civil rights and interests of citizens shall be protected by law, and could not be violated by organizations or individuals.

(4) Significant progress has been made in civil law theory research. China's civil legislation promotes the vigorous development of the Chinese civil law theory, at the same time, the development of Chinese civil law theory laid a solid foundation for Chinese civil legislation progress. For more than ten years, China's civil law theory research have made great achievements with high quality. High level of civil and commercial law theory study results have come out one after another. One of the typical representatives is *the Review of Civil and Commercial Law* and *Chinese Civil Law Research Series* by professor Liang Huixing's. Not in the end, Civil Law textbook has also gradually get rid of the stage of simple annotation of laws, for instance, monographs of the nature of textbooks has been published by the justice department. The results of this study for Chinese civil legislation and civil judicial produced significant influence on itself and greatly promote the development of Chinese civil law. However the Civil Law in China has made huge progress, but still exist defects in currently which restrict the modernization, scientific and administrative procedure in China.

The defects of Chinese civil law

Regarding the deficiency of Chinese civil law, here we talk about two aspects. One is about the system and the other is content of the Chinese Civil Law. From the system of the civil law in China has the biggest defect which has not established the Civil Code yet. Due to the civil legislation of China implements the "retail", instead of making civil code first, we carry on the component part of civil code, urgent needed, then first set from easy to more complex ones. In this case, China coexist in many slip laws but no Civil Code. This is one striking feature also a fatal flaw. As is known to all, forming the Civil Code is the sign of a country's development in civil law, is essential for establishing perfect civil law system. Therefore, it is necessary for China to establish perfect socialist civil law system with Chinese characteristics, to develop a complete, advanced and scientific Civil Code. It is the most important task to formulate the Civil Code in China.

From the civil law content, the deficiencies of Chinese current civil law mainly include the followings. Firstly, many of the content is not provided so that the rules are simple and the content is unsound whether it is in the general rule of civil law or other commercial slip law. Secondly, the lack of coordination between some specification result from disharmony between legislation made by differ administrative departments. So does the slip laws. For instance, between the General rule of the civil law and Partnership Enterprise Law has different provisions on partnership. Thirdly, it still exist unscientific rules. Chinese current civil law due to the limitation of civil law theory research level and too much consideration with Chinese characteristics has caused some of the provisions are not scientific. As the property rights regulations, the provisions of contract form do not conform to the modern theory of the Civil Law. Fourthly, the trade of administrativization. On one hand, many civil legislations are in the form of administrative regulations, such as the land law in the form of Land Administration Law, property law in the form of the Real Estate Administration Law. On the other hand, in the current civil legislation contains a number of administrative legal norms. Such as in the civil law mentioned about the provisions of the fines, in the Law of economic contract includes the stipulations on the management of economic contract. Tendency of being administrativization in the civil law somehow dilutes the characteristics of civil law and has a negative effect for the proper application of the Civil Code. Not in the end, fettered the exertion of the Civil Rights. Last but

not the least; the judicial interpretation is overmuch so the civil legislation performs practically with no function. Because Chinese Civil Law provisions are too simple and the Supreme People's Court has to make a lot of judicial explanation, to adapt to the need of judicial practice. Nevertheless, too much judicial explanation makes the current laws losing the value of existence, the justice department really applicable the judicial interpretation. This situation is harmful for the authority of the Civil Law, also unfavorable for the strict enforcement of law.

The future of the Chinese civil law

Through historical summary of Chinese Civil Law and analysis on the present situation, with the development of Chinese socialist market economy, Chinese Civil Law will increasingly improve and eventual codificated, which is the objective law. Without doubt, the realization of Chinese Civil Law is not a simple thing, a great deal of work need to be done. Presently, the work of Chinese Civil Law has two main aspects: One is to intensify the Contract Law, Property Law and other civil special laws which prepare to be codificated; The second is, revising the existing civil and commercial law timely, which make it better meet the needs of the development of market economy.

At present, formulating the Civil Law has been the main goal of the Chinese legislature and the theoretical circles. However, under the current situation in China to citizens, whether the developing conditions of the civil law is ripe, need the professionals and community's unified and coordinated reasonable answers. As far as I'm concerned, although the Chinese study of the theory of the civil law has made great achievements on the whole, still it is now on the primary stage. One side, many researches of the civil law's theory are not enough or never involved. Many theoretical research results are only simple comment laws. On the other hand, China lacks of research to other countries' Civil Law system, even some important Civil Code have not been translated into Chinese yet, which seriously restricts the achieve of the Chinese civil law theory field. Therefore, the level of the Chinese current civil law has not developed to the level of Civil Code. Thirdly, it is not mature for thought conditions. In social life, civil law thought has not been universally accepted. Some people are lacking of civil law concepts, still, some people have prejudice, even worse, there are groups of person -legal literacy. In recent years, we had a lot of communication with farmers who cannot maintain their rights and interests because of lacking legal knowledge in rural area. The main issues focused on illegal land circulation procedure, the unclear term in documents, a lacking of understanding the land properties and use etc. There is no doubt that it wastes manpower and money at both sides ultimately. Consequently, it has a long way to go under this situation.

Legal system no matter in China or Russia has itself featured, however, two countries both belong to the transition countries. The whole social structure has not yet defined the shape, especially China is still in the process of reforming political system. For the thoroughness reform in Russia, the administrative procedure has reached a high degree so far, although legislation technology and policy still need to be improved as time goes by. Legislative system will become more ripped and experienced via practicing. As Dmitry Medvedev mentioned that the Legal system of Russia is still in the state of development, this process also takes a long time until we will convince that it's a legal and judicial system to Russia. Building the suitable legal system need to keep developing on the basis of the existing system, to reach the final goal for the foreseeable future.

Reference:

- 1.The civil law history of China, the present situation and the future. URL: <http://www.lawtime.cn>
- 2.Legal system development and legal system building in China in the modern world. URL: <http://www.docin.com/p-345637906.html>.

ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РАЗЛИЧНЫХ СТРАНАХ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

©С.П. Соляр
Украина, г. Харьков

«Нужно шесть месяцев, для того, чтобы организовать выборы, десять лет, чтобы установить рыночную экономику, но целое поколение для того, чтобы создать гражданское общество» (Р.-Г. Дарендорф). Это высказывание известного ученого как никогда актуально сегодня для стран АТР.

Разнообразие взглядов является результатом не только затруднений гносеологического характера, но и своеобразным отражением разного исторического опыта, разных культурных традиций, в которых происходит становление гражданского общества, а также незавершенности

процессов его формирования в глобальном масштабе. И это следует учитывать не только при освещении исторических концепций, но и при построении практических моделей. Ведь задача создания гражданского общества требует знания не только исторического опыта других стран, но и учета собственных исторических особенностей развития.

Классическая современная концепция гражданского общества - как общественного пространства между государством и семьей, воплощенного в добровольных организациях - приобрела новые измерения и значения. Новейшие изменения акцентов в понятии гражданского общества (как и во многих концептах эпохи модерна) обусловили задачи теоретической концептуализации восточноевропейского опыта и подготовили новый всплеск теоретического интереса к концепции гражданского общества не только на Западе, в Восточной Европе и Латинской Америке [17, С. 57], но и в государствах Азиатско-Тихоокеанского региона. Гражданское общество из теоретической конструкции становится достоянием обыденного сознания, глобальная тенденция к демократизации, информационная революция расширяют возможности его развития во всем мире [7, С. 23].

Однако из повестки дня рано исключать и такой подход, сторонники которого настаивают на том, что гражданское общество стало проявлением социокультурной реальности, известной как западноевропейская цивилизация [13, С. 3]. Именно благодаря формированию и развитию гражданского общества европейская цивилизация [3, С. 10] проложила путь к свободе, общественному благополучию и представительской демократии [10, С. 3]. Они указывают на то, что толчком к формированию гражданского общества стали буржуазные революции. Общества, которые не прошли через них, не могут воспроизвести те ценности, которые лежат в основе гражданского общества.

«Сложнее обстоит дело, - пишет В.Г. Хорос, - когда речь заходит о применении понятия гражданского общества к неевропейским социумам. Здесь распространено два крайних, а потому, на мой взгляд, ошибочных подхода. Согласно первому из них процесс формирования гражданского общества в незападных странах вполне приписывается западному влиянию, рассматривается как часть процесса вестернизации. Согласно второму - вообще не имеет смысла говорить о гражданском обществе вне западного мира, поскольку оно является уникальным продуктом западной цивилизации. Но обе эти позиции по существу выходят из одной и той же явной или неявной методологической установки - европоцентризма, который не признает общих тенденций развития мировой истории» [18, С. 55].

Современные западные социологи Дж. Александер, Е. Арато, Ю. Габермас, Е. Геллнер, Дж. Кинн, Дж. Коген, Р. Патнам, И. Шапиро рассматривают гражданское общество в связке с демократическим государством, а его модели отражают лишь одну традицию общественной мысли, которая характеризует зрелое гражданское общество. В отличие от стран Евро-Атлантической цивилизации, такой подход не оправдан для стран АТР, так как игнорирует другую традицию общественно-политической мысли [16, С. 3]. В этих странах отсутствуют традиции гражданского общества, в частности «способность людей к солидарности, к существованию громадой, коллективному сотрудничеству и организованности, которые основывались бы не на императивах традиционного общества и не на директивном воздействии государства». А потому возникает вопрос: а возможно ли формирование гражданского общества в контексте других, не западных, цивилизационных парадигм, в частности в странах АТР? [17, С. 63]

Определяющее значение для всего процесса формирования гражданского общества имеют положения о правах и свободах человека и гражданина, о их природном и неотчуждаемом характере. Важную роль должно играть формирование в самом обществе, среди его членов, в их обыденном сознании убеждения в том, что настоящий демократический строй и обеспечение благосостояния общества являются невыполнимыми без наличия развитого гражданского общества, которое может выполнять двойную функцию: обеспечивать подотчетность государственной власти гражданам и оказывать им различные услуги, характерные для социальной сферы жизни.

Переход в наиболее развитых странах к постиндустриальному, информационному обществу совпал по времени с «третьей волной демократизации» (С. Гантингтон). С особой остротой встал вопрос об универсальных ценностях демократии. Принадлежность к ним гражданского общества сегодня ни у кого не вызывает сомнений [4, С. 3]. Гражданское общество характеризуется как среда, в которой гражданин получает максимум свободы [5, С. 14], и которая одновременно выступает предпосылкой формирования социального государства [1, С. 12].

Сегодня условиями надлежащего функционирования гражданского общества является распределение власти в государстве, равенство всех форм собственности, свобода

предпринимательства, обеспечение прав граждан, идеологический плюрализм, свободный доступ к информации, развитое самоуправление и тому подобное. Эти условия формируются не только в общественных, но и в государственных структурах [11, С. 6].

Эффективное функционирование институтов гражданского общества в значительной степени зависит от полноты реализации гражданами своих прав и свобод, выработки и практического применения действенных механизмов влияния на государственную власть, корректировки ее политики с учетом интересов и потребностей граждан, то есть от реализации политических функций гражданского общества [8, С. 3].

Взаимодействие государственных институтов с институтами гражданского общества является условием существования правового демократического государства, институты гражданского общества являются партнерами государства в реализации нормотворческой, правоприменительной и правоохранительной функций, взаимное доверие является условием эффективного сотрудничества, а общественная инициатива является залогом успешного диалога.

Стремление сохранить свободу, несомненно, интегрирует людей в гражданское общество [14, С. 27]. Гражданское общество сегодня получает признание элемента прочного фундамента политической системы, даже более важного чем свободные выборы [9, С. 180]. Оно, пройдя долгий и сложный путь своего становления и развития, представляет собой многомерное политическое и общественное явление. Современные представления о гражданском обществе - результат длительной эволюции в истории социально-философской и политической мысли, чем объясняется их многообразие и противоречивость [7, С. 17].

Более того, гражданское общество - это не только и сфера отношений, которая существует в рамках национального государства, но и более глобальная сфера, сфера так называемого глобального гражданского общества [19, С. 250].

В конце XX века социологический лексикон пополнился новым термином «глобализация», образованным от французского слова *global* - глобальный (охватывающий весь земной шар, всеобъемлющий). После внедрения в научный оборот понятие «глобализация» широко используется в социальных науках для обозначения проблем, реальностей, процессов и явлений планетарного масштаба. Глобализация - это расширение и углубление, усиление и ускорение взаимозависимости народов и государств под влиянием различных экономических, социальных, политических, культурных, информационных, правовых, трудовых, миграционных и других процессов, отношений и изменений притворяются к постепенному становлению единого взаимосвязанного и целостного мира результате разностороннего развития процессов интернационализации предыдущих исторических эпох [17, С. 7].

Глобальное гражданское общество – понятие, употребляемое в отдельных западных концепциях глобализации для определения широкого круга людей, объединенных на основе общих ценностей с целью решения общезначимых проблем человечества. Впервые в научный оборот такое понятие ввел американский политолог Х. Булл. По его мнению, такое общество является глобальным не только потому, что оно соткано из связей, пересекающих национальные границы и проходящих через «глобальное, общемировое пространство», но и потому, что среди членов глобального гражданского общества вступает в силу глобальное мышление [12, С. 232].

Гражданское общество глобальной цивилизации - общество, которое представляет собой совокупность социальных отношений и институтов, функционирующих независимо от политической власти, но способных влиять на нее; общество автономных индивидов и автономных социальных субъектов, действующих в рамках цивилизационного пространства. Это организованное в глобальном масштабе объединение людей, которое независимо от национальной принадлежности или гражданства разделяет общечеловеческие ценности [15, С. 91].

Значительное влияние на формирование теории глобального гражданского общества оказал тот факт, что национальные государства существенно утратили влияние на собственных граждан с появлением международных общественных организаций (например, ООН, Европейский суд по правам человека или Международный трибунал в Гааге и т.п.), с выходом на мировую арену негосударственных действующих лиц как автономных участников мировых политических процессов (транснациональные корпорации, неправительственные организации, международные фонды), с возникновением социальных движений, подобных антиглобалистским. Все это стало интерпретироваться исследователями как социальные истоки и основы международного, или глобального, гражданского общества (Р. Фолк, Р. Кокс, Б. Бузан, Дж. Метьюз, К. Браун, В. П. Бодран, Г. Гастейгер, Д. Мессенер).

Сегодня сторонники данного подхода к раскрытию природы гражданского общества указывают на новый этап его развития, выделяя такие признаки гражданского общества:

- гражданское общество предстает как отделенная от государства совокупность структур (надгосударственных, межгосударственных и государственно-национальных образований), состоящая из граждан, их добровольных ассоциаций и объединений, социальных групп, наций и т.д.;
- свободные отношения между субъектами гражданского общества;
- уважение к гражданским правам и правам наций и народов выше глобальных (надгосударственных и межгосударственных) соглашений и внутригосударственных законов;
- обеспечение прав и свобод личности, возможностей реализации ее интересов и стремлений, политического, идеологического, религиозного, этнического и других видов плюрализма;
- наличие частной собственности, свободной конкуренции, свободных отношений обмена деятельностью и ее продуктами между независимыми владельцами, т.е. наличие рынка;
- саморегуляция отношений между людьми, их ассоциациями и добровольными объединениями;
- многообразие социальных, интеллектуальных, научных, культурных и иных инициатив;
- сохранение национальных, социальных и других традиций, культуры и т.д. [2, С. 143; 3, С. 6].

Следует признать, что принципиальным отличием гражданского общества XXI в. от гражданского общества XVIII века должно стать то, что оно ориентировано на процесс интеграции общества в условиях глобализации мира и его проблем [6, С. 34].

Литература:

1. [Батура Н.Ю.](#) Політичні передумови та чинники становлення соціальної держави: автореф. дис... канд. політ. наук: 23.00.01 / Н.Ю. Батура ; Київ. нац. ун-т ім. Т.Шевченка. — К., 2009. — 20 с.
2. Бебик В. Глобальне громадянське суспільство: теорія, методологія, менеджмент / В. Бебик // Політичний менеджмент. — 2006. — № 2 (17). — С.140– 147.
3. Блашук Т. В. Особливості та тенденції розвитку громадянського суспільства в Японії. / Т. В. Блашук // Часопис Національного університету "Острозька академія". Серія "Право". — 2010. — № 1. — С. 4-6.
4. [Боднар К.А.](#) Зміна парадигм у становленні та розвитку теорії громадянського суспільства (історико-філософський аналіз): автореф. дис. ... канд. філос. наук : 09.00.05 / К.А. Боднар ; Нац. пед. ун-т ім. М.П.Драгоманова. — К., 2010. — 19 с.
5. [Бойчук М.А.](#) Влада і громадянське суспільство: механізми взаємодії: Автореф. дис... канд. політ. наук: 23.00.01 / М.А. Бойчук ; Нац. пед. ун-т ім. М.П.Драгоманова. — К., 2007. — 20 с.
6. Гражданское общество: истоки и современность / Науч. ред. проф. И. И. Кальной, доц. И. Н. Лопушанский. 3-е изд., перераб. и доп. — СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. — 492 с.
7. Колпина Л. В. Формирование гражданского общества в условиях российского региона. // 22.00.08 - Социология управления. Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук. — Белгород, БГУн-т, 2003. — 230 с.
8. [Косілова О.І.](#) Політичні функції громадянського суспільства: автореф. дис... канд. політ. наук: 23.00.01 / О.І. Косілова ; Київ. нац. ун-т ім. Т.Шевченка. — К., 2007. — 19 с.
9. Лукас Эдвард. Нестройный марш свободы. // Мир в 2050 году /под ред. Дэниела Франклина и Джона Эндрюса. — М.: Манн, Иванов и Фербер, Эксмо, 2013. — 368 с.
10. [Пасько Я.І.](#) Громадянське суспільство: світоглядні версії та історичне втілення (соціально-філософський аналіз): Автореф. дис... канд. філос. наук: 09.00.03 / Я.І. Пасько ; НАН України. Ін-т філософії ім. Г.Сковороди. — К., 1998. — 16 с.
11. Прилуцький С. В. Судова влада і громадянське суспільство: взаємозв'язок, місце та роль у правовій державі / С. В. Прилуцький // [Електронний ресурс]: http://archive.nbuv.gov.ua/portal/soc_gum/prde/2010_21/6-3.pdf
12. Резник Ю.М. Глобальное гражданское общество // Глобалистика: Энциклопедия/ Гл. ред. И.И. Мазур, А.Н. Чумаков. — М.: Радуга, 2003. — 1328 с.
13. [Ременець О. В.](#) Базові цінності становлення громадянського суспільства в Україні: автореф. дис. ... канд. філософ. наук : 09.00.03 / О. В. Ременець ; Нац. пед. ун-т ім. М.П. Драгоманова. — К., 2011. — 16 с.
14. Речицкий В. Свобода и государство / В. Речицкий. — Х. : Фолио, 1998. — 144 с.
15. Сидоренко С. В. Теоретико-методолгічні засади пізнання глобального громадянського суспільства. / С. В. Сидоренко // Гуманітарний вісник ЗДІА. — 2012. — № 51. — С. 87-100.
16. [Скворець В.О.](#) Громадянське суспільство і детермінанти оптимізації його розвитку в Україні: автореф. дис... канд. філософ. наук: 09.00.03 / В.О. Скворець ; Запоріж. нац. ун-т. — Запоріжжя, 2007. — 17 с.
17. Структурні виміри сучасного суспільства : Навчальний посібник / За ред. С. Макеєва. — К., 2006. - 372 с.

18. Хорос В.Г. Гражданское общество: общие подходы / В. Г. Хорос // *Мировая экономика и международные отношения*. – 1995. – №7. – С.50 – 56.

19. Цыро И.В. Механизм взаимодействия глобального и национального гражданских обществ. / И. В. Цыро. // *Научные проблемы гуманитарных исследований*. – 2010. – № 10. – С. 248-255.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ ЯПОНИИ

© Д. В. Лукьянов
Украина, г. Харьков

Правовая система Японии формировалась на протяжении многих веков. Ее зарождение датируется 250 годами до н. э., когда на японских островах действовало неписаное право, не успевшее отделиться от традиционных религиозных взглядов синтоизма. В период Древней Японии (VII-X вв.) правовая система развивалась под сильным влиянием философских, культурных и юридических концепций Китая. Япония позаимствовала иероглифическую письменность, буддизм и конфуцианские тексты. Тогда же, опираясь на китайские кодексы, были приняты первые законодательные акты – «Конституция Сьотоку» (604), «Манифест Тайка» (646), «Тайхо ре» и «Тайхо рицу» (701-702) [1, С. 550-564.], их целью было создание единой централизованной системы управления страной во главе с императором. Общество разделилось на определенные классы – ранги, которые должны были безукоризненно выполнять собственную, четко определенную функцию. Обязанности каждого уточнялись в юридических сборниках, именуемых «рицу-ре». Составленные согласно китайским образцам, эти сборники включали главным образом уголовные (рицу) и административные нормы (ре). Норм, регулирующих имущественный оборот, практически не было, гражданские правоотношения регламентировались нормами обычного права.

Следующий период развития Японии (X-XV вв.) отличался ослаблением власти императора, феодальной раздробленностью и сосуществованием нескольких правовых систем. Однако общность языка, культуры и территории сдерживали различия в правовых системах. Важным этапом в развитии властных структур стало учреждение должности военного правителя страны – сегуна. Постепенно император становится лишь формальным правителем страны, реальная же власть на несколько веков переходит к сегунам. Одновременно складывается особая военная каста (буке, самураи), которой свойственен особый правовой статус. Для японского права этого периода был характерен партикуляризм. Так, в годы Камакурского сьогуната (1185-1333) сосуществовали три правовые системы – право куге хо, применяемое императорским двором на землях придворной знати и распространяемое на ее людей; право хондзе хо, действовавшего в каждом поместье; право буке хо, распространяемое на земли и людей, подвластных сегуну. При этом система буке хо играла главную роль.

Социальная структура японского общества базировалась на идее существования различных классов (рыцарей, крестьян, торговцев), каждый из которых имел свой особый правовой статус. Установленный порядок считался естественным и неизменным, основной задачей которого было четкое разграничение классов и поддержка принципа их иерархии. Отрицание идеи равенства стало причиной отвержения понятия субъективных прав. Не могло быть и речи о правах лиц низшего класса относительно высшего. В основном право закрепляло обязанности лиц низшего класса относительно высшего. Как следствие – за индивидами не признавалось право обращения в суд за защитой своих интересов, что влекло за собой неразвитость системы юридических институтов. Судебные функции не отличались от других публично-правовых функций – управления, защиты страны и т.д. В Японии не сложились правовые школы, не было профессиональных судей, прокуратуры, адвокатов и нотариусов. Одним из немногих юридических трактатов того времени был «Госейбай сикимоку», принятый в 1232 г. [1, С. 567-576].

Следующий этап развития Японии – переход к Новому времени (XV-XIX вв.) – характеризовался преодолением феодальной раздробленности и формированием централизованного государства. Страна впервые вышла из состояния постоянных конфликтов между крупными феодалами и начала развивать государственно-правовые институты. Государственная система основывалась на жесткой власти верховного правителя – сегуна с одновременным признанием определенных прав на самоуправление богатых феодалов. Особенностью отношений с другими государствами был крайний изоляционизм: японцы не могли покидать страну, а иностранцы

въезжать на ее территорию. Однако этот запрет не распространялся на китайцев и частично голландцев.

Социальная структура, как и ранее, имела феодально-сословный характер. На самой низкой ступени социальной иерархии стояли купцы и ремесленники, выше них – крестьяне, арендовавшие землю у феодалов под большие проценты, еще выше – священники, происходившие главным образом из сословия самураев, врачи, ученые, чиновники и солдаты феодальных правителей, а также сегун – верховный главнокомандующий. Наиболее подходящей социальной философией для японского общества с подобной иерархической структурой было конфуцианство, один из вариантов которого соответствовал условиям развития Японии и получил особое распространение в период правления Токугавы [5, С. 437].

Постепенно в стране сформировалась общая судебная система. Суды рассматривали главным образом публично-правовые споры. Гражданские конфликты, как и в Китае, решались преимущественно с помощью внесудебных примирительных процедур на основе обычного права. В это время же интенсивно развивается правовая мысль Японии, подтверждением этого служат два документа, значительно повлиявшие на становление национальной правовой идеологии – Токугава сейкен хяккадзю «Сто статейные установления Токугава» (1616) и Осадамегаки хяккадзю «Кодекс из ста статей» (1742) [1, С. 576-591].

С 1867 г. начинается новый период развития Японии. Общее неудовлетворение правлением сегунов, в частности подписанием неравноправных договоров с западными странами, способствовало восстановлению реальной власти императора. Этот процесс получил название «Рестаурация Мэйдзи». В 1889 г. была принята первая Конституция Японии, объединившая идеи японского императорского строя с принципами западноевропейского конституционализма [1, С. 601-604]. Государство вступило в процесс глубокого преобразования правовой системы на основе рецепции романо-германского права. Французский профессор Буассонад разработал для Японии Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы, вступившие в силу в 1882 г. В 1890 г. вступили в силу Закон о судостроительстве, Гражданско-процессуальный кодекс, составленные под влиянием немецкого права, а в 1898 г. – Гражданский кодекс, основанный на немецком и французском законодательстве. Исключением было семейное и наследственное право, включившее большое количество институтов японского права. В 1899 г. стал функционировать Торговый кодекс, также основанный согласно немецким образцам. Следовательно, вся система права Японии до Второй мировой войны основывалась на романо-германском праве.

После поражения в этой войне государство оказалась под властью американской военной администрации, что привело к значительному влиянию американского права на формирование нового законодательства страны. Этот процесс получил название «вестернизации» японского права. В 1946 г. вступила в силу Конституция Японии, закрепившая новые принципы государственного и общественного строя: принцип суверенитета народа (при формальном сохранении монархии), верховенство парламента в системе органов государственной власти, гарантии основных прав человека, отказ от войны и др.

На основании новой Конституции произошли изменения в существующем законодательстве. Был принят ряд законов о запрете частной монополии и поддержке частной торговли (1947), оборот ценных бумаг (1948), восстановление компаний (1952) и др. Под влиянием американских правовых концепций претерпели изменения Уголовный, Гражданский процессуальный кодексы и даже традиционные японские институты семейного права. Таким образом, законодательство Японии стало смешанным, в нем присутствуют элементы как романо-германского, так и англо-американского права.

Источниками современного японского права признаются нормативно-правовые акты, международные договоры и обычаи. Конституция провозглашена основным законом страны, и никакие другие нормативные акты, полностью или частично противоречащие ее положением, не имеют законной силы. Международные договоры и признанные нормы международного права также признаются источниками права. При подписании правительством международных договоров в зависимости от обстоятельств обязательным является предварительное или последующее одобрение их парламентом. Считается, что установленные нормы международного права имеют высшую юридическую силу сравнительно с законом.

Следующая ступень в иерархии источников – законы, принимающиеся исключительно парламентом – высшим органом государственной власти и единственным законодательным органом государства. Правительственные указы принимаются кабинетом министров на выполнение положений Конституции и законов и не могут им противоречить. Муниципальные сборы префектур,

городов, поселков и сел в пределах компетенции, определенной законом, могут принимать нормативные акты местного значения – положения. Обычаи так же признаются источниками права. Общее положение о законах 1898 г. указывает: «Не нарушает публичного порядка и добрых нравов обычай в случаях, предусмотренных законом, или по вопросам, не урегулированным законом, и имеет силу, одинаковую с законом» [3, С. 132]. Несмотря на значительное влияние общего права на развитие правовой системы Японии после Второй мировой войны, решения судов по конкретным делам не имеют силы прецедента.

Много компаративистов пытаются исследовать, в какой мере правовая система Запада прижилась на японском почве. Так, Г. Давид указывает, что этот вопрос возникает в плане как публичного, так и частного права. В обоих случаях право, скопированное по западному образцу, по сути, регулирует лишь незначительную часть общественной жизни Японии. Оно рассчитано на буржуазное общество, состоящее из свободных индивидов, свободно вступающих в различные правоотношения. Япония далека от такого состояния общественных отношений. Взгляды японцев, безусловно, эволюционируют и частично приближаются к этой модели, что особенно ярко проявляется в городской среде, и среди молодого поколения. Однако японское общество все таки далеко от европейского и по своей структуре, и по своим обычаям. Старые обычаи и образ мышления очень живучи в сознании подавляющего большинства японцев [2, С. 372]. Поэтому утверждать, что в результате реформ правовая система Японии в полной мере функционирует на основе принципов права Запада, нельзя.

В сфере публичного права происходит искажение содержания многих западных институтов, что обусловлено нежеланием японцев вмешиваться в государственные дела. Вполне возможна для Японии ситуация, когда вместо выбывшего депутата парламента избирают его жену или сына, независимо от их личных качеств. Вот почему около 25 % парламентских мест передается «по наследству» [4, С. 513]. Не имея представления о японском правосознании и культуре, западный исследователь не поймет ситуацию фактического монопартийного режима либерально-демократической партии, который существовал с незначительными перерывами около 50 лет (1955-1993 та 1993-2009 гг.) в условиях законодательно закрепленной многопартийности и свободных выборах.

В сфере частного права теория также во многом не совпадает с юридической действительностью. Наличие развитого законодательства согласно западным образцам и создание современной системы судопроизводства не изменили традиционного правосознания большинства граждан. Японцы продолжают видеть в праве, прежде всего аппарат принуждения, используемый государством для навязывания воли правителей, а не средство достижения справедливости между гражданами. Реальные гражданско-правовые отношения во многом регулируются не законодательством, а обычным правом или другими социальными нормами.

Особое место в системе социальных регуляторов занимают нормы поведения – «гири». Японский правовед Ц. Инако указывает, что многие западные исследователи, в частности Р. Давид [2, С. 372], не совсем правильно понимают этот социальный институт и преувеличивают его влияние на общественные отношения. Она объясняет, что «гири» действуют только между лицами, вступающими в постоянные межличностные отношения и их цель – сохранение и укрепление последних. Так, постоянные деловые партнеры обмениваются на праздники знаками внимания – поздравлениями и подарками. В случае установления подобных отношений стороны могут рассчитывать на взаимные уступки в деловых отношениях, которые зачастую даже не упоминаются в договоре. Однако для лиц, не связанных повседневным общением, японцы не сделают ничего, что не оговорено в договоре. «Гири» действуют только в кругу близких лиц и конкретных групп. Их действие невозможное между незнакомцами и в рамках всего общества [3, С. 145].

Свидетельством негативного отношения к праву является также нежелание японцев решать свои правовые споры в судах: все споры между членами семьи, как и прежде, решаются в основном с помощью обычаев и без судебного вмешательства. Например, считается устоявшейся практикой, когда перед заключением брака семьи жениха и невесты обращаются к услугам посредника, решающего все вопросы, связанные с подготовкой свадьбы, и выступающего в качестве свидетеля. Но его основная задача – полюбовно решать споры, которые могут возникнуть в будущем между супругами или между ними и их семьями. Согласно японскому праву к судебной процедуре развода прибегают лишь в тех случаях, когда обе стороны не достигли единодушного решения в определенном вопросе. Если же их желания совпадают, они считаются разведенными после оформления своего решение. Последствия развода улаживаются уже упомянутым посредником, родственниками и друзьями бывших супругов. Они решают споры о разделе имущества, алименты,

родительские права. Адвокаты не играют при этом почти никакой роли. Даже споры между соседями или сторонами в договоре в отношении найма жилой площади по возможности решаются путем достижения взаимной договоренности участников. В случае дорожно-транспортных происшествий потерпевший или его родственники стараются не обращаться в суд, а обращаются к услугам опытного посредника для реализации своих требований. Таким может быть, например, полицейский чиновник, вышедший на пенсию, который компетентен в решении подобных дел, сотрудник фирмы потерпевшего, профсоюзный деятель или уважаемый бизнесмен с соответствующим профессиональным опытом [5, С. 437].

Влияние правосознания японцев в этих вопросах ощущается и в нормах законодательства. Согласно Гражданскому процессуальному кодексу (ст. 136) судья должен в ходе процесса постоянно пытаться примирить стороны. Лучший вариант – это не судебное решение, а отказ от иска и полюбовное соглашение. Судье предоставлено много возможностей, чтобы на всех стадиях судебного производства играть роль посредника. Обратившись в суд, стороны могут просить не вынесения решения, основанного на законе, а создание примирительной комиссии, которой поручается найти максимально возможное мировое соглашение. В состав такой комиссии входят два посредника и судья, но последний не участвует в заседаниях, во избежание подозрений в том, что на самом деле спор решен властью судьи. С целью сохранения добропорядочной репутации стороны отдают предпочтение именно такому компромиссному пути. Кроме того, по определенным категориям дел (семейным, трудовым) закон прямо предписывает эту процедуру. Если же усилия оказались безрезультатными (посредники предложили сделку, но одна из сторон или обе остались не удовлетворенными), то любая сторона получает в этом случае право в двухнедельный срок для обращения в суд. Однако суд и в этом случае предоставлен выбор: решить спор строго на основании закона или подтвердить вариант мирового соглашения, предложенного посредниками [2, С. 372]. Ц. Инако, оценивая статистику рассмотрения гражданских дел в судах, указывает, что в Японии подается в десять раз меньше исков, чем в США и Великобритании, и более половины поданных исков заканчиваются мировым соглашением или отказом от иска [3, С. 145]. Возможно, этим и объясняется довольно малое количество судей в стране – около 2200 при численности населения свыше 126 млн. человек [6, С. 289-301].

Литература:

1. Антология мировой правовой мысли : справоч. изд [в 5-ти т.] / Нац. обществ.-научн. фонд; Рук. науч. проекта Г. Ю. Семигин. – М. : Мысль, 1999. – Т. 1. – 750 с.
2. Давид, Р. Основные правовые системы современности. Перевод с французского / Давид Р., Жоффре-Спинози К.; Пер.: Туманов В.А. – М.: Междунар. отношения, 1996. – 400 с.
3. Инако Ц. Современное право Японии / пер. с яп. В.В. Батуренко. – М. : Прогресс, 1981. – 269 с.
4. Конституционное (государственное) право зарубежных стран : учебник [в 4-х т.] / Отв. ред. Страшун Б.А. – М.: Норма, 2001. – Т. 4. Часть Особенная: страны Америки и Азии. – 656с.
5. Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права / К. Цвайгерт, Х. Кетц : [в 2-х т.] пер. с нем. Т. 1. Основы. – М. : Междунар. Отношения, 2000. – 480 с.
6. Шишкін В.І. Судові системи світу: навч. посіб. [у 3-х кн.] / В.І. Шишкін. – К. : Юрінком Інтер, 2001. – Кн. 1. – 320 с.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПОДЗАКОННЫХ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ МОНГОЛИИ И РОССИИ

© Ром Мухийм
Монголия, г. Улан-Батор

В эпоху модернизации общества, усложнения его правовой системы все более заметную роль играют правовые акты. Именно с их помощью осуществляется политика государства, реализуются функции его органов, проявляется само существо права.

Правовые акты во всем своем многообразии - нормативные, правоприменительные, интерпретационные, договорные [1, С. 68] - выступают наиболее распространенной разновидностью юридических инструментов, устанавливающих правовой режим деятельности различных субъектов права. Подобные акты призваны оформлять состоявшуюся юридическую деятельность, обозначать ее этапы, информировать о соответствующих юридических решениях.

В зависимости от юридических свойств (юридической функции) правовые акты подразделяются на нормативные и индивидуальные [2, С. 16]. В данной статье мы акцентируем внимание на нормативных актах.

Нормативный акт это односторонний, властный юридический документ, адресованный неопределенному кругу лиц, рассчитанный на неоднократное использование и регулирующий типовые (повторяющиеся) отношения [1, С. 67]. Также под нормативно-правовыми актами понимаются выраженные в письменной форме решения компетентных государственных органов, в которых содержатся нормы права [3, С. 591].

Необходимо отметить, что несомненной особенностью административно-правовых норм является то, что они достаточно часто устанавливаются непосредственно самими субъектами исполнительной власти [4, С. 53]. Поэтому нормативно-правовой акт это решение субъектов исполнительной власти.

В статье 3.1.4 Административно-процессуального кодекса Монголии, утвержденного в 2002 г. понятие административного акта определено в соответствии с международными стандартами: распорядительная одноразовая мера получения правового последствия и распорядительное письменное или устное решение, которое издает должностное лицо или административный орган, который направлен на регулирование вопросов, возникших в публично-правовой сфере. Также в Кодексе указаны решения, устанавливающие нормы административного права: указы, постановления, положения, инструкции, которые относятся к административным актам. Это регулирование, направленное на защиту прав и законных интересов граждан и юридических лиц от произвола административных органов и должностных лиц. Нормативные акты административных органов взяты под контроль административного суда, что в теории считается специальным случаем [5].

В постановлении № 119 от 2010 года, изданного Правительством Монголии, урегулированы вопросы регистрации и контроля нормативно-правовых актов, а Министерство юстиции уполномочено осуществлять их государственную регистрацию.

Нормативно-правовой акт в общем виде представляет собой норму права, возникающую в сфере административного права, поэтому они устанавливают правовые нормы. Между тем особенностью административно-правовых норм является также и то, что во многих случаях они регулируют общественные отношения, составляющие предмет иных отраслей права. Так, ими обеспечивается регулирование части финансовых, земельных, налоговых, трудовых, природоохранных и иных отношений [2, С. 53].

Существует определенная иерархия норм административного права: конституционные нормы, нормы законов, нормы президентских указов, нормы, устанавливаемые самими исполнительными органами. Естественно, что названные нормы не равнозначны по своей юридической силе. Так, нормы, устанавливаемые исполнительными органами, вторичны по сравнению с конституционными и законодательными нормами [2, С. 53]. Поэтому нормативно-правовой акт должен соответствовать Конституции и другим законам.

Административное нормотворчество, тем не менее, не может быть беспредельным, хотя совершенно ясно, что с помощью законов невозможно регламентировать должным образом, нуждающиеся в правовом регулировании, общественные отношения. Например, в России субъекты исполнительной власти наделяются полномочиями по созданию правовых норм в случаях, когда соответствующий законодательный акт прямо предусматривает такую возможность [4, С. 55-56]. То есть, нормативные акты субъектов исполнительной власти издаются «во исполнение» законов [6, С. 49].

В административном праве Монголии существуют ряд проблем, связанных с нормативно-правовыми актами. В их числе:

- Делегированное нормотворчество;
- Нормативно-правовые акты органов местного самоуправления.

1. Делегированное нормотворчество: в юридической практике довольно часто встречается использование механизма делегирования полномочий, вполне допустимого для взаимоотношений между органами законодательной и исполнительной власти. Он же в несколько ином варианте обнаруживается в практике функционирования самой системы исполнительной власти [4, С. 56].

Принцип, согласно которому парламент может делегировать полномочия широко признается как базовый принцип. Органы административной власти могут делегировать полномочия другим

органам. Такой способ институционализации может принимать разные формы. Например, министр может делегировать часть своих полномочий какому-либо официальному лицу или структуре. Будет ли такое делегирование правомерным зависит от условий этого закона. Если нет ясного указания в законе, то общий принцип во многих юрисдикциях заключается в том, что делегированные полномочия не могут делегироваться дальше. Этот принцип может быть отменен положением закона. Другая ситуация складывается, когда первичный орган получил свои полномочия напрямую по Конституции. В этом случае возможность делегировать такие административные полномочия будет зависеть от положений конституции [7, С. 58].

Мы должны обращать внимания на то, что это не случайно, например в России принципиальное значение для действия административно-правовых норм как в пространстве, так и во времени имеет следующее конституционное положение: любые нормативные акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения (ч. 3 ст. 15 Конституции РФ) [6, С. 63]. То есть это характеризует непосредственное внешнее правовое воздействие этого акта.

В соответствии с Указом Президента РФ от 23 мая 1996 г. №763 «О порядке опубликования и вступления в силу актов Президента РФ, Правительства РФ и нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти» все нормативно-правовые акты затрагивающие права и свободы граждан, подлежат обязательной государственной регистрации в органах юстиции. В соответствии с другим Указом Президента РФ от 9 марта 2004 г. №314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» на федеральном уровне соответствующие нормативно-правовые акты могут приниматься только министерствами и приравненными к ним органам. Нормотворчество федеральных служб и федеральных агентств запрещено. На уровне регионов изданием норм административного права занимаются все органы исполнительной власти субъектов РФ [8, С. 77].

2. Нормативно-правовой акт органов местного самоуправления: В Постановлении Правительства Монголии № 119 указано, что нормативно-правовые акты, изданные независимыми агентствами, органами местного самоуправления, а в некоторых случаях и негосударственными организациями можно зарегистрировать. Однако на практике органы местного самоуправления очень редко регистрируют свои нормативно-правовые акты. Это говорит о том, что нет императивного регулирования регистрации.

2.1. В Российской Федерации устав муниципального образования считается основным нормативно-правовым актом муниципального образования и подлежит государственной регистрации в органах юстиции в порядке, установленном федеральным законом [1, С. 56-60].

Кроме этого в статье 45 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» закрепляется, что если для реализации решения, принятого путем прямого волеизъявления населения муниципального образования, дополнительно требуется принятие (издание) муниципального правового акта, орган местного самоуправления, в компетенцию которых входит принятие (издание) указанного акта, обязаны в течение 15 дней со дня вступления в силу решения, принятого на референдуме (сходе граждан), определить срок подготовки и (или) принятия соответствующего муниципального правового акта. Указанный срок не может превышать три месяца. Нарушение срока издания муниципального правового акта является основанием для отзыва выборного должностного лица местного самоуправления, увольнения главы местной администрации или досрочного прекращения полномочий выборного органа местного самоуправления [1, С. 65].

Муниципальные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, вступают в силу после их официального опубликования (обнародования). Порядок опубликования (обнародования) муниципальных правовых актов устанавливается уставом муниципального образования, который должен обеспечивать возможность ознакомления с ними граждан, за исключением муниципальных правовых актов или их отдельных положений, содержащих сведения, распространение которых ограничено федеральным законом [1, С. 71].

Очевидно, что законность нормативных актов не достигается автоматически. Помимо усилий, предпринимаемых органами законодательной и исполнительной власти в субъектах РФ, она обеспечивается также осуществлением специальной контрольно-надзорной деятельности, которую призваны осуществлять органы юстиции и прокуратуры.

В целях реализации своих полномочий по обеспечению законности нормативных актов Министерство юстиции России и его территориальные органы действуют по следующей схеме: проведение юридической экспертизы на предмет выявления нарушений законов - направление ее в

орган, принявший акт (в случае выявления нарушений) - согласие либо несогласие органа, принявшего акт, с выводами экспертизы.

Таким образом, при сходстве целей органов юстиции и прокуратуры, которые заключаются в приведении незаконных нормативных правовых актов в строгое соответствие с законом, способы достижения этих целей различны.

С данной точки зрения органы прокуратуры по характеру своей компетенции обладают несомненно большими возможностями в сфере обеспечения законности нормативных правовых актов управления, издаваемых в субъектах РФ. Так, проверяя нормативные правовые акты и обнаруживая нарушения действующего законодательства, органы прокуратуры призваны реагировать на выявленные нарушения и требовать их устранения. Напротив, органы юстиции, выявляя нарушения закона при проверке нормативных правовых актов, способны лишь рекомендовать органу, принявшему незаконный акт, устранить данные нарушения [9, С.5].

Нарушений в этой сфере достаточно много, и многие из них вызваны игнорированием элементарных правил юридической техники. Этим и ряда других проблем думается, можно избежать владея приемами юридической техники.

2.2. Для разрешения некоторых проблем в США внедрили систему горизонтальной кодификации местных нормативных актов. Горизонтальная кодификация преследует те же конечные цели и дает тот же результат. Но обработке подлежат не акты, регулирующие конкретный вопрос, а все нормативные акты одного территориального уровня.

Основная цель горизонтальной кодификации – переработать и поместить в один документ все многообразие нормативных актов одного территориального уровня (города, штата или государства), которые имеют постоянное и всеобщее действие, но разные предметы правового регулирования. Кодекс строится по предметному принципу, так что, открыв раздел с соответствующим заголовком, можно найти все нормы, регулирующие данный вопрос, ранее содержавшиеся в отдельных местных актах.

Так как кодификация предполагает обобщение и изучение всех нормативных актов муниципалитета и издание на их базе одного акта, состоящего из разделов, охватывающих разные стороны деятельности органов местного самоуправления, можно сказать, что это достаточно трудоемкая работа. Поэтому в США существует определенная методика [1, С. 73-77].

2.3. Принцип невмешательства и недопустимости подмены деятельности органов местного самоуправления органами государственной власти и государственными должностными лицами. Реализация данного принципа вовсе не исключает подконтрольности некоторых аспектов деятельности органов местного самоуправления государственными органами [10, С. 258]. Исследователи отмечают, что границы осуществления компетенции органов местного самоуправления определяются законом. Так, местное самоуправление в отличие от государственной власти – власть подзаконная и действующая в пределах и на основании законов, принимаемых органами государственной власти [1, С.7-8].

В Монголии некоторые исследователи считают, что согласно статье 62.2 Конституции Монголии к нормативно-правовым актам относятся нормативно-правовые решения органов местного самоуправления, а также основанные на законе административные правила внутреннего распорядка. Чтобы утвердить такого вида нормативно-правовые акты необязательно чтобы законом было предоставлено такое право, как это бывает с другими нормативными актами. Между тем считается ошибкой, если не осуществить государственную регистрацию. Поэтому нормативно-правовой акт, изданный органом местного самоуправления имеет полное основание для государственной регистрации. Однако здесь существует одна проблема, связанная с тем, что регистрация осуществляется не на основе закона, а на основе постановления Правительства.

Итак, можно прийти к следующим выводам:

1. Нормативно-правовые акты, являющиеся решениями административного органа устанавливают правовые нормы. В связи с этим нет необходимости рассматривать нормативно-правовые акты, изданные этим субъектом отдельно от других. Это не связано ни с правовым положением, ни с компетенцией данного учреждения. В этом вопросе, думается, что правильнее придерживаться общего принципа при издании нормативно-правовых актов.

2. Несмотря на то, что органы местного самоуправления в соответствии с Конституцией являются самостоятельными учреждениями, не отрицается наличие контроля над некоторыми сферами их деятельности. Границы компетенции органов местного самоуправления устанавливаются законом. Поэтому нормативно-правовой акт, изданный органом местного самоуправления, имеет

полное основание для государственной регистрации. Однако необходимо обратить внимание на то, что эта такая регистрация регулируется постановлением Правительства Монголии.

3. Вопрос о делегировании полномочий по изданию нормативно-правовых актов должен быть урегулирован законом. Переданные таким образом полномочия зависят от условий, указанных в законе. Если в законодательстве по этому поводу нет ничего конкретного, необходимо придерживаться общего принципа «делегированные полномочия не могут делегироваться дальше».

4. Законом предписывается, что решения административного органа, устанавливающие юридические нормы, являются административными актами. К нормативно-правовым актам нужно относить нормативно-правовые акты направленные только внешне. Свойство внешней направленности могут иметь как межотраслевым, так и отраслевые акты. Иными словами, даже если он будет отраслевым акт может быть направлен внешне и связан с третьими лицами. Поэтому учреждению, регистрирующему нормативно-правовые акты, думается, что правильнее будет регистрировать только внешне направленные нормативные акты.

6. Нормативно-правовые акты делят на срочные и бессрочные, которые указывают на срок действия данного акта. Однако это не влияет на прочие юридические свойства нормативно-правового акта. Поэтому к нормативно-правовому решению, действующему в определенный срок, предъявляется общее требование о государственной регистрации. В таком же порядке необходимо зарегистрировать дополнения и изменения, вносимые в такой документ.

Литература:

1. Шугрина Е.С. Муниципальное право Российской Федерации: учеб.-2-е изд., перераб. и доп. –М.: Проспект, 2009. С.68. Например, договоры о разграничении полномочий между муниципальными образованиями могут быть нормативными.

2. Исаков Н.В., Малько А.В., Шопина О.В. Правовые акты: общетеоретический аспект исследования. //Правоведение. 2002. №3. С.16-28.

3. Теория государства и права: Учебник /Под ред. М.Н.Марченко. –М.: Издательство «Зерцало», 2005.

4. Административное право: Учебник /Под ред. Ю.А.Козлова, Л.Л.Попова. –М.: Юрист, 2000.

5. Захиргааны хэргийн шүүх: Захиргааны акт. Цуврал 11. Уб, 2007. 8-9 дэх тал.

6. Алексин А.П., Кармолицкий А.А., Козлов Ю.М. Административное право Российской Федерации: Учебник. –М.: ЗЕРЦАЛО, 1997.

7. Галлиган Д., Полянский В.В., Старилов Ю.Н. Административное право: история развития и основные современные концепции. –М.: Юрист, 2002.

8. Дмитриев Ю.А., Евтеева А.А., Петров С.М. Административное право: Учебник. –М.: Изд-во Эксмо, 2005.

9. Гулягин А.Ю., Князев С.Д. Обеспечение законности нормативных правовых актов управления, издаваемых в субъектах Российской Федерации. //Правоведение. 2006. №6. С.4-9.

10. Марченко М.Н. Источники права: учеб. пособие. –М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005.

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И МОНГОЛИИ

© С.А.Куриганов
Россия, г.Улан-Удэ

Миграция – это совокупность общественных отношений, возникающих в связи с территориальным добровольным или принудительным перемещением людей, обусловленных международным и внутригосударственным правовым регулированием. Миграция делится на внутреннюю (пересечение административно-территориальных единиц на территории конкретного государства) и внешнюю (пересечение государственных границ). В своей работе я делаю акцент на внешнюю миграцию.

Миграционная политика – это комплекс правил, мер и ограничений, направленных на упорядочение гражданских и общественных отношений в области перемещения лиц через границу определенного государства.

На сегодняшнее время, проблема государственного регулирования миграционных процессов приобретает особую актуальность. Эти процессы всегда играли важную роль в жизнедеятельности России и Монголии, обеспечивая освоение территории страны, перераспределяя население и трудовые ресурсы. Важность этих процессов обуславливает их законодательное регулирование [7].

В настоящее время, на конституционном уровне признается право граждан на свободное перемещение и выбор места жительства. Миграция, таким образом, выступает своеобразным социальным индикатором развития общества, развития социально-экономических и социально-трудовых процессов.

Обобщив основные положения о миграции в целом, рассмотрим более детально особенности миграционной политики в Монголии.

Формирование рыночных отношений в Монголии повлияло на ряд социально-экономических процессов. Под воздействием рыночных процессов особую роль приобрели миграционные намерения граждан. Миграция стала следствием экономического кризиса в стране. Снижение уровня жизни населения, появление безработицы, возникновение частного предпринимательства усилило перемещение рабочей силы не только внутри, но и вне страны [7].

В соответствии с п.23 ст. 16 Конституции Монголии, граждане Монголии имеют право на свободу передвижения внутри страны, на выбор постоянного или временного места жительства, на выезд и проживание за границей, на возвращение на Родину. Выезд, проживание граждан за границей могут быть ограничены только на основании закона, с целью обеспечения национальной и личной безопасности, а также общественного порядка [2]. Поскольку, выезд граждан Монголии может быть ограничен с целью обеспечения национальной и личной безопасности, а также общественного порядка, можно сделать вывод, что эти причины играют ключевую роль в определении направления миграционной политики Монголии.

Следует отметить, что Правительство Монголии, разрабатывая стратегию национальной безопасности, принимает во внимание демографические проблемы Китая. Плотность населения в Китае в 127 раз выше, чем в Монголии, что делает Монголию привлекательным местом для многих китайцев, которые ищут возможность найма на работу за границей. Таким образом, Китай с его огромным населением представляет угрозу культурной и экономической независимости Монголии.

В 1990 году Монголия стала на путь демократизации и либеральной политики и предоставила своим гражданам беспрецедентную свободу передвижения, а также открыла свои границы не только для товаров и инвестиций, но и для мигрантов как легальных, так и нелегальных. После 1990 года все граждане Монголии получили право иметь паспорт и перемещаться за границы страны, чего не было в советский период. В этот период прослеживается смягчение иммиграционной политики, что приводит к значительному росту потоков иммигрантов, как в страну, так и из страны. По некоторым оценкам в 1990 году за границу выехало 30 000 монголов. Такое массовое переселение, побудило правительство издать ряд законов в 1993 в этой сфере. Основными из них являются:

1. «Закон о перемещении за границу и иммиграции граждан Монголии с целью ведения частного бизнеса». Этот Закон дает право всем гражданам Монголии перемещаться за границу и даже эмигрировать, все перемещения через границу регистрируются Государственным регистрационным центром.

2. «Закон о правовом положении иностранных граждан», который регулирует права и обязанности граждан. В 2000 году была введена поправка об обязательной регистрации иностранных граждан пребывающих в Монголии более 30 дней.

Вскоре, вступила в законную силу обновленная редакция закона Монголии «О правовом положении иностранных граждан» от 08 июля 2010 года. В соответствии со статей 27.4. вышеупомянутого закона, количество проживающих по частным делам на территории Монголии иностранных граждан не должно превышать 3% от количества подданных Монголии, причем количество иностранных граждан одной страны не должно превышать 1%.

Таким образом, можно сделать вывод, о том, что правительство Монголии проводит политику, направленную на заботу о национальной безопасности государства, осуществляемую посредством сдерживания притока иммигрантов в страну. Выезд граждан Монголии практически ничем не ограничен.

Рассмотрев отдельные особенности миграционной политики Монголии, перейдем к анализу миграционной политики России.

В последние два десятилетия с проблемами миграции столкнулась и Россия. Развал СССР, разрушение сложившейся в течение 70 лет государственной политической и социально-экономической системы, централизованного механизма регулирования демографических процессов привели к массовому перемещению населения [3].

Правительство Российской Федерации вынуждено в этих условиях формировать и осуществлять активную миграционную политику, искать поддержки - материальной и финансовой - у

международных организаций, развивать сотрудничество с другими странами на двусторонней и многосторонней основе по проблемам миграции населения и трудовых ресурсов.

Выход России на внешние рынки труда предполагает формирование полноценной, обоснованной миграционной политики. В России уже сложилась правовая база регулирования миграционных процессов, в основе которой - Конституция Российской Федерации, законы и законодательные акты, постановления Правительства РФ, определяющие порядок выезда и въезда в страну, трудоустройство российских граждан за рубежом, меры по миграционному контролю и т.д. [3].

На данный момент, базовым законом, определяющим порядок въезда, пребывания и работы иностранных граждан на территории России, является Федеральный закон от 25 июля 2002 года № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации». В него неоднократно вносились изменения, связанные с новшествами в миграционной политике государства и смягчением условий пребывания иностранцев в России.

В настоящее время спрос России на мигрантов в большей мере обусловлен экономическими и демографическими причинами. Федеральной миграционной службой России предоставлены лицензии почти 150 организациям, занимающимся оформлением трудоустройства российских граждан за рубежом. Введение системы лицензирования позволило пресечь недобросовестную деятельность со стороны ряда фирм и агентств.

Трудоустройство иностранных граждан из стран с безвизовым режимом проще, чем из других стран - работодателю не нужно оформлять приглашение на въезд. Все, что должен сделать работодатель – это уведомить территориальный орган миграционной службы регионального ведомства, которое занимается вопросами занятости населения о привлечении на работу иностранных граждан в течение десяти дней с момента заключения трудового договора. Важным моментом является вопрос здравоохранения - если разрешение на работу иностранному гражданину выдано на срок более 90 суток, он обязан в течение 30 суток со дня, когда получено это разрешение, представить в орган миграционной службы документы, подтверждающие, что он не болен наркоманией, инфекционными заболеваниями, ВИЧ.

Особое значение в миграционной политике государства имеет правовое регулирование вопросов гражданства, условий его приобретения или прекращения. Существует определенный ряд условий, упрощающих процедуру принятия гражданства. В соответствии со статьей 13 Договора между Россией, Республикой Белоруссия, Республикой Казахстан и Киргизской Республикой об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях от 29 марта 1996 года, гражданам указанных государств, постоянно проживающим на территории России, гарантируется упрощенный порядок приобретения гражданства [5].

28 апреля 2012 года при поддержке Российской Академии Народного Хозяйства и Государственного Управления состоялось совместное заседание глав экспертных групп по обновлению «Стратегии-2020». Своё выступление директор Федеральной Миграционной Службы Константин Ромодановский начал с цитаты Френсиса Бэкона – «для процветающего государства необходимо цивилизованное перемещение людей и товаров»[6].

На заседании были выдвинуты следующие ключевые направления миграционной политики:

1. Экономическая миграция.
2. Воссоединение семей.
3. Гуманитарная постоянная миграция.
4. Региональная программа постоянной миграции.
5. Временная миграция.
6. Учебная миграция.

Рассмотрев указанные направления, автор приходит к следующим выводам:

1. Расширяется фокус миграционной политики – с правоохранительной направленности на социально-экономическую и демографическую сферы. Создаются благоприятные условия для привлечения квалифицированных специалистов;

2. Все мигранты делятся на четыре категории: высококвалифицированных специалистов и членов их семей, студентов и ученых, а также на работников без определенной квалификации;

3. Осуществляется дифференциация миграционных потоков.

В целом миграционная политика направлена на социально-экономическую сферу. Эта приоритетная направленность будет способствовать росту экономического потенциала, снижению социальной напряженности в обществе.

Рассмотрев миграционную политику в России и Монголии можно выделить следующие основные направления:

1. В Монголии это, обеспечение национальной и личной безопасности, общественного порядка; социально-трудовая сфера; борьба с незаконной миграцией.

2. В России это, создание условий для привлечения специалистов из-за рубежа; создание условий для комфортного проживания иностранных граждан; обеспечение безопасности, общественного порядка и государства в целом.

Литература:

1. Закон Монголии «О правовом положении иностранных граждан» от 08.07.2010г. – [Электронный ресурс] // URL: <http://polusharie.com/index.php?topi125523.0>.

2. Конституция Монголии от 13.01.1992 г. [Электронный ресурс] // <http://worldconstitutions.ru/archives/33>.

3. Касперович Г.И. Миграция населения в города и этнические процессы. – Минск, 1985.

4. Миграционная политика РФ. [Электронный ресурс] // URL: <http://rudiplom.ru/lectures/mezhdunarodnye-ekonomicheskii-otnosheniya/1958.html>

5. Соглашение между Правительством Республики Беларусь, Правительством Республики Казахстан, Правительством Кыргызской Республики и Правительством РФ от 24.11.1998 «О предоставлении равных прав гражданам государств – участников Договора об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях от 29 марта 1996 года на поступление в учебные заведения» URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW>.

6. Трофимова Е.В. Миграционная политика России. Стратегия 2020. // Современные научные исследования и инновации. – Март, 2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2012/03/10787>

7. Формирование механизма управления миграцией населения в Монголии. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.dissercat.com/content/formirovanie-mekhanizma-upravleniya-igratsiei-naseleniya-v-mongolii?>

ПОРЯДОК ИЗМЕНЕНИЯ КОНСТИТУЦИИ ЯПОНИИ И КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ Корея: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

© В.В. Степанова
Украина, г. Одесса

Слово «конституция» происходит от латинского «*constitution*» - установление, устройство [3]. Именно конституция закрепляет общественное и государственное устройство, порядок и принципы образования представительных органов власти, избирательную систему, основные права и обязанности граждан. Конституция – это основной закон, зачастую отражающий историю и традиции народа, благодаря Конституции можно судить о степени развитости того или иного государства, и это свидетельствует о важности данного нормативно-правового акта.

Для обеспечения соответствия Конституции реалиям сегодняшнего дня каждое государство предусматривает порядок принятия поправок в нее. Однако, процедура их принятия различна, зачастую сложна, а в некоторых государствах внести поправки в конституцию практически невозможно.

Многочисленные аспекты теории изменения конституций зарубежных государств были всесторонне и подробно исследованы в научных трудах Н.В. Анисимцева, М. В. Баглая, В.В. Маклакова, А.Н. Медушевского, Л. М. Энтина и других; некоторые аспекты исследуемой нами темы были освещены в работе Инако Ц. «Современное право Японии», однако, Республика Корея еще не становилась объектом исследования ученых стран-членов Содружества Независимых Государств, как не становился им и сравнительно-правовой анализ порядка внесения изменений в Конституцию Японии и Конституцию Республики Корея.

Ввиду вышеизложенного, актуальность и новизна рассматриваемого в данной статье предмета исследования (изучение порядка внесения поправок в Конституцию Японии и Конституцию Республики Корея) очевидны.

Цель данной работы заключается в осуществлении сравнительно-правового анализа порядка изменения Конституции Японии и Конституции Республики Корея.

Республика Корея и Япония относятся к государствам семьи традиционно-этического права. После окончания Второй мировой войны оба государства были оккупированы союзными войсками, как следствие, Соединенные Штаты Америки повлияли на дальнейшее развитие обеих стран: многие изменения конституционных институтов Японии были разработаны в Государственном департаменте

США, да и «корейский вопрос» был вынесен на рассмотрение Организации Объединенных Наций именно США.

Конституция Республики Корея была принята 17 июля 1948 года. Глава X этого источника права регулирует вопрос внесения поправок в основной закон. Кратко остановимся на характеристике ее важнейших положений:

1) Инициатива внесения поправки в Конституцию может исходить как от членов Национального собрания (высшего законодательного органа), так и от Президента [1, С. 128];

2) Содержание предлагаемых поправок подлежит обязательному обнародованию. Выполнение этой обязанности возложено на Президента и должно быть осуществлено в течении двадцати или более дней [1, С. 129];

3) Национальное собрание Республики Корея должно принять решение по поводу предложенных поправок в течении шестидесяти дней с момента их публичного оглашения. Свое согласие на внесение изменений в Конституцию должны дать не менее 2/3 членов от общего числа членов Национального собрания (200 членов из 299). В течение 30 дней со дня принятия поправок Национальным собранием в государстве должен быть проведен национальный референдум. Решение Национального собрания подтверждается не менее чем половиной всех голосов, отданных не менее чем половиной граждан, имеющих право принимать участие в выборах членов Национального собрания [1, С. 130].

С 1948 года в Конституцию Республики Корея изменения вносились 9 раз и касались они следующих важных для государства вопросов:

1) в 1952 году перед переизбранием на пост [президента Ли Сын Мана](#). Целью и следствием внесения поправок стало усиление позиции президента;

2) в 1954 году по инициативе Ли Сын Мана были приняты поправки, снимающие ограничения на президентский срок и делающие упор на капиталистическую модель экономики;

3) в 1960 году результатом внесения изменений стало создание в Республике Корея двухпалатного парламента и Избирательной комиссии;

4) в 1962 году поправками была провозглашена Третья республика;

5) в 1969 году благодаря внесенным поправкам у президента Республики Корея появилась возможность баллотироваться на пост на третий срок;

6) в 1972 году поправками была провозглашена и установлена Четвертая республика, получившая название Конституция Юсин. Данная Конституция усиливала президентскую власть;

7) в 1975 году благодаря поправкам было осуществлено подтверждение действия Конституции Юсин;

8) в 1980 году поправками были закреплены не прямые президентские выборы, 7-летний срок полномочий президента, право президента на введение чрезвычайного положения и роспуск парламента, а также право финансирования правящей партии государством. Также предусматривался однопалатный парламента;

9) поправками 1987 года в Республике Корея была установлена Шестая республика, которая действует и по сей день.

Анализируя количество поправок, внесенных в Основной закон Республики Корея, можно прийти к выводу, что процедура внесения изменений в ее Конституцию не является сложной, а по сути – это легковывполнимая задача, что позволяет Конституции соответствовать интересам народа и требованиям времени.

Обратимся теперь к одному из наиболее малоисследованных государств традиционной-этической правовой семьи, находящемуся в Азиатско-Тихоокеанском регионе, - Японии.

Современная Конституция Японии была принята парламентом 24 августа 1946 года и вступила в силу 3 мая 1947 года, когда страна еще находилась под оккупацией вооруженных сил США и управлялась американской администрацией. Вопрос об отношении к действующей Конституции на всем протяжении послевоенной истории Японии был главным «водоразделом» для всех политических сил страны. «Гордость японского народа», или «пособие по самоубийству, именуемое Конституцией» - столь широк разброс мнений в японском обществе в оценке современной Конституции.

Конституция 1947 года — жесткий по способу изменения акт. Если Конституция 1889 года могла изменяться только по инициативе императора, то в Основной Закон 1947 года поправки могут вноситься лишь по предложению самого парламента (правительство такого прямого полномочия не имеет, оно может действовать только через депутатов своих политических фракций). Для одобрения поправок требуется большинство в две трети голосов членов каждой из палат — Палаты

представителей и Палаты советников. Способ ратификации поправок устанавливается парламентом. Принятый проект пересмотра должен быть передан на особый референдум, на котором этот проект должен получить большинство поданных голосов; проект может быть ратифицирован самим парламентом, но только после его переизбрания. Утвержденные подобным образом поправки немедленно промульгируются Императором от имени народа в качестве неотъемлемой части Конституции [2].

Проанализировав предлагаемые в парламенте Японии вопросы возможной конституционной реформы, можно отметить, что реформаторы видят будущую Японию более авторитарным государством. В результате следует говорить о парадоксальном явлении современной Японии: процветающая страна, с высокоразвитой рыночной экономикой и устоявшимися демократическими принципами, ставит на повестку дня формирование авторитарной общественно-политической системы.

Итак, особенностью японской Конституции стало полное отсутствие поправок. Этот факт тем более примечателен, что данная конституция была принята под внешним давлением.

Тем не менее, нельзя не отметить, что, даже несмотря на отсутствие поправок, Конституция Японии претерпевала определенные изменения, которые шли по линии развития конституционного законодательства, правоприменительной деятельности, а также судебного толкования конституционных норм.

Известны также неоднократные попытки внесения изменений в Конституцию Японии: в 50—80-х гг. Либерально-демократическая партия неоднократно настаивала на изменении антивоенной статьи 9, предлагалась и небольшая корректировка статуса Императора; в 1957 году, при премьер-министре Киси, был создан исследовательский комитет по проблемам Конституции, просуществовавший до июня 1965 года; в 1997 году наиболее радикальными депутатами от Либерально-демократической партии и Либеральной партии была образована специальная группа, которая привела к созданию комитетов без права законодательной инициативы в марте 1999 года.

Пересмотр Конституции в 2001 году стал бы возможен при наличии большинства в 2/3 голосов депутатов парламента в пользу ее ревизии. Но на тот момент в пользу наращивания мощи вооруженных сил Японии высказались примерно 46% депутатов, в пользу обретения Японией ядерного оружия — 17% парламентариев, за укрепление японо-американского военно-политического союза — 37% [4, С. 8] Таким образом, никакие изменения в Конституцию не были внесены.

31 января 2013 года Премьер-министр Японии Синдзо Абэ заявил, что намерен внести поправки в Конституцию страны, в частности, в 96 статью, чтобы облегчить процесс внесения поправок в Основной закон. В соответствии с действующей редакцией статьи 96 Конституции Японии, «любое изменение в действующей конституции Японии должно получить одобрение не менее двух третей общего числа членов обеих палат» и быть вынесено «на одобрение народа» «либо в порядке особого референдума, либо путем выборов — в соответствии с решением парламента» [5].

Также на повестке дня стоит вопрос о статье 9 Конституции, регулирующей статус сил самообороны Японии, и, согласно которой, последняя отказывается от создания собственных сухопутных войск, военно-воздушных сил или флота. Существующие ныне в стране Силы самообороны Японии являются особым видом полиции, задачи которых формально ограничены обороной государства.

Проанализировав порядок изменения Конституции Японии и Конституции Республики Корея, можно прийти к следующим выводам:

1) на формирование конституционно-правовой мысли в Республике Корея и Японии существенное влияние оказали последствия Второй мировой войны и, в частности, оккупация территории данных государств войсками Соединенных Штатов Америки;

2) Конституция Республики Корея и Конституция Японии были приняты практически в одно и то же время: в 1948 и 1947 годах соответственно;

3) инициаторами внесения изменений как в Конституцию Республики Корея, так и в Конституцию Японию могут быть члены парламента (в Японии - двухпалатного, в Корее - однопалатного), но в Республике Корея подобная инициатива может исходить также от Президента государства;

4) и в Республике Корея, и в Японии для внесения изменений в Конституцию необходимо согласие на это не менее 2/3 от конституционного состава членов парламента;

5) в обеих исследуемых странах решение парламента о внесении изменений в Конституцию должно быть впоследствии одобрено непосредственно народом. При этом такое одобрение в

Республике Корея происходит только посредством проведения национального референдума, а в Японии – либо посредством особого референдума, либо путем выборов – в соответствии с решением парламента;

6) Конституция Республики Корея не предусматривает особого порядка вступления в силу решения национального референдума об одобрении решения Национального собрания о внесении изменений в Конституцию. Что касается Японии, то Конституцией предусмотрена необходимость немедленной промугации Императором утвержденных народом поправок от имени народа в качестве неотъемлемой части Конституции;

7) конституции обоих исследуемых государств не предусматривают перечня положений, которые не могут быть изменены ни при каких условиях;

8) за шестидесяти пятилетнюю историю функционирования Конституция Республики Корея претерпела серьезные изменения 9 раз, а текст Конституции Японии остался неизменным, хотя конституционное право этого государства не перестает развиваться, однако такое развитие происходит посредством принятия законов парламентом, подзаконных нормативно-правовых актов правоприменительными субъектами, с помощью судебного толкования норм Конституции.

Вышеизложенные выводы позволяют с уверенностью утверждать, что порядок изменения Конституции Японии во многом схож с порядком изменения Конституции Республики Корея, что обусловлено, прежде всего, общностью важнейших исторических событий первой половины XX века, а также расположением обоих государств в одном географическом регионе.

Литература:

1. Конституция Республики Корея [Электронный ресурс] // Интернет библиотека конституций Романа Пашкова. URL: <http://www.worldconstitutions.ru/archives/35/2>. (дата обращения 18.04.2013).

2. Конституция Японии // Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Европейский союз, Соединённые Штаты Америки, Япония, Индия: учеб. пособие/ [сост.сб., пер., авт. введ. и вступ. ст. В.В. Маклаков]. - 5-е изд., перераб. и доп. — М.: Волтерс Клувер, 2007. – с. 395 – 408.

3. Конституционное право зарубежных стран: Учебник для вузов / Под общ. ред. чл.-корр. РАН, проф. М. В. Баглая, проф. Ю. И. Лейбо и проф. Л. М. Энтина. —М.: Норма, 2004. - 832 с.

4. Анисимцев Н. В. Конституционные проблемы современной Японии/ Н. В. Анисимцев// Право и политика. – 2001. - №2.- С. 8.

5. Япония меняет конституцию страны [Электронный ресурс] // Интернет газета Дни.Ру. URL: <http://www.dni.ru/polit/2013/1/31/247392.html>. (дата обращения 16.04.2013).

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КОНСТИТУЦИИ МОНГОЛИИ

© Д.Б.Доржиева
Россия, г. Улан-Удэ

Изучение и сравнительный анализ стран Азиатско-тихоокеанского региона на сегодняшний день приобретает наибольшую актуальность для Российской Федерации. Одной из причин является то, что многие экономисты полагают, что с постепенным угасанием старых индустриальных центров в Европе и на востоке США центр мировой экономической активности может перенестись в Азиатско-Тихоокеанский регион. Так и Российская Федерация сменила свои азиатско-тихоокеанские ориентиры после проведения Саммита АТЭС в г. Владивосток в 2012 г.

Полноценный поворот России к АТР невозможен без ускоренного развития наших зауральских территорий, существенного повышения качества жизни в Сибири и на Дальнем Востоке. Российское присутствие в АТР должно становиться все более многомерным и диверсифицированным [1].

29 ноября 2012 г. на заседании президиума Государственного совета РФ прошло обсуждение вопросов развития Дальнего Востока и Забайкалья.

В первую очередь, это связано с интеграцией России в АТР, которая является причиной для начала и продолжения сравнительных характеристик и анализов экономической, политической и правовой составляющих стран АТР и России.

В данной статье сделана попытка сопоставить и провести сравнительный анализ Конституции Монголии и Конституции Российской Федерации. Ведь именно Конституция определяет принципы экономического базиса государства и задачи экономического развития.

Ведущей отраслью права в Российской Федерации является конституционное право, так как в ней все остальные отрасли права соединяются в единое целое путем постановки общих целей, ценностей и принципов, которые утверждаются Конституцией РФ.

Конституция – Основной закон общества, нацеленный на учреждение государственных, общественных институтов, регулирование их деятельности, выражение в праве духовно-мировоззренческих, политико-идеологических, иных ценностей, соединение традиций и модернизации, стратегическое целеполагание общества, систематизацию законодательства, права и предназначенный для обеспечения баланса индивидуальных, групповых, общесоциальных интересов [4].

Экономика Монголии самая быстрорастущая в мире: взлет страны связан с судьбами двух соседей - Китая и России. Современные российско-монгольские отношения базируются на Договоре о дружественных отношениях и сотрудничестве от 20 января 1993 года и развиваются в духе стратегического партнёрства. Россия является важным торговым партнёром Монголии.

Столь длительное сотрудничество между странами также наложило отпечаток на законодательную базу. Можно наблюдать определенное сходство между нормативно-правовыми актами данных стран. Однако исходя из специфики каждой из них, истории, уровня развития, экономики существуют отличия. Проведем сравнительный анализ основных законов – Конституции.

Таблица 1.

Сравнительный анализ Конституции РФ и Конституции Монголии по критериям

Критерий сравнения	Россия	Монголия
Год принятия	12.12.1993 г.	13.01.1992 г.
Количество разделов	2	-
Количество глав	9	6
Государственное устройство	демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления	независимое, суверенное государство; унитарное государство
Источник власти	Народ	
Государственная власть	Федеральное Собрание РФ, Правительство РФ, Судебная власть	Великий Хурал Монголии, Правительство Монголии, Судебная власть
Полномочный орган высшего надзора за соблюдением Конституции	Конституционный суд РФ	Суд Конституционного надзора Монголии

Источник: составлено автором на основе источников [1], [2].

Рассмотрим основные аспекты сравнения.

Во-первых, среди личных прав человека и гражданина Конституция Монголии выделяет еще право на жизнь в экологически чистой, безопасной внешней среде, право на защиту от загрязнения природы и стихийных бедствий; право на справедливое (честное) приобретение движимого и недвижимого имущества, на владение им и передачу по наследству.

Во-вторых, группа политических прав и свобод человека Конституция России имеет особенность по сравнению с Конституцией Монголии в том, что прописывает отдельно презумпцию невиновности.

В-третьих, Конституция Монголии не предусматривает среди социально-экономических прав право на жилище, в отличие от Конституции РФ, которое предусматривает гарантии от произвольного лишения человека жилища, а также возможность определенной категории лиц бесплатно или за доступную плату получить жилье. Это является недостатком Закона для Монголии.

В-четвертых, в отличие от российской Конституции, в Основной закон Монголии заложено положение о многоукладности экономики, при этом указано, что в ее развитии учитываются существующие в мире экономические отношения и, вместе с тем специфические особенности своей страны, что государство допускает любые формы общественной собственности и защищает права собственников законом. Далее частью 5 статьи 4 Основного закона закрепляется сугубо национальный вариант: скот является национальным достоянием и охраняется государством. Соответственно можно сделать вывод, что сохранение и увеличение количества скота для государства является элементом национальной безопасности и благосостояния.

В-пятых, своеобразное отношение к вопросу о главенстве международного права к национальному праву Монголии имеется в Основном законе страны. Монгольская Конституция

закрепляет и принимает на себя обязанность по выполнению всех взятых на себя обязательств по международным договорам. Вместе с тем указывает в части 4 ст. 10, что Монголия не будет следовать международным актам и договорам, противоречащим Конституции Монголии. Данное положение говорит, что Монголия, признавая взятые на себя договорные обязательства, тем не менее оставляет за собой право, самостоятельно и независимо от мнения общепризнанных международных правовых актов решать вопрос о верховенстве того или иного права. Основным законом Монголии в отличие от Конституции Российской Федерации не содержит положений о том, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора.

В итоге можно сказать, что Конституция России и Конституция Монголии символизируют собой новую эпоху в развитии данных государств, они значительно отличаются от своих предыдущих конституций как по структуре, так и по содержанию. Сравнительно-правовой анализ показал, что данные законы отличаются друг от друга, но, тем не менее, имеются определенные сходства, связанные с территориальной и культурной близостью Бурятии и Монголии.

Литература:

1. Азиатско-Тихоокеанские ориентиры России после саммита АТЭС во Владивостоке: к итогам Второго азиатско-тихоокеанского форума / В.В. Сумский и др. / Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: Спецкнига. 2013. - 32 с.
2. Конституция Монголии от 13.01.1992 г. // [Электронный ресурс]. URL: <http://worldconstitutions.ru>.
3. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 г. // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru>.
4. О понятии и сущности конституции см.: Овсян Ж.И. Понятие и сущность конституции // Северокавказский юридический вестник. 2000. № 1. С. 3-28.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СИСТЕМ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В КНР И РФ

© *Е. А. Караваева*
Россия, г. Владивосток

Современное Российское государство переживает множество реформ и перемен, в том числе и в сфере образования. При этом перемены коснулись всех ее уровней, как начального и среднего, так и высшего образования что, несомненно, отразится на его качестве. Интерес к сравнению системы высшего образования РФ именно с системой образования КНР основывается на том, что в данное время КНР является одной из наиболее активно развивающихся и завоевывающих лидирующие позиции на мировой арене стран. Поэтому изучение системы высшего образования как одного из значимых факторов успешного развития страны является весьма актуальным.

Общее руководство сферой высшего образования Китая осуществляет Госсовет через подчиненные ему Министерство образования и ведомства (в настоящее время 70% из 2200 вузов находятся в ведении Министерства образования КНР, остальные являются ведомственными). Разрешение на создание или изменение статуса вузов дают административные органы Госсовета, провинций, автономных районов, городов центрального подчинения либо другие организации по их поручению [13].

Для осуществления контроля в сфере образования в Китае существует Система менеджмента качества образования в ВУЗах КНР и она функционирует на национальном и региональном уровнях специально созданными организациями – агентствами оценки качества. Центр оценки высшего образования при Министерстве образования КНР – независимая организация, главная задача которой – организация и проведение оценки на основе руководств на основе критериев оценки Министерства образования и других образовательных учреждений. В настоящее время создано более 20 подобных агентств провинциального (регионального) уровня [21].

Конституция КНР закрепляет основные задачи государства в сфере высшего образования, а именно его развитие, стимулирование, способствование улучшению возможностей получения образования с тем, чтобы ликвидировать неграмотность и дать возможность получения

политического, научного, технического и профессионального образования наряду с общим образованием рабочим, крестьянам, государственным служащим и другим трудящимся [2].

Общие вопросы воспитания и образования, согласно Конституции РФ, относятся к совместному ведению органов государственной власти РФ и субъектов РФ, однако конкретные полномочия органов власти субъектов в данной сфере весьма неоднозначны. Функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере образования выполняет Министерство образования и науки Российской Федерации (Минобрнауки России), Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки, Федеральное агентство по делам молодежи, Высшая аттестационная комиссия при Министерстве образования и науки Российской Федерации. В рамках проводимой политики данные органы осуществляют обеспечение государственных гарантий прав граждан в области образования, разработку и реализацию федеральных целевых и международных программ, устанавливают порядок создания, реорганизации и ликвидации государственных образовательных учреждений, утверждают государственные образовательные стандарты, нормативы финансового обеспечения образовательной деятельности, обеспечивают организацию контроля качества подготовки обучающихся и выпускников, осуществляют лицензирование образовательной деятельности и государственной аккредитации высших учебных заведений и др. [8]. Так, например, в 2012 году Минобрнауки провело оценку 502 российских ВУЗов с учетом среднего балла ЕГЭ у первокурсников, уровня инфраструктуры и ряда других факторов. В итоге 136 учебных заведений были признаны неэффективными, с последующей необходимостью реорганизации [17].

Образовательная политика Китая подразумевает в рамках закона создание и финансирование вузов профессиональными, предпринимательскими, общественными коллективами и организациями, отдельными гражданами. Тем самым впервые в принципе допускается идея учреждения и легализации частной высшей школы. При этом подчеркивается, что целью создания вуза в КНР должно быть служение интересам государства и общества, а не извлечение прибыли.

В России в рамках реформирования системы образования так же была выявлена направленность на изменение системы финансирования учебных заведений, а именно переход на нормативное финансирование, при котором вузы будут получать субсидии на исполнение государственного задания, а также субсидии на иные цели (стипендии, пособия на литературу, компенсации на оплату проезда для районов Крайнего Севера и др.) и бюджетные субсидии. [12]

В КНР поступление в ВУЗ является достаточно сложным испытанием для бывшего школьника, конкурсы в престижные вузы могут достигать 200-300 человек на место, кроме того, образование преимущественно платное. В связи с этим, для ряда студентов существуют различные льготы, государственные стипендии, субсидии предприятий, организаций и т.д. Иногда за обучение может платить предприятие, на котором работал студент (данная система сходна с нашей системой целевого обучения). У наиболее одаренных студентов есть возможность получить высшее образование бесплатно [16].

Система образования РФ так же предусматривает ряд льгот для определенных категорий граждан. Так, возможность поступить на бюджетное обучение без экзаменов имеют победители Всероссийской олимпиады школьников [4], кроме того, вне конкурса для поступления в вуз зачисляют детей-сирот [7], инвалидов I и II групп [10], преимущественное право на поступление в вуз предоставляется детям граждан, погибших вследствие военной травмы [9] и др.

Единый выпускной школьный экзамен в КНР проводится одновременно по всей стране в мае и схож с Единым Государственным Экзаменом в России. Однако если в РФ абитуриент поступает на основе конкурса полученных на экзамене результатов (суммарное количество баллов), то абитуриент КНР с результатами единого школьного экзамена претендует на допуск к вступительным экзаменам в тот вуз, который по категории в иерархии вузов соответствует набранным баллам, т.е. «высшей категории» или «категории провинциального уровня», «городского уровня» и т.д. [16]

Проанализируем механизмы получения высшего образования в изучаемых странах. Высшее образование в КНР состоит из 2 ступеней: бакалавриат и магистратура (с последующей возможностью поступления в аспирантуру). Для поступления на бакалавриат абитуриент подает аттестат о среднем образовании и прохождения вступительных экзаменов и обучается впоследствии в течении 4 - 5 лет (при получении второго образования 2 - 3 года) При поступлении в магистратуру студент подает диплом бакалавра и проходит вступительные испытания; В магистратуре студент обучается 2 - 3 года. [18]

В России последние годы, как и в Китае, существует двухуровневая система высшего образования, подразумевающая обучение студента в качестве бакалавра и впоследствии студента

магистратуры, что определяет значительное сходство системы получения высшего образования в рассматриваемых странах, за исключением некоторых особенностей.

Высшее профессиональное образование, подтверждаемое присвоением лицу квалификации «бакалавр», требует обучения в течение четырех лет, квалификации «магистр» - два года. Прием студентов на обучение по программа бакалавриат осуществляется на базе среднего (полного) общего или среднего профессионального образования, на конкурсной основе по результатам Единого государственного экзамена (ЕГЭ) [4].

Правом на участие в конкурсе для поступления в Российскую магистратуру пользуются лица, успешно завершившие обучение по программа бакалавриат. Для этого необходимо сдать специальный квалификационный экзамен (собеседование) и пройти по конкурсу. Степень магистра дает право на дальнейшее обучение в аспирантуре [4].

Помимо бакалавриат и магистратуры для некоторых специальностей сохраняется степень «специалист», требующая не менее пяти лет обучения. Она приравнивается ко «второму» уровню образования, как и магистратура и дает дипломированному выпускнику пропуск в аспирантуру и докторантуру [4].

Данная система была воспринята в России достаточно критично и последствия ее принятия пока неоднозначны, однако одним из преимуществ двухуровневой системы образования называют возможность обучения и работы за границей, что способствует взаимодействию в сфере образования с другими странами, в том числе Китаем.

Далее рассмотрим основные тенденции развития сферы высшего образования в изучаемых странах. Образование Китая развивается в направлении все большего углубления и охвата более широких сфер обучения. Стремительно развивается рынок спроса и предложения в сфере просвещения, большой популярностью пользуются курсы компьютерной грамотности, иностранных языков, обучения различным профессиям и квалификационные экзамены. Стало модным продолженное образование, вплоть до овладения новыми знаниями в течение всего трудоспособного возраста. (Так, в 2007 году в КНР насчитывалось 413 ВУЗов для лиц, получающих дополнительное образование)[20].

Данная ситуация вполне сопоставима с положением в Российском обществе, что связано скорее не со своеобразной модой, а с быстро изменяющейся ситуацией в экономике и потребностью человека иметь как можно больше разносторонних знаний, чтобы быть успешным даже в одной конкретной профессии.

В результате изучения данной темы становится очевидным, что системы высшего образования КНР и России на данное время имеют много общего (особенно с учетом реформ в России). Это можно объяснить стремлением современных государств к взаимодействию и обмену опытом, а возможно и общемировой тенденцией глобализации. Высшее образование быстро коммерциализируется, заметен рост сектора платного образования и увеличение числа частных вузов. Так как оба государства имеют рыночную экономику со всеми ее последствиями, и в России и в Китае учебные заведения постепенно преобразуются в рыночные субъекты и начинают действовать соответствующим образом. Результат этих изменений и необходимость дальнейших преобразований, а, возможно, и возврат к старым системам, можно будет узнать лишь по истечении долгого времени и испытании на нескольких поколениях граждан. Однако, несмотря на общие сходства основных механизмов, в разных государствах они будут реализовываться по-разному, с учетом демографической ситуации, экономики и даже менталитета населения. Таким образом, независимо от опыта зарубежных стран, в России для достижения преследуемых результатов необходим свой собственный индивидуальный опыт и подход.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ) [Электронный ресурс] / СПС «Консультант плюс»
2. Конституция КНР от 04.12.1982 (с учетом поправок, принятых 12.04.1988 на первой сессии Всекитайского собрания народных представителей седьмого созыва, и 29.03.1993 года на первой сессий Всекитайского собрания народных представителей седьмого созыва). // [Электронный ресурс]. URL: <http://asia-business.ru/law/law1/pravo/constitution/#2> (дата обращения 8 февраля 2013 г.)
3. Закон КНР «Об образовании» / Приказ №45 Председателя КНР от 18.03.1995 г. // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.asia-business.ru/law/law3/education/> (дата обращения 8 февраля 2013 г.)
4. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // [Электронный ресурс] / СПС «Консультант плюс».

5. Федеральный закон от 10 июля 1992 г. №3266-1 «Об образовании» // [Электронный ресурс] / СПС «Консультант плюс».
6. Федеральный закон от 22 августа 1996 г. № 125 «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» // [Электронный ресурс] / СПС «Консультант плюс».
7. Федеральный закон РФ от 21 декабря 1996 г. 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» // [Электронный ресурс] / СПС «Консультант плюс».
8. Постановление Правительства РФ от 09.01.1992 № 21 «О системе государственного управления образованием в Российской Федерации» (ред. от 18.05.1998) // [Электронный ресурс] / СПС «Консультант плюс».
9. Федеральный закон РФ от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» // [Электронный ресурс] / СПС «Консультант плюс».
10. Федеральный закон РФ от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» // [Электронный ресурс] / СПС «Консультант плюс».
11. Газета «Жэньминьжибао» онлайн [Электронный ресурс] / Новости - Наука и образование. // [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/31517/7135432.html> (дата обращения 8 февраля 2013 г.).
12. ГлавСправ: «С 1 июля изменится финансирование российского высшего образования» // [Электронный ресурс]. URL: <http://edu.glavsprav.ru/spb/vpo/journal/500/> (дата обращения 2 марта 2013 г.).
13. Дальневосточное отделение Российской академии наук. Высшее образование в Китае // [Электронный ресурс]. Наука и техника – Высшее образование в Китае - URL: <http://www.febras.ru/partnery/kitaj/215-vysshee-obrazovanie.html> (дата обращения 8 февраля 2013 г.).
14. КНР: «охота за умами». Урок для России // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ifes-ras.ru/massmedia/21/561-кнр-охота-за-умами-урок-для-россии> (дата обращения 8 февраля 2013 г.).
15. Костин Е. М. Система образования в Японии, Китае, Корее, Индии // [Электронный ресурс]. URL: <http://BiblioFond.ru/view.aspx?id=37481> (дата обращения 17 февраля 2013 г.).
16. Образование в Китае. Система образования [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://yastudent.ru/articles/2/0/1836.html> (дата обращения 8 февраля 2013 г.).
17. Показатели мониторинга деятельности федеральных государственных высших учебных заведений и их филиалов [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://минобрнауки.рф/новости/2932> (дата обращения 02.03.13)
18. Система высшего образования КНР: современные тенденции [Электронный ресурс] - Режим доступа: http://www.bfmar.ru/content/oms_publ (дата обращения 08.02.13)
19. Система образования в Китае [Электронный ресурс] / Экономическое развитие Китая - Система образования Китая. URL: <http://экономическое-развитие-китая.рф/Система-образования-Китай-778.html> (дата обращения 8 февраля 2013 г.).
20. Управление образованием в Китае [Электронный ресурс]. URL: http://idea-china.ru/obrazovanie_v_kitae (дата обращения 17 февраля 2013 г.).
21. Лысенко Ю.А. Учебное пособие «Политическая система КНР» для студентов [Электронный ресурс] / Учебный материал - Учебное пособие. URL: <http://do.gendocs.ru/docs/index-281509.html> (дата обращения 8 февраля 2013 г.).

РОССИЯ И МОНГОЛИЯ: ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ НА РЫНКЕ НЕФТЕПРОДУКТОВ

© Э.С.Цыдытова
Россия, г. Улан-Удэ

На протяжении последних лет Монголия остается для России весьма важным стратегическим партнером во многих вопросах: социально-экономических, политических, культурных.

Правовые основы взаимоотношений между Россией и Монголией были закреплены в ноябре 1921 года Соглашением между Правительством РСФСР и Народным Правительством Монголии об установлении дружественных отношений между Россией и Монголией [3, С. 476].

Следует отметить, что все ранее действовавшие соглашения, заключенные между бывшим царским правительством России и бывшим правительством Автономной Монголии в результате сложившегося в обеих странах нового положения утратили силу.

В настоящее время отношения между двумя странами становятся все более взаимовыгодными, одним из подтверждений этого является одобрение Программы развития российско-монгольского торгово-экономического сотрудничества на 2011-2015 годы на встрече премьер-министра Монголии

Сухбаатарына Батболда с председателем Правительства Российской Федерации Владимиром Путиным в декабре 2010 года [5].

На этой встрече Владимир Путин отметил, что «... мы вместе начинаем преодолевать негативные последствия глобального кризиса. По итогам девяти, даже можно уже сказать, и десяти месяцев текущего года российско-монгольский товарооборот увеличился более чем в 1,5 раза и вплотную приближается к докризисным показателям.

Закрепить такую позитивную динамику мы могли бы за счёт ускорения реализации крупных совместных проектов – в первую очередь в энергетике, инфраструктуре, добыче полезных ископаемых».

Так, например в 2010 году по данным Министерства экономического развития Российской Федерации товарооборот России и Монголии составил 1015,6 млн. дол. США. В структуре товарооборота более 90 процентов составил экспорт, из них более 60 процентов было экспортировано нефтепродуктов [14].

Несмотря на то, что на территории Монголии расположены два крупных нефтеносных месторождения: Дзунбаянское (Восточное Гоби у г. Дзунбаян) и Тамсагское (местность Тамсаг-Булак в [сомоне Матадаймака](#) Дорнод), запасы которых по сведениям Управления нефти Монголии обеспечат потребности страны на 40-50 лет [8], Монголия по-прежнему продолжает импортировать российские нефтепродукты.

Отсутствие соответствующей инфраструктуры и производственных мощностей затрудняет переработку отечественной нефти.

Построенный в 1950 году в г. Дзунбаян нефтеперерабатывающий завод мощностью 50-60 тысяч тонн в год, проработал менее двадцати лет. В 1969 году в связи с уменьшением давления в скважинах Дзунбаянского месторождения, и как следствие, с возникшими проблемами с бесперебойным снабжением сырьем, нефтезавод приостановил свою деятельность.

Строительство нефтезавода на территории Дарханского аймака, запланированное в 2011-2014 годы по соглашению монгольской и японской компаний с мощностью по переработке до двух миллионов тонн в год, в конечном итоге несомненно будет способствовать разрешению напряженной ситуации на рынке нефтепродуктов. Однако следует учесть, что после запуска завода в эксплуатацию сырье будет изначально поставляться из-за рубежа, что в свою очередь наложит дополнительное удорожание производимых нефтепродуктов. Переход на отечественную нефть планируется позднее.

Малотоннажные установки по переработке нефти с мощностью до 50-100 тысяч тонн в год отличаются неглубокой переработкой сырья и поэтому рассматривать их как альтернативу нефтеперерабатывающих заводов и нефтехимических комбинатов, по мнению специалистов нецелесообразно.

Нефтеперерабатывающий комплекс является важным стратегическим сегментом экономики страны. Без нефтепродуктов: бензина или дизельного топлива не обходится практически ни один производственный процесс.

И то, в каких условиях происходит развитие рынка нефтепродуктов, насколько конкурента среда, насколько преодолимы барьеры входа на рынок новыми участниками зависит, в том числе, и от эффективного правового регулирования вопросов на уровне межгосударственных отношений.

Все вышесказанное свидетельствует о том, насколько важное значение приобретают вопросы совершенствования правового регулирования взаимоотношений между Россией и Монголией в нефтеперерабатывающем комплексе, а именно на рынках оптовой и розничной реализации нефтепродуктов.

В этой связи данный доклад посвящен правовому регулированию вопросов на рынке нефтепродуктов между Россией и Монголией.

Правовыми основами российско-монгольских отношений являются положения Договора между Российской Федерацией и Монголией о дружественных отношениях и сотрудничестве от 20 января 1993 года, Улан-Баторской декларации от 14 ноября 2000 года, Московской декларации от 8 декабря 2006 года, Декларации о развитии стратегического партнерства между Российской Федерацией и Монголией от 25 августа 2009 года и иных нормативно-правовых документов [1, 2, 15].

В июле 2011 года город Улан-Удэ стал местом проведения XV заседания Российско-монгольской Межправительственной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству, сопредседателями которого явились министр транспорта России Игорь Левитин и первый вице-премьер Правительства Монголии Норов Алтанхуяг [4].

В ходе заседания министром России была озвучена заинтересованность ВИНК ОАО «НК «Роснефть» и ОАО «Газпром нефть» в расширении поставок нефтепродуктов на монгольский рынок.

Безусловно, монгольский рынок нефтепродуктов является для российских нефтяных магнатов весьма заманчивым.

Так, например в декабре 2007 года ВИНК ОАО «НК «Роснефть» приобрела стопроцентный пакет акций компании с ограниченной ответственностью «Роснефть-Монголия», находящейся в г. Улан-Баторе [7], а в июле 2010 года данная нефтяная компания открыла топливозаправочный комплекс в международном аэропорту им. Чингисхана г. Улан-Батор. Данный комплекс соответствует международным требованиям безопасности полетов и защиты окружающей среды [10].

Тем не менее, сегодня у российских компаний нет долгосрочных договоров поставок, все отношения строятся на заявках, в которых оговариваются объемы, сроки и цены.

Как отмечает чрезвычайный и полномочный посол России в Монголии Виктор Самойленко в феврале 2012 года: «Россия поставляет нефтепродукты не по высоким экспортным ценам, а по внутренним российским более низким ценам» [7].

В 2011 году, когда началась реконструкция российских нефтезаводов российское правительство приняло решение «заморозить» внутренние цены на нефтепродукты, и некоторые нефтяные компании в догонку за прибылью начали поставлять в больших объемах топливо на экспорт.

Вместе с тем, дефицит топлива, возникший в России весной-летом 2011 года в Алтайском и Красноярском краях, Иркутской области, Республике Бурятия и в других субъектах Российской Федерации, отрицательно отразился на рынке нефтепродуктов Монголии. Увеличение потребности в нефтепродуктах для получения электроэнергии за счет работы дизель-генераторов в местности Оюу-Толгой Южнообийского аймака на юге Монголии, необходимость обеспечения дизельным топливом возросшего числа автопарка для перевозки угля в горнодобывающей отрасли при сохранении прежних объемов поставок нефтепродуктов способствовало дефициту топлива в Монголии.

Не имея долгосрочных отношений российским поставщикам трудно запланировать объемы поставок на ближайшие годы. И поэтому, пока не будут заключены долгосрочные соглашения Монголия не застрахована от еще одного дефицита. Долгосрочный контракт на поставку нефтепродуктов обяжет нефтяную компанию обеспечивать необходимые объемы топлива и их своевременную доставку в Монголию. Однако, сегодня пока такой контракт не заключен, в Монголию поставляется то, что есть в наличии. В связи с этим, одним из приоритетных задач для обеспечения бесперебойного снабжения нефтепродуктами монгольской стороны является заключение контрактов на долгосрочной основе, и безусловно на взаимовыгодных условиях.

Сотрудничество между российскими и монгольскими компаниями по поставкам нефтепродуктов для обеспечения потребностей внутреннего рынка Монголии является важной стратегической задачей как для России так и Монголии.

В декабре 2012 года в г. Улан-Батор на XVI заседании Российско-Монгольской Межправительственной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству было принято решение о поддержке данного сотрудничества [5].

Между тем, участники правового поля торгово-экономических отношений, как в России, так и в Монголии должны соблюдать правила конкурентной борьбы, установленные государством.

В России контроль и надзор за соблюдением антимонопольного законодательства возложены на Управление Федеральной антимонопольной службы Российской Федерации, в Монголии – на Ведомство по справедливой конкуренции и защите прав потребителей Монголии.

Несмотря на внешнее различие в наименовании данных государственных органов, они призваны обеспечить защиту конкуренции на товарных рынках, в том числе и на рынке нефтепродуктов.

Сравнительный анализ нормативно-правовых актов данных ведомств, свидетельствует о том, что в обеих странах основные принципы равноправной конкурентной борьбы основываются на – Конституциях, законах о конкуренции и иных нормативно-правовых актах [16,17].

Россия	Монголия
Часть 1 статьи 8 Конституции России: «В Российской Федерации гарантируются единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности»	Часть 2 статьи 1 Конституции Монголии: «Демократия, справедливость, свобода, равноправие, обеспечение национального согласия, уважения к закону являются основными принципами государственной деятельности»

Управление федеральной антимонопольной службы Российской Федерации	Ведомство по справедливой конкуренции и защите прав потребителей Монголии
Закон о защите конкуренции	Закон о справедливой конкуренции
Статья 5 Закона о защите конкуренции: установление доминирующего положения при доле на товарном рынке более 35%	Статья 5.1 Закона о справедливой конкуренции: установление доминирующего положения при доле рынка более 1/3 (33,33%) от общего объема производства или продаж
<p>Ответственность за нарушения Закона о защите конкуренции предусмотрена в Главе 14 КоАП РФ «Административные правонарушения в области предпринимательской деятельности»:</p> <p>Статья 14.6. «Нарушение порядка ценообразования»;</p> <p>Статья 14.9. «Ограничение конкуренции органами власти, органами местного самоуправления»;</p> <p>Статья 14.31. «Злоупотребление доминирующим положением на товарном рынке»;</p> <p>Статья 14.32. «Заклучение ограничивающего конкуренцию соглашения, осуществление ограничивающих конкуренцию согласованных действий, координация экономической деятельности»</p> <p>Статья 14.33. «Недобросовестная конкуренция»</p>	<p>Ответственность за нарушения Закона о справедливой конкуренции предусмотрена в статье 18 настоящего закона, а именно за нарушение запрета на недобросовестную конкуренцию</p>

Следует отметить, иностранные компании не могут приобрести земельные участки под строительство автозаправочных станций, поскольку частью 3 статьи 6 Конституции Монголии гражданам страны запрещено продавать и обменивать земли, находящихся в их частной собственности иностранцам. Передача земли во временное пользование другим лицам возможна после разрешения соответствующих государственных органов.

Еще одним ограничением, является запрет иностранным компаниям, поставляющим нефтепродукты в Монголию в объеме более 30 процентов, входить на внутренний рынок Монголии (статья 7.2. Закона Монголии «О нефтепродуктах»).

Законы Монголии «О регулировании иностранных капиталовложений в стратегические отрасли» и «О конкуренции» также являются подтверждением ограничения входа на рынок.

В тоже время, Монголия предлагает профильным российским компаниям продолжать поставлять нефтепродукты и более того предлагает увеличить поставки до 2 млн. тонн в год и пересмотреть ценнообразование нефтепродуктов, поставляемых ВИНК ОАО «НК «Роснефть».

Данный вопрос несомненно требует взвешенного политического решения.

Поскольку необходимо учитывать тот факт, что около 40% во внешнеторговых ценах на нефтепродукты составляют экспортные пошлины, уровень которых под влиянием конъюнктуры мировых цен на нефть постоянно меняется. Так, например за 2012 год экспортные пошлины выросли на 6% и составили 378,6 долларов США за 1 тонну бензина (на 01.03.2013) [12,13].

Вместе с тем, следует отметить, что ВИНК ОАО «НК «Роснефть» поставляет нефтепродукты в Монголию преимущественно с Ангарского нефтезавода (Иркутская область).

Что касается Республики Бурятия, то здесь на рынке нефтепродуктов последние шесть лет долю более тридцати пяти процентов по отдельным маркам нефтепродуктов занимает ОАО «Бурятнефтепродукт» - дочернее предприятие ВИНК ОАО «НК «Роснефть».

И несомненно, географическая близость с Монголией могла бы иметь новые положительные последствия для экономики Бурятии, будь на ее территории нефтезаводы и нефтекомбинаты. Однако, несмотря на обнаруженные нефтеносные месторождения в Усть-Селенгинской, Баргузинской и Еравнинской впадинах их разведка и разработка потребует огромных финансовых вложений, к которым предприниматели, в настоящее время, не готовы.

Хотелось бы отметить, что переход российско-монгольских отношений на новый качественный уровень в определенной степени способствует развитию рынка нефтепродуктов.

Тем не менее, в целях повышения эффективности правового регулирования российско-монгольских отношений на рынке нефтепродуктов считаю целесообразным провести следующее:

1) рассмотреть возможность создания совместного предприятия на территории Монголии, реализующего нефтепродукты в оптовой и розничной сети.

2) рассмотреть возможность заключения долгосрочных договоров поставок нефтепродуктов в Монголию, что позволит российским компаниям эффективно планировать объемы сбыта, а монгольской стороне обеспечить бесперебойное снабжение потребностей страны и получать дополнительный доход в бюджет страны в виде налоговых отчислений.

3) рассмотреть возможность создания на территории Монголии совместного нефтезавода, перерабатывающего отечественную нефть, что позволит стабильно обеспечивать потребности страны и создавать новые дополнительные рабочие места.

Сегодня, когда российско-монгольские отношения переходят на новый качественный уровень, эффективное правовое регулирование вопросов развития рынка нефтепродуктов приобретает особое значение.

Литература:

1. Декларация о развитии стратегического партнерства между Российской Федерацией и Монголией от 25.08.2009. [Электронный ресурс]. КонсультантПлюс.

2. Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве между Российской Федерацией и Монголией от 20.01.1993. [Электронный ресурс].- КонсультантПлюс.

3. Документы внешней политики СССР. М., 1960. Т. 4. С. 476 – 480.

4. Новости. [Электронный ресурс]. - официальный сайт Министерства транспорта России - М.: 2011. URL: <http://www.mintrans.ru/>.

5. Новости. [Электронный ресурс]. - официальный сайт Посольства Российской Федерации в Монголии – У-Б.: 2012. URL: http://www.mongolia.mid.ru/press_218.html.

6. Новости. [Электронный ресурс]. - официальный сайт Правительства Российской Федерации - М.: 2010. URL: <http://правительство.рф/special/docs/13395/>.

7. Полная версия интервью чрезвычайного и полномочного посла России в Монголии В.В. Самойленко газете «Ардсилал» от 14.02.2012. [Электронный ресурс]. - официальный сайт Посольства Российской Федерации в Монголии – У-Б.: 2012. URL: <http://www.mongolia.mid.ru/>.

8. Роснефть открыла топливозаправочный комплекс в Улан-Баторе [Электронный ресурс]. У-Б.: 2010. URL: <http://www.rosbalt.ru/business/2010/07/21/755628.html>.

9. Серебряков А.О., Кондратьев Ю.К. Нефть Монголии: месторождения, физико-химический состав, запасы и добыча. [Электронный ресурс]. - КонсультантПлюс.

10. Соглашение между Правительством Российской Советской Федеративной Социалистической Республики и Правительством Монгольской Народной Республики о торгово-экономическом сотрудничестве от 12.02.1991. [Электронный ресурс].- КонсультантПлюс.

11. Сообщение о приобретении ОАО «НК «Роснефть» доли участия в уставном капитале другой коммерческой организации (КОО «Роснефть-Монголия»). [Электронный ресурс].-официальный сайт ОАО «НК «Роснефть» - М.: 2008. URL: <http://www.rosneft.ru/Investors/information/spi/Archive/>.

12. Ставки вывозных таможенных пошлин на нефть сырую и на отдельные категории товаров, выработанные из нефти, вывозимые за пределы территории Российской Федерации и территории государств – участников соглашений о таможенном союзе, утвержденные Постановлением Правительства Российской Федерации от 26.12.2011 № 1139. [Электронный ресурс].- КонсультантПлюс.

13. Ставки вывозных таможенных пошлин на нефть сырую и на отдельные категории товаров, выработанные из нефти, вывозимые за пределы территории Российской Федерации и территории государств – участников соглашений о таможенном союзе, утвержденные Постановлением Правительства Российской Федерации от 16.11.2006 № 695 в редакции от 25.02.2013 № 150. [Электронный ресурс].- КонсультантПлюс.

14. Торгово-экономическое сотрудничество между Российской Федерацией и Монголией. [Электронный ресурс].-официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации. - М.: 2012. URL: <http://www.economy.gov.ru/>.

15. Улан-Баторская декларация от 14.11.2000. [Электронный ресурс]. - КонсультантПлюс.

16. Law of Mongolia on Prohibiting Unfair Competition. 12 May 2000 Ulaanbaatar. [Электронный ресурс].-официальный сайт «Всемирная организация интеллектуальной собственности». URL:http://www.wipo.int/wipolex/en/text.jsp?file_id=179310.

17. Voluntary peer review of competition law and policy: Mongolia full report. United nations conference on trade and development. - New York and Geneva, 2012.[Электронный ресурс]. - официальный сайт «Конференция Организации объединенных наций по торговле и развитию». URL:<http://unctad.org/en/Pages/DITC/CompetitionLaw/Voluntary-Peer-Review-of-Competition-Law-and-Policy.aspx>.

ВЛИЯНИЕ ПРАВОПОНИМАНИЯ НА ФОРМИРОВАНИЕ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ В СТРАНАХ АТР

«Законы настолько соответствуют народу, для которого они создавались, что лишь совершенно случайно, законы одной нации могут подойти для другой» (Ж.-Л. Монтескье «О духе законов»). Эту цитату приводит Н. Рулан, начиная раздел «Разнообразие правовых систем», и сразу отмечает: «К счастью, жизнь внесла изменения в суждения Монтескье – юридические системы могут путешествовать по свету и укореняться совсем не в тех местах, где они родились, но с определенными изменениями» [13, С. 40].

Действительно ли это так и могут ли правовые ценности западной цивилизации укорениться в системе социального регулирования общественных отношений в странах Азиатско-Тихоокеанского региона – региона, в котором исторически право не считалось эффективным регулятором? Ответ, как представляется, может быть получен через анализ судебной практики, ведь в целом «вопрос о том, что такое право, имеющий, на первый взгляд, умозрительный характер, самым непосредственным образом связан с положением суда, его ролью и значением как в обществе, так и в государстве» [2, С. 24]. Именно судебная власть является базовой характеристикой любого человеческого общества [14, С. 98].

Сегодня ученые обращают внимание на тот факт, что в настоящее время эпицентр глобального влияния на общемировые процессы вновь смещается на Восток, в частности Азиатско-Тихоокеанский регион. Однако, при этом ведущие компаративисты мира не решаются дать общую характеристику правовым системам входящих в него государств, указывая на то, что они «не могут быть объединены в правовые семьи в силу отсутствия необходимого количества технических характеристик или недостаточной эффективности права, однако они могут быть сгруппированы вокруг определенной идеи, которая будет одинаково освещать их все» [8, С. 234].

В то же время с тем, что в современном мире в целом существуют два условных направления культурно-правового развития – западное и восточное, видимо, согласятся все. При этом если говорить о восточном направлении, то оно в основном формировалось и существует преимущественно в форме обычаев и религиозных правовых систем. Западное же направление представлено светским правом, существует в двух основных формах: романо-германской и англо-американской [1, С. 178]. Страны, которые относятся к двум названным правовым семьям, исповедуют ценности западной цивилизации, что их объединяет. Хотя и разными путями, эти правовые семьи пришли к признанию того, что в основу права положены определенные принципы, являющиеся выражением рациональных начал, обеспечивающие единство всей правовой системы и дающие возможность суду найти справедливое решение в каждом деле. Такую общность можно объяснить в первую очередь тем, что признание связи права и справедливости – составная часть европейской правовой традиции, начиная с Античности [12, С. 14]. Сегодня проявлением признания общих ценностей странами континентальной и англо-саксонской правовых систем стало право, разработанное Страсбургским судом на основании положений Европейской конвенции о защите прав человека. Оно все больше и больше приобретает характер настоящего *jus commune* (общего права) в сфере прав человека в той мере, в которой оно устанавливает нормы, имеющие ценность для ряда стран европейского континента [5, С. 12]. Преданность общим ценностям была отражена в том числе в ст. 1 Устава Совета Европы, в соответствии с которой целью Совета Европы является достижение большего единства между его членами в имя защиты и осуществления идеалов и принципов, которые выступают их общим достоянием, и содействие их экономическому и социальному прогрессу.

И хотя, всё чаще звучат мысли о том, что «человеческая цивилизация вступила в новую фазу своего существования, которая характеризуется увеличением скорости преобразований и глобализацией всех сфер человеческой деятельности, одной из которых является право» [1, С. 180], устойчивость традиций иногда оказывается сильнее и влечет устойчивость культурной, политической, правовой сфер жизни общества [10, С. 146].

Проявлением противоречия между универсальным характером глобальной цивилизации и ее культурной ориентацией стала достаточно напряженная ситуация между универсализмом прав человека и культурными особенностями различных обществ. Несмотря на возросшее влияние, а порой и давление западных ценностей, остаются достаточно существенными различия между Западом и Востоком в понимании прав человека. Сторонники либеральной концепции прав человека, говоря об определенных универсальных принципах и нормах, относят к важнейшим фундаментальным принципам прав человека принцип универсальности, предполагающий и различие. Действительно, нечто «универсальное» (общее, всеобщее) в правах человека как реальное

объективное явление, как реальный объективный процесс не существует вне универсального (особенного или единичного) [7, С. 37].

Если западная культура культивирует стремление человека быть субъектом-организатором деятельности, то в восточных культурах субъектом деятельности чаще всего оказывается целостная группа, которая и является носителем реальных прав, а индивид имеет определенные права, являясь частью этой группы. Активность человека воспринимается только в ее негативном смысле, как нарушение равновесия и гармонии мира, поэтому не деятельность, а недеяние считалось единственно истинным способом взаимодействия человека и мира [3, С. 57].

Страны восточной традиции права, к которым относятся и страны Азиатско-тихоокеанского региона, обладают обширными территориями, многочисленным населением и значительным экономическим, энергетическим и экологическим потенциалом. Они оказывают огромное цивилизационно-культурное влияние на соседние с ними страны и регионы, «формируют глобальные реальности».

Правовая семья действующих так называемых традиционно-юридических систем наделена своеобразием колорита, отличается большим разнообразием. Она классифицируется на дальневосточную и африканскую группы. Первая из них включает Китай, Японию, Бирму, Южную Корею, Монголию, страны Индокитая и Малайзию. Правовые системы Поднебесной и Страны восходящего солнца имеют ведущий характер, т.к. под их влиянием сформировались остальные системы, базируются на светско-этических нормах и диспозитивно-религиозных суждениях, в совокупности предопределив формирование национальных государств. Вторая группа объединяет страны Тропической Африки и Мадагаскар. Правовые системы этих стран сформировались под влиянием этнического и конфессионального разнообразия, а также «колониального права». В них доминируют общинно-обычные (обычно-правовые) отношения и отсутствует национальное единство [9, С. 11]. Народы этих стран не склонны верить в право, как в средство обеспечения социального порядка и справедливости. В них существует право, но оно наделено субсидиарной функцией и играет незначительную роль.

Так, например, история права в Китае является в значительной степени свидетельством его отсутствия или ограничения [13, С. 42]. Закон признается источником права, но только как институт регулирования публичных правоотношений. Применение права рассматривается как крайняя мера санкционированного возмездия. В результате этого наблюдается неразвитость субъективного права, область регулирования общественных отношений которого замещается социальными нормами, и отсутствие признания верховенства прав человека [9, С. 11].

Основное отличие конфуцианской культуры, распространенной в странах Юго-Восточной Азии, от христианской и демократической культуры Запада связано со статусом личности. Человек, например, в Китае не имеет статуса, дающего ему право выступать против семьи и социальных групп, с которыми он связан с рождения. В христианстве понятие трансцендентного Бога, чье Слово представляет собой высший источник истины и права, позволяет личности пренебрегать всеми формами социального долга, начиная с семьи и завершая государством. В современном либерализме христианское понятие универсального Бога, по мнению Ф. Фукуямы, заменено понятием основополагающей человеческой природы, которая служит универсальным основанием справедливости. Либеральные права распространяются на всех людей как таковых. Именно это различие является первопричиной современных расхождений между Западом и Востоком по вопросу политики в области прав человека [15].

При этом внешне китайское право европеизировано и вошло, как это полагают многие изучавшие его, в семью правовых систем, основанных на римском праве, но судебское усмотрение, как субъективное, осталось конфуцианским. Сохранение традиционных понятий, за немногими исключениями, лежит в основе принятия судебных решений и оценке фактических обстоятельств дела. Практика игнорирует законы, как только они вступают в противоречие с традицией. В суды не обращаются не потому, что люди не знают своих прав, или потому, что они не хотят заслужить неодобрение общества. Даже в исключительных случаях обращения за защитой прав в суд, часто получалось так, что китайские судьи выносили решения по стандартам конфуцианства, вместо того, чтобы применять нормы писаного права: они отказывались выселить нанимателя из помещения, так как он беден и ни в чем не виноват, тогда как собственник богат и не нуждается в данном помещении; предоставляли отсрочку должнику, если он был в трудном положении [11, С. 28].

Хотя в Китае имеются суды и судьи, законодательные акты, студенты изучают право, но это не означает, что в реальной жизни идут судебные процессы, выносятся судебные решения, складывается судебная практика. Стороны конфликта в основном обращаются к посредникам по месту жительства

[4, С. 365]. Поэтому обнаружить судебную практику в Китае еще труднее, чем законы. Опубликовано незначительное количество решений Верховного суда. В стране не действует обязательное правило прецедента. Не существует и доктрины. Сегодня в Китае идут значительные преобразования, обновляется законодательство, однако оно «может быть реализовано только в случае существенного возрастания количества судов, судей и если не изменится традиционная враждебность к твердым законам».

Считается, что и согласно японской традиции, судебное разбирательство совершенно не соответствует естественному состоянию вещей, и японцы исходят из того, что обращение в суд свидетельствует о том, что оппонент истца – ненормальный человек, с ним невозможно договориться полюбовно. Тяжущийся японец судебному разбирательству всегда предпочтет примирение [2, С. 25].

Впрочем, с принятием новой конституции в послевоенный период в Японии были закреплены и соответственно перенесены на всю правовую систему принципы верховенства права и разделения властей, институт конституционного контроля, широкий круг прав граждан, примат этих прав, их ненарушимость текущим законодательством и судебная защищенность. «То, что в конституции Японии было предусмотрено разделение властей и институт контроля над конституционностью законодательства, имело конечной целью гарантировать для народа основные права человека. Основопологающую идею при этом составляло понятие верховенства права. В соответствии с этим понятием содержание принимаемых парламентом законов не должно нарушать основные права человека. Также должно быть придано большое значение функции судов общей юстиции по защите граждан от посягательств на права человека со стороны исполнительной власти».

Специалист по истории политической мысли профессор Ока, не колеблясь, говорит о «внешнем конституционализме», характеризуя политический режим Японии. Судьи мотивируют суммарно свои решения, считая бесполезным обосновывать их для заинтересованных лиц. Конституционный контроль осуществляется Верховным судом крайне осторожно, если не ограниченно; акты отмены им законов и иных нормативных актов единичны. Японцы продолжают видеть в праве аппарат принуждения, который использует государство для навязывания более или менее произвольной воли правителей. Идея права в их сознании по-прежнему связана с наказанием и тюрьмой; право – ненавистная вещь; честные люди должны сторониться права. Вызов в суд даже по гражданскому делу считается постыдным, страх позора можно считать главной движущей силой, определяющей поведение японцев. Идея права не проникла в повседневную жизнь японцев [6, С. 184; 14, С. 84].

Следует признать, отличие между разными правовыми семьями не зависит лишь от норм, составляющих национальную правовую систему. Было бы поверхностным и неправильным видеть в праве только совокупность норм [4, С. 19]. Разница в нормах – лишь проявление того, что в основу правовых систем заложены разные принципы, которые в свою очередь являются выражением признанных в обществе ценностей.

Литература:

1. Богатырев В. В. Роль и место стран – лидеров цивилизационного процесса в развитии права. / В. В. Богатырев, Н. А. Лукьянова. // [Вестник Владимирского юридического института](#). – 2010. – № 2. – С. 177-182.
2. Власова Г. Б. Проблемы правопонимания и развитие концепции судебной власти / Г. Б. Власова // [Философия права](#). – 2008. – № 6. – С. 23-27.
3. Гусева И. И. Философия «ухода»: уроки культуры и современность / И. И. Гусева // Диалектика. Перестройка. Человек. – Минск, 1989. – С. 56–62.
4. Давид Р., Жоффре-Спинозе К. Основные правовые системы современности: пер. с фр. В.А.Туманова. – М.: Междунар. отношения, 1998. – 400 с.
5. Де Сальвиа М. Прецеденты Европейского суда по правам человека. Руководящие принципы судебной практики, относящиеся к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Судебная практика с 1960 по 2002 г. / М. Де Сальвиа. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2004. – 1072 с.
6. Еремин В. Н. История правовой системы Японии / отв. ред. А. А. Кириченко. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 293 с.
7. Исакова Г. К. Социокультурный контекст прав человека: диалог культур «Восток – Запад». // [Современные проблемы сервиса и туризма](#). – 2008. – № 4. – С. 36-41.
8. Леже Раймон. Великие правовые системы современности: сравнительно-правовой подход / Раймон Леже ; пер. с фр. Грядов А. В. – М.: Волтерс Клувер, 2009. – 584 с.
9. Небрatenко Г. Г. Доктрина правовой семьи традиционного (обычного) права: современное состояние и перспективы модернизации. / Г. Г. Небрatenко // [Философия права](#). – 2010. – № 5. – С. 10-14.
10. Никифорова Х. П. Особенности обеспечения прав личности в уголовном судопроизводстве Китая / Х. П. Никифорова // [Вестник Оренбургского государственного университета](#). – 2012. – № 3. – С. 145-147.
11. Орман А. А. Китайская Народная Республика. / А.А. Орман. – М.: Дайк-пресс, 2006. – 200 с.

12. Погребняк С. П. Основоположні принципи права (змістовна характеристика): монографія / С. П. Погребняк. – Х.: Право, 2008. – 240 с.
13. Рулан Норбер. Историческое введение в право: учебное пособие для вузов / Норбер Рулан. – М.: NOTA BENE, 2005. – 672 с.
14. Сарсенов А. М. Судейское усмотрение в современных правовых системах. Диссертация на соискание академической степени доктора философии (Ph.D) 12.00.00 - юридические науки / А. М. Сарсенов. – Республика Казахстан, Астана, 2009. – 140 с.
15. Фукуяма Ф. Просмотры / Ф. Фукуяма // Русский журнал. – 1997. – С. 12-15.

РОССИЯ И ЯПОНИЯ: ОБЩЕЕ И СОБЕННОЕ В ПРИОБРЕТЕНИИ ГРАЖДАНСТВА И ПОДДАНСТВА

© Е.Д. Транковская
Россия, г. Владивосток

Гражданство является важнейшим государственно-правовым институтом, определяющим взаимоотношения человека с государством, первоосновой правового статуса личности. Сегодня большая часть населения каждой страны автоматически приобретает гражданство по рождению («филиация») на основе принципов «права крови» и «права почвы» и не испытывает потребности его изменить на протяжении всей своей жизни.

В современный период Россия переживает острый демографический кризис, а также проблему нехватки населения в трудоспособном возрасте. Поэтому РФ заинтересована в притоке рабочей силы. Так, по данным Международного банка реконструкции и развития Россия нуждается в 1 млн. иммигрантов ежегодно [5, С. 35; 6, С. 3-4]. Напротив, экономически развитое государство Япония характеризуется относительно закрытой иммиграционной системой. В XXI век Япония вступила одним из самых мононациональных государств на планете. В структуре населения этого государства значилось менее 1% «лиц неяпонской национальности». Однако с 2006 года население Японии пошло на убыль, уменьшившись на 3,5 тыс. человек, и процесс этот продолжается. Проблемы в социальной и многих других сферах жизни, связанные с падением рождаемости и увеличением численности пожилого населения в Японии не столь остры, как, например, в России. Тем не менее, японцы вынуждены искать выходы из сложившейся ситуации, порой довольно неожиданные для самих себя. Одним из таких выходов видится увеличение числа интернациональных браков и преодоление демографического кризиса с помощью увеличения рождаемости в смешанных семьях, что, в свою очередь, тесно связано с изменением иммиграционных законов и открытием Японии для притока иностранной рабочей силы [9].

В конституционном праве зарубежных стран нередко употребляются два термина: «гражданство» и «подданство». При этом первый термин традиционно характеризует принадлежность лица к определенному государству, его устойчивую правовую связь со своим государством, Термин «подданство» применяется в монархиях. Он отражает личную связь человека с монархом («подданный его величества»). В развитых странах в последние десятилетия указанное различие носит лишь словесный характер, а термины употребляются как равнозначные [7, С. 421-422; 8, С. 315].

В Японии в соответствии со ст. 10 Конституции необходимые условия гражданства определяются законом. Однако соответствующим актом является «Закон о подданстве Японии» от 4 мая 1950 г. № 147 (с последующими изменениями), заменивший Закон о подданстве 1900 г. Особенность действующего закона состоит в том, что, употребляя термин «подданство», он как бы вступает в формальное противоречие с указанной статьей Конституции и конституционным принципом народного суверенитета. Если говорить о содержании Закона, то он не проводит принципиального различия между терминами «гражданин» и «подданный», и в целом ряде статей говорится как о гражданстве, так и о подданстве. Например, в ст. VIII «Лишение подданства» говорится о том, что «гражданин Японии лишается японского подданства с момента добровольного принятия им гражданства иностранного государства» [3, 4, 9].

Основным законом, который регулирует вопросы приобретения гражданства в России, является Федеральный закон от 31.05.2002 № 62-ФЗ «О гражданстве РФ», в Японии - «Закон о

подданстве Японии» № 147 от 1950г. (с изменениями, внесенными законом № 268 от 1952 г., № 45 от 1984 г., № 89 от 1993г.)). Каждый из указанных нормативных правовых актов определяет основания и порядок приобретения гражданства в отдельно взятой стране.

В России, в соответствии с Федеральным законом от 31.05.2002 (в ред. 12 ноября 2012г.) № 62-ФЗ «О гражданстве РФ», установлены следующие основания приобретения гражданства: а) по рождению; б) в результате приема в гражданство РФ; в) в результате восстановления в гражданстве РФ; г) по иным основаниям, предусмотренным настоящим ФЗ или международным договором РФ [2].

В Японии в соответствии с «Законом о подданстве Японии», соответственно:

- а) по рождению;
- б) путем усыновления;
- в) путем натурализации.

подавляющее большинство людей не сталкивается с какими-либо сложностями при приобретении гражданства, прежде всего потому, что они становятся гражданами своей страны с момента рождения и сохраняют это гражданство в течение всей жизни. При этом, применяются два разных принципа или их сочетание: 1) принцип «права крови» (лат. — «jussanguinis»), означающий приобретение гражданства на основании того, что родителями ребенка являются граждане данного государства, независимо от места его рождения (в случае наличия у родителей разного гражданства вопрос о гражданстве ребенка решается обычно по соглашению между ними); и 2) принцип «права почвы» (лат. «jussoli»), в соответствии с которым гражданство приобретается на основании того, что лицо родилось на территории данного государства, вне зависимости от гражданства его родителей. Порядок приобретения гражданства по рождению в изучаемых странах одинаков. Более того, и в России и в Японии преобладает «принцип крови» [7; 8].

Следующим основанием для приобретения гражданства в РФ и Японии является натурализация - приобретение гражданства по разрешению властей. Для натурализации необходимо не только свободное волеизъявление заявителя, но и выполнение определенных законом условий (в общем порядке). Однако возможен и упрощенный порядок, при котором их соблюдение не обязательно.

Условия, предъявляемые лицу, желающему приобрести гражданство одной из этих стран, в целом, имеют сходный характер. Так, и в РФ и в Японии, неотъемлемыми условиями для приобретения гражданства являются: достижение совершеннолетнего возраста, обладание дееспособностью, знание государственного языка, соблюдение Конституции и законодательства страны, высокие моральные качества, наличие законной возможности материально обеспечить свою жизнь в соответствующей стране, общие условия фактического проживания в соответствующей стране, в течение определенного периода времени (не менее 5 лет).

Существенным отличием приобретения гражданства в общем порядке является тот факт, что одним из обязательных условий приобретения японского гражданства является отсутствие иного гражданства, либо его утрата после приобретения гражданства Японии. Однако если иностранец в силу независящих от него обстоятельств не утрачивает свое гражданство, то министр юстиции может дать согласие на приобретение гражданства, если имеются исключительные обстоятельства в отношении связи его или его семьи с гражданином Японии, либо в иных случаях [4].

Для приобретения российского гражданства обязательный отказ от иностранного гражданства не требуется.

В России в соответствии с ч.2 ст.12 ФЗ «О гражданстве РФ» общий срок фактического проживания для приобретения гражданства может быть сокращен до 1 года, если соблюдается одно из следующих условий: а) наличие у лица высоких достижений в области науки, техники и культуры; обладание лицом профессией, либо квалификацией, представляющими интерес для РФ; б) предоставление лицу политического убежища на территории РФ; в) признание лица беженцем в порядке, установленном законодательством РФ [2].

В Японии при приобретении подданства по разрешению властей установлен 3-х летний срок для следующих категорий лиц:

- лиц, родившихся в Японии и непрерывно проживающих в Японии в течение трёх лет,
- лиц, оба родителя которых (за исключением приёмных) родились в Японии,
- фактически проживающих и имеющих постоянное место жительства в Японии в течение свыше трёх лет детей граждан Японии, а также супругов гражданок Японии [4].

Для натурализации жены японца нет такой льготы, как у мужа японки. Подчеркнём, что факт вступления в брак оказывает влияния на правовой статус подданного. Но иностранные граждане

или апатриды, вступившие в брак с японкой, могут приобрести японское подданство в упрощённом порядке.

Некоторые из условий упрощённого порядка приобретения гражданства одинаковы в России и Японии: наличие родителей, которые являются гражданами страны, особые заслуги перед государством, брак в течение трёх лет с гражданином соответствующей страны. В то же время, множество условий, необходимых для получения права на упрощённый порядок приобретения гражданства различны в исследуемых государствах. Так в России упрощённый порядок предусмотрен для ветеранов Великой Отечественной войны, для недееспособных лиц, иностранных граждан и лиц без гражданства, имевших гражданство СССР и в некоторых других случаях, предусмотренных ст. 14 ФЗ «О гражданстве РФ» [2].

На основании Указа Президента Российской Федерации от 19 октября 2011 г. № 1391 «О внесении изменения в Положение о порядке рассмотрения вопросов гражданства Российской Федерации» упрощено приобретение гражданства РФ для иностранных граждан, прибывших из Республик Казахстан, Кыргызстан, Белоруссии и зарегистрированных по месту жительства в Российской Федерации. Указанные категории лиц могут обратиться с заявлением о получении Разрешения на временное проживание сроком на 3 года (кроме граждан Республики Беларусь – граждане Республики Беларусь имеют право сразу обращаться по вопросу получения Вида на жительство в РФ, минуя получение Разрешения на временное проживание). Далее через 6 месяцев после получения Разрешения на временное проживание и подачей налоговой отчётности с уведомлением о подтверждении права проживания в территориальные органы УФМС России, указанные выше, иностранные граждане имеют право обратиться в территориальные органы УФМС России по вопросу получения Вида на жительство в РФ сроком на 5 лет. После получения Вида на жительство в РФ и при наличии, хотя бы одного из законных оснований (рождение на территории РСФСР, состояние в браке с гражданином(кой) РФ, наличие нетрудоспособного родителя состоящего в гражданстве РФ и постоянно проживающего на территории РФ, окончание среднего специального или высшего учебного заведения на территории РФ после 1 июля 2002 года) граждане Республик Казахстана, Кыргызстана и Белоруссии имеют право обратиться в территориальные органы УФМС России по вопросу приобретения гражданства РФ и срок рассмотрения для них составит в упрощённом порядке 3 месяца. Общий срок приобретения гражданства РФ гражданами Республик Казахстана и Кыргызстана составляет до 2-х лет, для граждан Республики Беларусь - до 1-го года.

В Японии, предусмотрены следующие способы получения гражданства путём натурализации в упрощённом порядке: проживание лица в течение десяти и более лет подряд в Японии, если лицо родилось в Японии и с момента рождения не приобрело иного гражданства и проживало в Японии не менее трёх лет с момента рождения, а также иные способы приобретения гражданства в упрощённом порядке, предусмотренные ст.6-8 «Закона о подданстве Японии» [4].

Некоторые льготы для приобретения подданства предоставляются министром юстиции с согласия Парламента иностранцам, имеющим особые заслуги перед Японией.

Помимо приобретения гражданства по рождению и натурализации в России и Японии существуют иные способы приобретения гражданства.

Законодательством РФ предусмотрен такой способ приобретения гражданства, как восстановление в гражданстве. Согласно ст.15 ФЗ «О гражданстве РФ» иностранные граждане и лица без гражданства, ранее имевшие гражданство РФ, могут быть восстановлены в гражданстве РФ при соблюдении определённых вышеуказанным законом условий, при этом срок их проживания на территории РФ сокращается до трёх лет.

Необходимо отметить, что ст. 17 «Закона о подданстве Японии» также предусмотрены некоторые случаи восстановления гражданства Японии, утраченного в соответствии со ст.12 и 15 вышеуказанного закона.

К иным основаниям приобретения российского гражданства относится и оптация, предусмотренная ст.17 ФЗ «О гражданстве РФ», согласно которой: «при изменении Государственной границы РФ в соответствии с международным договором РФ лица, проживающие на территории, государственная принадлежность которой изменена, имеют право на выбор гражданства (оптацию) в порядке и сроки, которые установлены соответствующим международным договором РФ» [2].

В Японии иным основанием приобретения гражданства является приобретение гражданства вследствие усыновления. Законно усыновлённым детям также предоставляется подданство, если один из приёмных родителей — японский подданный или если усыновление производили оба супруга и хотя бы один из них состоял в японском подданстве, при условии, что приёмные дети японских подданных непрерывно проживали на территории государства более одного года, а также,

если они достигли совершеннолетия в соответствии с японскими законами (20 лет). Также к категории лиц имеющих право на натурализацию в порядке так называемого *признания гражданства* отнесены: дети лиц, натурализованных в Японии до вступления в силу Закона о подданстве 1950 г., лица, вступившие в брак с японскими подданными во время действия предшествующего закона [4].

Не имеют права на натурализацию иностранцы, проживающие на территории Японии, но не достигшие 20-летнего возраста (за исключением указанных выше), не обладающие достаточным капиталом или возможностями для обеспечения самостоятельного существования. Последнее требование Закона — достаточно распространённое и направлено главным образом на поддержание относительно стабильного уровня жизни собственных граждан, устанавливаемого обычно соответствующим стандартом. Требование относительно возраста также является обычной практикой. Поскольку по японским законам совершеннолетие наступает с 20-летнего возраста, то естественно, что заявитель моложе 20 лет не обладает дееспособностью по местным правилам.

Не имеют права на натурализацию иностранцы, которых компетентные органы определяют как неблагонадёжных, а также если после принятия японской Конституции иностранец замыслил действия, направленные либо против Конституции, либо на свержение насильственным путём правительства, учреждённого Конституцией, а также создавал антиконституционные партии и другие подобного рода организации или принимал активное участие в их деятельности

Следует обратить внимание на то, что окончательное решение о приёме в российское гражданство принимает Президент РФ путём издания указа индивидуального характера, в Японии — министр посредством опубликования в официальном вестнике своего одобрения на натурализацию лица.

Итак, современная Россия в силу сложившейся социально – экономической и демографической ситуации нуждается в притоке иммигрантов. Действующий в нашем государстве ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» является достаточно либеральным и в значительной мере направлен на способствование увеличения числа российских граждан. Россия - многонациональное государство, причём состоящее не только из коренного, но и приезжего населения. Экономически развитая Япония была и остаётся моноэтническим государством с относительно закрытой иммиграционной системой.

Литература:

1. Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993г.) // Российская газета от 25 декабря 1993 г.
2. Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве РФ» (в ред. от 12 ноября 2012 г. № 182-ФЗ) // [Электронный ресурс]. – «Консультант-Плюс». URL: <http://www.consultant.ru/>.
3. Конституция Японии от 3 мая 1947 г. // [Электронный ресурс]. – «Современная библиотека». URL: <http://www.modernlib.ru/>.
4. Закон о гражданстве Японии от 1950 г № 147 (с изменениями, внесёнными законом N268 от 1952 г., N45 от 1984 г., N89 от 1993 г.) // [Электронный ресурс]. – «Elma Travel». URL: <http://www.japantur.ru/zakon-o-grazhdanstve-yaponii>.
5. Воробьева О. Д. Миграционные процессы населения: вопросы теории и государственной миграционной политики // Проблемы правового регулирования миграционных процессов на территории Российской Федерации / Аналитический сборник Совета Федерации ФС РФ — 2003. — № 9 (202). — С. 35.
6. Гуриев С, Андриенко Ю. Анализ миграции в России: Всемирный банк Международный банк реконструкции и развития, 2006. – 53 с.
7. Козлова Е.И. Конституционное право России: учебник / Под ред.: Е.И. Козловой, О.Е. Кутафина. - 3-е издание, переработанное и дополненное. – М.: Юристъ, 2004. - 585 с.
8. Мишин А.А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: учебник для вузов / А.А. Мишин. М.: Юстицинформ, 2009. - 560 с.
9. Япония. Вопросы гражданства. // [Электронный ресурс]: Департамент консульской службы Министерства иностранных дел. URL: <http://www.dcsmf.kg/>.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РФ И КНР В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

© С.Ц.Мункуева
Россия, г.Улан-Удэ

Актуальность работы заключается в стремительном развитии рынка образовательных услуг, транснациональности образования в современном мире. Ведущие страны мира борются за главные позиции в мировом образовательном пространстве. Без качественного уровня образования в государстве невозможно быть лидером на международной арене. Особый интерес в рамках данного вопроса представляет КНР. Китай занимает передовые позиции в области информационных технологий, нанотехнологий и промышленного производства. Многие российские школьники и студенты поступают в китайские вузы.

Цель данной работы заключается в анализе законодательства КНР в сфере образования и в его сравнении с законодательством РФ. Сравнительный анализ осуществляется в различных аспектах: доступность образования, права и ответственность его субъектов, использование новейших технологий, направленность на международную арену.

Российский закон об образовании охватывает сразу все необходимые аспекты. В КНР же образование регулируется несколькими законами и положениями. В качестве материалов для сравнительного анализа были использованы: Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» и Закон КНР «Об образовании» от 18 марта 1995 года.

В начале исследования был проведен сравнительный анализ по выявлению общих черт. Отношения в сфере образования в РФ и КНР базируются на конституциях и направлены на реализацию конституционного права на образование. Оно является светским, должно быть равным и доступным, не зависимо от пола, расы, национальности, физических возможностей и т.д. Вышеназванные законы действуют на всей территории исследуемых стран, то есть принцип единства образовательного пространства обеспечен. Граждане имеют право на образование в течение всей жизни. Полномочия в сфере образования осуществляются исполнительными органами государственной власти. Основными устными и письменными языками в образовательных организациях являются соответственно русский и китайский языки. Однако в обеих странах предусмотрен доступ к образованию на языке этнических групп.

Различия в исследуемой сфере проявляются уже в определении понятия образования и в формулировании его целей. В пункте 1 статьи 2 ФЗ «Об образовании в РФ» сказано, что образование – «это единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определенных объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов». В статье 4 Закона КНР «Об образовании» указывается, что образование является основой движения по пути социалистической модернизации. Китай развивает образование, руководствуясь идеями марксизма-ленинизма, Мао Цзэдуна, теорией построения социализма с китайской спецификой[1]. Как мы видим, понятие образования в РФ более обширное, оно лишено идеологической составляющей. Китай же делает упор на продвижение идеологии своего государства.

В РФ руководство сферой высшего образования осуществляется Министерством образования и науки, а в КНР – Госсоветом через подчиненные ему ведомства по принципу управления на разных уровнях и разделения ответственности. Данные положения закрепляются в статьях 6-9 ФЗ «Об образовании в РФ» и статьях 14-16 закона КНР «Об образовании». Данные положения входят в первые главы законов.

Вторые главы вышеназванных законов регулируют систему образования. В данной главе российского закона представлена система уровней образования, федеральные государственные стандарты, уточнена классификация образовательных программ, уделено особое внимание новым формам реализации образования – сетевой, дистанционной. Уточнены понятия экспериментальной и инновационной деятельности. В законе КНР представлена сама «научно обоснованная система обучения», формы обучения, сроки. В РФ устанавливаются следующие уровни общего образования: дошкольное, начальное общее, основное общее, среднее общее. Уровни профессионального образования – среднее профессиональное, высшее как бакалавриат, специалитет, магистратура и подготовка кадров высшей квалификации[2]. КНР использует систему школьного образования, включая дошкольное образование, начальное образование, среднее образование и высшее образование. Обязательное образование является в обеих странах одинаковым – 9 классов. Однако в РФ этот срок может меняться в зависимости от субъекта.

В главе 3 «лица, осуществляющие образовательную деятельность» закона РФ определен круг лиц, которые имеют право осуществлять образовательную деятельность. Это образовательные

организации и индивидуальные предприниматели. Также в главе 3 четко оговорены типы, виды образовательных организаций, дополнительные образовательные организации, устав. Закреплено право осуществлять организацию отдыха и оздоровления обучающихся в каникулярное время. В главе 5 «педагогические, руководящие и иные работники организаций, осуществляющих образовательную деятельность» перечислены академические и трудовые права, меры социальной поддержки педагогов, их правовой статус, обязанности и ответственности. Если данной теме российский закон уделяет две обширные подробные главы, то закон КНР ограничивается несколькими небольшими статьями. Государство КНР создает школы и другие учебные заведения.

В статье 51 Федерального закона РФ «Об образовании в РФ», состоящей из 14 пунктов, подробно расписаны требования к руководству образовательной организации, их права и обязанности. Руководитель должен соответствовать ряду квалификационных требований, указанных в надлежащих справочниках. Директор или главный управляющий школы или любого другого учебного заведения в Китае также должен отвечать требованиям для занятия этого поста. Однако данные требования в законе не раскрыты, также не указано где следует искать этот список качеств руководителя, что на наш взгляд является недостатком. Кроме соответствия положенным качествам директор учебного заведения в КНР должен быть гражданином КНР и проживать на его территории. Такое требование в российском законе не указано. Мы предлагаем ввести его.

В главе 4 «обучающиеся и их родители (законные представители)» закона РФ введено понятие «обучающийся», перечислены их права и меры социального обеспечения, ответственность. В законе КНР в главе 5 «учащиеся» затрагиваются только права, обязанности и общие условия обучения последних.

Порядок финансирования вузов законодательно закреплен в соответствующих законах. Денежные затраты, выделяемые на образование являются целевыми и могут быть потрачены только по назначению. Возможно получение средств из других источников, помимо государства: местные бюджеты, целевые фонды, средства, получаемые самими образовательными учреждениями[3].

Глава 14 ФЗ «Об образовании в РФ» регулирует международное сотрудничество в сфере образования. Глава 8 закона КНР «Об образовании» под названием «Зарубежный обмен и сотрудничество в области образования» регулирует ту же самую область. Плюсом российского закона является наличие таких положений как статья 106 «подтверждение документов об образовании и (или) о квалификации» и статья 107 «признание образования и (или) квалификации, полученных в иностранном государстве».

Такие главы закона РФ «Об образовании в РФ» как глава 6 «Основания возникновения, изменения и прекращения образовательных отношений», глава 8 «профессиональное образование», глава 9 «профессиональное обучение», глава 11 «особенности реализации некоторых видов образовательных программ и получения образования отдельными категориями обучающихся не находят себе место для сравнения в законе КНР «Об образовании».

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы. Закон об образовании РФ является более обширным, охватывает множество аспектов в сфере образования, в нём раскрыты многие термины, используемые в учебном процессе. Закон КНР об образовании краток, однако это не сказывается на его правовом качестве. Сфера образования в Китае регулируется несколькими законами и положениями, далеко не все из которых переведены на русский язык.

Следует отметить, что статьей 43 Конституции РФ гарантируется общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования. Каждый вправе на конкурсной основе бесплатно получить высшее образование в государственном или муниципальном образовательном учреждении и на предприятии. В КНР школьное образование до недавних пор являлось платным, а обучение в вузе до сих пор доступно только на платной основе.

В КНР на образование смотрят как на двигатель идеологии социализма «с китайской спецификой». Образование основано на идеях марксизма-ленинизма, Мао Цзэдуна. В РФ никакая идеология не может являться государственной.

Литература:

1. Закон КНР «Об образовании» от 18 марта 1995 года.
2. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».
3. Боровская Н.Е. Государство и школа: Опыт Китая на пороге III тысячелетия. Ин-т Дальнего Востока. – М. : Вост. лит., 2003.
4. URL: <http://asia-business.ru/law/law3/education/>

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОХРАНЫ АВТОРСКИХ ПРАВ В РОССИИ И КНР: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

© Б.А. Бальжиев
Россия, г. Улан-Удэ

Система интеллектуальной собственности – это экономико-правовой комплекс, который направлен на развитие человечества в экономической, политической, социальной и других сферах. С последующим развитием мировой науки и техники, изобретения различных инновационных технологий, будет наблюдаться расцвет всего человечества.

На сегодняшний день процессы глобализации, которые пронизывают все сферы человеческой деятельности, с каждым днем увеличивают роль системы интеллектуальной собственности вообще и авторского права в частности. В связи с этим вопросы, касающиеся охраны авторских прав не могут не вызывать интерес.

В данной работе осуществлена попытка сравнительно-правового анализа охраны авторского права в России и Китайской Народной республике. Выявлены достоинства и недостатки в системе законодательства, направленного на охрану авторского права в данных странах.

На сегодняшний день в российском законодательстве различают авторские и смежные права. Наиболее разделяемая точка зрения в юридической науке, это такой подход, согласно которому, авторские права должны обеспечивать охрану произведений – результатов творческой деятельности авторов, а что касается смежных прав, то они являются своего рода дополнением, как бы примыкают к авторским правам, но с их помощью производится охрана совсем иных объектов интеллектуальной собственности.

Под авторским правом понимаются права, возникающие у автора, а в некоторых случаях и у других лиц (соавторов), при создании им произведения.

В настоящее время, в соответствии со статьёй 1255 Гражданского кодекса Российской Федерации, к авторским правам относятся:

1. исключительное право на произведение – право на результат интеллектуальной деятельности;
2. право авторства – право признаваться автором произведения;
3. право автора на имя – право использовать или разрешать использование произведения под своим именем, под псевдонимом или анонимно.
4. право на неприкосновенность произведения – недопустимость внесения изменений в произведение без согласия автора;
5. право на обнародование произведения – право сделать произведение доступным для всеобщего сведения путём опубликования, публичного показа, исполнения и т.д.

В некоторых случаях, также предусмотренных Кодексом, к авторским правам ещё относятся право на вознаграждение, на отзыв, право следования, доступа к произведениям изобразительного искусства. Автором результата интеллектуальной деятельности признаётся гражданин, творческим трудом которого был создан этот результат. Не признаются авторами результата интеллектуальной деятельности граждане, не внёвшие личного творческого вклада создание такого результата, в том числе оказавшие его автору техническое, консультативное, организационное или материальное содействие или помощь, либо только способствовавшие оформлению прав на такой результат или его использованию, а также граждане, осуществлявшие контроль за выполнением таких работ. Право авторства, право на имя и иные личные неимущественные права автора неотчуждаемы и непередаваемы. Отказ от этих прав ничтожен. Права на результат интеллектуальной деятельности, созданный совместным творческим трудом двух или более граждан (соавторство), принадлежит соавторам совместно. Авторские права – это имущественные и личные неимущественные права.

Способы защиты – это предусмотренные законодательством правовые средства, с помощью которых могут быть достигнуты пресечение, предотвращение, устранение нарушений права, его восстановление и компенсация потерь, вызванных нарушением права. Способы защиты авторских прав в России, в зависимости от того, к области каких правовых отношений они относятся, могут быть разделены по типам на: гражданско-правовые, уголовно-правовые и административно-правовые. Наибольшую эффективность и практическую значимость имеют гражданско-правовые

способы защиты, реализуемые обычно в рамках юрисдикционной формы защиты. В гражданском законодательстве РФ можно выделить два уровня регулирования способов защиты гражданских прав.

Первый уровень состоит в определении таких способов защиты, которые носят универсальный характер и могут быть применены для защиты любого субъективного гражданского права. Данные способы защиты установлены в ст.12 ГК РФ:

Второй уровень регулирования заключается в установлении способов защиты, применяемых только для защиты конкретных видов гражданских прав или защиты от конкретных правонарушений. Данный способ осуществляется посредством применения статей части 4 ГК РФ.

Что касается формы защиты авторских прав то как правило в юридической науке выделяют юрисдикционную и неюрисдикционную формы защиты.

В Китае с 1991 года действует «Закон об авторском праве», на основе которого и выстраивается правовая система, направленная на регулирование авторских прав и их защиту. Начиная с 2010 года, в данный закон очень интенсивно вносятся поправки, в частности в июне 2010 года были обнародованы и стали действовать такие нормативные акты, как «Положение о защите программного обеспечения компьютеров», «Положения об осуществлении «Закона об авторском праве», «Порядок применения административных наказаний за нарушение авторского права» и др. Что касается системы административного управления, то в Китае она имеет трехступенчатую структуру, в которую входят государственный, провинциальные и окружные (городские) управления по делам авторского права.

В последние годы учреждения административного управления на всех уровнях в области защиты авторского права постоянно повышают уровень исполнения соответствующих законов.

Основная проблема в Китае, как и в России - проблема пиратства.

Можно сравнить каким образом происходит борьба с пиратством.

На сегодняшний день законодательство об авторском праве Китая устанавливает, что нарушение авторских прав автоматически влечет за собой гражданско-правовую, административную и уголовную ответственности [1].

Также за нарушение авторских прав законодательством КНР предусмотрена административная ответственность. Применение мер административной ответственности связано как с нарушением авторских прав, так и с причинением вреда общественным интересам. Меры административной ответственности предусмотрены Законом КНР, а также статьей 8 Закона КНР «Об административных наказаниях». Среди них: прекращение правонарушения; конфискация противозаконных доходов, конфискация и уничтожение контрафактных экземпляров произведений; административный штраф; конфискация средств и оборудования, с помощью которых производились контрафактные экземпляры произведений – применяется в случае наличия отягчающих обстоятельств.

Также важно отметить следующую особенность: административные санкции могут применяться без решения суда административными органами [2], которые осуществляют такую деятельность самостоятельно либо через специально назначенные некоммерческие организации. Юридическую ответственность за действия такой организации несет назначивший ее орган. Также должна быть исключена возможность применения наказания дважды за одно и то же деяние. Третьим видом ответственности на нарушение авторских прав является уголовная ответственность за совершение следующих деяний (ст. 217 Уголовного Кодекса КНР): тиражирование и распространение литературных и музыкальных произведений, кино-, теле-, видеопроизведения, гибких компьютерных дисков и иных произведений без разрешения владельца авторских прав; издание печатной продукции, исключительное право на издание которой принадлежит другим лицам; тиражирование и распространение аудио и видеозаписей без разрешения их авторов; создание и продажа поддельных произведений искусства известных авторов. Совершение любого из вышеперечисленных деяний с целью извлечения прибыли, если была получена сравнительно крупная сумма или при иных отягчающих обстоятельствах наказывается одной из следующих санкций: лишение свободы на срок до 3 лет; краткосрочный арест; штраф – данная санкция может применяться как самостоятельно, так и в качестве дополнительной.

Если в результате совершения противозаконного деяния получена крупная сумма или деяние совершено при отягчающих обстоятельствах, то применяется лишение свободы на срок от 3 до 7 лет и штраф. Причем, с декабря 2004 г. вступили в силу поправки, усиливающие меры уголовной ответственности за изготовление контрафактных произведений. Лишение свободы на срок от трех до семи лет будет применяться к производителям контрафакта на сумму от 6000 юаней – в два раза меньше, чем прежде. В перечень авторских преступлений также включена и торговля контрафактными произведениями через Интернет, на чем особенно настаивали американские

предприниматели. Новые положения, ужесточающие меры ответственности на совершение авторских преступлений, направлены на повышение эффективности правовой защиты авторских прав в Китае.

Авторское законодательство Российской Федерации также предусматривает три вида ответственности за нарушение авторских прав – гражданско-правовую, административную, уголовную ответственность. Основные меры гражданско-правовой ответственности, применяемые в случае нарушения авторских прав, содержатся в статьях 1250, 1251, 1252, 1253 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - ГК РФ). По общему правилу, автор может защищать нарушенные права любыми не противоречащими закону способами, в том числе и предусмотренными статьей 12 ГК РФ, среди которых: признание права; самозащита права; возмещение убытков; взыскание неустойки; компенсация морального вреда и др. Одним из перечисленных способов защиты авторских прав является возмещение убытков. Применение этой нормы в авторском праве имеет следующую особенность: вместо возмещения убытков авторы могут требовать от нарушителя выплаты компенсации (п. 3 ст. 1252 ГК РФ) в сумме, определяемой по усмотрению суда в зависимости от характера нарушения и иных обстоятельств дела с учетом требований разумности и добросовестности.

Однако привлечение нарушителей авторских прав к административной ответственности до сих пор является скорее исключением, нежели правилом. Реализация нормы ст. 7.12 КоАП затруднена сложностью выявления контрафактной продукции работниками правоохранительных органов. Третьим видом ответственности за нарушение авторских прав в РФ является уголовная ответственность, предусмотренная Уголовным Кодексом Российской Федерации (далее - УК РФ) за посягательство на авторские права, совершенное в крупном размере (ст. 146 УК РФ). Причем законодатель, разместив данную статью в главе 19 «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина» раздела «Преступления против личности», подчеркнул особую важность борьбы с данными преступлениями, посягающими, прежде всего, на конституционные права авторов и иных правообладателей.

Литература:

1. Ст.3 Закона КНР «Об авторском праве».
2. Ст. 15 Закона КНР «Об административных наказаниях».
3. Тараненко Е.М – Сравнительно-правовой анализ защиты авторских прав в Китае и России
4. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая: федеральный закон от 18.12.2006 № 231-ФЗ (в ред. от 08.11.2008 № 201-ФЗ) [Электронный ресурс] / СПС «Консультант плюс».
5. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (постатейный). Часть четвертая / Э.П. Гаврилов, О.А. Городов, С.П. Гришаев и др. - М.: Проспект, 2007. – 782 с.
6. Сергеев А.П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации. – М.: Проспект, 2007. – 752 с.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СВОБОДЫ СЛОВА В РОССИИ И КИТАЕ

© С.Ю. Колмаков
Россия, г. Улан-Удэ

Свобода слова, закреплённая в международном праве, является основным постулатом прав человека, которая выражается в свободе излагать своё мнение и мысли, как в письменной, так и в устной формах.

Конституция Российской Федерации, провозглашая Россию (ст. 1) демократическим правовым государством, гарантирует свободу мысли и слова, свободу массовой информации, провозглашая право каждого свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом, и запрещает цензуру (ст. 29). Но на конституционном же уровне Россия устанавливает, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц (ч. 3 ст. 17) и может быть ограничено федеральным законом.

Провозглашая свободу слова и устанавливая её ограничения, российский законодатель исходил из западных идей о естественных правах человека, поскольку исторически и ментально Россия тяготеет больше к Западу, нежели к Востоку.

Согласно статье 35 Конституции КНР граждане Китая пользуются свободой слова, печати, собраний, объединений, процессий и демонстраций.

Между тем, закрепляя за гражданами КНР свободу слова и печати, Конституция не предоставляет конституционного закрепления нормы о свободе мысли. Из этого можно сделать вывод о том, что государство, предоставляя гражданам свободу слова, заранее определяет санкции за выражение мыслей, идущих вразрез с государственной идеологией. Отсутствует и конституционное закрепление права на информацию. Это продиктовано тем, что в Китае принята социалистическая концепция прав человека и гражданина с «китайской спецификой».

Поэтому Конституция КНР отрицает концепцию «естественных прав». Конституция КНР предусматривает типичную для социалистических конституций формулировку «права и обязанности гражданина», а не «права и свободы человека», которая содержит большой перечень обязанностей. Установка на права гражданина, а не права человека вообще, также характерна не только для стран с социалистической формой устройства, но и для азиатских стран, в которых развивалось конфуцианство, и к которым, естественно, относится Китай. [1]

Конфуцианство базируется на том, что государство должно быть основано на принципах семьи, её иерархической организации и почти абсолютной власти главы семьи, что отличается от западных устоев. В этой статичной концепции общества в качестве основных принципов профессор Чжао Чуньфу указывает на следующее[2]: 1. Идея иерархии и взаимозависимости (обоюдности) не согласуется с современным принципом равенства и духом демократии. 2. В конфуцианской этике права отделены от обязанностей, что противоречит демократическим принципам. 3. Возвеличивание семьи, власть императора и культ предков противоречат принципу индивидуализма. 4. Конфуцианское требование почитания старины не соответствует принципу созидательности современного общества.

Эти особенности, которые Китай вырабатывал несколько тысячелетий, объясняют стремление законодателя установить ограничения на свободу слова, которое идёт вразрез с государственной властью и её политикой, так как это противоречит духу конфуцианского коллективизма и его идеям общего блага. В связи с этим стоит отметить мнение китайского аналитика, ректора Китайского университета в Сянгане, профессора Цзинь Яоцзи[3], который, в частности, отмечает, что «неприемлемыми для конфуцианства являются либерализм и индивидуализм, свойственные, прежде всего, западным демократиям».

Как в России, так и в Китае защита права на свободу мысли и слова осуществляется государственными органами в лице национальной судебной системы.

Процесс обращения в судебные или правоохранительные органы осуществляется схожими способами, как в России, так и в Китае. Но возможность добиться справедливости в Китае исчерпывается национальной судебной системой.

Отсутствие возможности обратиться в международный орган для защиты прав продиктовано несколькими соображениями и особенностями Китая, в том числе и тем, что международные органы, по мнению китайских учёных и самого населения, не в состоянии решить дело по справедливости, так как понятие справедливости в Китае не такое, как в западном понимании. В Китае характерна незначительная роль права. Во-первых, китайцы сдержанно относятся к нашей идеи права с его строгостью и абстрактностью. Человек не должен настаивать на своих правах, поскольку долг каждого – стремиться к согласию и забывать о себе в интересах всех. Во-вторых, в Китае развит институт, который у нас только набирает силу – медиация, так как китайцы всегда стараются решить проблемы мирным урегулированием спора, и только в последнюю очередь обращаются в суд. Примером служит китайская поговорка - «Выигранный процесс – потерянные деньги»[4].

Но стоит отметить, что хоть КНР и не воспринимает юрисдикцию международных органов, тем не менее, в Китае, как и в России, признан принцип верховенства международных норм над внутренним правопорядком.

Важное понимание в сравнении установления и реализации свободы слова в России и Китае являются особенности исторического развития данного явления, а также отношение граждан к плюрализму мнений и ментальность народа. Стоит отметить, что Россия, переживая перелом общественного сознания, пришла к моменту, когда свобода слова, мнения и плюрализм становятся краеугольным камнем развития нашего общества и государства. И существующие проблемы, и ущемление свободы слова в России должны быть решены по справедливости в судебном порядке, чтобы социальное недовольство народа имело свой выход путём защиты своих прав в судах. А если национальная судебная система не удовлетворяет притязаний, то, таким образом, есть возможность защитить свои права от государства в наднациональном суде.

В Китае ситуация иная. Во-первых, как отмечает исследователь и профессор Чжоу Син, в настоящее время политическая культура Китая отличается отсутствием толерантности к

политическому инакомыслию, особенно в отношении принципа гарантии прав меньшинства. Причем интерес вызывает тот факт, что с повышением уровня образования степень нетерпимости не уменьшается. Исторически граждане Китая, с одной стороны, извлекают выгоды из преимуществ общежития, а с другой — несут на себе возложенные на них государством обязательства[5]. Государство предоставляет гражданину защиту и безопасность и обеспечивает гражданскую свободу.

Поэтому китайцам не характерно идти вразрез с общественным мнением. Кроме того, у китайцев развиты: 1. Сильное чувство социальной ответственности. 2. Энергичное и деятельное отношение к жизни: конфуцианская этика подчеркивает, что добродетельный человек должен постоянно содействовать прогрессу и что ценность жизни заключается в активном созидании, а не в критике. 3. Кроме того, упор на моральные ценности, деятельность и саморегуляцию способствовали развитию духа патриотизма китайского народа. 4. Принцип позитивного отношения к другим согражданам способствует созданию положительного микроклимата в китайских социальных группах. 5. Дух прагматизма.

Учитывая вышеизложенное, мы приходим к выводу, что в различных национальных правовых системах, законодатель устанавливает разнообразные гарантии и ограничения свободы слова. Особенно это замечается при сравнении стран запада и востока. Поэтому на международном уровне происходят противоречия между непохожими правовыми, культурными и национальными системами, которые, к примеру, проявляются в столкновении позиций Китая и стран запада по проблеме свободы слова и её реализации, т.е. верховенства права. А эти особенности, как мы указывали выше, формируются на ментальном, культурном уровнях в процессе исторического развития, следовательно, на наш взгляд, данные критерии должны учитываться при разрешении проблем верховенства права.

Литература:

1. Рене Давид// Основные правовые системы современности/Издательство: Международные отношения, С. 350
2. Сидорейко И.В. Конфуцианство и современная политическая культура Китая// Журнал международного права и международных отношений № 3, 2008 - С. 120
3. Чуньфу, Чжао. Конфуцианская этика и модернизация: конфликт и интеграция // Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы: материалы X Междунар. науч. конф., Москва, 22—24 сент. 1999 г. Ч. II: Китай на пути модернизации и реформ / Ин-т Дальн. Востока РАН. М., 1999. С. 123—126.
4. Бергер, Я. Политическая реформа в Китае // Азия и Африка сегодня. 2007. № 8. С. 49.
5. Zhou, Zhenghuan. Liberal Rights and Political Culture. Envisioning Democracy in China. New York; London, 1999. p. 175—176

II. ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ В СТРАНАХ АТР

О РАЗДЕЛЕ ИМУЩЕСТВА ЛИЦ, НАХОДЯЩИХСЯ В РАЗВОДЕ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ КИТАЯ

© Лян Минь янь
© Чен Хун Сюй
© Полицина Т.
Китай, г. Чанчунь

Важным вопросом при разводе по Закону о браке является раздел имущества. Паритет супругов и их имущественных отношений при разводе ограничены. Ограничения имущественных отношений оказывает огромное влияние в современном обществе. Столкнувшись с возрастающим количеством разводов в Китае как реальной действительностью, становится особенно заметным необходимость эффективного устранения проблемных вопросов развода, и в особенности, вопросов раздела имущества при разводе супругов.

Ключевые слова: *Имущество супругов, недвижимость в разводе, работа по дому.*

ON THE DIVISION OF PROPERTY IN DIVORSE SYSTEM OF CHINE

The division of property in divorce is an important issue in the Marriage Law. The identity relations of spouses and property relations in divorce are limited. Restrictions on property relations seem like an enormous impact in today's society. Faced with the increasingly high divorce rate in China, how to face the reality, effectively deal with the controversial issues of divorce in reality, especially the division of property in divorce becomes especially prominent.

Keyword: *Marital property, property in divorce, housework.*

1. The historical development of the matrimonial property system in China

The strong spirit of Clanism is a major feature when it comes to China's divorce system, marriage is not only a ceremony between the couple, it also symbolizes a major event of the two families. Ancient China was a society of acquaintances, for the dissolution of marriage, it related to the interests prestige and status between the two families, caused affinity eradication as well. It produced a series of identity, property, and other aspects of the problem. Because people regarded the husband and wife as one in social customs and laws, the wife was not allowed to be independent, she had absolutely no decision-making power of family property; people weren't free to divorce. A relatively broad space for divorce in the laws was built in the Tang Dynasty. Man could separate the dissolution of marriage unilaterally in Legal provisions. It shifted from the official mandatory divorce system to allow an agreement to dissolve the marriage which individual families and the officials created a Legal System from. Until the Republic of China, with the impact of western democratic ideas, people began to promote the idea of equality between men and women in Communities. The social status of women was improved continuously. Therefore some cases were provided for the division of property when the couple divorced in ROC Civil Code. Shaking the traditional thinking that men who respected women was discriminated against, forming the rudiment of marital property that is divided. With the establishment of the new China, social progress, Marriage Law will continue to be perfected.

2. The matrimonial property system in China at the moment

Matrimonial property system in China today refers to the legal relationship of husband and wife. Property system is divided into legal property system and agreed property system. Legal property system refers to the problems of property relations that the both of the spouses don't make the convention to the property relations of the two sides before marriage, or no legal effect for the convention, applicable to matrimonial property system in accordance with the provisions of the law, including the couple's joint property system and couples personal property system. Agreed property system refers to the form of couples through a written agreement, the legal system that the property rights will be appointed on before and after marriage. At present there are many problems on divorce division of property disputes due to property rights and interests of couples' sides not to be appointed before marriage, thus many problems of divorce division

of property disputes are applicable to the relevant provisions of the law. When a couple's marriage breaks down, the divorce division of property issues is ensuing. Specifically in the legal property system.

Property in divorce refers to the tangible and intangible property after dissolution of the relationship between husband and wife marriage. It can also be equity. It's a necessary prerequisite for correct understanding divorce property that is devising. It directly relates to the fairness and justice of the division of property.

If we can deal with the problem of the division of property after marriage well, at first we will clear couples personal property, common property and the property of others in the family.

Law, including either one side of the spouse's premarital property, requires the couple personal property. The one side of the spouse gets medical expenses because of bodily injury, disabled person gets the cost of living allowance and so on. In wills or gift contract, the premarital property is only owned by any one of husband or wife. The one of the husband and wife also owns the only one of the common dedicated daily necessities and other property. The couples personal property is different from the common property because of the property rights related to its identity. While the couples' common property refers to the property that the spouses get jointly during marriage. Under Chinese law, however one or both spouses gets the property in any ways, all should belong to the spouses' if it is lawful. As for the property of others' in the family refers to the property that the others get in the families belong to legally, not belong to both spouses'. In divorce division of property, we should be clearly segmented the property that only the couples jointly owned.

3. Principles and methods of divorce division of property today

i. Legal principles of divorce division of property

There are the principles of equality, the principle of taking care of the principle of compensation.

The principle of equality refers to the principle that both husband and wife have the equal rights of division of property in common property. This is a Chinese institution of marriage. Equality of the sexes fundamentally embodies in the divorce division of property. In fact the couples' income ratio has gap in the family. Generally a man's income is higher than a woman's. But it's equal split in the couples' common property, it implies protecting the interests of the major domestic party without work. Even if the party without work has no source of income, he also has the common ownership for the property that the other obtained, he may applies the principle of equal property when he divorces in order to safeguard their interests.

The principle of taking care of refers to the principle protecting the rights and interests of the children and the woman, under the normal circumstances, considering the problems of the upbringing of their children's education and the woman's source of life after marriage. Nowadays although the society is to promote equality between men and women, the women's income in marriage is too low or even non-fixed income by physiological factors for men and women and the impact of traditional, its main functions are to housework. The court shall make a judgment to take care of the rights and interests of the children and the woman when splitting the couple's joint property agreement cannot be reached according to the actual situation when divorcing from each other.

The principle of compensation refers to the principle that one party will claim the other side for compensation during the marriage because one party will raise children、 care for the elderly assist the work of the other's, pay more obligations and so on. It is noted that the principle specified is appointed property system, it needs prior agreement, and it is also the principle of the protecting the rights to make more contribution to the party during the marriage.

The principle of paying for refers to the principle of the behavior punished that the party isn't conducive to continue the marriage during the subsistence of the marriage. Such as the party bigamy, cohabitation with others, the implementation of the Domestic Violence abuse, abandonment of family members. The wrong party should compensate to the victims for its behavior. This is not only punishment on the wrong party but also relief to the victims.

The help principle refers to the principle that the other party should render help to the one party from its personal property if the one party has difficulties in life when they divorce. This is the humane care of the disadvantaged party. It is also a kind of legal protection. Of course the other party has the ability to help under the premise of this principle

ii. The way of the divorce property division

The segmentation method of the marital property is divided into the convention split and statutory split. Chinese law formulates that the couples should split the common property of the spouses according to the agreement if there is agreement, if there is not, do with the common property of the spouses according to

the principle of equality and be required to do with it with care principle, the principle of compensation. The principle of paying for and the help principle at the termination of couples in marriage. The divorce agreement terms of the division of property and division of property agreement are both legally binding for the couples, both parties. If a party refuses to perform them, the other party may apply to the court for enforcement. After the enforcement if the fraud and duress exist in the division of property for a party to the other side, the other side can apply to the court for judgment in accordance with the law; impose punishment on the innocent party.

On the basis of China's Marriage Law and its related judicial interpretation, divorce division of property can be divided into physical segmentation, the price of gold segmentation and price segmentation. Physical partition divided matter does not affect the actual allocation of the value and uses. The price of gold segmentation is the way to sell mutual thing divided for its price of gold, the way that will undermine its value and use with the split of the common property. Price compensation refers to a compensation that the other side should pay for the equivalent of half of the value of the property as compensation if the party wants to get the ownership for a shared object

4. The problems of divorce division of property system in China

i. Some of the provisions blurred in Marriage Law

There is some greater flexibility in terms of provisions for divorce division of property system. For example «Marriage Law of the People's Republic of China» Article 47 provides: «If one party conceals, transfers, sells or destroys the jointly owned property, or forgeries debt, attempts to encroach upon the other party property, he will get smaller or even no property when couples divorce and split common property. After the divorce, the other side fined the behavior above, he can litigate to the people's court and requests another division of jointly owned property». It is a very vague description about the smaller or even no. Under what circumstances, there is a smaller share of the property. Under what circumstances, regardless of the property. What is less share of the standard of property, for these there aren't specific explanation, such the specific implementation issues are not considered typically.

ii. Understanding the housework of lacking depth

It is recognized the value of the housework in the split of the common property in Chinese law. But their efforts are not enough. Such as the party that does more contribution to the family should ask for compensation to the other side in the division of marital property. The other side should provide help for the party of the difficulties in life after divorce. These practices don't profoundly reflect the value of household labor. One of the couples wholly or mainly engages in household chores to provide convenient living atmosphere for the other side, helps spouses have more energy to work. The other party has a consequence of the tangible or intangible benefits. Such gain is at the expense of the other's gains or opportunity. As the paying party has the right to request income. Their pay should be recognized. If we ignore the value of household labor, It may run counter to the equality between men and women, the principle of protecting the interests of the weak in today's society.

iii. The problems of the burden of proof in divorce division of property system.

Due to the limitations of the litigation resources, the courts generally implement litigant proof. But the divorce cases often require the collection of accounting data, in the case of lack of forensic accounting at present, investigation and evidence collection is difficult to accomplish. In real life, usually strong side conceals, transfers the property, and a relatively weak side is hard to find and provide evidence that conceal its existence and metastatic behavior. If the party of the advocate simply implements the burden of proof, then the interest of the disadvantaged party is difficult to be effectively protected.

5. The perfection of the division of property system

i. Refinement of the Marriage Law under the guidance of the principle of fairness

For the Marriage Law principle is too strong, too general, many issues should be refined. As mentioned above article 47 provides, under what circumstances, there is a smaller share of the property, under what circumstances, regardless of him and so on should be refined and regulated so that it can specifically be implemented. Property reporting system should be established, including the property status before marriage, during marriage and divorce. Both sides are under obligations to report and describe the property. Judges should be careful to apply discretion and distinguish the differences between the fair and equal with the principle of fairness throughout when the regulatory provisions are implemented.

ii. Correct treatment of the value of household labor

Respect for the party to pay housework, there is a correct understanding of the value of the contribution party. If the sacrifices of the contribution side are not sure, Marriage Law will go against the social moral and become immoral law.

Labor for maintenance of household wealth accumulation is indispensable

Property created by different people are not the same. The couple's division of labors are both valuable. And are treated justly in the reality of marriage. We should respect the party to pay housework in divorce.

The income due to the implementation of the labor of the other party outside the home and housework parties is inseparable. We can create

Forensic assessment agencies and assess their respective contributions for the marriage relationship of couples.

iii. The improvement of the burden of proof

Marriage Law also applies to the principle «Who advocate, who certificate» as a part of the civil law. This burden of proof is often suffered because the weaker party can not provide sufficient evidence to prove their rights to receive against, causing substantial unfair injustice. Rolls said in the discussion of justice: «There are two principles to judge whether the social is justice, they are free and differences. To judge whether the social is justice refers to the strong shall compensate and help for the disadvantaged under the premise of any citizens enjoy equal and free rights, this is his duty so that the weaker have opportunity to participate in the competition of the community .like the strong». To protect the weaker party is important legal value option. It can also be said to protect the interests of the weak shows legal justice existence. In some special cases shifting of burden of proof should be used .This is very necessary for disadvantaged party, also a positive reflection of the principle of fairness.

In short, the family is an important part of our society, the stability of the family is directly related to social stability, while marital stability has a direct impact on the stability of the family. With the continuous development of market economy, the number and form of property between husband and wife becomes more complex and diverse. Faced with this trend .appropriately solving to the issue of marital property divided becomes the important issues in properly handling marital disputes, maintaining the stability of the family protecting elderly, women, minors and the legitimate rights and interests of the family.

References:

1. Xing Wenjuan. Analysis legal system of the divorce division of property (Fudan University 2008 master thesis).
2. Lang Shuzhi. On the division of property in divorce (China Law 1992 No.6).
3. Yang Dawen. Marriage and Family Law (Shanghai Fuda University .2004).
4. John Rawls. A Theory of Justice (Huaihong etc. translation.) (China Social Sciences 2003).

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОМПАНИЙ С ПРЯМЫМИ ИНОСТРАННЫМИ ИНВЕСТИЦИЯМИ В СФЕРЕ РАЗВЕДКИ ПОЛЕЗНЫХ ИСКОПАЕМЫХ: ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В РОССИИ И КНР

© А.П. Алексеенко
Россия, г. Владивосток

После начала реформ открытости в Китае было создано законодательство, регулирующее прямые иностранные инвестиции (далее - ПИИ). Прежде всего, оно включает Конституцию, законы, принятые Всекитайским Собранием Народных Представителей, нормативные акты, издаваемые Госсоветом, провинциальными и городскими правительствами. ПИИ в наиболее чувствительные сферы экономической деятельности детально регулируются при помощи мер, принимаемых Госсоветом и профильными министерствами. Сегодня Китай является одним из лидеров по привлечению ПИИ. Так, в 2011 г. использование ПИИ составило 116,011 млрд. американских долларов, увеличившись тем самым на 9,72% [1]. Китай, так же как и Россия, испытал опыт административной экономики и, соответственно, так же как и Россия, осуществляет рыночные реформы. В этой связи опыт Китая по регулированию ПИИ, может оказаться достаточно ценным для Российской Федерации.

Природные ресурсы служат основой для производства. Очевидно, что без них невозможно не только развитие экономики, но и существование человека. В Китае особое значение придаётся природным ресурсам. Так, согласно ст. 9 Конституции КНР недра и другие природные ресурсы являются государственной собственностью. Исключения составляют леса, горы, степи, целинные земли и отмели, которые по закону являются коллективной собственностью. Государство

гарантирует рациональное использование природных ресурсов, берет под охрану ценные виды животных и растений. Также запрещается любым организациям и частным лицам, какими бы то ни было способами присваивать или разрушать природные ресурсы [6]. Между тем, Китай разрешает предприятиям с иностранными инвестициями осуществлять разведку всех полезных ископаемых, за исключением тех, которые установлены «Промышленным каталогом для управления иностранными инвестициями», принятого в 2011 г. (далее - Каталог): вольфрам, молибден, олово, редкоземельные металлы, сурьма, флюорит и руды радиоактивных металлов [2].

В связи с особой политикой в отношении ПИИ в сфере геологоразведки, власти Китая в 2008 г. ввели в действие Меры «По управлению иностранными инвестициями в сфере разведки полезных ископаемых» (далее – Меры) [7], которые устанавливают процедуру учреждения и правила деятельности предприятий с ПИИ в геологоразведке. Согласно ст. 2 Мер, предприятием с иностранными инвестициями в сфере разведки полезных ископаемых является предприятие с зарубежным капиталом, зарегистрированное в Китае и занимающееся инвестированием в разведку полезных ископаемых и связанной с ней деятельностью (за исключением разведки нефти, природного газа и метана угольных пластов). Разведка нефти и газа указанным актом не регулируется, очевидно, в виду их специфических особенностей.

Контроль над деятельностью предприятий с иностранными инвестициями в сфере разведки полезных ископаемых осуществляют департаменты коммерции, а также департаменты земли и природных ресурсов всех уровней. В ст. 7 Мер закреплено, что Министерство коммерции КНР отвечает за формирование, рассмотрение и утверждение заявки, а также управление предприятиями с иностранными инвестициями в сфере разведки полезных ископаемых, занимающихся деятельностью в отраслях ограниченных для иностранного инвестирования согласно Каталогу. Компетентные отделы коммерции всех провинций, автономных районов, городов центрального подчинения и городов отдельного государственного планирования несут ответственность за рассмотрение, утверждение и управление других предприятий в сфере разведки полезных ископаемых. Ограничена для иностранцев разведка следующих полезных ископаемых: редких видов угля, баритов, благородных металлов (золота, серебра и платины), алмазов, алюминия, волластонита, графита и др. [2] Деятельность, связанная с указанными ископаемыми осуществляется посредством создания совместных предприятий, при этом в некоторых случаях, китайский партнёр должен иметь большую долю в уставном капитале.

В Мерах также предусмотрен перечень требований, необходимых для учреждения компании. Так, ст. 8 предусматривает необходимость предоставить в департамент коммерции: заявление установленного образца, ТЭО проекта, подписанное всеми сторонами инвестиций; договор и устав, список членов совета директоров и др. Согласно ч. 9 рассматриваемой статьи компетентный орган может затребовать любые другие необходимые документы, для рассмотрения и утверждения заявления. Говоря иначе, список документов, которые следует предоставить, является открытым, что создаёт возможность, для китайских чиновников не допускать в сферу геологоразведки нежелательные для них лица.

Деятельность предприятий с ПИИ в сфере разведки полезных ископаемых, подлежит обязательному лицензированию. Только после получения лицензии такое предприятие имеет право приступать к разведке. В ст. 11 Мер закреплено, что предприятие с иностранными инвестициями в сфере разведки полезных ископаемых должно обратиться в департамент земли и природных ресурсов для получения лицензии на проведение геологических работ на основании сертификата об утверждении предприятия с иностранными инвестициями в сфере разведки полезных ископаемых и бизнес-лицензии. Юридически оформленное предприятие может обратиться для получения лицензии на проведение геологических работ в соответствии с проектом разведки, получение лицензии не может быть ограничено территорией, где зарегистрировано такое предприятие. В случае если предприятие получает лицензию на разведку за пределами места где оно находится, предприятие должно зарегистрировать филиал.

Меры также устанавливают необходимость предоставления отчётности. В частности, согласно ст. 16 предприятие с иностранными инвестициями в сфере разведки полезных ископаемых должно предоставить следующие сведения к рассмотрению и утверждению соответствующего органа: информацию о геологоразведочных работах; информацию по уплате налогов и сборов; информацию по охране окружающей среды; информацию о землепользовании; информация о проверке предприятия.

В виду того, что некоторые ресурсы для разведки предприятиями с ПИИ запрещены и ограничены, в Мерах предусмотрены действия такого предприятия в случае, если им будут разведаны

полезные ресурсы, отнесённые к указанным выше группам. Статья 22 гласит: в случае, если минеральные ресурсы разведанные предприятием с иностранными инвестициями в сфере разведки полезных ископаемых относятся к категории запрещенных для добычи и разведке иностранными инвесторами согласно Каталогу, инвестор может передать права на разведку. В случае если доказано, что сопутствующее полезное ископаемое относится к тем, которые запрещено добывать иностранным инвесторам, но иностранному инвестору требуется производить разведку вместе с основными полезными ископаемыми, инвестор должен обратиться для одобрения в Министерство земельных и природных ресурсов и Министерства коммерции. Получается, что предприятие с ПИИ может как и отказаться от своих прав, так и получить возможность дальнейшей разведки. Второй вариант возможен, скорее всего, если найдено небольшое количество ресурсов, в отношении которых действуют запрет или ограничение на разведку.

Таким образом, создание и деятельность предприятий с ПИИ в сфере разведки полезных ископаемых, кроме углеводородов, детально регулируется Мерами «По управлению иностранными инвестициями в сфере разведки полезных ископаемых». Согласно данным мерам для того, чтобы создать предприятие необходимо предоставить ряд документов, список которых остаётся открытым. После регистрации такого предприятия необходимо получить лицензию. Деятельность предприятий с ПИИ в сфере разведки полезных ископаемых достаточно сильно сужена тем фактом, что в КНР существует запрет и ограничение на разведку компаниями с иностранным капиталом некоторых ископаемых. В случае обнаружения таковых в процессе разведки других полезных ископаемых для продолжения работ инвестору требуется получить одобрение соответствующих министерств либо осуществить передачу прав. Очевидно, это сделано для того, чтобы те ресурсы, которые Китай считает наиболее важными, находились под контролем национальных предприятий.

В Российской Федерации, согласно ч. 2 ст. 9 Конституции, земля и другие природные ресурсы могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности. В то же время ст. 1.2 Федерального закона от 21 февраля 1992 г. № 2395-1 «О недрах» [3] закрепляет, что недра, включая подземное пространство и содержащиеся в недрах полезные ископаемые, энергетические и иные ресурсы, являются государственной собственностью. Однако добытые из недр полезные ископаемые и иные ресурсы по условиям лицензии могут находиться в любой форме собственности. Согласно ч. 2 ст. 6 указанного закона недра могут быть предоставлены для геологического изучения, включающего поиски и оценку месторождений полезных ископаемых. Основанием возникновения права такого пользования, согласно ст. 10.1, является решение Правительства Российской Федерации, принятое по результатам конкурса или аукциона. Предоставление недр в пользование оформляется специальным государственным разрешением – лицензией, которую выдаёт Федеральное агентство по недропользованию.

Согласно ст. 9 Федерального закона «О недрах» пользователями недр могут быть субъекты предпринимательской деятельности, в том числе участники простого товарищества, иностранные граждане, юридические лица, если иное не установлено федеральными законами. Создание юридических лиц с иностранными инвестициями, которые намерены участвовать в разведке полезных ископаемых, осуществляется согласно Федеральному закону от 9 июля 1999 г. № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» [4] и гражданскому законодательству РФ.

Между тем, п. 39 ст. 6. Федерального закона от 29 апреля 2008 г. №57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства» [5] устанавливает, что геологическое изучение недр и (или) разведка и добыча полезных ископаемых на участках недр федерального значения относится к видам деятельности, имеющим стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства, а, следовательно, такие общества, в соответствии со ст. 3 данного закона, имеют стратегическое значение. К названным участкам недр согласно ч. 3 ст. 2.1 Федерального закона «О недрах» относятся недра: содержащие месторождения и проявления урана, алмазов, особо чистого кварцевого сырья, редких земель иттриевой группы, никеля, кобальта, тантала, ниобия, бериллия, лития, металлов платиновой группы; расположенные на территории субъекта РФ или территориях субъектов РФ и содержащие: извлекаемые запасы нефти от 70 млн. тонн; запасы газа от 50 млрд. кубических метров; запасы коренного золота от 50 тонн; запасы меди от 500 тысяч тонн; а также недра внутренних морских вод, территориального моря, континентального шельфа Российской Федерации; при пользовании которыми необходимо использование земельных участков из состава земель обороны, безопасности.

Осуществление инвестиций, в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение должно отвечать определенным условиям. Закреплено, что совершение сделок, влекущих за собой

установление контроля иностранного инвестора или группы лиц над хозяйственными обществами, имеющими стратегическое значение, допускается при наличии решения о предварительном согласовании таких сделок Федеральной антимонопольной службой (далее – ФАС) [5, ч. 1 ст. 4]. При этом время совершения сделки ограничено: иностранный инвестор или группа лиц, по ходатайству которых принято решение о предварительном согласовании определенной сделки, вправе совершить такую сделку в течение срока действия указанного решения [5, ч. 2 ст. 4].

Согласно ч. 2 ст. 7 Федерального закона «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства» к сделкам, подлежащим предварительному согласованию с ФАС относятся: сделки в отношении акций (долей), составляющих уставный капитал хозяйственного общества, имеющего стратегическое значение и осуществляющего пользование участком недр федерального значения, если в результате совершения этих сделок иностранный инвестор или группа лиц приобретает: а) право прямо или косвенно распоряжаться 25 и более процентами общего количества голосов, приходящихся на голосующие акции (доли), составляющие уставный капитал такого хозяйственного общества; б) право назначать единоличный исполнительный орган и (или) 25 и более процентов состава коллегиального исполнительного органа такого хозяйственного общества и (или) безусловную возможность избирать 25 и более процентов состава совета директоров (наблюдательного совета) или иного коллегиального органа управления такого хозяйственного общества. Части 3 и 5 данной статьи также содержат иные случаи, когда необходимо предварительно согласовывать сделку с ФАС.

Кроме того, ст. 14 данного закона закрепляет, что иностранные инвесторы или группа лиц обязаны представлять в уполномоченный орган информацию о приобретении пяти и более процентов акций (долей), составляющих уставные капиталы хозяйственных обществ, имеющих стратегическое значение, в порядке, установленном Постановлением Правительства РФ.

Если в процессе геологического изучения недр, осуществляемого пользователем недр, являющимся юридическим лицом с участием иностранных инвесторов или иностранным инвестором, открыто месторождение полезных ископаемых, по своим характеристикам отвечающее требованиям, предъявляемым к участкам недр федерального значения, Правительство РФ может принять решение об отказе в предоставлении права пользования участком недр. При наступлении такого случая ч. 5 ст. 2.1 Федерального закон «О недрах» предусматривает возмещение расходов на поиск и оценку открытого месторождения полезных ископаемых и суммы уплаченного в соответствии с условиями совмещенной лицензии разового платежа за пользование участком недр.

Итак, осуществление иностранных инвестиций в хозяйственные общества занятые разведкой полезных ископаемых в России осуществляется на основании ходатайства иностранного инвестора перед ФАС и по разрешению ФАС, однако только если такие общества, занимаются разведкой на участках недр федерального значения. В России нет списка запрещенных для разведки иностранными инвесторами списка недр, однако наличие участка недр федерального значения, представляет собой ограничение для компаний с ПИИ. Наличие таких ограничений вполне оправдано, тем значением, которое имеют полезные ископаемые для экономики. Учреждение компании, которая намерена заниматься разведкой полезных ископаемых осуществляется в общем порядке, предусмотренном также и для иных компаний с ПИИ. Для получения возможности осуществлять деятельность такая компания должна выиграть аукцион или конкурс на право разведки, а также получить лицензию.

Таким образом, как в России, так и в КНР существуют некоторые ограничения, а в Китае в некоторых случаях и запреты, на инвестирование в разведку полезных ископаемых. В России они выливаются в необходимость предварительного согласования некоторых сделок, а также в обязанности иностранного инвестора уведомлять уполномоченный орган о приобретении 5 и более процентов акций (долей) в уставном капитале. В КНР же установлен особый порядок создания предприятий с ПИИ в сфере разведки природных ресурсов. Примечательно, что оба государства закрепляют случаи, когда такое предприятие в ходе геологоразведки обнаруживает полезные ископаемые, включенные в особый список. В России в этом случае Правительство может принять решение об отказе в предоставлении права пользования участком недр, возместив инвестору предусмотренные Законом расходы. В Китае же иностранный инвестор обязан передать своё право на разведку, либо добиться разрешения на дальнейшую разведку, заявив ходатайство перед Министерством коммерции. Очевидно, что законодательство РФ более либерально, чем китайское в данной сфере, так как оно не предусматривает открытого списка требований к учреждению компании с ПИИ в сфере разведки полезных ископаемых. Однако, как в России, так и в Китае, разведка недр компаниями с иностранными инвестициями, находится под особым контролем государства.

Литература:

1. 2011年1-12 月全国吸收外商直接投资情况 [Электронный ресурс] // 国人民共和国商务部. URL: <http://www.mofcom.gov.cn/aarticle/tongjiziliao/v/201201/20120107940573.html> (дата обращения: 28.04.2011).
2. 外商投资产业指导目录: 国家发改委商务部令第12号12.24.2011 [Электронный ресурс] // 法律图书馆. URL: http://www.law-lib.com/law/law_view.asp?id=371335 (дата обращения: 29.09.2012).
3. Федеральный закон от 21 февраля 1992 № 2395-1 «О недрах» (в ред. от 6 декабря 2011 г.) // Российская газета. № 52 от 15 марта 1995 г.
4. Собрание законодательства РФ от 12 июля 1999. № 28. ст. 3493.
5. Федеральный закон от 29 апреля 2008 г. № 57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства» (в ред. от 16 ноября 2011 г.) // Собрание законодательства РФ от 5 мая 2008 г. № 18. ст. 1940.
6. 中华人民共和国宪法 1982.12.04. [Электронный ресурс] // 法律图书馆. URL: http://www.law-lib.com/law/law_view.asp?id=2530 (дата обращения: 31.01.2012).
7. 外商投资矿产勘查企业管理办法: 商务部, 国土资源部令第4号18.07.2008 [Электронный ресурс] // 法律图书馆. URL: http://www.law-lib.com/law/law_view.asp?id=2530 (дата обращения: 31.01.2012).

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ В РОССИИ И КНР: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

© Л.Ю. Батоцыренова
Россия, г. Улан-Удэ

Вопросы Российско-Китайских взаимоотношений уже многие годы остаются актуальными. Эта тенденция вряд ли изменится в ближайшем будущем. Если судить по экономическим показателям и целям, то очевидно, что сотрудничество между Россией и КНР будет набирать силу: если в 2011 году товарооборот двух стран составил рекордные 83,5 миллиарда долларов, то есть и все возможности к 2020 году довести товарооборот до 200 миллиардов долларов [1].

В этих условиях пришло время вплотную заняться развитием российско-китайского взаимодействия в гуманитарной сфере [2]. Согласование и сближение правовых систем двух государств представляются первостепенно важными, что придает новый импульс развития сравнительному правоведению.

Переход к рыночной экономике в России и КНР на рубеже 90-х годов потребовал от обеих стран формирования правовой базы в области потребительских отношений, как неотъемлемой составляющей рыночной экономики. Таким образом, можно говорить о том, что законодательство России и КНР в области защиты прав потребителей на протяжении последних двадцати лет развивалось параллельно. С нарастанием дружественных торговых отношений между нашими странами, взаимоотношения потребителя и продавца (изготовителя) приобрели трансграничный характер: все чаще товар приобретается напрямую в стране-производителе, в том числе посредством электронной коммерции, минуя импортеров-посредников. В этой связи представляется актуальным сравнительный анализ законодательства в области защиты прав потребителей двух стран, который необходим для решения общих проблем, извлечения полезного опыта при разработке законодательства и реализации норм внутреннего права. Целью данного сравнительного исследования является выявление единства правового пространства в данной сфере, в то же время определение особенностей национальных правил.

Рассмотрим формирование законодательства в области защиты потребителей в КНР и России хронологически. В 1987 г. китайское национальное правительство начало принимать первые правовые акты в той или иной степени направленные на защиту прав потребителей. Наиболее значимыми из них были «Общие принципы гражданского права КНР» от 1 января 1987, и Закон «О качестве продукции» от 22 февраля 1993 г. Несмотря на то, что эти акты касались различных аспектов защиты прав потребителей, все же эта правовая область общественных отношений носила фрагментарный характер и не была охвачена в целом [3].

В 1993 г. 31 октября Китайская Народная Республика приняла свой Закон «О защите прав и интересов потребителей». Это был первый закон, посвященный защите потребителей в Китае, который символизировал начало новой эры в правовой сфере защиты потребителей [4]. Закон был продиктован временем и стал отражением уровня развития сферы потребления в КНР на тот момент:

это был начальный период установления в Китае системы социалистической рыночной экономики. Это основной закон по защите потребителей в КНР, который призван регулировать отношения во всех подотраслях потребительской сферы.

Впервые в китайском законодательстве, «Законом о защите прав и интересов потребителей» были определены конкретные права, присущие потребителям, обязанности потребителей, а также обязанности поставщиков товаров и услуг. Закон также более полно представил роль государства и ответственность общества по защите прав потребителей.

За «Законом о защите прав и интересов потребителей» КНР последовали «Закон о рекламе» от 1 февраля 1995 г., призванный защитить потребителя от ложной и вводящей в заблуждение рекламы, а также «Закон о договорах» от 15 марта 1999 г., принятый с целью регулирования торговых отношений между равными субъектами хозяйственной деятельности. Одно из нововведений «Закона о договорах» заключалось в признании права физического лица выступать в качестве субъекта договорных отношений, что позволило распространить принципы договорных отношений на сферу потребительских договоров.

В связи с развитием новых способов приобретения товаров и услуг потребителями в КНР еще несколько законов было принято с целью совершенствования защиты потребителей: «Закон о праве собственности» от 15 марта 2007 г., «Антимонопольный закон» от 30 августа 2007 г. и «Гражданский процессуальный кодекс» от 26 декабря 2009 г. «Закон о безопасности пищевых продуктов» от 28 февраля 2009 г.

В 2010 году Государственная администрация промышленности и коммерции КНР подписала «Промежуточные правила торговли товарами и услугами через интернет» с целью регулирования рынка электронной коммерции и защиты прав и интересов потребителей, предпочитающих интернет-шоппинг. Это был первый административно-правовой документ, регулирующий он-лайн торговлю и сопутствующие услуги. Административные правила охватывали все аспекты он-лайн торговли, включая доступ на рынок, перечень товаров, торговую информацию, торговые договоры, торговые полномочия, торговую конкуренцию, зарегистрированные торговые марки, фирменное наименование и другое. В дальнейшем, он также урегулировал правила поведения при он-лайн продажах и сопутствующих услугах, а также обязанности и ответственность собственника он-лайн площадки.

Как видим, нормативно-правовая система КНР в области защиты потребителей не лежит в одной плоскости, а представляет собой сеть взаимосвязанных нормативно-правовых актов и механизмов, регулирующих разные аспекты потребительских отношений. По данным сайта Китайской ассоциации защиты потребителей, всего система охватывает 193 национальных акта, утвержденных правительством КНР, 177 нормативно-правовых документов регионального уровня и 37 актов, изданных организациями активистов защиты прав потребителей [5]. Эти законы и подзаконные акты охватывают все аспекты потребительских отношений и формируют в целом относительно полную нормативно-правовую базу по защите прав и интересов потребителей.

Что касается защиты прав потребителей в Российской Федерации, после распада СССР основой законодательства в этой области стал закон, который не был наследием союзного закона, а был разработан на основе теоретических конструкций, соответствующих мировой практике, проверенных и оправдавших себя при применении законодательства о защите прав потребителей [6, С. 44]. В Законе РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» были провозглашены международно-признанные права потребителей, определен механизм их реализации, а также способы защиты. Как показывает практика, Гражданский Кодекс РФ по значимости норм, защищающих права потребителей, не только не уступает вышеуказанному закону, но и является основополагающим актом [7, С. 24], поскольку под его действие попадают все отношения гражданского оборота, каковыми, по сути, являются отношения между потребителем и производителем (продавцом, поставщиком услуг).

Что касается других федеральных нормативно-правовых актов, направленных на защиту потребительских прав, то здесь необходимо, в первую очередь, отметить Федеральный закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе», Федеральный закон от 2 января 2000 г. № 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов» и Федеральный закон от 27 декабря 2002 г., № 184-ФЗ «О техническом регулировании».

Как было сказано выше, ядром нормативно-правовой базы в сфере защиты прав потребителей в обеих странах являются законы: в России - Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей», а в КНР - Закон Китайской Народной Республики от 31 октября 1993 г. «О защите прав и интересов потребителей». Для сравнительного анализа этих двух законов возьмем следующие ключевые понятия: условия принятия законов, их структура, назначение и сфера действия, понятие

«потребитель», основные права потребителей, основные обязанности изготовителей (исполнителей, продавцов; по терминологии КНР – бизнес-операторов), государственная защита прав потребителей, общественная защита прав потребителей и ответственность за нарушение прав потребителей.

Отметим, что оба закона основаны на принципе императивного регулирования, что в целом свойственно нормативным актам, направленным на защиту потребителя. Это связано с тем, что потребитель - экономически более слабый субъект правоотношений, по отношению к изготовителю (бизнес-оператору), и нуждается в дополнительной защите. В рассматриваемых законах этот принцип выражается в том, что потребители наделены только правами, а изготовители (бизнес-операторы) - обязанностями.

Закон РФ «О защите прав потребителей» был принят Верховным Советом 7 февраля 1992 года и вступил в силу 7 апреля 1992 года после опубликования в «Российской газете». Закон неоднократно изменялся и дополнялся, а последние изменения были внесены в него 25 июня 2012 года. В свою очередь, «Закон о защите прав и интересов потребителей» КНР был принят на 4-ой сессии Постоянного Комитета 8-го Всекитайского Собрания Народных Представителей 31 октября 1993 года, и подписан Приказом № 11 Президента КНР 31 октября 1993 года. Закон вступил в силу 1 января 1994 года.

Российский закон состоит из преамбулы и четырех глав: общие положения, защита прав потребителей при продаже товаров потребителям, защита прав потребителей при выполнении работ (оказании услуг), государственная и общественная защита прав потребителей. В китайском законе нормы организованы несколько иначе: восемь глав включают общие положения, права потребителей, обязанности бизнес-операторов, государственная защита прав и законных интересов потребителей, организации потребителей, разрешение споров, правовая ответственность и дополнительные положения.

Назначение и сфера действия российского закона прямо сформулированы в преамбуле: закон регулирует отношения, возникающие между потребителями и изготовителями (исполнителями, импортерами, продавцами) при продаже товаров (выполнении работ, услуг), устанавливает права потребителей на приобретение товаров (работ, услуг) надлежащего качества и безопасных для жизни, здоровья, имущества потребителей и окружающей среды. Закон регулирует получение информации о товарах (работах, услугах) и об их изготовителях (исполнителях, продавцах), просвещение, государственную и общественную защиту их интересов, а также определяет механизм реализации этих прав.

Из статьи 1 китайского закона видно, что данный закон разработан в целях защиты законных прав и интересов потребителей, для поддержания социально-экономического порядка, а также призван содействовать здоровому развитию социалистической рыночной экономики.

Примечательно, что в отличие от закона КНР, не дающего расшифровку основных понятий, используемых в законе, в российском законе даны определения таких понятий как изготовитель, исполнитель, продавец, недостаток товара, существенный недостаток товара, безопасность товара и некоторых других. Так, российский закон определяет «потребителя» как гражданина, имеющего намерение заказать или приобрести, либо заказывающего, приобретающего или использующего товары (работы, услуги) исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности.

В Законе о защите прав и интересов потребителей Китая права потребителей сгруппированы в одной главе. Это, прежде всего, право на неприкосновенность личности и имущественную безопасность. Далее следуют право на получение правдивой информации о товарах и услугах, право на свободный выбор товара или услуги, право на справедливую сделку, право требовать компенсацию за физические увечья или ущерб имуществу. А также, приобретения или использования товаров или получения услуг, право на создание общественных организаций для защиты своих прав и интересов, право на получение знаний, касающихся потребления и защиты своих прав, право на уважение человеческого достоинства, национальных традиций и обычаев, и наконец, право на осуществление контроля над товарами, услугами и деятельностью по защите своих прав и интересов.

Как уже говорилось выше, российский закон имеет несколько иную структуру, и права потребителей в нем раскрываются в разных главах, хотя в большинстве своем аналогичны китайскому закону.

Основные права, которыми наделены российские потребители, согласно «Закону о защите прав потребителей» РФ это: право на безопасность товара (работы, услуги), право на просвещение в области защиты прав потребителей, право на информацию об изготовителе (исполнителе, продавце) и о товарах (работах, услугах), право на возмещение вреда жизни, здоровью и имуществу, вследствие

неполучения надлежащей информации, право на возмещение вреда жизни, здоровью и имуществу вследствие недостатков товара (работы, услуги), права потребителей при обнаружении в товаре (выполненной работе, услуге) недостатков, право на возмещение убытков вследствие недостатков работы (услуги), а также право создавать общественные объединения по защите прав потребителей.

Можно сказать, что обязанности изготовителя (бизнес-оператора) являются компенсаторными для конкретных прав потребителя: например, право потребителя на информацию о товарах (услугах, работах) обеспечивается обязанностью изготовителя (бизнес-оператора) предоставлять такую информацию; право потребителя на безопасность товар и т.д.

Помимо вышеуказанных обстоятельств, основные обязанности изготовителя (исполнителя, продавца) по российскому закону включают: обязанности в области установления срока службы, срока годности товара, обязанность обеспечить возможность ремонта и технического обслуживания товара, обязанность доводить до сведения потребителя наименование своей организации, ее адрес и режим работы. Обязанности продавца при обнаружении потребителем и предъявлении требований о недостатках товара, обязанности при ненадлежащем выполнении работ (предоставлении услуг), а также обязанность по предоставлению информации органу государственного надзора.

Обязанности китайских бизнес-операторов включают: обязанность гарантировать личную и имущественную безопасность товаров и услуг; обязанность предоставлять потребителям правдивую информации о товарах и услугах, обязанность предоставлять ответы на запросы потребителей по качеству товаров и услуг, вопросы их поставки и методов использования. А также необходимость четко указывать цены на свои товары, обязанность указывать подлинные названия и знаки бизнес-операторов на товарах, оформлять по запросам потребителей счета-фактуры на товары и предоставляемые услуги, гарантировать качество и функциональность товаров или услуг, гарантировать соответствие продукции или услуг информации, заявленной в рекламе, инструкциях по эксплуатации. Отдельно следует отметить запрет на оскорбление потребителей и нарушение свободы личности в любой форме.

В законах обеих стран есть положения, раскрывающие роль государства в защите прав потребителей. Российский закон возлагает контролирующие и надзорные функции на федеральный орган исполнительной власти по контролю в области защиты прав потребителей (его территориальные органы). Но также закон устанавливает, что контроль за тем же единым предметом осуществляется и иными федеральными органами исполнительной власти. В настоящее время фактически два федеральных органа осуществляют эту задачу: Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека и Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии. Положения закона, касающиеся порядка осуществления государственного контроля и надзора, имеют отсылочный характер.

В свою очередь, китайский закон в отдельной главе, посвященной государственной защите законных прав и интересов потребителей, предписывает народному правительству на всех уровнях играть главную роль в организации, координации, управлении, а также стимулировании релевантных административных органов в осуществлении защиты прав и интересов потребителей. Закон также отводит особую роль в защите прав потребителей органам государственного управления в области промышленности и торговли, а также предписывает народному суду КНР принимать меры по упрощению и ускорению рассмотрения споров, связанных с нарушением прав и интересов потребителей.

Оба нормативных акта, – и «Закон о защите прав потребителей» РФ и «Закон о защите прав и интересов потребителей» КНР - содержат положения об общественной защите прав потребителей. Примечательно, что российский закон определяет права общественных объединений потребителей, а китайский закон формулирует их как обязанности и функции, притом, что по содержанию роли, которые отводятся общественным объединениям в РФ и КНР, очень сходны.

Рассматриваемые законы обеих стран имеют положения, определяющие возможные виды ответственности за нарушение прав потребителей. В случае российского закона это отсылочная статья, указывающая на административную, гражданскую и уголовную ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации. В китайском законе, в свою очередь, достаточно подробно приводятся виды нарушений, за которые предусмотрена гражданская ответственность, а также конкретизируются случаи наступления административной и уголовной ответственности, в некоторых случаях и ее виды. В качестве примера рассмотрим ст. 42 «Закон о защите прав и интересов потребителей» КНР, согласно которой, если товары или услуги причинили смерть потребителя или других лиц, бизнес-оператор оплачивает похоронные расходы, выплачивает

компенсацию за смерть, а также берет на себя содержание лиц, находившихся на иждивении умершего.

Проведенный сравнительно-правовой анализ позволяет сделать нам вывод о том, что, появившиеся в одно время и имеющие много общего законы о защите прав потребителей России и КНР отражают общность интересов в законодательной сфере обоих государств. А также определяют влияние экономически развитых стран на законодательство в сфере защиты прав потребителей в России и КНР.

Литература:

1. Медведев Д.А. Увеличение товарооборота РФ и Китая. Портал внешнеэкономической информации, РИА Новости от 6 декабря 2012 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ved.gov.ru/news/15/6426.html> (дата обращения: 23.03.2013).
2. Путин В.В. Россия и Китай: новые горизонты сотрудничества. Российская Газета от 5 июня 2012 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2012/06/05/putin-statia-site.html>. (дата обращения: 23.03.2013).
3. Junke Xu. Who Will Protect Chinese Consumers? The Past, Present and Future of Consumer Protection Legislation in China [Электронный ресурс]. URL: http://www.luc.edu/law/activities/publications/clrdocs/vol24issue1/pdfs/junke_chinese_consumers.pdf. (дата обращения: 23.03.2013).
4. Teng Jiakai. The improvement of the Administrative Protecting Mechanism of the Consumers' Rights Continually Improving the Working Level of the Law on Protection of the Consumers' Rights. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cca.org.cn/english/EnNewsShow.jsp?id=31&cid=982>. (дата обращения: 23.03.2013).
5. Consumer protection laws in China. Economic Analysis of Institutional Change. [Электронный ресурс]. URL: <http://eng.hi138.com/?i162419>. (дата обращения: 23.03.2013).
6. Шерстобитов А.Е. Гражданско-правовые вопросы охраны прав потребителей. – М., 1993.
7. Пономарева Н.Г. Комментарий к закону РФ «О защите прав потребителей» – М., 2011.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА НЕДВИЖИМОЕ ИМУЩЕСТВО В КНР

© *Н.А.Литвинова*

Китай, г. Пекин

© *С.Ф.Литвинова*

Россия, г. Владивосток

Право собственности является центральным институтом гражданского права каждого государства, определяющим стабильность социально-экономических отношений в нем. Это обуславливается, прежде всего, экономическим значением недвижимого имущества.

Недвижимость проявляется в многогранности роли, которую она играет для всего государства в целом и для каждого члена общества в отдельности. Экономическое значение недвижимости заключается, прежде всего, в том, что она выступает одним из основополагающих ресурсов воспроизводственного процесса, влияющим на его рост и стабильность. Земля и расположенные на ней объекты недвижимости, выступая основой производственного процесса, жизнедеятельности населения и слагаемым богатства всей страны, имеют в то же время большое социальное значение. Вместе с тем, недвижимость является фактором экономической безопасности государства, от которого зависят перспективы развития всей страны в целом; показателем экологического состояния государства, поскольку от того, эффективно ли используется земля, из экологически безопасных ли материалов строятся здания, зависит экологический статус страны [1].

Учитывая значения недвижимого имущества для социально-экономической стабильности в стране, государства с особенной тщательностью подходят к правовому регулированию права собственности на такое имущество. В своей практике государства используют разные модели правового регулирования права собственности и оборота недвижимости. Для России критическое осмысление мирового опыта функционирования и правового регулирования рынка недвижимости представляет особую значимость, поскольку неравномерное распределение прав на недвижимое имущество, которое имеет место в современной России, ни при каких условиях не может привести к социально-экономической стабильности в государстве.

В связи с этим представляет особый интерес политика КНР в отношении оборота недвижимости, поддерживаемая правом.

В КНР существует определенно выраженная политика в отношении недвижимости, которая

проявляется:

- 1) в ограничении права собственности на землю;
- 2) в определении содержания права собственности на недвижимое имущество;
- 3) в различии права собственности на недвижимость граждан КНР и иностранных граждан;
- 4) в условиях возможности приобретения объектов недвижимости;
- 5) в прямом или косвенном ограничении количества объектов недвижимого имущества, принадлежащих одному лицу и др.

В соответствии со ст. 9 и 10 Конституции КНР недра, воды, леса, горы, целинные земли, отмели и другие природные ресурсы являются государственной (общенародной) или коллективной (сельских коллективов) собственностью [3].

Иное недвижимое имущество – здания и сооружения могут находиться в частной собственности граждан и юридических лиц. Особенностью права собственности в соответствии с законодательством КНР является его содержание. В соответствии со ст. 71 Общих положений гражданского права КНР [4], ст. 39 Закона КНР «О вещных правах» [6] право собственности состоит из четырех (а не трех как в РФ) правомочий. Такими правомочиями являются: право распоряжаться, владеть, пользоваться и извлекать прибыль из собственности.

Выделение четвертого правомочия в праве собственности – права извлекать прибыль имеет существенное значение для правового регулирования права собственности на недвижимое имущество в КНР. В частности иностранные лица в отличие от китайских не могут извлекать прибыль из находящихся в их собственности зданий и сооружений от сдачи их в аренду.

В соответствии с Замечаниями шести китайских министерств по вопросам регулирования и порядка доступа иностранного капитала на рынок недвижимости приобрести коммерческую недвижимость могут:

- филиалы и представительства иностранных юридических лиц в Китае (за исключением предприятий, занимающихся с санкции китайского правительства ризлтерскими операциями),
- иностранные физические лица, работающие или учащиеся в Китае более 1 года,
- жители Сянгана, Аомэня и Тайваня, а также китайские эмигранты

Причем перечисленные лица имеют право покупать коммерческую недвижимость ограниченной площадью для удовлетворения своих потребностей (расположения офиса филиала, собственного проживания и т.п.). Отказ от правомочия собственника извлекать прибыль должен быть оформлен в письменной форме. При подписании договора купли-продажи недвижимости иностранцу необходимо одновременно подписать гарантию в письменном виде о том, что купленная недвижимость будет использована исключительно для собственных нужд или проживания [5].

Дополнительные ограничения приобретения недвижимости на праве собственности могут устанавливаться на уровне отдельных провинций и городов. Так, например, в Пекине лица, не имеющие постоянного проживания на его территории, могут приобрести первую свою недвижимость только после того, как они в течение пяти лет ежемесячно будут платить определенные налоги. Кроме того Правительство Пекина установило ограничение на количество недвижимости, приобретаемое одним лицом. Так, лицо – резидент Пекина может купить только 2 объекта недвижимости. Остальные – один.

Следом за Пекином, такие ограничения были введены и в Шанхае [7].

Такие ограничения, по мнению законодателей, позволит ограничить рост цен на недвижимое имущество [8], урегулировать процесс миграции в столицу [2] и др. Такие ограничения являются и эффективным инструментом сдерживания инфляционных процессов в государстве.

Таким образом, на основе вышеизложенного можно сделать заключение, что особенности содержания права собственности, особенности приобретения недвижимого имущества является одним из инструментов продуманной государственной политики КНР, направленной на укрепление социально-экономической стабильности.

Литература:

1. Зарайская Ольга Анатольевна Экономическая природа недвижимости / Автореферат дис. на соиск... канд. экон. наук. Специальность: 08.00.01(01) – Экономическая теория. М., 2008. [Электронный ресурс]. – URL: http://discollection.ru/article/22072010_zarajskaja_ol_ga_anatol_evna_80917
2. Beijing city planning to benefit migrant population / Xinhua 08-04-2008 // [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.lawinfochina.com/Search/DisplayInfo.aspx?id=6828&lib=news&key Title=Beijing&key CTitle=>

3. [Constitution of the People's Republic of China](#) of 4.12.1982 г. (with amendments of 14.03.2004) // [Электронный ресурс]. – URL: www.lawinfochina.com.
4. [General Principles of the Civil Law of the People's Republic of China](#) of 12.04.1986. // [Электронный ресурс]. – URL: www.lawinfochina.com.
5. [Opinions of the Ministry of Construction, the Ministry of Commerce, National Development and Reform Commission, the People's Bank of China, the State Administration for Industry of Commerce and the State Administration of Foreign Exchange on Regulating the Access to and Administration of Foreign Investment in the Real Estate Market](#) of 11.07.2006 // [Электронный ресурс]. – URL: www.lawinfochina.com.
6. [Property Law of the People's Republic of China](#) of 16.03.2007 // [Электронный ресурс]. – URL: www.lawinfochina.com.
7. Shanghai follows Beijing in limiting home-buyers to one new apartment / Xinhua 10-18-2010 // [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.lawinfochina.com/Search/DisplayInfo.aspx?id=8135&lib=news&keyTitle=Beijing&keyCTitle=>
8. Survey: Beijing house prices stoked by rich people 01.10.2007 // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lawinfochina.com/Search/DisplayInfo.aspx?id=5681&lib=news&keyTitle=Beijing&keyCTitle/>

СМЕШАННЫЕ АВТОМОБИЛЬНЫЕ ПЕРЕВОЗКИ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РФ И КНР: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

© А.М.Бянкина
Россия, г. Чита

Как ранее писал Г.Ф. Шершеневич, «договор перевозки или фрахтовый представляется соглашением, в силу которого одна сторона, перевозчик, обязуется за вознаграждение доставить принятые ею от другой стороны, отправителя, вещи, сухим путем или водой, своими средствами передвижения, в назначенное место, где и сдать определенному лицу, получателю» [9, С. 236]. В настоящее время договор перевозки грузов, к примеру, по Гражданскому кодексу Российской Федерации (ГК РФ) представляет собой соглашение, по которому «перевозчик обязуется доставить вверенный ему отправителем груз в пункт назначения и выдать его управомоченному на получение груза лицу (получателю), а отправитель обязуется уплатить за перевозку груза установленную плату» (п. 1. ст. 785) [1]. Этому определению соответствует определение договора перевозки грузов, которое содержалось в ст. 373 Гражданского кодекса РСФСР 1964 г. Ранее подобное определение также содержалось в ст. 45 Устава автомобильного транспорта РСФСР (УАТ РСФСР) [7]. В настоящее время Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта (Устав АТ и ГНЭТ) определения договору перевозки груза не дает, начиная главу 2 «Перевозки грузов» с определения порядка заключения договора перевозки [8]. Однако, было бы вполне целесообразно внести определение перевозки груза в Устав АТ и ГНЭТ, так как он является специальным нормативным актом, регулирующим данные правоотношения в первую очередь.

В соответствии с п. 3 ст. 2 Устава АТ и ГНЭТ грузом признается материальный объект, принятый для перевозки в установленном порядке.

К примеру, в соответствии со ст. 288 Закона Китая «О договорах», части II, под договором перевозки понимается договор, по которому «перевозчик обязуется перевезти пассажира или груз в указанных в договоре из пункта отправления в пункт назначения, а пассажир, грузоотправитель или грузополучатель обязуется оплатить стоимость перевозки или билета» [4]. В данном случае, норма китайского законодательства является более общей, так как охватывает как договор перевозки пассажира, так и груза. Определение же договору перевозки пассажира содержится в п. 1 ст. 786 ГК РФ, а Устав АТ и ГНЭТ определения договора перевозки пассажира не содержит.

В отношении установления предмета договора нормы совпадают, и соответственно, предмет договора перевозки будет заключаться в доставке вверенного перевозчику груза в конкретный пункт назначения и, согласно российской норме, выдаче его там управомоченному на получение лицу, норма китайского законодательства не содержит указания относительно выдачи груза. Цель договора – доставить вверенный груз в пункт назначения.

Существует несколько видов транспорта, что служит одним из критериев градации перевозок, который является наиболее классическим. Как ранее указывали исследователи, «в литературе отмечается, что транспортная система как единое организационно правовое явление сегодня не существует, поскольку отсутствует централизованное управление всеми видами транспорта, нет единого законодательства, высок вес ведомственного нормотворчества» [2, С. 374].

Централизованное управление всеми видами транспорта в настоящее время в России появилось, однако единого транспортного законодательства нет и вес ведомственного нормотворчества по-прежнему высок. Так как, несмотря на то, что все виды транспорта подчиняются единому Министерству транспорта Российской Федерации, а ГК РФ установлены общие положения по перевозкам для всех видов транспорта, роль ведомственного законодательства остается весомой, а для каждого вида транспорта предусмотрены отдельные нормативные правовые акты, регулирующие транспортные правоотношения на нем.

В качестве основных видов транспорта, которые как отмечается в литературе, формируют транспортную систему России, традиционно называют следующие: железнодорожный транспорт, морской транспорт, воздушный транспорт, речной транспорт, автомобильный транспорт [3, С. 393]. Автомобильный транспорт наиболее мобилен, что позволяет ему активно взаимодействовать с иными видами транспорта. Такое взаимодействие требует правовой регламентации, которая в самом общем виде содержится в гражданском законодательстве. ГК РФ в ст. 788 определяет общие положения о прямом смешанном сообщении (или комбинированной перевозке), которое предусматривает перевозку пассажиров, грузов и багажа по единому транспортному документу, но различными видами транспорта. Порядок организации таких перевозок определяется соглашениями между транспортными организациями, которые должны заключаться в соответствии с законом о прямых смешанных (комбинированных) перевозках, который до настоящего времени не принят. По этому вопросу Е.Н. Ковалева указывает, что «правовое регулирование данных правоотношений в настоящее время рассматривается как предмет различных отраслей транспортного законодательства, в зависимости от вида организации - перевозчика» [5, С. 38]. При этом А.С. Романова отмечает, что смешанные и комбинированные перевозки не являются идентичным понятием, хотя законодатель, прописывая их в виде «смешанной (комбинированной)» перевозки их фактически не разделяет, хотя основополагающие признаки различны. Когда речь идет о смешанной перевозке, имеется в виду перевозка по одному документу, но различными видами транспорта. Ключевым здесь будет являться вид транспорта. Если же речь идет о комбинированной перевозке, то основным признаком будет являться особый характер груза, «под которым в данном случае понимается не конкретное вверенное перевозчику имущество, а его определенная масса, размещенная на укрупненной единице – грузовом модуле» [6, С. 36]. В этом случае отличие, прежде всего, будет в технологии организации средств, с помощью которых осуществляется перевозка, хотя понятия смешанной и комбинированной перевозки являются родственными.

В отличие от российского законодательства Закон КНР «О договорах» (ст. 317) дает определение комбинированной перевозке и указывает, что «по договору комбинированной перевозки груза оператор отвечает за исполнение или организацию исполнения договора, наделяясь правами перевозчика и его обязанностями в отношении всего процесса перевозки» [4]. Вся ответственность за процесс перевозки возлагается на Оператора комбинированной перевозки. Однако при этом, он может оговорить на основании соглашений взаимную ответственность с перевозчиками, участвующими в комбинированной перевозке на ее отдельных этапах. На ответственность Оператора данные соглашения не влияют (ст. 318 Закона КНР «О договорах») [4]. Получение груза от уполномоченного лица подтверждается выдачей подписанного Оператором документа комбинированной перевозки, который может быть как обратным, так и необратным (ст. 319 Закона КНР «О договорах») [4]. При повреждении или гибели груза на одном из этапов комбинированной перевозки при установлении ответственности Оператора, а также ее предельных размеров, применяются соответствующие законодательные нормы, которыми регулируется перевозка на соответствующем этапе (ст. 321 ст. 319 Закона КНР «О договорах») [4].

Данный подход представляется более верным, так как отношения на практике активно применяются, а в законодательстве России до сих пор не нашли должного отражения, однако правовой механизм в этой сфере необходим.

Кроме комбинированных выделяют также местные и прямые перевозки. Местной признается перевозка, осуществляемая одной транспортной организацией в рамках территориальных границ ее деятельности (как правило, для автомобильного транспорта данный вид не характерен). Прямой перевозкой признается перевозка, в которой по единому транспортному документу участвует несколько транспортных организаций одного вида транспорта. В данном случае на стороне перевозчика возникает множественность лиц и каждый отвечает за сохранность и доставку груза на своем участке независимо от того, кем заключался договор [3, С. 393-394].

Кроме того, в международном сообщении выделяют интермодальные и мультимодальные перевозки. Данные термины активно используются на практике, но в законодательстве они до сих

пор не нашли должного регулирования. По мнению А.С. Скаридова, понятие интермодальной перевозки должно быть сформулировано следующим образом: «под интермодальной перевозкой следует понимать доставку грузов или пассажиров более чем одним видом транспорта за одну транспортную операцию, оформленную соответствующим единым договором перевозки» [6, С. 37]. Данное определение представляется вполне логичным и с ним можно согласиться. Что касается мультимодальной перевозки, то основным отличием от смешанной, комбинированной и интермодальной будет выступать наличие Оператора, которым будет организовываться весь процесс перевозки, исключая взаимодействие заказчика с фактическими исполнителями перевозки [6, С. 37]. Поэтому представляется вполне разумным в настоящее время закрепить легальное определение мультимодальной перевозки в связи с дальнейшим планированием создания на территории России в приграничных зонах мультимодальных транспортно-логистических парков.

В связи с этим предлагается следующее определение мультимодальной перевозки: «По договору мультимодальной перевозки груза оператор обязуется в отношении заказчика осуществить транспортировку груза в пункт назначения и оказать комплекс необходимых транспортных услуг, заказчик обязуется оплатить соответствующие услуги».

Следует также отметить, что на конференции ООН по торговле и развитию Unctad – по мультимодальным перевозкам 1996 г. были выработаны понятия для каждого из видов перевозок разными видами транспорта. В частности, были выделены интермодальные перевозки (IntermodalTransport), мультимодальные перевозки (MultimodalTransport), сегментарные перевозки (SegmentedTransport) и комбинированные перевозки (CombinedTransport). Согласно данным положениям, интермодальные перевозки – это перевозки груза несколькими видами транспорта, где один из перевозчиков обязуется организовать всю перевозку груза из одного пункта отправления или порта через один или несколько пунктов в конечный пункт назначения. Мультимодальные перевозки – это перевозки, в которых перевозчик, организующий всю перевозку груза, принимает на себя ответственность за всю перевозку груза в целом. Сегментарные перевозки – это перевозки, в которых перевозчик, организующий всю перевозку груза, принимает на себя ответственность только за ту часть перевозки, которую осуществляет он сам. Комбинированные перевозки – это перевозки груза в одном и том же перевозочном месте (контейнере), осуществляемой несколькими видами транспорта – автомобильным, железнодорожным и водным.

Несколько ранее в г. Нью-Йорке представителями 77 государств была подписана Конвенция «О смешанных перевозках», в которой впервые было описано понятие «оператора смешанной перевозки» – Конвенция в силу не вступила.

Литература:

- 1.Гражданский кодекс Российской Федерации (часть II) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
- 2.Гражданское право. Учебник: Часть II. / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. – М.: «Проспект», 1997. – 784 с.
- 3.Гражданское право: учебник в 3-х ч. Ч. 2. / Под ред. В.П. Камышанского, Н.М. Коршунова, В.И. Иванова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Эксмо, 2011. – 704 с.
- 4.Закон КНР «О договорах» часть II (Принят 2-й сессией ВСНП девятого созыва 15 марта 1999 г.) [Электронный ресурс] / Законодательство Китая // URL: [http:// chinalawinfo.ru/civil_law/contract_law](http://chinalawinfo.ru/civil_law/contract_law). (дата обращения: 23.03.2013).
- 5.Ковалева Е.Н. Договор перевозки. / Под ред. Л.Ю. Грудцыной. – М.: Изд-во Эксмо, 2006. –192 с.
- 6.Романова А.С. Понятие мультимодальной перевозки груза: сравнительно-правовой аспект // История государства и права. – 2007. – № 22. – С. 36-38.
- 7.Устав автомобильного транспорта РСФСР от 8 января 1969 г. (утвержден постановлением Совета Министров РСФСР № 12) // СП РСФСР. 1969. № 2-3. Ст. 8 (утратил силу).
- 8.Федеральный закон «Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта» от 8 ноября 2007 г. № 259-ФЗ // СЗ РФ. 2007. № 46. Ст. 5555.
- 9.Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. Том II. Товар. Торговые сделки. Издание четвертое. – СПб.: Издание Бр. Башмаковых, 1908. – 631 с.

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ СЕМЕЙНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА АЗИАТСКИХ СТРАН: ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ

© Л.В.Саенко

Для понимания социальных процессов, происходящих в современном мире, требуется не только обладать первичной информацией о них, но и уметь их оценивать. Именно в этих целях ставится сейчас достаточно остро вопрос о необходимости изучения зарубежного законодательства. Качественно сопоставить, сравнить положения нормативных правовых актов задача не такая простая, как многим кажется. Основная роль сравнительного правоведения в современном мире не сводится только к познавательной и образовательной функции, практическая значимость сравнительного правоведения проявляется, прежде всего, в унификации, гармонизации законодательства, расширении правового пространства, построения единого «правового поля» в изменяющемся современном мире для более свободной реализации прав и основных свобод личности.

Несмотря на сходство правовых систем различных государств, в законодательстве могут содержаться нормы, регулирующие однотипные отношения несколько различно, и это различие в каком-то конкретном случае может иметь решающее значение. На современном этапе развития общества приобретают глобальные масштабы международное сотрудничество, интенсивное развитие экономических, научных, культурных и личных связей [6, С. 5-6]. Знание иностранного права действительно имеет большую актуальность не только для профессионалов, но и всех современных граждан, которые, путешествуя, должны стараться понять чужую культуру, традиции.

Следует согласиться с точкой зрения Ю. А. Тихомирова, что в условиях глобализации наблюдается повышение роли сравнительного правоведения как деятельности, позволяющей обеспечить создание базы для синхронизированного приведения законодательства в соответствии с положениями международных договоров, законодательств определенных групп государств [5]. Полным ходом сейчас идет процесс интеграции и глобализации, который объединяет различные правовые системы, не составляет исключения в этом плане и азиатский регион. Но стоит заметить и тот факт, что каждое государство стремится отстаивать свой правовой суверенитет, особенно это заметно в развитии правового регулирования семейных отношений. В этой связи интересным представляется проведение сравнительно-правового анализа общих норм, регулирующих семейные отношения в России и некоторых странах АТР. В качестве предмета исследования мы выбрали семейное законодательство Индии, Монголии и Японии.

По сложившейся исторически правовой традиции семейное право составляет один из институтов частного права, во многих зарубежных системах законодательства оно входит в состав гражданского права. Поэтому источниками семейного права во многих зарубежных странах являются гражданские кодексы, другие акты гражданского (семейного) законодательства, а также прецедентная судебная практика по имущественным, т. е. гражданским в своей основе делам. Естественно, имеются и определенные различия в конкретных странах. Например, есть страны с единым семейным правом (Япония), во всех частях которых применяются одинаковые семейно-правовые положения. Вместе с тем в других параллельно действует несколько систем семейного права, преимущественно в странах с федеральным государственным устройством, что обуславливается в первую очередь религиозными причинами.

Выбранные нами в качестве объекта исследования основные положения семейного права регулируют как брачные отношения между супругами, так и отношения между родителями и детьми. В свою очередь внутри этих крупных разделов приоритетное значение имеют нормы о заключении брака, о личных неимущественных и имущественных отношениях между супругами, о расторжении брака и его последствиях [3, С. 57]. Следует подчеркнуть, что в законодательстве практически всех развитых стран не содержится легального определения брака. Обычно гражданские кодексы и иные акты семейного законодательства регламентируют только условия вступления в брак. Не содержит понятия брака и семейное законодательство России. Тем не менее, по смыслу семейно-правовой доктрины браком признается либо сделка (договор), либо добровольный пожизненный союз, либо юридически оформленное партнерство. Так, например, по мнению японских правоведов, отношения между супругами – это отношения «договорные», а «действия по изменению брачно-семейных отношений» называются «брачно-семейными сделками» [1, С. 165]. Сам брак в Японии заключается в гражданской форме. А по широко применяемой там традиции, родители подбирают своим детям будущего супруга. Согласно японскому гражданскому кодексу минимальный брачный возраст для мужчин составляет 18 лет, а для женщин 16 лет. Мало того, при заключении брака лицами, не достигшими 20 лет, требуется согласие родителей. Но, тем не менее, японское семейное законодательство провозглашает равенство мужа и жены.

При заключении брака во многих мусульманских странах мужчина обязан предоставить будущей жене некие имущественные ценности – «махр»: одежду, деньги, строение или земельный участок. Так, например, в Индии не так давно на смену обычаю требования приданого, «даури», пришел закон, допускающий обмен свадебными подарками с составлением их полного списка, указанием стоимости, имени и степени родства дарящего. Такой перечень должны подписать жених и невеста. Вымогательство же «даури» преследуется штрафными санкциями или даже тюремным заключением на небольшие сроки. Отметим, что и в современной Индии влияние религиозных традиций на правовое регулирование семейных отношений весьма велико. Однако, здесь следует отметить, что решительным шагом в реформировании правовой системы Индии явилось принятие Конституции 1950 г., закрепившей светский характер государства [2, С. 216]. В последнее время правовая система Индии развивалась, опираясь одновременно на ценности традиционного индусского и адаптированного общего права, а также используя позитивный опыт других правовых систем современности. Далее отметим, что как законодательство, так и правоприменительная практика всех стран предусматривает целый комплекс условий, необходимых для заключения брака. Их несоблюдение может привести к признанию брака недействительным и несостоявшимся. Некоторые из данных условий диктуются, в частности, тем, что «брачно-семейные отношения представляют собой основу развития нации и источник движущей силы народа, поэтому государство не может оставаться безучастным и должно заботиться о правильном и здоровом развитии семьи» [2, С.164].

Особой важности значение в семейном законодательстве зарубежных стран придается правовому регулированию различных отношений между супругами. Такие отношения носят и личный, и имущественный характер. При этом, как правило, личным отношениям уделено в законодательстве зарубежных стран значительно меньше внимания, чем имущественным. Но, как справедливо замечают японские авторы, «значительная часть отношений между мужем и женой регулируется обычаями и нормами морали. Гражданский кодекс Японии (ГКЯ) же ограничивается вопросами общей фамилии супругов, их обязанности совместного проживания, сотрудничества и взаимной помощи, достижения совершеннолетия в результате заключения брака, права аннулирования договора между супругами и вопросами имущественных отношений между ними» [2, С.189].

Какие же вопросы в этой сфере наиболее детально урегулированы семейным правом? Это в первую очередь, режимы имущества, во вторую, порядок управления им и, в третью – предоставление взаимного содержания. Сложились исторически и существуют по сей день практически во всех правовых системах, три основных вида правового режима имущества супругов: общности, раздельности и смешанный режим (его еще иногда именуют режимом «отложенной общности»). В качестве юридического основания применения того или иного режима выступают либо брачный договор, либо сам закон (легальный режим). И тот и другой могут предусматривать любой из трех названных режимов имущества супругов.

Обязательно отметим различия в правовом регулировании расторжения брака, так фактические возможности сторон при формальной свободе развода далеко не равнозначны. В некоторых, прежде всего конечно, в мусульманских странах, сохраняется и формальная дискриминация женщин в праве на развод. По общему правилу «развод означает прекращение брака, осуществляемое по воле одного или обоих супругов при их жизни» [2, С. 196]. Положение о распаде семьи как основании для развода применяется, например, в Японии (ст. 763 ГКЯ). Правовое регулирование правоотношений, связанных с расторжением брака влечет за собой целый комплекс правовых последствий, касающихся не только бывших супругов, но и их детей. Достаточно сложным является вопрос и о разделе имущества. Существуют и проблемы личного неимущественного характера, в частности сохранение общего имени (фамилии) или возврата к добрачному имени. Так, например, семейное законодательство Японии можно назвать дискриминационным в отношении прав детей, рожденных вне брака, а также прав супругов и детей в смешанных браках. Случаи, когда один из бывших супругов, являющийся гражданином Японии, после расторжения брака отказывается обеспечить право супруга-иностранца видаться и проживать с ребенком, достаточно распространены. Местная судебная система, как правило, встает на сторону японского гражданина, отказываясь признавать другое гражданство детей, оформленное в браке, поскольку дети от смешанных браков, рожденные в Японии, при регистрации рождения автоматически приобретают японское гражданство [4]. Во всех странах, брачно-семейное законодательство которых выбрано нами в качестве предмета исследования расторжение брака производится в административном или судебном порядке по

основаниям, предусмотренным законодательством. Есть здесь и норма о запрещении расторжения брака во время беременности жены.

Далее отметим, что значительное внимание семейное законодательство выбранных зарубежных стран уделяет и отношениям между родителями и детьми. Такие отношения возникают как в браке (рождение, воспитание детей), так порой и после его прекращения (алиментные обязательства). При расторжении брака, например, в Монголии супруги должны согласовать следующие моменты: кому передать на воспитание ребенка, кто будет выплачивать средства на его содержание. Если они не придут к соглашению, то вопрос кому из супругов оставить ребенка, с учетом его возраста, внимания со стороны отца и матери, их бытовых условий и возможностей, моральных качеств, существования насилия в семье, а также установление размера алиментов разрешаются судом. А вопросы, например, опеки над ребенком, достигшим семи лет и выше, разрешаются уже с учетом его мнения (в качестве сравнения, в России этот возраст составляет десять лет). Для родителей, расторгнувших брак остаются действительными такие обязанности родителей, как забота о здоровье и духовном развитии ребенка, его содержание, воспитание в духе уважения к национальным традициям и обеспечение возможностью получения общего образования, защита прав ребенка и помощь в выполнении его обязанностей. Если родители не согласовали специально порядок исполнения своих прав и обязанностей, то этот порядок устанавливает суд. Родитель, на чьем попечении остался ребенок, не должен препятствовать общению его с другим родителем, если это не противоречит правам и интересам ребенка. Алименты на одного ребенка устанавливаются в размере 50 % от минимального прожиточного уровня, установленного в данной местности, если он не достиг одиннадцати лет, с одиннадцати до шестнадцати лет (при обучении до восемнадцати) в размере минимального прожиточного уровня. Алименты устанавливаются в денежной и имущественной формах [7].

Укажем, что семейное законодательство стран АТР несомненно имеет свои особенности, отличительные черты, которые в первую очередь объяснимы историческим наследием, религиозными традициями или влиянием правовых систем государств-колонизаторов. Формат и определенные количественные рамки данной статьи не позволяют провести детальное, качественное исследование таковых, тем не менее, подводя некоторые итоги об отличительных чертах семейного законодательства, подчеркнем, что, например, источниками японского права являются не только нормативные акты, принятые государственными органами, своеобразным источником права являются «обычаи» или «гири», которым Конституция 1898 г. в некоторых случаях придавала одинаковую с законом силу. Так, «гири», как комплекс норм, заменяющих собой право, регулируют в современной Японии некоторые межличностные отношения, основное количество которых находится как раз в сфере семейных отношений. Следует отметить, что уже с конца XIX в. японское право пытается перестроиться на европейский лад, с явным приоритетом романо-германской системы права, дополненной и приспособленной к национальным особенностям страны. Современная Япония за достаточно короткий исторический период стала высокоразвитой державой, в которой европейские правовые нормы эффективно сочетаются с национальными традициями и особенностями [4]. В Монголии семейные отношения подвержены правовому регулированию Гражданским кодексом Монголии (Гражданским законом Монголии), его основной целью является регулирование имущественных и неимущественных отношений, возникающих между субъектами права. Гражданское законодательство основывается на принципах равенства, автономии воли, неприкосновенности имущества, свободы договора, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, осуществления без каких-либо ограничений гражданских прав, судебной защиты для участников гражданских отношений. Гражданский закон не применяется к налоговым, бюджетным, финансовым отношениям, а так же к имущественным и неимущественным отношениям, основанным на административном подчинении одной стороны другой [7]. В Индии существует перечень законодательства, который содержит вопросы, по которым законы может принимать как федерация, так и ее субъекты. В этот перечень входит и семейное законодательство. Важную роль в установлении индийского права сыграл обычай; в настоящее время, однако, его значение не столь велико. Он поставлен в подчиненное положение к писаному праву в сфере не только территориального, но и личного права, что специально закреплено в Законе о шариате 1937 г., а также в кодексах индусского права 1955- 1956 гг. [4].

Проведенный сравнительно-правовой анализ основ семейного законодательства некоторых стран АТР показывает, что интеграционные процессы, происходящие в современном мире, затронули и сферу семейно-правового регулирования. Зарубежное семейное законодательство в целом соответствует стандартам, разработанным мировым сообществом. Поэтому, в целях дальнейшего развития международных отношений, региональных добрососедских связей, следует более детально

изучать позитивный опыт и практику реализации норм зарубежного семейного права, поэтапно внедряя их в собственное законодательство. В этом и заключается основной смысл сравнительного правоведения.

Литература:

1. Вагацума С., Ариидзуми Т. Гражданское право Японии. М., 1983. Кн. 2. / Ред.: Р. О. Халфина, Пер.: В. В. Батуренко. – от М.: Прогресс, 1983; кн. 1, 351 с.; кн. 2, 334 с.
2. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности: Пер. с фр. В. А. Туманова. – М.: Междунар. отношения, 1996. – 400 с. ISBN 5-7133-0892-8.
3. Зенин И.А. Гражданское и торговое право капиталистических стран: Учебное пособие. – М.: Изд-во МГУ, 1992. – 192 с. ISBN 5-211-02188-6.
4. Консульский информационный портал. Официальный сайт МИД России URL: <http://www.kdmid.ru/docs.aspx>. [дата обращения 19.03.2013].
5. Материалы первых ежегодных публичных слушаний 05 декабря 2011 года в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (ИЗиСП) на тему: «Актуальные проблемы сравнительного правоведения: методология сравнительного правоведения» // Журнал Российского права. – 29.02.2012. – № 2.
6. Пиляева В. В. Гражданское право. Части общая и особенная: Учебник / В. В. Пиляева. – 4-е изд., стер. – М.: КНОРУС, 2010. – 992 с.
7. Современное семейное законодательство Монголии // URL: <http://mongolnow.com/law2.htm>. [дата обращения 19.03.2013].

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ НЕОСНОВАТЕЛЬНОГО ОБОГАЩЕНИЯ
НА ПРИМЕРЕ СРАВНЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
СТРАН АТР - РОССИИ И ЯПОНИИ**

© А.А. Арутюнян
Россия, г. Чита

Институт неосновательного обогащения в Гражданском кодексе Японии призван урегулировать отношения, возникающие при получении лицом без надлежащих на то оснований определенной прибыли или выгоды принадлежащей другому лицу. Согласно п. 1 ст. 1102 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее ГК РФ) лицо, которое без установленных законом, иными правовыми актами или сделкой оснований приобрело или сберегло имущество (приобретатель) за счет другого лица (потерпевшего), обязано возвратить последнему неосновательно приобретенное или сбереженное имущество (неосновательное обогащение). Из этого заключаем, что, обязательства из неосновательного обогащения (кондикционные обязательства) [5, С. 526], как российскому, так и японскому законодателю известны и на сегодняшний день закреплены в кодексах.

Однако настоящий институт цивилистической науки в гражданском праве Японии имеет ряд особенностей, связанных не только с обособленностью от всего мира этой страны в течение многих столетий, но и с отличиями в правовой системе, в целом. Так, по мнению некоторых авторов: «Японская правовая действительность по-прежнему несравнима с европейской и американской; при применении законов играют свою роль чуждые нам особенности восточно-азиатского мышления» [1, С. 7]. Действующий Гражданский кодекс Японии 1898 г. (далее ГК Я) был создан и усовершенствован под влиянием Германского гражданского уложения [2, С. 197], он сконструирован по пандектной системе и наряду с общими положениями содержит нормы о субъектах гражданского права – физических и юридических лицах, вещном праве, обязательственном, семейном и наследственном праве. Япония впитала опыт не только государств континентальной правовой семьи (Германия, Франция, Италия), но и стран семьи общего права (США, Великобритания, Австралия), таким образом, в стране восходящего солнца сделана попытка универсализации двух систем.

Особое внимание привлекают к себе основания возникновения обязательств из неосновательного обогащения в ГК РФ и ГК Я. Так, ГК Я закрепляет следующие условия, при которых имеет место быть неосновательное обогащение:

- наличие лица, получающего выгоду (выгодополучателя) из чужого имущества или труда;
- причинение указанным действием вреда другому лицу, при этом ущерб может выступать как в виде уменьшения имущества другого лица, так и в виде его не возрастания (упущенная выгода);

- необходимо также наличие причинно-следственной связи между получением выгоды и причинением ущерба;
- отсутствие правового основания для получения выгоды.

В ГК РФ предусмотрены два одновременных условия возникновения обязательств из неосновательного обогащения, это, во-первых, приобретение или сбережение имущества одного лица за счет другого, и, во-вторых, отсутствие правового основания такого обогащения.

Одним из основополагающих принципов гражданского права – обеспечение восстановления нарушенных прав находит реальное воплощение в обязательствах из неосновательного обогащения. Из положений ГК Я следует, что неосновательный приобретатель несет обязанность по возвращению полученной выгоды. За исключением случая, когда этого не позволяет сам характер выгоды (например, получение выгоды из чужого труда), неосновательный приобретатель должен вернуть именно ту вещь, которая была им получена. При этом Гражданские кодексы и Японии, и России, различают добросовестность и недобросовестность неосновательного обогащения. В соответствии с ст. 703 ГК Я добросовестный выгодополучатель обязан вернуть выгоду в пределах, имеющейся в наличии. Данное положение служит охране интересов добросовестного выгодополучателя при уменьшении полученной им выгоды. Однако это не относится к случаю, когда подобное уменьшение выгоды наступило по причине недобросовестности или не должной осмотрительности и заботы за имуществом.

На каких условиях должно быть возвращено неосновательное обогащение?

ГК Я предусматривает, что выгода должна быть возвращена в том состоянии, в котором она поступила в хозяйственную сферу добросовестного приобретателя. Такое же положение наблюдаем в ГК РФ, а именно в п.1 ст. 1104, где говорится, что имущество, составляющее неосновательное обогащение должно быть возвращено потерпевшему в натуре.

В случае если имущество невозможно вернуть в прежнем состоянии в кодексах обоих государств, предусмотрено эквивалентное возмещение (обычно в денежном виде) стоимости всей вещи или ее части. Отметим, что ранее в Японии считалось, что при гибели вещи обязанность по ее возвращению не возникала, а при повреждении вещи достаточно было вернуть ее в поврежденном виде. Ст. 189 ГК Я предусматривает возможность сохранения добросовестным неосновательным приобретателем плодов и доходов от полученного натурального имущества. Настоящая норма не действует, если объектом неосновательного обогащения были деньги. Российский законодатель отрицательно относится к подобным сохранениям и в п.2 ст. 1105 ГК РФ устанавливает, что если лицо временно пользовавшееся чужим имуществом без намерения его приобрести либо чужими услугами, должно возместить потерпевшему то, что оно сберегло вследствие такого пользования, по цене, существовавшей во время когда закончилось такое пользование.

В каких случаях неосновательное обогащение не подлежит возврату?

В ст. 705 ГК Я говорится, что в случае, когда отсутствует обязанность исполнителя исполнить обязательство и он (исполнитель) зная это, исполняет обязательство, то отчуждаемая им сумма или выгода не будут признаваться неосновательным обогащением для другой стороны, и, следовательно, возвращению не подлежат. Ст. 706 ГК Я устанавливает, что если должник досрочно исполнил перед кредитором свое обязательство, то это не повлечет неосновательного обогащения для последнего. Однако обогащение возникнет, в случае, когда должник находился в заблуждении. В п.1 ст. 707 ГК Я закреплен еще один случай, когда неосновательное обогащение возврату не подлежит. Например, при наличии обязательственных отношений между кредитором А и должником Б гражданин В, ошибочно полагая, что именно он является должником А, осуществляет исполнение обязательства. При этом если кредитор после исполнения обязательства В, поверив в действительность исполнения и действуя добросовестно, уничтожил соответствующие документы отказался от обеспечения или утратил право требования вследствие исковой давности, с целью охраны интересов кредитора ГК Я устанавливает невозможность предъявления к нему требования со стороны В относительно возвращения неосновательного обогащения. Вследствие этого неосновательное обогащение переходит на должника Б и В может предъявлять требования к нему (п.2 ст. 707 ГК) [3, С. 132]. В соответствии со ст. 1109 ГК РФ не подлежит возвращению в качестве неосновательного обогащения:

- имущество, переданное во исполнение обязательства до наступления срока исполнения, если обязательством не предусмотрено иное;
- имущество переданное во исполнения обязательства оп истечении срока исковой давности;
- заработная плата и приравненные к ней платежи, пенсии, пособия, стипендии, возмещение вреда причиненного жизни или здоровью, алименты и иные денежные суммы, предоставленные

гражданину в качестве средства к существованию, при отсутствии недобросовестности с его стороны и счетной ошибки;

- денежные суммы и иное имущество, предоставленные во исполнение несуществующего обязательства, если приобретатель докажет, что лицо, требующее возврата имущества, знало об отсутствии обязательства либо предоставило в целях благотворительности.

Достаточно спорным на наш взгляд является утверждение В.П. Камышанского, со ссылкой на ст. 315 ГК РФ, о том, что досрочная передача имущества является надлежащим исполнением обязательства для рассматриваемых отношений [4, С. 698]. Все же, нельзя оставить без внимания то, что при заключении договора займа с выплатой процентов, сумма займа может быть возвращена исключительно с согласия займодавца.

В итоге, отметим, что, несмотря, на культурное, экономическое и политическое различие между Российской Федерацией и Японией, страны во многом схожи в плане построения правовой системы. В частности, рассматриваемый нами институт неосновательного обогащения, прямое подтверждение того, что Япония и Россия восприняли романо-германскую правовую модель. Историческая близость границ России и Японии во многом способствует росту двусторонних отношений, в том числе правовому обмену. Инкорпорация большого количества норм, в том числе некоторых норм о неосновательном обогащении, из западноевропейских кодифицированных актов в правовую структуру России и Японии позволяет говорить, что государства стоят на пути к интеграции, как в рамках стран АТР, так и в мировом масштабе.

Литература:

1. Röhl W. Einführung in das japanische Recht. Darmstadt, 1976.
2. И.А. Зенин Гражданское и торговое право зарубежных стран: Учебное пособие, руководство по изучению дисциплины, практикум по изучению дисциплины, учебная программа / Московский государственный университет экономики, статистики и информатики. 5-е изд. Вып. 5 – М.: МЭСИ, 2005. – 194с.
3. Сокаэ Вагацума, Тору Ариидзуми. Гражданское право Японии (в двух книгах) / Книга вторая. 1983.
4. В.П. Камышанский, Н.М. Коршунов, В.И. Иванов. Гражданское право: учебник в 3-х ч. Ч.2, перераб. и доп. – М.: Эксмо, 2011. – 704с.
5. Г.Ф. Шершеневич. Курс гражданского права. – Тула: Автограф, 2001. – 720с.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 14.06.2012)// Собрание законодательства РФ от 29 января 1996 № 5. ст. 410.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТРАНСГРАНИЧНЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

© А.Б. Андреев
Россия, г. Улан-Удэ

Правовое регулирование интеграционных процессов – основного фактора экономического развития современного общества – становится всё более сложным, разделяясь на соответствующие разделы. Один из них – это трансграничные взаимоотношения. Разнообразные интеграционные процессы касаются, прежде всего, приграничных территорий. В России исследования приграничных и трансграничных территорий стали всё шире распространяться в совместных программах их развития, затрагивая все сферы взаимодействия. В различных научных направлениях понимание приграничной и трансграничной территорий, типологии государственных границ дифференцировано в зависимости от факторов, составляющих их содержательную основу. Разные специалисты вкладывают неодинаковое содержание в данные понятия, что связано с двойственностью и противоречивостью явлений и последствий трансграничного взаимодействия, с расплывчатыми определениями границ, свойств, типов приграничных территорий.

При выделении их границ в литературе используется понятие «пограничное пространство – социально-географическая зона вдоль границы или вокруг пункта в глубине территории страны, в пределах которой наблюдается пограничные процессы и явления, связанные с интересами соседних стран и взаимодействием между экономическими культурными, правовыми и политическими системами» [1, С. 77]. Пограничное пространство определяется несколькими параметрами: протяжённостью, шириной и насыщенностью (плотностью) пограничных процессов и явлений. В российской практике «пограничная зона» – это полоса вдоль границы государства или территории,

выполняющая барьерную функцию, где ограничены свободное передвижение людей и их хозяйственная деятельность [2]. Простирается пограничная зона от 15 до 60 км (100 вдоль побережья). В европейской практике на локальном уровне существует понятие «приграничная зона» – территория радиусом 15 км вокруг таможенного пункта, в отношении Калининградской области со стороны Евросоюза (Польша) действует приграничная полоса шириной 30-50 км – территория, свободная для перемещения жителей области.

Рассматривая указанные данные приграничных территорий, необходимо обозначить их иерархическую структуру. В общем случае приграничную территорию рассматривают как трёхуровневую систему с различными границами: физико-географическими, инфраструктурными, экономическими, административными. Административные границы в научных исследованиях преобладают в связи с их чёткостью и определённой [3; 4; 5; 6].

В соответствии с этим приграничные территории выделяются и рассматриваются на следующих уровнях: национальном, региональном и локальном. Национальный уровень – группы областей, выходящие к государственной границе и играющие заметную роль в осуществлении контактных функций с соседними государствами.

Приграничные территории на региональном уровне представлены административными единицами, выступающими крупными самостоятельными территориальными образованиями; в России – это субъекты Российской Федерации. На локальном уровне приграничные территории – это образования, непосредственно прилегающие к границе, в пределах которых сосредоточена приграничная инфраструктура и наиболее чётко прослеживаются процессы взаимодействия соседних стран [7, С. 106].

Интенсивно развивающиеся процессы трансграничного взаимодействия стимулирует сопредельные государства к выработке специфического подхода к приграничным территориям. Программы их развития предполагают сближение позиций, при этом граница рассматривается как фактор активного развития и носит условный характер. Следует отметить, что природных систем (бассейна реки, озера или моря) обуславливает целостность трансграничной территории [8]. С ростом двусторонних процессов происходит формирование экономически единого региона, который при достижении определённого уровня взаимодействия можно выделить в трансграничную территорию. В качестве признаков такой трансграничной территории можно выделить её непрерывность, наличие органов управления, высокий уровень транспортного сообщения, относительно тесные экономические отношения.

Наиболее интегрированы трансграничные территории Европы, такие сообщества называются «еврорегионы». Первый из них появился в 1958 году и получил название «ЕВРЕГИО». Он был образован коммунами и территориальными общинами северо-западных районов земли Нордрейн-Вестфаллен (Мюнстерланд), юго-западных районов земли Нижняя Саксония (Бентхейм, Оснабюрок, Эмсланд) ФРГ и восточных регионов провинций Гелдерланд (Ахтерхок, община Варнсвелд), Оверэйсел (Твенте, Далфсен, Гарденберг, Оммен), Дренте (община Куворден).

Привлекательный деловой режим способствовал росту числа данных трансграничных регионов: из-за отсутствия таможенных барьеров активно развивалась приграничная торговля, росло число совместных предприятий, общих экономических объектов. Свободное перемещение людей, товаров, ресурсов позволяло реализовывать различные проекты в области туризма, экологии, спорта и культуры.

Появление еврорегионов стало следствием развития трансграничного сотрудничества, процессов децентрализации власти в национальных государствах. Начальным шагом стал учредительный договор о едином экономическом сообществе (ЕЭС), иначе Римский договор 1957 г., который стал юридическим закреплением общего рынка. В частности, в нём проведена дифференциация правового режима, закреплены свободы передвижения товаров, лиц, услуг и капиталов, каждая с особым правовым регулированием [9].

В начале 70-х гг. XX века появились первые исследования трансграничных проблем. В их обсуждении принимали участие представители трансграничных регионов и Европейского Сообщества. Последующие научные работы были посвящены феномену границы и приграничной региональной проблематики, в которых еврорегионы выделялись как независимые факторы трансграничного сотрудничества.

Важнейшим юридическим документом, определившим дальнейшее развитие интеграции, стала Европейская рамочная конвенция о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей, принятая 21 мая 1980 года в Мадриде [10].

С середины 80-х гг. тематика трансграничного сотрудничества сменилась вопросами регионализации и развития трансграничных регионов. Региональные диспропорции в Европе и рост процессов децентрализации создали почву для проведения региональной политики на уровне ЕС, определившей дальнейшее развитие процессов интеграции. В 1985 г. Европейской комиссией был разработан проект Белой книги, включающую в себя программу «Завершение формирования внутреннего рынка». Она представляла собой распространение опыта еврорегионов на всё сообщество. В ней предложены инструменты к устранению внутренних препятствий: таможенных, технических, налоговых границ. Как следствие, в 1986 г. всеми странами был принят Единый европейский акт (ЕЕА), изменивший прежние договоры в сторону ликвидации национальных границ в современном понимании.

В этот же период были спроектированы и утверждены Шенгенские соглашения, которые отменили пограничный контроль, предоставив полную свободу передвижений (1985, 1990 гг.).

Постоянной ликвидации внутренних границ ЕС сопутствовал перенос государственных границ во внешнем направлении с другими странами. Этот процесс возник в результате присоединения к ЕС Австрии, Швеции и Финляндии. В этот же контекст, входили усилия, направленные на развитие контактов с международными факторами, граничащих с ЕС, для расширения культурных, политических и экономических связей с другими странами (Швейцарией, Турцией, странами Центральной и Восточной Европы).

В 1992 г. был принят Маастрихтский договор, предоставившим гражданам каждого государства-члена основного права свободно передвигаться и проживать на территории всех государств-членов независимо от осуществления ими экономической деятельности. В рамках одного из разделов договора, «гражданства Союза», избирательные права приобрели трансграничный характер: появилось право избирать и быть избранным на территории государства проживания как в представительный институт ЕС (Европейский парламент), так и в его органы местного самоуправления.

«Экономический и валютный союз» Маастрихтского договора устранял препятствия, связанные с отсутствием единой денежной единицы, которой отныне стал евро.

С учетом Шенгенских соглашений 1985 и 1990 гг., «пространство свободы, безопасности и правосудия», учрежденное Амстердамским договором 1997 г., сделало возможной полную отмену пограничного контроля на внутренних границах ЕС (в рамках «Шенгенского пространства»). Одновременно институты ЕС получили дополнительные полномочия по реализации принципа взаимного признания применительно не только к гражданским, но и к уголовным делам [11, С. 20].

Всё это удалось осуществить благодаря наличию у институтов ЕС полномочий издавать нормативные и индивидуальные акты, не требующие ратификации со стороны государств-членов [11, С. 22]. В течение двух с половиной десятилетий было осуществлено полноценное открытие границ во всех областях общественной жизни.

Правовое регулирование интеграционных процессов вырабатывалось совместно в рамках общих институтов: при сохранении границ и государственного суверенитета понимание, соблюдение и применение выработанных правил становилось одинаковым и повсеместным. В результате на стыке национального и международного права родилась особая автономная правовая система. Она не идентична ни национальному праву государств региона, ни региональному международному правопорядку, однако сочетает в себе существенные положения из практики функционирования национальных и международных правовых институтов [12, С. 10-11].

Возникновение, укрепление и неуклонное расширение предмета регулирования права ЕС не привело к исчезновению в Европе национального (внутригосударственного) права, которое продолжает развиваться в рамках каждого государства-члена ЕС. В то же время, сегодня подобное развитие все больше «моделируется» эволюцией права ЕС, которое внедряет в национальное законодательство единообразные правовые стандарты почти по всем отраслям права [11, С. 23].

В работах представителей социологической школы в общей теории права показана, как в свод национального права включается свод европейского права, при этом последний продолжает создавать право [13, С. 36]. В частности, они оценивают, что в составе норм права, применяемых в любом государстве-члене «европейское» происхождение в начале XXI века составляло до 80% [14, С. 102].

Стоит отметить, что ЕС продолжает базироваться на международных договорах, пересматриваемых только с общего согласия государств-членов. За каждым из них Лиссабонским договором – впервые в истории ЕС – прямо признано право добровольного выхода из состава организации. «Европейское право и в этом, безусловно, его специфика, порождено международным

правом и является результатом, как межнационального сотрудничества, так и наднационального правотворчества. Оно образует новую правовую реальность, сочетающую элементы, свойственные национальным системам права и международно-правовой системе, а это порождает специфику и оригинальность европейского права как особого вида правовой системы» [15, С. 65].

В ходе трансформации Европейских сообществ в Европейский Союз на рубеже XX – XXI вв. интеграционные процессы коснулись всех сфер общественной жизни. Соответственно, включенные в этот период в учредительные договоры ЕС дополнительные юридические конструкции стали рассматриваться как новые правовые формы интеграции.

Существенное значение для развития правового регулирования трансграничных отношений имеют правовые акты, которые издают политические институты ЕС (Европейский парламент, Совет ЕС и Комиссия) на основании учредительных договоров организации [16, С. 66].

Европейская интеграция стала основанием развития трансграничных регионов на других континентах, появились её теории – теории федерализма, транзакционализма, функционализма, неофункционализма, межправительственный подход. С развитием данной проблематики и научной мысли, подвергающей её анализу, появляются новые интерпретации указанных теорий. Это, прежде всего, связано с появлением негосударственных факторов трансграничного сотрудничества: транснациональных корпораций, неправительственных организаций, субгосударственных образований и локальных властей. Использование переосмысленных теорий позволяет выявить различные модели трансграничных территорий в других регионах мира. На основе изучения истории региона и развития сотрудничества, можно охарактеризовать трансформацию моделей интеграции и трансграничных территорий.

Литература:

1. Кудияров В. Пограничные пространства России // Вестник границы России. 1996, № 2, С.77-83.
2. Федеральный закон от 1 апреля 1993 г. № 4730-1 «О государственной границе Российской Федерации» (в ред. от 25 июня 2012 г.) // Российская газета № 84 от 4 мая 1993 г.
3. Топорнин Б.Н. Европейское право. М.: Юрист, 1998. – 147с.
4. Колосов В.А. География государственных границ: идеи, достижения, практика // Известия РАН. Серия география. М.: РАН, 2008. – № 5 – С. 8-20.
5. Корнеевец В.С. О формировании транснациональных и трансграничных регионов // Вестник ВГУ. Серия: География. Геоэкология. 2009. - №2. - С.93-96.
6. Вардомский Л.Б. Российское порубежье в условиях глобализации. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 216с.
7. Колосов В.А., Туровский Р.Ф. Современные государственные границы: новые функции в условиях интеграции и приграничное сотрудничество // Известия РАН. Серия география. 1997. – № 5. – С. 106-113.
8. Ганзей С.С. Трансграничные геосистемы юга Дальнего Востока России и Северо-Востока КНР. Владивосток: Дальнаука, 2004. – 231с.
9. Договор об учреждении Европейского экономического сообщества от 25 марта 1957 года. Рим. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kadis.ru/texts/index.phtml?id=26343>. (дата обращения 08.12.2012)
10. Европейская рамочная конвенция о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей. [Электронный ресурс]. URL: <http://conventions.coe.int/treaty/rus/Treaties/Html/106-2.htm>. (дата обращения 08.12.2012).
11. Четвериков А.Л. Правовое регулирование либерализации трансграничных отношений: опыт Европейского союза / автореферат дис... д-ра юрид. наук. – МГЮА им. О.Е. Кутафина. – М.: 2010. – 35с.
12. Энтин М.Л. В поисках партнерских отношений: Россия и Европейский Союз в 2004 – 2005 годах. – СПб.: Россия-Нева, 2006. – 576с.
13. Carbonnier J. Droit et passion du droit sous la Ve République. Paris: Flammarion, 2006.
14. Philip C. La Constitution européenne. Paris: PUF, 2004.
15. Бирюков М.М. Европейское право до и после Лиссабонского договора. – М.: Научная книга, 2010. – 240с.
16. Лукашук И.И. Международное право. Особенная часть. Учебник. - М: WoltersKluwer, 2005. – 544с.
17. Бирюков М.М. Европейский Союз, Евроконституция и международное право. – М.: Научная книга, 2006. – С. 32.
18. Зорькин В.Д. Апология Вестфальской системы // Российская газета от 22 августа 2006 г.. № 184 (4150). – С. 6.
19. Колосов В.А., Туровский Р.Ф. Типы новых российских границ // Известия РАН. Серия география. 1999. – № 5. – С. 39-47.
20. Страшун Б.А. Некоторые перспективы конституционного права в эпоху глобализации // Argumentum ad iudicium. Труды МГЮА. Т. 1. - М.: МГЮА, 2006. – С. 173.
21. Чиркин В.Е. Конституционное право зарубежных стран. - М.: Юрист, 2005. – С. 183.

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ИНСТИТУТА УСЫНОВЛЕНИЯ У РАЗНЫХ НАРОДОВ

© О.Л. Бимбаева
Россия, г. Иркутск

Обычаи в XIX веке занимали особое место в регулировании семейных, имущественных и иных общественных отношений у народов России.

Политика Российского государства допускала использование обычаев, за исключением тех, которые противоречили законодательству империи [6, С. 97]. Начало новым представлениям было положено Екатериной II, которая писала в одном из Наказов: «Законы суть особенные и точные установления законоположника, а нравы и обычаи суть установления всего вообще народа». «И так, когда надобно сделать перемену в народе великую к великому онго добру, надлежит законами исправлять, что учреждено законами, и то переменять обычаями, что обычаями введено. Весьма худая та политика, которая переделывает то законами, что надлежит переменять обычаями» [5, С. 101]. Изучение традиционных правовых институтов, в частности, института усыновления, в обычном праве у некоторых инородцев заслуживает достаточного внимания. Обращаясь к обычному праву народов России можно выявить общие закономерности развития института усыновления.

Усыновление у бурят (монголов) – (ухибун оргож абаха), было широко распространенной формой установления родственных отношений и детально регламентировалось обычаями и традициями народа [10, С. 55]. Желание иметь детей, сознание необходимости продолжения рода, «чтобы всегда горел огонь очага, чтобы всегда стояло сэргэ», породило обычай усыновления детей. Если семья, имеющая достаточно детей, отказалась бы отдать одного из них своим бездетным родственникам, их поступок оценили бы как безнравственный [3;4, С. 135;91].

Обычное право бурят (монголов) не предусматривало каких – либо особых требований для усыновителей и усыновляемых. Основным требованием было согласие биологических родителей или самого усыновляемого, если он был совершеннолетним.

Каждая бездетная семья старалась усыновить детей, особенно мальчиков, чтобы они продолжили род. Брала на воспитание и девочек. Многодетные семьи охотно «делились» своими детьми с теми, у кого их не было. В знак благодарности новые родители дарили им умэдхэл – шубы, рубашки, лошадь, корову. Большею частью усыновляли детей родственников в младенческом возрасте, но иногда и в возрасте 3 – 10 лет. Брала детей и у чужих людей, нередко у соседних русских крестьян – старожилов и переселенцев. Русский ребенок, по понятиям бурят, был огражден от козней злых духов, считался физически более крепким и поэтому имел больше шансов выжить. Если же дети оставались сиротами, усыновить их считалось естественным и почетным даже теми, у кого были свои собственные дети [1, С. 63-64]. Нравственные убеждения бережно охраняли институт усыновления, устанавливая моралью очень высокий статус усыновителей.

Оскорбление и вообще непочтительное отношение к усыновителям подвергалось безусловному моральному осуждению и практически не допускалось в обыденной жизни. Особенным был характер взаимоотношений усыновленного с кровными родителями: буряты не имели представления о тайне усыновления. Усыновленные дети, как правило, знали своих родителей, нередко общались с ними и другими родственниками. Обычай не устанавливал запрета на сохранение его правовых связей в объеме, устраивающем заинтересованные стороны. Случалось, что все родители сообща женили сына, собирали совместными усилиями приданое дочери и делили на равных условиях ее калым [9, С. 119].

Обычай усыновления детей широко практиковался и у других представителей народов Российской империи. Так, у хакасов сирота воспитывался среди членов своего рода.

Бездетные супруги могли взять сироту на воспитание. Приемный ребенок иносказательно назывался: «ребенок, рожденный не от моей крови, а вышедший из моего ребра». Бездетные женщины брали к себе на воспитание сирот сразу после смерти их родителей. Сироту запрещалось ругать и, тем более бить. Обычное право предписывало быть жалостливым к сиротам: «пусть ваша душа будет радостной к сироте». Его называли «парасхан» - бедняжка, однако своих детей родителям так называть запрещалось. Воспитанник в дальнейшем обязан был ухаживать за престарелыми благодетелями.

Например, Чонкил Сунчугашев, будучи бездетным и при преклонных годах, но при хорошем хозяйственном достоянии, с женою своею, тоже старухой, Абрал, согласились подарить все свое имение дочери своей Мыченек (воспитанной ими сироте), выданной в замужество за Аптиша Чистанова... чтобы она с мужем своим при старости и дряхлости Сунчугашевых имела за ними и за скотом их надлежащий присмотр, и вследствие сего Сунчугашевы переехали в один улус к Чистанову на реку Немир и поставили свою юрту в одной ограде с Чистановыми, и жили с 1864 по 1875 г. за одно семейство. Кроме означенных 18 штук рогатого скота, Сунчугашевы пригнали с собою 30 штук овец. Этим скотом, равно и приплодом от него, Чистанов распоряжался с согласия Сунчугашевых более 10 лет, но не по праву собственности, а в силу обозначенного условия. Как говорили по этому поводу хакасы: «неродная мать требует долг, неродной отец требует заботу». В случае рождения внебрачного ребенка – «сурас», его воспитывали в семье родителей соблазненной девушки. Хакасский степной закон гласил: дети, «прижитые вне брака, должны воспитываться семейством матери». Но если мать и отец прижитых до брака детей вступят в супружество, то отпрыски их получают все права наравне с рожденными детьми после брака. У внебрачного ребенка жизнь была нелегкой. Окружающая детвора, не знающая жалости, обзывала его: «собака без отца, сурас без стыда» [2, С. 107 - 108].

Интересно обратиться к обычаям усыновления у тувинцев.

Бездетность воспринималась тувинцами как угроза продолжению рода [7]. Данная проблема решалась посредством усыновления. Обычаи, регулировавшие институт усыновления у тувинцев мало отличались от аналогичного института у бурят, однако, следует отметить некоторые особенности.

Согласно существовавшему обычаю двойняшек нельзя было воспитывать в одной семье. Одного из них, того, который родился вторым, отдавали в другую семью. Однако если рождались мальчик и девочка, то мальчика всегда оставляли в родной семье, а отдавали девочку. Это мотивировали тем, что мальчик должен быть счастливым и хорошим, а девочка в отношении своей матери может оказаться как бы «вредной». Если в семье рождались мальчик и девочка, то первого сразу же укладывали в колыбель, а девочку держали пока близ колыбели, завернутой в баранью шкурку и старались, как можно скорее отдать в другую семью. Матерью девочки считалась уже та женщина, которая взяла ее сразу же после рождения. Девочку из двойняшек брали в приемные дочери довольно охотно, так как полагали, что получить в семью ребенка без родов было своего рода «подарком». Ламы объясняли рождение двойняшек тем, что бог по ошибке посылал в одну семью сразу двоих детей. При рождении двойни мужского пола отдавали в другую семью того, который выходил из утробы матери последним. Женщина, в семью которой привозили мальчика – двойняшку, должна была вести себя так, как будто она сама родила этого ребенка. Она сидела на своем месте (где полагалось быть роженице), ела пищу, роженицы и в течение семи дней даже ходила как роженица (медленной походкой и т.д.) [8, С. 274 - 275].

Институт семьи, сформировавшийся в период патриархально – феодальных отношений не подвергся существенным изменениям при Российском законе.

Обычаи продолжали действовать в крестьянских общинах и у коренных народов с традиционным образом жизни, так как особенности образа жизни позволяли обеспечить общеизвестность обычаев и сохранить консервативный характер отношений [6, С. 97].

Литература:

1. Басаева К.Д. Семья и брак у бурят (вторая половина XIX – XX начало века). – Новосибирск: Наука, 1980. – 224 с.
2. Бутанаев В.Я. Степные законы Хонгорая. – Абакан: Издательство Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 2004. – 279 с.
3. Галданова Г.Р. Закаменские буряты: историко – этнографические очерки (вторая половина XIX – первая половина XX в.). – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1992. – 173 с.
4. Герасимова К.М., Галданова Г.Р., Очирова Г.Н. Традиционная культура бурят. – Улан – Удэ: Бэлиг, 2000. – 144 с.
5. Лаптева Л.Е. Исследования обычного права народов Российской империи в XIX в. // Государство и право. – 1997. – № 8. – С. 101 – 109.
6. Наумкина В.В. Особенности действия обычаев среди коренных народов Сибири: историко – правовой анализ // Государство и право. – 2008. – № 4. – С. 97 – 99.
7. Обряды жизненного цикла. По материалам монографии Монгуш М.В. «История буддизма в Туве». – Новосибирск: Издательство «Наука», 2001. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tuva-17.ru>. (дата обращения: 01.11.12).

8. Потапов Л.П. Очерки народного быта тувинцев. – М.: Изд-во «Наука» Главная редакция восточной литературы, 1969. – 401 с.
9. Тумурова А.Т. Институт усыновления (удочерения) в обычном праве бурят // Закон и право. – 2009. – № 6. – С. 118 – 120.
10. Тумурова А.Т. Обычное право бурят (Селенгинское Уложение 1775 года). – Улан -Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета, 2004. – 116 с.

НАЛОГИ НА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В КИТАЕ И РОССИИ

© Л.Д. Бугдаева
Россия, г. Улан-Удэ

Составляющим элементом любого государства являются налоги. Китай относится к одной из развивающихся стран, которая занимает одно из лидирующих мест в мире по объему собираемых налогов [3]. На основании этого объектом исследования статьи стало налогообложение на предпринимательскую деятельность Китая и России. На данный момент в Китае насчитывается примерно 17 видов налогов. Рассмотрим и сравним некоторые из них. Критериями для сравнения возьмем плательщиков, объект обложения, ставки налога и льготы.

Первая группа налогов – налоги с оборота. В эту группу включены налоги, собираемые в Китае: потребительский налог, предпринимательский налог и один из самых главных налогов – налог на добавленную стоимость[1]. Для России – это налог на добавленную стоимость и акцизы. Сравним налог на добавленную стоимость, предусмотренную законодательствами Китая и России.

Таблица 1.

Сравнительный анализ НДС России и Китая

Критерий	КНР	Россия
Плательщики	- организации; - индивидуальные предприниматели; - лица, признаваемые налогоплательщиками налога на добавленную стоимость в связи с перемещением товаров через таможенную границу Китая.	- организации; - индивидуальные предприниматели; - лица, признаваемые налогоплательщиками НДС в связи с перемещением товаров через таможенную границу РФ, определяемые в соответствии с Таможенным кодексом РФ.
Объект обложения	Продукция собственного производства с/х предприятий и фермеров, которую они самостоятельно реализуют; ввозимые на территорию КНР товары, переработанные в другой стране; антикварные книги, приобретенные у населения; медицинские препараты и средства; инструменты и оборудование, ввозимое с целью осуществления НИОКР, для нужд образования; ТМЦ, безвозмездно предоставленные иностранными правительствами и организациями; изделия, ввозимые предприятиями инвалидов для нужд инвалидов; оборудование, ввозимое для осуществления проектов по государственному заказам, финансируемых иностранными или отечественными инвесторами.	Реализация товаров (работ, услуг) на территории РФ, передача права собственности на товары, результатов выполненных работ, оказание услуг на безвозмездной основе признается реализацией товаров (работ, услуг); передача на территории РФ товаров (выполнение работ, оказание услуг) для собственных нужд, расходы на которые не принимаются к вычету при исчислении налога на прибыль организаций; выполнение строительно-монтажных работ для собственного потребления; ввоз товаров на таможенную территорию Российской Федерации.
Ставка налога	13 и 17%, в зависимости от принадлежности товарам первой необходимости или иным товарам, услугам, экспорт по ставке 0 %. У мелких налогоплательщиков - по ставкам: 4% - в торговле (коммерческом секторе); 6% - во всех остальных секторах.	10 и 18 % в зависимости от принадлежности товарам первой необходимости или иным товарам, услугам, экспорт по ставке 0 %.

Каждая страна старается продвинуть своего производителя, ввиду этого ставка на экспорт составляет в России и Китае 0%. В Китае поддерживаются малый бизнес - в торговле ставка составляет 4%, а для всех остальных видов деятельности она составляет 6%.

Группа налогов с дохода: налог на прибыль предприятий, налог на прибыль предприятий с иностранными инвестициями и иностранных предприятий. Для Российского законодательства к данной группе можно отнести следующий налог: налог на прибыль предприятий [2].

Таблица 2.

Сравнительный анализ налога на прибыль России и Китая

Критерий	КНР	Россия
Плательщики	Государственные, коллективные, частные, совместные предприятия и другие организации (юридические лица).	
Объект обложения	Прибыль от реализации продукции, работ, услуг; прибыль от иной предпринимательской деятельности и прочих операций (источников).	
Ставка налога	<ul style="list-style-type: none"> - общенациональный налог на прибыль – ставка 30 %; - местный налог на прибыль – ставка 3 %; - в специальных экономических зонах – ставка 5 %. Для менее прибыльных предприятий - пониженные ставки 18 % и 27 %.	- базовая ставка составляет 20% (до 1 января 2009 года – 24%), из которых 2% зачисляется в федеральный бюджет, 18% - в бюджеты субъектов Российской Федерации.
Льготы	Налоговые вычеты и льготы по налогу на прибыль могут быть предоставлены предприятиям, отвечающим определенным требованиям, а именно: использующим высокие технологии, занимающимся переработкой отходов; вновь созданным компаниям, расположенным в конфликтных, бедных и иных подобных местностях; предприятиям, страдающим от стихийных бедствий; вновь созданным компаниям, предоставляющим социально значимые услуги (услуги по трудоустройству населения); государственным благотворительным организациям; городским предприятиям, государственным сельскохозяйственным предприятиям и т.д. Предприятия с иностранными инвестициями, занятые в материальном производстве и осуществляющие производственную деятельность в прибрежных открытых экономических регионах, облагаются по пониженной ставке 24 %. Эти зоны расположены на полуостровах Ляодун, Шаньдун, в дельте реки Янцзы и в ряде городов	

Анализируя сравнение можно отметить, что ставка по налогу в России значительно ниже. Все основные элементы налога абсолютно идентичны, но тем не мене в Китае есть ставки 18% и 27%, которые предусмотрены для малых предприятий.

В китайском законодательстве в группу ресурсных налогов входят: налог за пользование природными ресурсами (природная рента) и налог за пользование землями городов и городских районов (земельный налог). В свою очередь в РФ взимается плата за пользование ресурсами: земельный налог, налог на добычу полезных ископаемых, водный налог, сбор за пользование объектами животного мира и за пользование объектами водных биологических ресурсов. Проведем анализ земельного налога России и Китая.

Таблица 3.

Анализ земельного налога России и Китая

Критерий	КНР	Россия
Плательщики	Предприятия и граждане, за исключением организаций с иностранными инвестициями, иностранных компаний и иностранных граждан	Организации и физические лица, обладающие земельными участками на праве собственности, праве постоянного (бессрочного) пользования или праве пожизненного наследуемого владения.
Объект	Землями городов и районов	Признаются земельные участки,

обложения		расположенные в пределах муниципального образования, на территории которого введен налог.
Ставка налога	Дифференцируются по регионам. Так, годовая ставка налога за квадратный метр составляет: для больших городов - 0,5 ~10 юаней, для средних городов - 0,4 ~ 8 юаней, 0,3 ~ 6 юаней - для маленьких городов, или 0,2 ~ 4 юаня - для добывающих районов. Для "бедных" местностей или районов с высоким потенциалом ставка налога может быть соответственно уменьшена или увеличена.	1. Устанавливаются нормативными правовыми актами представительных органов муниципальных образований и не могут превышать: - 0,3 % в отношении земельных участков: отнесенных к землям с/х назначения или к землям в составе зон с/х использования в поселениях и используемых для с/х производства; занятых жилищным фондом и объектами инженерной инфраструктуры жилищно-коммунального комплекса или предоставленных для жилищного строительства; предоставленных для личного подсобного хозяйства, садоводства, огородничества или животноводства, а также дачного хозяйства; - 1,5 % в отношении прочих земельных участков. 2. Допускается установление дифференцированных налоговых ставок в зависимости от категорий земель и разрешенного использования земельного участка.
Льготы	От налогообложения освобождаются: земли, занятые правительственными органами, общественными и военными организациями; земли, занятые предприятиями, финансируемыми из государственного бюджета; земли, занятые церковными храмами, парками, памятниками истории; земли общего пользования, принадлежащие муниципальной администрации, площади; земли, занятые полями, лесами; земли, на которых расположены животноводческие комплексы и рыбные хозяйства; земли, используемые для защиты окружающей среды, и земли, используемые для нужд и развития энергетики и транспортного хозяйства.	Освобождаются от налогообложения: 1) организации и учреждения уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции РФ - в отношении земельных участков, предоставленных для непосредственного выполнения возложенных на эти организации и учреждения функций; 2) организации - в отношении земельных участков, занятых государственными автомобильными дорогами общего пользования; 3) религиозные организации - в отношении принадлежащих им земельных участков, на которых расположены здания, строения и сооружения религиозного и благотворительного назначения и т.д.

По результатам анализа можно сказать, что прослеживается однообразие и схожесть, различие составляют ставки по налогу и система льгот, а именно: в Китае от налогообложения освобождаются земли, занятые предприятиями, финансируемыми из государственного бюджета; земли, занятые правительственными органами, общественными и военными организациями и т.д. В России дело обстоит иным образом: в 2013 году ожидалось введение нового налога на недвижимость, сроки которого перенесли на следующий год. Он заменит одновременно земельный и имущественный налоги.

Налогоплательщиками налога – физические и юридические лица, а также будет устанавливаться на основе кадастровой стоимости объекта недвижимости.

Группа имущественных налогов. К этой группе относятся налоги с владельцев домов, которые взимаются в городах, округах, районах и промышленных и добывающих местностях. К налоговой базе применяется две ставки налога: 1,2% - в качестве налоговой базы выступает доход от сдачи имущества в аренду, 12% - в качестве налоговой базы выступает доход от сдачи имущества в аренду. Специфическая особенность налоговых систем стран заключается в том, что для России земельный налог относится к группе имущественных налогов, тогда как для Китая – к группе ресурсных платежей.

Группа налогов и сборов, взимаемых при совершении определенных действий – налог на использование автотранспорта и судов, налог на использование регистрационных номеров транспортных средств и судов, гербовый сбор, пошлина при продаже жилой недвижимости, налог на забой скота и налог на банкеты.

Таблица 4

Сравнительный анализ транспортного налога России и Китая

Критерий	КНР	Россия
Плательщики	Юридические и физические лица, на которые зарегистрированы транспортные средства	
Объект обложения	а) автотранспорт; б) суда	Автомобили, мотоциклы, автобусы и другие самоходные машины, и механизмы на пневматическом и гусеничном ходу, самолеты, вертолеты, теплоходы, яхты, парусные суда, катера, снегоходы, мотосани, моторные лодки, гидроциклы, несамоходные и другие водные и воздушные транспортные средства, зарегистрированные в установленном порядке в соответствии с законодательством РФ.
Ставка налога	- от 60 до 320 юаней за легковой автомобиль, от 16 до 60 юаней за тонну нетто-веса грузового автомобиля, от 20 до 80 юаней за мотоцикл, от 1,2 до 32 юаней за транспортное средство не на двигательной тяге; - от 1,2 до 5 юаней за тонну нетто-веса моторных судов, от 0,6 до 1,4 юаней за тонну дедвейт веса не моторизированных судов Для автотранспортных средств – 15 - 80 юаней - для пассажирского транспорта, 4 - 15 юаней за тонну - для грузового транспорта, 5 - 20 юаней - для мотоциклов, 0.3 - 8 юаней - для безмоторных средств. Для водных средств - 0.3 - 1.1 юаня за тонну - для моторных судов.	- от 2 до 200 рублей за каждую лошадиную силу в зависимости от объекта обложения; - 20 рублей с каждой регистровой тонны валовой вместимости; - 20 рублей с каждого килограмма силы тяги; - 200 рублей с транспортных средств, не имеющих двигателя.

Проанализировав транспортный налог по критериям можно сделать выводы:

- 1) плательщики налога идентичны, то есть юридические и физические лица, на которые зарегистрированы транспортные средства;
- 2) объект налогообложения и ставка налога различны в части наименований автотранспорта и размера налога.

На основании вышеизложенного можно указать, что основные налоги Китая и России одинаковы, а именно: плательщики налога, объекты налогообложения. Однако есть определенные отличия в области налоговых льгот и применяемых налоговых ставок по тем или иным налогам. В Китае применяется более гибкий подход в определении налоговых ставок и налоговых льгот.

Литература:

1. Налоговая система Китайской Народной Республики // [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>. (дата обращения: 27.03.2013).
2. Налоговый кодекс РФ от 05.08.00 №117-ФЗ часть 2. // [Электронный ресурс]. Дата обновления: 25.03.2013. // СПС КонсультантПлюс.
3. Шепенко Р.А. Налоговое право Китая: взимание и ответственность. – Волтерс Кливер, 2005. – 480с.

Нормативно-правовое регулирование трансграничных отношений обусловлено эволюцией взаимодействия между странами, уровнем интеграции приграничных регионов, а также развитостью политических связей двух государств.

Взаимодействие России и Китая имеет сравнительно небольшую историю. Условно её можно разделить на 3 этапа, включающий каждый несколько стадий:

1 этап: конец XVI – начало XVII века – 1911 г.

1 стадия – установление отношений. Первые контакты на территории Забайкалья и верхнего Амура начинаются с конца XVI века, когда происходят незначительные военные столкновения передовых русских отрядов и отрядов маньчжурского государства, которое затем переросло в империю Цин. С середины XVII века напряжение, вызванное территориально-политическим расширением России, перерастает в вооруженный конфликт. В результате войны 1682-1689 гг. Россия была отеснена к границам Забайкалья. Так, согласно Нерчинскому трактату, граница между Россией и Китаем располагалась по реке Аргуни. Китаю принадлежали все реки, впадающие в Амур с юга от «Каменных гор», а Российскому государству полагались все реки, текущие с другой стороны этих гор. По договору остались неразграниченными реки и земли, расположенные между рекой Удой, которая относилась к Российскому государству, и «Каменными горами» от Амура до моря, которые принадлежали Китайскому государству. Вопрос о географическом положении «Каменных гор» оставался самым неясным в договоре вплоть до 1850 года, так как их положение было не определено.

Необходимо отметить, что Нерчинский договор расценивается российскими историками как довольно несовершенный документ с точки зрения международного права. К обстоятельствам, на основании которых российская сторона потребовала пересмотра границ относятся: несовпадение текстов договора на русском, маньчжурском и латинском языках, неясность упомянутых географических ориентиров, не проведение обмена картами и демаркации границы, а также неудовлетворительный уровень делимитации границы. При этом не было произведено собственно разграничение. К примеру, за пределами Албазинского воеводства разграничения границы не было.

В связи с этим в 1858 году был заключен Айгунский договор, по которому были пересмотрены границы в Приамурье и определены границы в Приморье. Между тем китайская сторона считает Нерчинский договор справедливым, а Айгунский – навязанным силой [1, С. 44].

Границы Китайского государства с течением времени менялись, а его территория увеличивалась. После покорения Китая монголами в состав империи Юань, возникшей в XIII веке, была включена Внутренняя Монголия. С падением монгольской династии граница возвратилась к Великой китайской стене. В начале XVII в. произошло возвышение верхне- и среднеамурских тюрков – маньчжуров, которые основали в Китае династию Цин. Маньчжуры присоединили южные земли разрозненных монгольских племён. К этому времени следует отнести начало постоянных российско-китайских контакты и появление пограничного региона Внутренняя Монголия. Значительно позже, в XVIII веке, Северная (Внешняя) Монголия вошла в состав Китайской империи.

2 стадия – слабое взаимодействие. Новая династия оставила за монголами эти территории, но при этом был введен запрет на перемещение ханьского населения во Внутреннюю Монголию. В результате ослабления Китая внешними вторжениями и внутренними конфликтами во второй половине XIX века ограничения на перемещение китайцев были сняты. В 1865 году, когда было подавлено Тайпинское восстание, из внутреннего Китая стремительно потекли потоки мигрантов в слабообжитые земли Маньчжурии и Внутренней Монголии. Благодаря процессу переселения Китай решал задачи экономического (выделение новых пахотных земель) и политического (создание барьера усиливающемуся продвижению России) плана.

В этот период внимание Российского государства было обращено к восточным районам страны: осуществлялось строительство транссибирской магистрали в 1892 году, переселялось население из европейской части на Дальний Восток, строились военно-морские базы Порт-Артур, Дальний, укреплялось территориально-политическое присутствие в Маньчжурии. Более прочным положение России в регионе стало после строительства Китайской восточной и Южноманьчжурской железных дорог. Последовавшее за русско-японской войной соглашение 1907 гг. разделило сферы влияния России и Японии в северном и северо-восточном Китае.

2 этап: 1911 – 1990 гг.

1 стадия – освоение территории. Кардинальное изменение территориально-политического содержания Байкальского макрорегиона и Внутренней Монголии связано с событиями начала XX века. Это Синхайская революция 1911 года в Китае и Октябрьская революция 1917 года в России. В

Северной Монголии началось мощное национально-освободительное движение, которое привело к народной революции 1921 году. В результате в 1924 году была образована Монгольская народная республика. Но данные процессы не коснулись Внутренней Монголии, и она осталась в границах Китая. Позже, в годы японской оккупации, Внутренняя Монголия неоднократно подвергалась территориально-административным изменениям и, в конце концов, была искусственно поделена на две части: Мэнцзян и Объединенная Синаньская (Хинганская) провинция (в составе Маньчжоу-го).

2 стадия – геополитическое сближение. После разгрома Квантунской армии в 1945-1947 годах началась борьба за автономию Внутренней Монголии между руководством КПК со сторонниками отделения от Китая и комитетами движения, организованными коммунистами. В результате на объединительном съезде 6 мая 1947 года было принято решение об образовании автономного района Внутренняя Монголия.

Так Автономный район Внутренняя Монголия был провозглашен национальной автономией. Это произошло на два года раньше образования Китайской народной республики, что свидетельствует о стремлении руководства КПК как можно быстрее закрепить свое господство в освобожденных районах. Основой решения национального вопроса стала система районной автономии «в местах компактного проживания нацменьшинств». Районы национальной автономии являлись неотъемлемой частью КНР, и это было позднее законодательно закреплено Конституцией КНР в 1954 году [2, С. 77].

Довольно значительное расширение территории Автономного Района Внутренняя Монголия (АРВМ) произошло в 1950-е годы путем присоединения уездов упраздненных провинций Суйюань, Жэхэ. Однако присоединенные территории были населены, в основном, ханьцами. Территория АРВМ сократилась более чем в три раза в годы «культурной революции», однако, территории, заселённые монголами, оказалось при этом за пределами района, а автономия была заселена преимущественно ханьцами. Решение о восстановлении прежних границ АРВМ было принято через десять лет, они остаются неизменными до настоящего времени, хотя внутреннее территориальное устройство на уровне аймаков и уездов неоднократно менялось.

3 стадия – противостояние. С 1960 года в Китае установился режим личной диктатуры Мао Цзедуна, началось советско-китайское противостояние. Конфликты затрагивали вопросы односторонних территориальных претензий Китая, которые затем переросли в боевые, самые крупные – за острова Даманский и Гольдинский. В 1958-1978 годы Китай находился в состоянии предвоенной тревоги и социально-экономического кризиса.

Вдоль границы с Китаем Советская сторона, в свою очередь, укрепляла военно-инженерную инфраструктуру, наращивала демографический и оборонный потенциал приграничной территории.

В 1972 г. США и Китай Шанхайским коммюнике заявили о создании антисоветского фронта, что вызвало значительное напряжение на трансграничной территории и тревогу СССР. Политическая ситуация к 1979 году была крайне напряжена: в десять раз увеличились поставки в КНР американского вооружения, США было готово нанести удар вместе с Китаем по этой части СССР.

3 этап: 1990 г. – по настоящее время.

1 стадия – снятие напряжённости, отказ от конфронтации. Официальный отказ от конфронтации Китая с СССР произошел в 1981 году, что положило начало снятию напряженности. Однако настоящий поворот в отношениях двух стран произошёл после того, как советские войска были выведены из Афганистана 1989 году. Это было условием Китая для начала диалога с Советским Союзом. Распад социалистического блока в начале 1990-х годов также способствовал прекращению конфронтации и политике сближения. Серия ответных шагов, предпринятых СССР, а затем Россией, усилили процессы стабилизации и сближения позиций.

В течение двух последних десятилетий процессы многостороннего трансграничного взаимодействия в условиях стратегического партнёрства России и Китая усиливались.

2 стадия прагматического сотрудничества. К концу 1990-х годов была, в основном, завершена делимитация и демаркация российско-китайской границы, полностью демаркация была завершена в 2004 году. Это создало благоприятный политический климат для дальнейшего развития двусторонних отношений.

Был подписан целый ряд документов, касающихся приграничного регулирования и сотрудничества. В 2004 году президентом РФ В.В. Путиным был подписан указ о добровольной передаче острова Тарабаров и половину Большого Уссурийского острова, расположенного напротив Хабаровска. Развитие российско-китайского приграничного сотрудничества получило выражение в декларации «Об основных направлениях развития сотрудничества между РФ и КНР» и

межправительственном соглашении «О режиме российско-китайской границы» от 1994 года. В ноябре 1997 года было подписано Соглашение «О принципах сотрудничества между администрациями (правительствами) субъектов РФ и местными правительствами китайских провинций» [5].

В январе 1998 г. был создан российско-китайский координационный совет по приграничному и межрегиональному торгово-экономическому сотрудничеству. Эти институциональные меры, а также применение безвизового режима взаимных посещений для однодневного туризма, способствовали поддержанию определенного уровня приграничной торговли, хотя он был значительно ниже ожидаемого. В результате, китайская сторона выдвинула инициативы об интенсификации сотрудничества и активизации взаимных приграничных связей в форме международных свободных зон, включающих пары городов на российско-китайской границе: Забайкальск-Манчжурия, Благовещенск-Хэйхэ, Гродеково-Суйфэнхэ.

Условием развития данных трансграничных процессов может стать интенсификация усилий сопредельных государств по совместному преодолению социально-экономических, политических и экологических проблем, определение механизма для их решения. Китай для активизации торговли, расширения экспортного потенциала приграничных территорий оказывают государственную поддержку их развитию, выдвигая модели, стратегии взаимодействия и планы расширения ресурсной базы и рынков сбыта. Китай быстро осваивает приграничные территории, а России в настоящее время нет четкой и эффективной программы развития приграничных территорий [4].

И хотя в каждой из стран приняты программы экономического и социального развития отсталых приграничных регионов (Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года, ФЦП «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья до 2013 года», План возрождения Северо-Восточного Китая) [6]. Одобрена совместная «Программа сотрудничества на 2009–2018 гг. между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири России и северо-востока КНР», существует огромная разница в уровне развития этих территорий, как между странами, так и внутри стран по отношению к федеральному центру и экономически развитыми регионами [3].

На региональном уровне трансграничное сотрудничество закреплено в ряде документов о развитии приграничных региональных связей в области экономики, культуры, образования.

На местном уровне отсутствуют соглашения между сторонами в связи с низким уровнем взаимодействия. Это объясняется низкой интеграцией сопредельных территорий, связанной со слаборазвитой приграничной политикой России и отношением федерального центра к периферийным территориям. Возникает проблема диспропорции взаимоотношений, когда на политическом уровне процессы сближения стран стремительно развиваются, а на местах рост социально-экономических, культурных связей незначителен.

Итак, взаимодействие России и Китая на рассматриваемой территории условно можно разделить на три этапа, в течение которых наблюдаются периоды установления связей, слабого взаимодействия, освоения территории, геополитического сближения, последовавшего затем противостояния, снятия напряженности, отказа от конфронтации, прагматического сотрудничества. Слабо разработанная нормативно-правовая база трансграничного сотрудничества определяется низким уровнем интеграции приграничных регионов, а также слаборазвитостью локального и регионального взаимодействия.

Литература:

1. Артемьев А. Р. Спорные вопросы пограничного размежевания между Россией и Китаем по Нерчинскому договору 1689 г. // Сибирь в XVII–XX веках: Проблемы политической и социальной истории: Бахрушинские чтения 1999–2000 гг.; Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. В. И. Шишкина. Новосибир. гос. ун-т. - Новосибирск: 2002. - С. 44–52.
2. Намжилова В. О. Проблемы освоения западных регионов КНР: на примере автономного района Внутренняя Монголия: дис... канд. экон. наук / Институт Дальнего востока РАН. - Москва, 2011.- 159с.
3. Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики (2009 - 2018 годы) // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.1sn.ru/35602.html>. (дата обращения 17.10.2011).
4. Быстрицкий С.П., Заусаев В.К. Россия – Северо Восточная Азия. Дальневосточный экономический мост на рубеже эпох - М.: ИЭПП, 2007.
5. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики от 10.11.97 «О принципах сотрудничества между администрациями (правительствами) субъектов

РФ и местными правительствами Китайской народной республики» // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zakonprost.ru/content/base/54579/>. (дата обращения 17 окт. 2011 г.).

6. Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rspdf.ru/strategiya-soc-ekon-razvitiya-dv/>. (дата обращения 17 окт. 2011 г.)

ВЕЩНЫЕ ПРАВА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ И КИТАЯ: СРАВНИТЕЛЬНО - ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

© А.Г. Доржиева
Россия, г. Улан-Удэ

На сегодняшний день можно сказать, что вопросы права собственности и иных вещных прав являются одним из важнейших вопросов в законодательстве разных стран. Это связано с тем, что право собственности является фундаментом экономических отношений любого государства. Нужно отметить, что Китайская народная республика отказалась от своей традиции и перешла к созданию новой правовой системы путем заимствования европейского континентального правопорядка. Россия и Китай переживают одни те же периоды активного изменения в гражданском законодательстве. Рассмотрение вопроса о правовом регулировании вещных прав в законодательстве двух государств России и Китая. В Российской Федерации нормативно правовое регулирование вещных прав осуществляется Гражданским кодексом РФ [2]. Отдельные положения содержится в других нормативных актах. В Китайской Народной Республики помимо общих положений гражданского права КНР [3], действует принятый в 2007 году закон «о вещных правах» [5]. Правильный перевод закона «о вещных правах» регулирует в указанном нормативно-правовом акте отношения не только прав собственности, но и иных вещных прав.

Прежде чем рассматривать нормы российского и китайского законодательства, рассмотрим сущность и назначение вещного права.

Сущности и назначения, вещных прав, как отмечал еще А.В. Венедиктов в своем фундаментальном исследовании государственной собственности [1], состоит в юридически прочном обеспечении экономически необходимого участия одного лица в праве собственности другого. У вещных прав есть ряд признаков: это такие как «принудительная типизация» и «принудительная фиксация», т. е. обязательное установление непосредственно законом закрытого перечня этих прав и носит исчерпывающий характер содержания каждого, исключая возможность какого-либо их изменения соглашения сторон. Ведь в вещном праве, в отличие от обязательственного, не действует принцип свободы договоров, позволяющий контрагентам заключать любые договоры и устанавливать в своих взаимоотношения любые права и обязанности, не противоречащие общим началам и смыслу гражданского права. Вещное право по отношению к обязательственному, обладает абсолютный характер и их содержание важно знать всем третьим лицам, а потому оно должно быть заранее определено законом [7].

Принятие концепции развития гражданского законодательства [4] дает основание предложить, что на сегодняшний день идет активное изменение и дополнение ГК РФ, и вступление закона в силу Проекта изменений Гражданского кодекса [6]. Изменение претерпели общие положения о вещных правах, включены статьи «Понятие вещного права», «Признаки (свойства вещных прав)», «Объекты вещных прав», «Виды вещных прав», «Приобретение вещных прав», «Осуществление вещных прав».

Установлено, что вещное право предоставляет лицу возможность непосредственно господствовать над вещью или иным объектом вещного права, осуществляя правомочия владения, пользования и распоряжения ею вместе или по отдельности в пределах. Установлен перечень вещных прав, закрепленный ст. 216 ГК РФ в предлагаемом проекте.

В законодательстве Китайской Народной Республики дается определение вещных прав: «под вещным правом в настоящем Законе понимается исключительное право правообладателя напрямую распоряжаться собственностью; к вещным правам относятся право собственности, право usufructa и обеспечительное право» (абзац 2 ст.2 Закона о вещных правах). Нужно отметить, что в Законе сначала дается дефиниция собственности, а потом только вещному праву, по существу здесь допущены те же ошибки что и в действующем ГК РФ. Законодатель четко определил принципы вещных прав, в качестве принципа можно указать также на равную защиту вещных прав государства,

коллектива и частных лиц, закон о вещных правах достаточно четко регулирует отношения в общественном обороте.

Проблема обеспечения жильем китайских граждан всегда стояла остро, и ипотечное кредитование, когда большая часть населения не может приобрести жилье за счет собственных средств - это один наиболее лучших вариантов. В России эта проблема решается, идет активное рассмотрение и изменение соответствующего законопроекта в сфере доступного жилья гражданам. Закон о вещных правах можно назвать революционным, он готовился 18 лет, с его приходом к власти коммунистической партии частная собственность получает ту же правовую защиту, что и государственная. Однако в Китае главную собственность - землю - можно лишь арендовать, формально она принадлежит государству. В отдельных, прямо установленных законом случаях частная собственность на землю допускается (участки для стоянки автомобилей, придомовая территория и т.п.). Новеллой закона явилась закрепление возможности наследования прав владения или аренды на земельные участки. Данный закон определяет право собственности через его содержание «... обладатель права собственности в соответствии с законодательством имеет права владения, использования, извлечения прибыли и распоряжение принадлежащим ему движимого или недвижимого имущества» (ст. 39 Закона).

В п. 1 ст. 209 ГК РФ содержание права собственности сводится правомочиям владения, пользования и распоряжения.

Общие положения гражданского права Китайской Народной Республики определяют статус собственности: государственное имущество; имущество коллективных организаций; единоличное имущество граждан. Как видно, государственное имущество поставлено на первое место среди видов собственности, причем конкретно перечислено имущество относящиеся к коллективной и единоличной собственности, при определении имущества делается отсылка к закону: «... имущество, которое в соответствии с законодательством относится к государственной собственности, т.е. общенародной собственностью».

Имущество собственности коллективных организаций трудящихся масс относится коллективной собственности.

Единоличное имущество граждан включает их законные доходы, жилище, сбережения, предметы повседневного обихода, культурно-исторические ценности, книги и печатные материалы, деревья, скот, а также средства производства, нахождение которых в собственности граждан разрешено законом. В Российской Федерации признается частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности. Частная форма собственности поставлена законодателем на первое место. В собственности граждан и юридических лиц может находиться любое имущество, за исключением отдельных видов имущества, которое в соответствии с законом не может принадлежать гражданам или юридическим лицам. Государственной собственностью в РФ является имущество, принадлежащее на праве собственности РФ и имущество, принадлежащее на праве собственности субъектов РФ. Имущество, принадлежащее на праве собственности городским и сельским поселениям, а также другим муниципальным образованиям, является муниципальной собственностью. В ГК РФ выделяется общая собственность, которая в свою очередь, делится на общую, долевую и общую совместную.

По законодательству обоих государств сособственники имеют преимущественное право покупки доли; приоритет при возникновении общей собственности (в РФ) и совместной собственности (в КНР) отдается долевой собственности.

По-разному решается вопрос об ответственности сособственника. Если российское право исходит из того, что каждый из собственников самостоятельно несет ответственность по своим обязательствам, а при недостаточном у собственника другого имущества вправе предъявить требования о выделе доли должника в общем имуществе для обращения на нее взыскания.

Китайское законодательство возлагает повышенную ответственность на лиц, в чьей совместной собственности находится имущество: «... во взаимоотношениях с третьими лицами собственника несут солидарную ответственность по долгам, за исключением случаев, когда законодатель сам отдельно устанавливает иное или знания третьей стороны об отсутствии у собственника данного имущества солидарных прав и ответственности».

Подводя итог, можно отметить следующее Российское и Китайское законодательство в регулировании во многом схожи. Это обуславливается тем, что в КНР формирование гражданского законодательства происходит именно сейчас. Законопроектная работа в Китае ведется не только с учетом собственного опыта в этой сфере, но в широком обращении иностранному опыту, в частности к кодификации гражданского законодательства других более развитых в этой сфере стран.

Литература:

1. Венедиктов А.В. О государственной собственности в СССР и организации управления ею / А.В. Венедиктов // Избранные труды по гражданскому праву: Т.2. М., 1970. – 540 с.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (с посл. изм. и доп.) // Российская газета. 1994. № 238-239.
3. Закон КНР от 16 марта 2007 «О вещных правах». [Электронный ресурс]. URL:http://chinalawinfo.ru/civil_law/law_real_right. (дата обращения: 12 марта 2013 г.)
4. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009 г.) // Вестник ВАС РФ. – 2009. – № 11.
5. Общие положения гражданского права КНР от 12 апреля 1968 г. // [Электронный ресурс]. URL: http://chinalawinfo.ru/civil_law/general_principles_civil_law.
6. Проект изменений в разделы I,II,III,VI,VII Гражданского кодекса Российской Федерации подготовлен Советом при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства на основании и во исполнение Указа Президента Российской Федерации от 18 июля 2008 г. № 1108 «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации» в соответствии с разработанной на основании того же Указа Концепцией развития гражданского законодательства РФ» // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/11059.html#02>.
7. Суханов Е.А. О понятии и видах вещных прав в российском гражданском праве / Е.А. Суханов // Журнал российского права. – 2006 г. – № 12.

«ТИБЕТСКИЙ ВОПРОС» В РАМКАХ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ ЗА ПРАВО ПРЕДСТАВЛЯТЬ ТИБЕТСКИЙ НАРОД И ЕГО ИСТОРИЮ

© У.Б.Жамбаева
Монголия, г. Улан-Батор

Данная тематика обуславливается необходимостью всестороннего анализа этнической проблематики многонациональных государств, в связи с усилением во всем мире конфликтов на межэтнической почве. В Китайской Народной Республике особое место в межэтнических отношениях занимает тибетская проблема. В китайской парадигме тибетский вопрос считается измышлением сепаратистски настроенной тибетской диаспоры и враждебных Китаю сил, в тибетской – проблемой исторического и политического статуса Тибета. Ввиду этого, без исследования позиций сторон в разрешении тибетского вопроса невозможен оценка исторического и политического статуса Тибета и вытекающих из него проблем.

Политико-правовой статус любой этнической общности в составе полиэтнического государства определяется наличием у неё той или иной формы автономии, которая, в свою очередь, определяется характером обустройства самого государства. Речь идет о наличии или отсутствии в его устройстве главным образом двух принципов – национально-территориального и национально-государственного. При этом следует отметить, что большинство федеративных государств мира устроены на основе лишь одного принципа – административно-территориального. В этой связи есть мнение в среде политиков и даже ученых о том, что вышеуказанные принципы потенциально порождают сепаратизм, и, наоборот, последний принцип обуславливает собой стабильность в обществе. Однако, как показывает практика, не всё так однозначно.

В данном контексте китайский опыт решения положения иных этносов, а главным образом малочисленных народов и национальных меньшинств в государстве весьма специфичен. С одной стороны, тяга доминирующего этноса – китайцев (ханьцев) к ассимиляции ярко выражена, а с другой – налицо разумное решение национального вопроса, посредством предоставления определенной формы автономии. Здесь некоторая двойственность в национальной государственной политике, по всей видимости, определяется степенью опасности для целостности самого государства наличием тех или иных форм автономий.

Признание национально-территориального принципа, наряду с административно-территориальным, наиболее, конечно, оптимальный вариант решения национального вопроса с точки зрения безопасности государства. Но, дело в том, что процесс обретения своего национального государства носит объективный характер. Для этого необходим ряд условий: во-первых, наличие этнической территории; во-вторых, наличие определенной культурной составляющей, то есть этнос

должен обладать способностью обеспечить своими национальными кадрами основные сферы жизнедеятельности общества; в – третьих, их должно быть достаточно много, ибо в политике всегда играет определенную роль количественный фактор. Отсюда признание, в том числе, национально-государственного принципа напрашивается с достаточной необходимостью в вопросе обустройства полиэтнического государства.

Все эти условия, абсолютно применимы к Тибету. И, тем более, Тибет в разные исторические периоды бывал независимым государством. Для оптимизации отношений между центром и Тибетом следует на договорной основе поднимать политико-правовой статус тибетцев (например, правительство Тибета в изгнании считает наиболее приемлемым на сегодня данный вариант решения проблемы).

На сегодня реальное положение вещей характеризуется тем, что тибетцы фактически по своему статусу относятся к национальным меньшинствам на своей этнической территории. Так, по данным правительства Тибета в изгнании на его территории проживают шесть миллионов этнических тибетцев и семь с половиной миллионов этнических китайцев. При этом историческая территория Тибета разделена на следующие административные единицы: 1. Тибетский автономный район; 2. Тибетские автономные округа в провинции Цинхай; 3. Тибетский автономный округ и Тибетский автономный уезд в провинции Ганьсу; 4. Тибетские автономные округа и Тибетский автономный уезд в провинции Сычуань; 5. Тибетский автономный округ в провинции Юньнань.

Более того, статус национальных меньшинств может привести к такой ситуации, когда они вовсе лишаются территориальной формы автономии. Дело в том, что есть для такого прогноза определенные предпосылки, нивелирующие вышеприведенные условия суверенизации этноса, скажем в составе другого государства. Во-первых, тибетцы традиционно заняты в основном в сельском хозяйстве и животноводстве, а проживающие на территории Тибета китайцы – в управлении, торговле, секторе обслуживания. Во-вторых, уровень грамотности среди тибетцев составляет менее 50% [1]. Хотя также известно, что в старом Тибете не было школ в современном понимании, образование было доступно только в монастырях, где действовали лишь малочисленные монастырские школы. «Абсолютную часть школьников составляли дети аристократов, крепостные и рабы были лишены права на образование; поступаемость в школы детей школьного возраста составляла всего 2 %, 95% молодежи и людей зрелого возраста были неграмотными, а уж о науке и технике говорить нечего. С 1951 года по 2010 г. Китайское государство ассигновало на образование в Тибете 40,73 млрд. юаней, что эффективно способствовало развитию образования в Тибете. Сегодня уже создана система современного образования, включающая дошкольное, начальное, среднее, профессиональное и высшее образование, образование для взрослых и специальное образование» [8]. В 2010 г. в Тибете насчитывалось 6 вузов, 122 средних школ, 872 начальных школ, свыше 500 тыс. учащихся. В-третьих, тибетская оппозиция расценивает политику китайских коммунистических властей в регионе как геноцид тибетского народа. И, наконец, в-четвертых, в силу численного преобладания китайцев на территории Тибета они путем простого голосования могут решить будущее тибетцев, как это происходит повсеместно по миру, причем на основе демократических принципов.

В данном контексте политических реалий в Тибете обретает определенную значимость теоретические знания по статусу национальных меньшинств. Так, например, в нашей стране в разрабатываемом проекте закона о статусе национальных меньшинств предлагалось следующее определение: национальные меньшинства – это части этносов, проживающие за пределами территории их традиционного расселения. Другими словами, в части определения постулируется идея экстерриториального их обустройства. Отсюда данная ситуация заключается в том, что статус национальных меньшинств исключает право на территорию, исходя из понимания того, что этническое ядро уже имеет статус территориальной автономии. По всей видимости, роль этнического ядра в Тибете играет Тибетский автономный район (ТАР), который занимает меньше половины всего исторического Тибета, а население ТАР составляет всего лишь одну треть от населения Тибета. При этом следует помнить, что автономный район – это не форма государственности, а всего лишь административная единица. Прежние символы государства – флаг, герб китайской стороной объявлены символами сепаратизма. Симптоматично, что некоторые части территории исторического Тибета вообще не получили никакого территориального оформления. На так называемый «Великий Тибет», к которому тибетское правительство в изгнании относит также территории, не имеющие в нынешнем Китае автономного статуса, приходится: 5,2 миллиона тибетцев, 3,6 миллиона хань (китайцев) и 1,6 миллиона представителей других национальностей (подсчёты по данным китайской переписи населения 2000 года). Китайская Народная Республика является унитарным

многонациональным государством, в котором, согласно конституции КНР, «сложились и продолжают укрепляться социалистические национальные отношения равенства, единства и взаимопомощи». В контексте данной ситуации, необходимо определить какую же доминанту здесь занимает понятие «права человека». Как нам известно, данное понятие пришло в Китай достаточно поздно, при этом революционная гражданская война, разразившаяся в Китае более 60 лет тому назад и закончившаяся образованием КНР, обусловила 400 млн. крестьян получить право на землю, в результате чего была реализован давний план о том, что земля должна принадлежать земледельцам. В связи с этим, можно утверждать, что таким образом в мире произошло масштабное событие в области защиты прав человека. В районах компактного проживания национальных меньшинств создана система районной национальной автономии. В этническом Тибете, территория которого составляет практически четверть территории КНР, созданы Тибетский автономный район и 10 автономных округов в составе четырех китайских провинций. Во главу угла национальной политики в отношении национальных меньшинств Китая центральное правительство поставило двуединую задачу – развитие экономики и обеспечение стабильности в регионе. В настоящее время Тибет является национальным регионом Китая с одним из самых высоких показателей ВВП. Сегодня годовая норма денежной дотации в системе данной политики составляет 2000 юаней. Наука, техника, медицина и здравоохранение быстрыми темпами набирает обороты. В 2010 г. в Тибете насчитывалось 34 научных учреждения различных направлений, 9 научных ведомств, созданных на ассигнования общественности, 140 ведомств по популяризации аграрной техники.

В достаточно прогрессивном соотношении присутствует научно-техническое содержание в экономическом развитии, неотъемлемый вклад науки и техники в рост экономики составляет 33%, в сельское хозяйство и скотоводство – 40%. Анализ национальной политики правительства КНР в отношении такого неоднозначного региона, каким является Тибет, может способствовать более глубокому пониманию феномена современного Китая как многонационального государства и осмыслению его опыта в области национального строительства, что и обуславливает необходимость проведения исследования в данном направлении.

«Центральное народное правительство и тибетское местное правительство уделяют большое внимание охране традиций и развитию национальной культуры. Изучение, использование и развитие тибетского языка охраняется законом. Тибетская письменность уже стала первой в стране письменностью национальных меньшинств, в отношении которой был разработан единый международный стандарт кодирования. Государство выделило на реставрацию и охрану Дворца Потала, монастырей Норбулинка, Шакья и других исторических памятников 1, 45 млрд. юаней» [8]. А ведь также известно, что именно свою культурную самоценность любая другая нация выражает через устоявшиеся религиозные принципы. Ведь если рассмотреть историю развития политического состояния тибетского народа, то мы увидим, что вся самосущность этого народа всегда выражалась через религиозные устои, будь это религия Бон, или Буддизм.

С одной стороны, следование пути нравственного совершенствования формирует человека как личность, дает возможность контролировать свои желания и достичь конечной цели, с другой стороны, обеспечивает общественный порядок, поэтому исследование влияние религии на социум, является важнейшей составной тибетского народа, представляет собой не только научную, но и социальную значимость. Кроме того, до 1959 г. в Тибете существовала уникальная система «единения религии и политики» (тиб. chos-srid zung-'brel, кит. zhengjiao heyi), в которой буддийская церковь в лице его верховного иерарха – Далай-ламы играла главенствующую роль. Понимание Тибета как теократического государства являлось основой тибетской национальной идентичности. Религия была средоточием всей культурной и духовной жизни тибетского народа, ибо вся тибетская цивилизация, ее философия, искусство, архитектура, медицина, астрология, литература, сугубо религиозные в своей основе, были сконцентрированы и развивались вокруг нее.

Разделение религии и политики, государства и церкви, построение социалистического Тибета в рамках унитарного китайского государства стало основной целью стратегического курса центрального правительства КНР. Но эта проблема разделения религии и политики в Тибете с приданием последней решающей роли никогда не ставилась наукой, что является дополнительным фактором актуальности исследования в данном направлении [5].

Таким образом, анализ прошлых политических и религиозных аспектов жизни тибетского народа позволит более содержательно понять сущность и особенности политико-правового статуса Тибета на сегодняшний день. И в этом смысле вышеизложенное видение проблемы политико-правового состояния Тибета вносит определенный вклад в общее русло теоретических и практических разработок.

Литература:

1. Алексеев В.М. В старом Китае. - М.: Восточная литература РАН, 2012. - 511 с.
2. Барьядаева В.А. Китайская классическая «Книга перемен»//Конфуций и конфуцианство: Материалы научной конференции. – Улан-Удэ, 25 марта 2005 г. 12-18 с.
3. Бхагавад-Гита как она есть.– М., 1986.
4. Гарри И.Р. Тибетский вопрос и национальная политика КНР в Тибете (1951-2001 гг.). – Улан-Удэ. 2010. – 356 с.
5. Еремеев В.Е. Чертеж антропокосмоса. – М., 1993.
6. Семененко И.И. Афоризмы Конфуция. – М., 1987.
7. 60-летие мирного освобождения Тибета// Китай. Ежемесячный журнал № 9 (71). – Москва, 2011. – С.11.

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ НАСЛЕДОВАНИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КИТАЕ

© *Н.Г. Орлов*
Россия, г.Улан-Удэ

Вопросы наследования земельных участков на протяжении всего времени волновали общество, поэтому правовое регулирование в этой сфере никогда не теряло своей актуальности. Земельный участок в Российской Федерации стал объектом гражданских правоотношений сравнительно недавно, поэтому некоторые вопросы не регламентированы ни гражданским, ни земельным законодательством. В этой связи в практике наследования земельных участков часто возникают сложные ситуации, найти выход из которых представляется практичным и оригинальным используя зарубежный опыт.

Как известно, Китай является коммунистическим государством во главе с коммунистической партией, стало быть в Китае должна быть исключительно государственная собственность на недвижимость, включая землю, как это было в Союзе ССР однако как нам представляется Китай будучи прагматичным государством, дабы не отставать от всецело развивающегося мира, допустил частную собственность и развитие бизнеса в своём государстве.

Учитывая наш советский опыт и рыночную экономику сейчас, наши государства имеют много общего в рассматриваемой нами сфере.

По законодательству КНР, согласно ст. 47 (Земельные ресурсы), Закона КНР «О вещных правах», «городские земли принадлежат государству. Сельские и пригородные земли, которые в соответствии с законодательством относятся к государственной собственности, являются государственной собственностью». Однако ст. 64. (Частная собственность), того же закона говорит, что «частные лица имеют право собственности на законные доходы, недвижимость, предметы быта, средства производства, материалы (сырьё) и иное движимое и недвижимое имущество» [1].

Наследование земельных участков в КНР осуществляется в соответствии с общими правилами наследования. После открытия наследства наследование осуществляется по закону. При наличии завещания наследование осуществляется по завещанию или по завещательному дару. При наличии соглашения о завещательном даре, касающегося содержания наследодателя, наследование осуществляется в соответствии с соглашением.

В китайском законодательстве отсутствуют какие либо упоминания об ограниченных вещных правах на земельные участки, которые присущи нашему законодательству. Однако в Законе КНР «О вещных правах» есть положения посвящённые праву узурфрукта, известного ещё со времён древнего Рима. Согласно этим положениям, обладатель права узурфрукта в соответствии с законодательством имеет право владения, использования и извлечения прибыли из движимого или недвижимого имущества.

Кроме того, в упомянутом законе присутствует глава, посвящённая праву использования земли под строительство, иначе суперфиций, в которой сказано, что обладатель права использования земли под строительство в соответствии с законодательством имеет права владения, использования и извлечения прибыли из земли, находящейся в государственной собственности, а также имеет право использовать данную землю для строительства зданий и сооружений и их постоянных принадлежностей. Право использования земли под строительство может быть установлено в результате передачи земли, выделения земли под строительство или иным способом.

При использовании земли хозяйственного назначения под строительство промышленных, торговых, туристических объектов, объектов индустрии развлечений, коммерческого жилья, или намерения двух и более сторон использовать данную землю передача земли под строительство должна осуществляться способами открытой ценовой конкуренции, в частности, при помощи тендера или аукциона [2].

Конечно, при использовании участков необходимо соблюдать целевое назначение земли. В законе так же явно прослеживается принцип единства судьбы земельного участка и прочно связанных с ним объектов недвижимости, в ст. 147 Закона КНР «О вещных правах» сказано, что при передаче, обмене, вкладе или дарении права использования земли под строительство вместе с ним передаются, обмениваются, вкладываются и дарятся соответственно расположенные на этой земле здания, сооружения и их постоянные принадлежности [3].

Наследование права использования земли под строительство допускается, но это происходит несколько иначе, нежели в РФ, наследник при открытии наследства должен обратиться в регистрирующий орган для регистрации данного права на тех же условиях, что и наследодатель.

Другое ограниченное вещное право на землю в КНР это сервитут. Сервитут устанавливается договором сторон. Сервитут должен следовать судьбе права на землю, так при передаче прав использования земли под строительство вместе с ними передается право сервитута, если договором отдельно не установлено иное. Сервитут так же переходит по наследству, если по наследству переходит обременённая сервитутом земля.

В наследственном праве КНР, при переходе к наследнику земельного участка, принадлежащего наследодателю на праве собственности, не требуется специального разрешения и новой регистрации права. Для наследников права узуфрукта, права использования земли под строительство установлена государственная регистрация этого права для вновь возникшего собственника.

В нашем российском законодательстве имеются всем нам известные ограниченные вещные права на землю, это в частности право пожизненного наследуемого владения и право постоянного (бессрочного) пользования. Присутствие этих прав порождает значительные коллизии в законодательстве, поскольку они являются пережитком советского прошлого. Наше государство нацелено на ликвидацию данных ограниченных вещных прав, предоставляя землевладельцу или землепользователю зарегистрировать право собственности на участок.

Многие отечественные учёные, в частности Емелькина утверждает, что такие ограниченные вещные права как узуфрукт, суперфиций, известные ещё дореволюционному российскому праву будут крайне полезными и отвечают всем реалиям современной экономической жизни РФ. В принципе в нашем государстве всё к этому и идёт [4, С. 54].

Кроме того в РФ имеется проблема, связанная с принципом единства судьбы земельных участков и прочно связанных с ним объектов недвижимости, согласно которому, завещатель не вправе отдельно завещать земельный участок и скажем дом на этом участке. Однако в наследственном праве РФ так же имеется принцип свободы завещания, по которому завещатель свободен в выборе субъектов наследования, учитывая, что земельный участок и дом являются самостоятельными объектами недвижимости.

Обратимся к китайскому опыту регулирования отношений в данной сфере.

В китайском законодательстве есть принцип единства судьбы земельного участка и прочно связанных с ним объектов недвижимости аналогичный принципу нашего права. Из смысла Закона Китая «О наследовании» исходит, что наследодатель не вправе отдельно завещать земельный участок и прочно связанный с ним объект недвижимости, учитывая, что завещание является односторонней сделкой, которую можно признать недействительной, наличие в завещании таких распоряжений влечёт его недействительность в соответствующей части [5].

Вообще в китайском законодательстве отсутствуют многие положения наследования земельных участков, присущие российскому законодательству, эти вопросы решаются судами в каждом конкретном случае исходя из своих особенностей дела.

Для России сейчас самое главное окончательно встать на новые экономические рельсы, чтобы отвечать всем ценностям и потребностям современного общества. Конечно наше государство должно развиваться исходя из своих особенностей, собственной самобытности и культуры, однако развитие, с учётом глобализации мира будет происходить более успешно с изучением и если это необходимо внедрением некоторых особенностей зарубежного опыта.

Литература:

1. Законодательство Китая // Окно в Китай // Закон КНР «О вещных правах» (ст. 47, 65) / [Электронный ресурс]. URL: http://chinalawinfo.ru/civil_law/law_real_right/law_real_right_p2ch5
2. Законодательство Китая // Окно в Китай // Закон КНР «О вещных правах» (абз. 2, ст. 137) // [Электронный ресурс]. URL: http://chinalawinfo.ru/civil_law/law_real_right/law_real_right_p2ch5
3. Закон КНР «О вещных правах» (принят 16 марта 2007 г.) (ст. 147) / [Электронный ресурс]. URL: http://chinalawinfo.ru/civil_law/law_real_right
4. См.: И. Емелькина. Понятие и признаки недвижимого имущества: в поисках оптимальной модели. *Хозяйство и право*. 2007. № 5. С. 54.
5. Закон КНР «О наследовании» (принят 3-й сессией Всекитайского собрания народных представителей шестого созыва 10 апреля 1985 г.) / [Электронный ресурс]. URL: http://chinalawinfo.ru/civil_law/law_inheritance

ЛИНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА В РОССИИ И КИТАЕ - ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ О БУДУЩЕМ

© Е.В. Меженина
Россия, г. Екатеринбург

Изменение – неотъемлемая часть любого явления, будь то человек или теория, не важно. Если что-то меняется, значит, оно живет, значит, оно развивается. В процессе преобразований динамика сменяется статикой, а прогресс - деградацией – это извечный путь и неотъемлемый атрибут каждого существующего явления. Сегодня жизнь общества, экономическая и духовная, преобразуется так резко, что порой невозможно различить грань между преобразованиями полезными, преобразованиями необходимыми, и преобразованиями, действительно развивающими меняющееся явление.

Сегодня в России, особенно в области гражданского права, области, затрагивающей почти все стороны жизни, происходят изменения, последствия которых весьма сложно предсказать. Изменения эти связаны, в том числе, и со вступлением в ВТО. Конечно, несмотря на многочисленные споры по этому вопросу, презюмируется, что вступление во Всемирную Торговую Организацию – несомненный плюс для любой страны, а глобализация – вообще путь к спасению и очищению. В ВТО вступает и Китай. И в Китае происходят изменения, главным образом, в сфере торгового права.

Существует достаточно много международных организаций, помимо ВТО. В эти организации вступает множество государств с совершенно разными, особыми правовыми ценностями. В одних странах кодифицированные акты отсутствуют, отсутствует главный закон государства. В других – один кодифицированный акт охватывает множество отраслей. В некоторых странах экономическое и гражданское право представляют собой двеотдельные отрасли, и нормы, регламентирующие эти отрасли, тоже располагаются в отдельных законах. Подобная ситуация существует в Китае: есть законы «О банкротстве предприятий», «О внешней торговле», «О компаниях», «О контрактных предприятиях китайского и иностранного капитала» и т.д. При этом вопросы, освещенные в данных законах, не раскрываются подробно в «Общих положениях гражданского права КНР».

Какие же изменения переживает Поднебесная? Прежде всего, реформация законодательства связана с так называемым преодолением экономических барьеров. С открытием внутреннего рынка для иностранных инвестиций. Были предусмотрены некоторые новые права физических лиц во внешней торговле, предоставлены гарантии национальным производителям. Были расширены права иностранных банков в отношении совершения операций с национальной валютой КНР. Много изменилось и в части налогообложения, уплаты таможенных пошлин, многие из которых сведены, или будут сведены в дальнейшем, к нулю. Существенно изменится процедура банкротства, на первый взгляд, в сторону упрощения. В общем, большинство изменений направлено на привлечение иностранного капитала в экономику страны. Нужно заметить и то, что был принят закон об ограничении количества иностранных банков на территории Китайской Республики, об ограничении размера вкладов в эти банки, а, кроме того, увеличение контрольной роли государства в отношениях с иностранными банками. Конечно же, создаются зоны свободной торговли. Важнейшей новостью является то, что Китай тоже ведет работу по подготовке нового Гражданского Кодекса, который будет регулировать вопросы не только сугубо цивилистического направления, но и экономического. В частности, в этот Гражданский Кодекс будут включены нормы, регулирующие корпоративные отношения, договорные, имущественные. По предварительным данным, будут учтены изменения последних двадцати лет[7].

Что происходит в Российской Федерации? В Гражданском Кодексе меняется все, кроме исконно цивилистической области - наследственного права. Действующий Гражданский Кодекс Российской Федерации представляет собой кодифицированный акт, в котором объединены вместе положения о гражданах и их правах, положения о юридических лицах, и их деятельности, положения об интеллектуальной собственности. Нормы, закрепленные в Кодексе, нормы, предлагаемые изменениями – все это результат деятельности многих ученых, результат анализа бесчисленных решений судов, результат осознания ошибок. Все изменения соответствуют современным тенденциям жизни общества, они необходимы. Проблема лишь в том, что будет дальше. Но важен ли этот вопрос сейчас? Что в приоритете – эффективность и долговечность или быстрая, расчётливая, сиюминутная реакция на новые проблемы?

Изначально, в гражданском праве уживались две контрастных части – статика и динамика. Статика представляла собой вещные отношения (собственность), динамика – обязательственные. Сейчас развивается именно экономическая, динамическая часть жизни. Гражданский Кодекс, по совместительству, величают экономической конституцией, но, можно ли ставить в один ряд чистую экономику и гражданское право? В первоначальном варианте *iuscivile* является правом граждан. Главные акты, на которые целесообразно ориентироваться в экономической деятельности, помимо Гражданского Кодекса, – это Налоговый Кодекс, Таможенный, Законы «О банках и банковской деятельности», «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», «О несостоятельности (банкротстве)» и т.д. Главные источники правовой жизни именно граждан, не занимающихся предпринимательской деятельностью, следует искать в сфере трудового и, в первую очередь, семейного права. Подобное разграничение практикуется и в судах. Поэтому, нет ничего удивительного в том, что суд общей юрисдикции и арбитражный суд по одному и тому же делу могут вынести два абсолютно разных решения. Внимание на данную проблему было акцентировано Председателем Конституционного Суда Российской Федерации Валерием Дмитриевичем Зорькиным на VII всероссийском съезде судей. Несмотря на то, что съезд состоялся еще в 2008 году, проблема осталась неразрешенной по сей день. В частности, Председатель Конституционного Суда отмечал, что, при уменьшении неустойки, суды общей юрисдикции и арбитражные суды по-разному оценивают величину госпошлины. Арбитражные суды взыскивают уплаченную истцом госпошлину полностью, а суды общей юрисдикции – пропорционально взысканной сумме. Даже по отношению к возмещению морального вреда суды придерживаются разных позиций. Высший Арбитражный Суд не считает возможным применение категории «моральный вред» к юридическим лицам, и, как следствие взыскание компенсации по данному основанию. Верховный Суд, наоборот, заявляет о том, что нормы о моральном вреде, причиненном гражданину распространением сведений, порочащих деловую репутацию, могут быть применены и в случае распространения подобных сведений о лице юридическом [4].

Расхождение в источниках – только лишь формальное основание для дифференциации предпринимательского и гражданского права, экономики и цивилистики. Наглядным примером, примером на практике, могут служить преобразования права собственности, которые сейчас переживает российское гражданское право.

Во-первых, в Концепции развития гражданского законодательства предусмотрено выделение владения в отдельную категорию. Причем, именно «владения», а не «права владения». Согласно Концепции, под владением понимается «фактическое господство лица над вещью» (не напоминает ли такое определение изречение У. Блэкстона, жившего еще в XVIIIв?). Концепция указывает на то, что, «поскольку владение не является правом, оно не подлежит государственной регистрации в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество и сделок с ним (ЕГРПН)» [3, С. 106]. Предусмотрена так называемая «владельческая защита», право на которую имеет любой владелец – как законный, так и не законный [3, С. 107]. Возможные последствия подобного установления, думаю, понятны. Право собственности, в классическом его понимании, включает в себя три составляющих – право владения, право пользования и право распоряжения вещью. Зачем же отдельно, еще раз, надо было выделять владение? Видимо для удобства, для соответствия экономических возможностей быстроте оборота.

Во-вторых, к содержанию субъективного права собственности добавлен еще один признак – наиболее полное господство лица над вещью, что означает полную свободу действий собственника, в пределах закона и свободного осуществления своих прав другими лицами. Значит ли подобная детализация права собственности, что ранее оно не предполагало то самое «господство лица над вещью»?

В-третьих, создан закрытый перечень ограниченных вещных прав, куда вошло право постоянного владения и пользования, право застройки, сервитут, право личного пользования (узуфрукт), ипотека, право приобретения чужой недвижимой вещи, право вещной выдачи, право оперативного управления [3, С. 110]. Не представляется целесообразным рассматривать в данной работе все перечисленные права, хочется только указать на то, что владение, пользование, без образования целостного и ясного права собственности – тревожный показатель для гражданского права, ведь собственность, изначально, одно из центральных явлений цивилистики. Помимо того, широкие права предоставляются банкам через право ипотеки. Теперь из кредиторов может выстраиваться очередь, место в которой оценено и может сыграть роль товара. Появилась «независимая ипотека», которая предоставляет залогодержателю право самостоятельно определить, какое обязательство залогодателя или третьего лица (должника по основному обязательству) считается обеспеченным такой ипотекой. Подобная конструкция свидетельствует об усилении фигуры кредитора. Мы получаем ситуацию, в которой больший удельный вес имеет предприимчивый, расчетливый субъект. И даже если в конфликт, вступают права собственника и добросовестного приобретателя или владельца, не факт, что победу одержит собственник. Сильной стороной, кредитором, в складывающихся экономических отношениях, сегодня, в большинстве случаев, оказывается юридическое лицо, а не гражданин. Фикция, то, что придумано условно, для понимания явления. Физическое лицо, гражданин, тоже, зачастую, именуется фикцией в своем теперешнем выражении – фамилия, имя, отчество, место жительства. Современное право, или закон, не персонифицируют ни юридических, ни физических лиц – сейчас это просто экономические субъекты.

Здесь следует упомянуть определение права собственности, выдвинутое С.С. Алексеевым [4]. Ценность данного определения заключалась в выделении такого элемента права собственности как отношение к вещи как к своей, то есть, в первую очередь, забота о ней, как о части своего мира, мира, за который собственник в ответе. Подобное отношение к вещи, скорее всего, не предполагает такого собственника как фикция, поскольку владение фикции обезличено. Для той же коммерческой организации имущество представляет не столько материальное воплощение юридического лица, сколько средство для присвоения как производственного процесса. В условиях экономического оборота вещь приобретается на время, с целью последующей перепродажи. Важен не сам предмет права собственности, а его стоимостное выражение. Может ли в таком случае идти речь о бережном отношении к вещи? В итоге, складывается ситуация, когда имущество важно «на время», когда удобнее взять вещь во владение, без каких-либо обязательств по регистрации сделки или по содержанию имущества. Возникает заинтересованность в таком инструменте как раздробленное право собственности, которое зародилось и действует в англо-саксонской правовой системе в виде траста. Конечно, для юридических лиц конструкция владения представляется весьма удобной, но не для лиц физических, на которых, по сути своей, изначально, было ориентировано право граждан.

Представляется необходимым здесь привести концепцию Э. Фромма, изложенную в труде «Иметь или быть» [6]. Как психоаналитик, Фромм выстраивает рассуждение, опираясь на мышление человека, а именно, на страх смерти – по мнению Фрейда, самый сильный подсознательный мотиватор. У индивида есть стремление бороться с осознанием конечности своего бытия. Приобретая вещь, составляя завещание, оставляя какой-то иной след в жизни, субъект продляет свое существование здесь, на земле. С данной точки зрения, присвоение кажется обычной и необходимой частью жизни субъекта. Но, как любое явление, восприятие тоже изменяется под влиянием внешних факторов, в том числе, и экономики. В наше время, когда положение, а порой и общественный статус человека, по большей части, зависит от его благосостояния, от его продолжения в вещах, владеть, как можно большим количеством имущества означает быть нужным, быть востребованным, общаться с другими, и, в конечном итоге, жить. Таким образом, мы получаем подсознательную установку «чем больше я владею, тем больше я живу». Соответственно, если количество вещей или возможностей приобрести эти вещи у человека уменьшается, это дает повод к тревоге и, более того, к возвращению страха конечности бытия. Согласно концепции Э. Фромма, подобная установка оставляет сознание в замкнутом круге зависимости от вещей и подсознательных страхов. Происходит подобное не потому, что так есть на самом деле, а потому, что мы так думаем. Каковы на сегодняшний день признаки развитого общества? ВВП, доход на душу населения, количество современных электронных приспособлений в домах. Выдвигается ли среди первых критериев семейное положение, учитывается ли история и культурные традиции народа? К сожалению, нет. «Мыло – критерий цивилизованности» [2].

В итоге, пусть не сегодня, пусть через 20-30 лет мы можем получить последствия безоглядного присвоения и потребления. Уже сейчас у нас есть возможность наблюдать огромный финансовый пузырь, возникший на почве эксплуатации интеллектуальной собственности, в части исключительного права. Получают ли доход от исключительного права авторы произведений, вложившие в их создание труд? В большинстве случаев, нет. Здесь выступает фигура правообладателя – энергичного предпринимателя, извлекающего деньги из некоего товара – фикции, не обеспеченного трудом. Что станет дальше – трудно сказать.

С эпохи индустриализации право упорно пытается уйти в сферу фикций. Станет ли фикцией собственность? Учитывая природу конструкции юридического лица, можно сказать, что станет. Учитывая сущность физического лица, человека, которому, помимо фамилии, имени, отчества и места жительства, нужна еще семья, творческое развитие и возможность действовать в гражданском обороте через свою собственность, можно сказать, что нет. Вот оно – противоречие динамики и статики, экономики и права.

В свете всего вышесказанного, думается, что у гражданского права, по крайней мере, в цивилистической его части, есть два пути развития.

Первый путь – через концепцию раздробленной собственности и фикций – в предпринимательское, экономическое право.

Второй путь – через концепцию полного права собственности – в частное право граждан.

Учитывая то, что сегодня невозможно убрать ни экономическую, ни частноправовую сторону жизни общества, представляется целесообразным, для дальнейшего развития и сохранения гражданского права:

- выделить из Гражданского Кодекса предпринимательский кодекс, куда бы вошли нововведения административного характера, экономические нормы, возможно, концепция разделенной собственности;

- убрать из Гражданского Кодекса часть об интеллектуальной собственности [5].

Согласно мысли, выдвинутой С.А. Степановым, целесообразно было бы вернуть в Гражданский Кодекс нормы о браке и семье и некоторые нормы трудового законодательства. В таком случае, можно будет наблюдать явление, представляющее собой настоящее «право граждан», а не список правил участия в экономическом обороте.

В заключении, хочу сказать, что нововведения необходимы для экономики. Возможно, пока что рано их осуждать, но право собственности ослаблять, все же нельзя.

Неизвестно, что принесет новый гражданский закон Китайской Народной Республике, но, осмелюсь высказать надежду на то, что в Поднебесной смещения права и экономики, причем с уклоном в последнюю, не произойдет.

Литература:

1. См., например, Алексеев С.С. – Право собственности. Проблемы теории. – М., НОРМА, 2007г.
2. Цит. из к/ф «Бойцовский клуб».
3. Гражданский Кодекс Российской Федерации. С изменениями, предусмотренными проектом ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации». – М., Проспект, 2012 г.
4. Доклад Председателя Конституционного Суда Российской Федерации Валерия Дмитриевича Зорькина на VII Всероссийском Съезде судей - интернет-ресурс - <http://www.gazeta-yurist.ru/article.php?i=343>- время и дата последнего посещения – 20.02.2012г., 00:07.
5. Степанов С.А. - Человек за бортом! Или «пиррова победа» пандектов над социальными реалиями в свете предстоящих изменений российского гражданского законодательства. Основные тезисы (краткое содержание) доклада на международной конференции в Хельсинки – интернет ресурс - <http://www.privatelaw.ru/94.html> - время и дата последнего посещения – 21.03.2013г., 03:40.
6. См., например, Э. Фромм – Иметь или быть. – М., АСТ, 2006г.
7. См, например, «Энциклопедия: изменения в законодательстве Китая» - URL: <http://www.abirus.ru/content/564/565/566/574/11388.html>. (дата обращения: 21 февраля 2013г).

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА АВТОРСКИХ ПРАВА В РОССИИ И США (СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ)

© Ю.О.Войлошникова
Россия, г. Улан-Удэ

Авторское право представляет собой правовое положение авторов и созданных их творческим трудом произведений литературы, науки и искусства. Правовое положение авторов обеспечивается законодательно закрепленной совокупностью личных неимущественных и исключительных прав на созданные ими произведения. При нарушении авторских прав как в России, так и в США к нарушителю могут быть применены меры, предусмотренные гражданским законодательством.

Меры гражданско–правовой защиты США можно разделить на две основные категории:

- 1) запреты;
- 2) возмещение убытков.

Закон об авторском праве разрешает судам предоставлять «...временный и окончательный запрет на таких условиях, которые он считает разумным, чтобы предотвратить или ограничить нарушение авторских прав» (ст. 502 раздел 17 Сборника законов США) [1].

Запрет, как временный, так и постоянный, направлены на то, чтобы предотвратить или ограничить нарушение авторских прав. Тем не менее, в случае если нарушителем является правительство США, запрет не действует и владелец авторских прав может рассчитывать только на возмещение убытков. В России аналогией такого запрета, является пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения.

В дополнение к запрету, в любое время в течение судебного процесса в США, суд может вынести постановление об изъятии контрафактной продукции на условиях, которые суд сочтет разумными в данной ситуации. Кроме незаконных копий, изъятию могут также подвергаться материалы и оборудование, используемые для получения таких копий. В рамках окончательного решения суд может вынести постановление об уничтожении всех изъятых материальных ценностей. Подобная же процедура предусмотрена и российским законодательством. Изъятие контрафактных товаров из гражданского оборота происходит по решению суда. Кроме того, изъятые контрафактные товары подлежат уничтожению, без какой бы то ни было компенсации в соответствии со ст. 1251 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ).

В США кроме вынесения запрета, владелец авторских прав может требовать денежной компенсации понесенных убытков. Существуют два вида возмещения убытков:

- 1) возмещение реального ущерба;
- 2) возмещение по закону.

Указанные меры являются взаимоисключающими. В ходе судебного процесса, в качестве альтернативы владелец авторских прав может обратиться в суд за обоими видами возмещения. Между тем, к моменту завершения рассмотрения дела судом, он должен выбрать вид возмещения, который будет присужден.

В рамках возмещения ущерба, владелец авторских прав имеет право на возмещение фактических убытков, понесенных в результате нарушения, а также на любую связанную с нарушением прибыль нарушителя, не включенную в расчет фактических убытков. Для определения реального ущерба истец, обычно с помощью показаний эксперта, должен доказать суду, каким образом дополнительная прибыль, с учетом имеющейся у него структуры расходов, могла быть получена при условии отсутствия нарушения, например за счет увеличения объемов продаж, или установления более высокой цены. При определении прибыли нарушителя, владельцем авторских прав необходимо представить только доказательства валового дохода нарушителя.

Возмещение убытков по закону доступно в качестве альтернативы возмещению фактических убытков и прибыли, например, в ситуации, когда наличие и размер фактических убытков истца и прибыли ответчика слишком трудно доказать. Тем не менее, возможность возмещения по закону доступна не всегда. Владелец авторских прав не имеет права требовать возмещения по закону, если:

- произведение не было опубликовано и нарушение началось до даты вступления в силу его регистрации;
- произведение опубликовано, но нарушение началось после первой публикации и до даты вступления в силу его регистрации, если регистрация производится в течение трех месяцев после первой публикации.

Размер возмещения по закону может составлять от нескольких сотен долларов до сотен тысяч, в зависимости от вида нарушения. В общем виде размер возмещения составляет от \$750 до \$150 000 за произведение. Размер может быть снижен до \$200, если суд сочтет, что нарушение было «невинным», например, когда нарушитель был уверен, что использует произведение добросовестно. Также размер может быть значительно увеличен до \$ 300 000, если суд признает, что нарушение было «умышленным».

При определенных условиях, в случае «победы», истец имеет право попросить суд обязать ответчика в разумных пределах возместить понесенные судебные издержки и расходы на адвоката. Данное право не доступно, если:

- ответчиком выступает правительство США;
- произведение не было зарегистрировано.

Согласно российскому законодательству, суд может принять решение о возмещении убытков, взыскании дохода или выплате компенсации по выбору истца и в пользу истца. Несмотря на простоту схемы, ее реализация затруднительна из-за сложности оценки убытков, причиненных истцу нарушением прав. Истец может требовать полного возмещения причиненных ему убытков, если законодательством или договором не предусмотрено иное. Причем под убытками понимаются:

- расходы, которые истец произвел или должен будет произвести для восстановления нарушенного права;
- утрата или повреждение имущества (реальный ущерб);
- неполученные доходы, которые истец получил бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода).

Таким образом, владелец авторских прав в России, имеет право требовать возмещение убытков, независимо от обнародования и государственной регистрации объектов авторского права.

Публикация решения суда о допущенном нарушении с указанием действительного правообладателя и нарушителя исключительного права.

Помимо возмещения убытков, автор может потребовать выплатить компенсацию за нарушение авторского права.

В соответствии со ст. 1252 ГК РФ правообладатель вправе вместо возмещения убытков требовать от нарушителя выплаты компенсации за нарушение указанного права. Компенсация подлежит взысканию при доказанности факта правонарушения. При этом правообладатель, обратившийся за защитой права, освобождается от доказывания размера причиненных ему убытков.

Размер компенсации определяется судом в пределах, установленных' Кодексом, в зависимости от характера нарушения и иных обстоятельств дела с учетом требований разумности и справедливости. Правообладатель вправе требовать от нарушителя выплаты компенсации за каждый случай неправомерного использования результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации либо за допущенное правонарушение в целом.

В соответствии со ст.ст. 1301, 1311, 1515 и 1537 ГК РФ в случаях нарушения исключительного права на произведение, объект смежных прав, товарный знак, наименование места происхождения товара обладатель исключительного права вправе требовать по своему выбору от нарушителя вместо возмещения убытков выплаты компенсации:

- в размере от 10 тыс. рублей до 5 млн. рублей, определяемом по усмотрению суда;
- в двукратном размере стоимости экземпляров произведения, фонограммы, товаров, на которых незаконно размещен товарный знак или наименование места происхождения товара, или в двукратном размере стоимости права использования произведения, объекта смежных прав, товарного знака, определяемой исходя из цены, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за правомерное использование произведения, объекта смежных прав или товарного знака [2, С. 322].

Помимо всего изложенного, в нашей стране, можно применить еще один способ защиты авторского право - признание прав. Признание прав может относиться к личным неимущественным правам авторов и исполнителей или к неимущественным правам. Данный способ может сопровождаться публичным заявлением о существовании определенного права, которое делается нарушителем или за его счет. Указанная мера защиты особенно актуальна в случаях нарушения личных неимущественных прав автора.

Таким образом, положения авторского права в США немного отличаются от российского права. Существенным отличием является то, что в США предусматривает гораздо более жесткие материальные меры, чем российское законодательство и характеризуется более предметным, прагматичным подходом к защите авторского права. Такая ситуация в большей степени способствует реализации гражданами страны своих конституционных прав на творческую деятельность и дает большие возможности при их защите.

Литература:

1. Закон США «Об авторском праве» / [Электронный ресурс].
URL: http://iir-mp.narod.ru/subjects/ipr/laws/usa_law_summary.html
2. Судариков С.А. Право интеллектуальной собственности: Учеб. - М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008.

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ РЕАЛИЗАЦИИ ИНСТИТУТА ОТВОДА СУДЬИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ: НА ПРИМЕРЕ РОССИИ И ЯПОНИИ

© А.Н. Лысанов
Россия, г.Иркутск

Беспристрастность и независимость суда являются важнейшими условиями обеспечения объективного, непредвзятого и всестороннего рассмотрения дела и вынесения по нему справедливого и обоснованного решения. В связи с этим, представляется, что институт отвода судьи, является важным институтом, права. В представленной статье предпринимается попытка провести сравнение процесса реализации принципа независимости суда в России и Японии, путем анализа института отвода судьи, а также порядка рассмотрения заявления об отводе.

В соответствии со ст. 32 Конституции Японии ни одному лицу не может быть отказано в праве доступа к судам. Также в ст. 37 закрепляется принцип беспристрастности суда. Нормы об отводе судьи, а также порядок рассмотрения заявления об отводе судьи закреплены в Гражданско-процессуальном Кодексе Японии 1996г. в статьях с 23 по 27.

Отвод судье рассматриваемому делу единолично разрешается, председателем этого суда, согласно ст. 25. Исключена возможность повторной подачи жалобы по тем же основаниям. Но если, стороне, участвующей в процессе станут известны новые обстоятельства, которые служат основанием для отвода, сторона может обратиться, с заявлением об отводе снова.

Япония - это страна где, где разрешение спора в судебном порядке считается самым худшим вариантом. Люди, стараются не прибегать к помощи судей. А представить предвзятость судьи, для японского обывателя очень сложно. Но даже там норма об отводе суда прописана лучше, чем в России[5, С. 332].

Аналогичные нормы есть и в ГПК РФ, а именно в пункте 3 части 1 ст. 16 «мировой судья, а также судья не может рассматривать дело и подлежит отводу, если он лично, прямо или косвенно, заинтересован в исходе дела, либо имеются иные обстоятельства, вызывающие сомнения в его объективности и беспристрастности". И в соответствии с ч. 2 ст. 20 ГПК, вопрос об отводе, заявленном судье, рассматриваемому делу единолично, разрешается тем же судьей. Определение, вынесенное судьей, по результатам рассмотрения заявленного ему отвода, не может быть обжаловано отдельно от решения суда. То есть обжаловать отвод, можно лишь включив в апелляционную жалобу возражения против этого определения. Данный факт, конечно, не способствует соблюдению принципа объективности и беспристрастности, потому что гражданину принадлежит право на рассмотрение его дела беспристрастным судом на всех стадиях гражданского судопроизводства. И, естественно, на каждой стадии должны существовать реальные процессуальные механизмы, обеспечивающие это право.

В связи с вышеизложенным, вовсе не случайно в гражданско-процессуальном законодательстве Японии отвод судье, разрешается председателем суда. Представляется, что норма регулирующая порядок разрешения заявления об отводе в гражданском процессе России не может быть эффективным средством контроля обеспечения беспристрастности судьи. Российскому Законодателю следует заимствовать норму из Гражданско-процессуального кодекса Японии, так как действующая норма, регулирующая порядок рассмотрения заявления об отводе судьи в гражданском процессе России является не действенной и даже не нужной.

Также стоит заимствовать, принцип невозможности повторной подачи заявления об отводе по тем же основаниям. Поскольку, сторона может умышленно затягивать процесс, путем подачи, заявления об отводе бесчисленное количество раз, а это противоречит принципу рассмотрения гражданского дела в разумные сроки. Однако, по другим основаниям, о которых сторона узнала после начала рассмотрения дела, она может подать заявление об отводе судьи. Представляется, что норма регулирующая порядок разрешения заявления об отводе судьи в гражданском процессе России должна быть следующей: «Вопрос об отводе судьи, рассматриваемого дело единолично, разрешается председателем суда, заместителем председателя суда или председателем судебного состава. Судья, которому заявлен отвод, может дать свои пояснения относительно отвода. В случае отказа в удовлетворении отвода, заявитель лишается права подачи заявления об отводе по тем же основаниям, или схожим с ними».

Литература:

1. Конституция Японии от 1947 г.
2. Гражданский процессуальный кодекс Японии от 1996 г.
3. Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. // Рос.газ. – 1993. – 25 дек.
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 нояб. 2002 г. № 138-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.
5. Введенская, Л. А. Деловая риторика : учеб. пособие для вузов / Л. А. Введенская. -5-е изд., перерабдоп. - Ростов н\Д : Издательский центр «МарТ»; Феникс, 2010. – 488с.
6. Давид, Р. Основные правовые системы современности / Р. Давид, К. Жоффре - Спинози. - М. :Междунар. отношения, 1997. - 400 с.

俄罗斯仲裁裁决在我国法院承认和执行的流程和特点

© Цхай Цзефэн
Китай, г. Пекин

根据我国《民事诉讼法》和《仲裁法》的规定，外国仲裁裁决需要在我国法院承认和执行的，应由当事人直接向被执行人住所地或者其财产所在地的中级人民法院申请，人民法院将依据我国缔结或参加的国际条约，或者按照互惠原则办理。这就是说外国仲裁裁决在我国是能够得到承认和执行的。我国在加入《纽约公约》时作出了“互惠保留”和“商事保留”，也就是说，我国仅对在另一缔约国领土内作出的仲裁裁决予以承认和执行，对根据我国法律认定属于契约性和非契约性商事法律关系所引起的争议才适用该公约。该公约与我国《民事诉讼法》有不同规定的，按照公约的规定办理。

对于由临时仲裁庭作出的外国仲裁裁决在我国申请承认和执行的，根据《最高人民法院关于承认和执行外国仲裁裁决收费及审查期限问题的规定》的规定。

为正确执行我国加入的联合国《承认及执行外国仲裁裁决公约》(以下称纽约公约)，现对人民法院依照《纽约公约》规定，承认和执行外国仲裁裁决收费及审查期限问题作出如下规定：

- 一、人民法院受当事人申请承认和执行外国仲裁裁决的，预收人民币五百元。
- 二、人民法院受理当事人申请承认和执行外国仲裁裁决的，应按照《人民法院诉讼收费办法》有关规定，依申请执行的金額或标的价額预收执行费。如人民法院最终决定仅承认而不予执行外国仲裁裁决时，在扣除本规定第一条所列费用后，其余退还申请人。
- 三、人民法院受理当事人申请承认和执行外国仲裁裁决，不得对承认和执行分别两次收费。对所预收费用的负担，按照《人民法院诉讼收费办法》有关规定执行。
- 四、当事人依照《纽约公约》第四条规定的条件申请承认和执行外国仲裁裁决，受理申请的人民法院决定予以承认和执行的，应在受理申请之日起两个月内作出裁定，如无特殊情况，应在裁定后六个月内执行完毕；决定不予承认和执行的，须按最高人民法院法发[1995]18号《关于人民法院处理与涉外仲裁及外国仲裁事项有关问题的通知》的有关规定，在受理申请之日起两个月内报最高人民法院关于执行我国加入的《承认及执行外国仲裁裁决公约》的通知1987年4月10日，全国地方各高、中级人民法院，各海事法院、铁路运输中级法院。

第六届全国人民代表大会常务委员会第十八次会议于1986年12月2日决定我国加入1958年在纽约通过的《承认及执行外国仲裁裁决公约》(以下简称《1958年纽约公约》)，该公约将于1987年4月2

2日对我国生效。各高、中级人民法院都应立即组织经济、民事审判人员、执行人员以及其他有关人员认真学习这一重要的国际公约，并且切实依照执行。现就执行该公约的几个问题通知如下：

一、根据我国加入该公约时所作的互惠保留声明，我国对在另一缔约国领土内作出的仲裁裁决的承认和执行适用该公约。该公约与我国民事诉讼法（试行）有不同规定的，按该公约的规定办理。

对于在非缔约国领土内作出的仲裁裁决，需要我国法院承认和执行的，应按民事诉讼法（试行）第二百零四条的规定办理。

二、根据我国加入该公约时所作的商事保留声明，我国仅对按照我国法律属于契约性和非契约性商事法律关系所引起的争议适用该公约。所谓“契约性和非契约性商事法律关系”，具体的是指由于合同、侵权或者根据有关法律规定而产生的经济上的权利义务关系，例如货物买卖、财产租赁、工程承包、加工承揽、技术转让、合资经营、合作经营、勘探开发自然资源、保险、信贷、劳务、代理、咨询服务和海上、民用航空、铁路、公路的客货运输以及产品责任、环境污染、海上事故和所有权争议等，但不包括外国投资者与东道国政府之间的争端。

三、根据《1958年纽约公约》第四条的规定，申请我国法院承认和执行在另一缔约国领土内作出的仲裁裁决，是由仲裁裁决的一方当事人提出的。对于当事人的申请应由我国下列地点的中级人民法院受理：

1. 被执行人为自然人的，为其户籍所在地或者居所地；
2. 被执行人为法人的，为其主要办事机构所在地；
3. 被执行人在我国无住所、居所或者主要办事机构，但有财产在我国境内的，为其财产所在地。

四、我国有管辖权的人民法院接到一方当事人的申请后，应对申请承认及执行的仲裁裁决进行审查，如果认为不具有《1958年纽约公约》第五条第一、二两项所列的情形，应当裁定承认其效力，并且依照民事诉讼法（试行）规定的程序执行；如果认定具有第五条第二项所列的情形之一的，或者根据被执行人提供的证据证明具有第五条第一项所列的情形之一的，应当裁定驳回申请，拒绝承认及执行。

五、申请我国法院承认及执行的仲裁裁决，仅限于《1958年纽约公约》对我国生效后在另一缔约国领土内作出的仲裁裁决。该项申请应当在民事诉讼法（试行）第一百六十九条规定的申请执行期限内提出。

附一：本通知引用的《承认及执行外国仲裁裁决公约》有关条款

第四条 一、声请承认及执行之一造，为取得前条所称之承认及执行，应于声请时提具：

- （甲）原裁决之正本或其正式副本；
- （乙）第二条所称协定之原本或其正式副本。

二、倘前述裁决或协定所用文字非为援引裁决地所在国之正式文字，声请承认及执行裁决之一造应具备各该文件之此项文字译本。译本应由公设或宣誓之翻译员或外交或领事人员认证之。

第五条

一、裁决唯有受裁决援用之一造向声请承认及执行地之主管机关提具证据证明有下列情形之一时，始得依该造之请求，拒予承认及执行：

- （甲）第二条所称协定之当事人依对其适用之法律有某种无行为能力情形者，或该项协定依当事人作为协定准据之法律系属无效，或未指明以何法律为准时，依裁决地所在国法律系属无效者；
- （乙）受裁决援用之一造未接获关于指派仲裁员或仲裁程序之适当通知，或因他故，致未能申辩者；

(丙) 裁决所处理之争议非为交付仲裁之标的或不在其条款之列, 或裁决载有关于交付仲裁范围以外事项之决定者, 但交付仲裁事项之决定可与未交付仲裁之事项划分时, 裁决中关于交付仲裁事项决定部分得予承认及执行;

(丁) 仲裁机关之组成或仲裁程序与各造间之协议不符, 或无协议而与仲裁地所在国法律不符者;

(戊) 裁决对各造尚无拘束力, 或业经裁决地所在国或裁决所依据法律之国家之主管机关撤销或停止执行者。

二、倘声请承认及执行地所在国之主官机关认定有下列情形之一, 亦得拒不承认及执行仲裁裁决:

(甲) 依该国法律, 争议事项系不能以仲裁解决者;

(乙) 承认或执行裁决有违该国公共政策者。

附二: 本通知引用的《中华人民共和国民事诉讼法(试行)》有关条款

第一百六十九条

申请执行的期限, 双方或者一方当事人是个人的为一年; 双方是企业事业单位、机关、团体的为六个月。

第二百零四条

中华人民共和国人民法院对外国法院委托执行的已经确定的判决、裁决, 应当根据中华人民共和国缔结或者参加的国际条约, 或者按照互惠原则进行审查, 认为不违反中华人民共和国法律的基本准则或者我国国家、社会利益的, 裁定承认其效力, 并且依照本法规定的程序执行。否则, 应当退回外国法院。

附三: 加入《承认及执行外国仲裁裁决公约》的国家

丹麦(1、2) 法国(1、2) 希腊(1、2) 罗马教庭(1、2) 美国(1、2) 奥地利(1)
比利时(1) 联邦德国(1) 爱尔兰(1) 日本(1) 卢森堡(1) 荷兰(1) 瑞士(1) 英国(1)
挪威(1) 澳大利亚 芬兰 新西兰(1) 圣马力诺 西班牙 意大利 加拿大 瑞典 民主德国(1、2)
匈牙利(1、2) 波兰(1、2) 罗马尼亚(1、2) 南斯拉夫(1、2、3) 保加利亚(1)
捷克斯洛伐克(1) 苏联(1) 苏联白俄罗斯共和国(1) 苏联乌克兰共和国(1)
博茨瓦纳(1、2) 中非共和国(1、2) 中国(1、2) 古巴(1、2) 塞浦路斯(1、2)
厄瓜多尔(1、2) 印度(1、2) 印度尼西亚(1、2) 马达加斯加(1、2)
尼日利亚(1、2) 菲律宾(1、2) 特立尼达和多巴哥(1、2) 突尼斯(1、2) 危地马拉(1、2)
南朝鲜(1、2) 摩纳哥(1、2) 科威特(1) 摩洛哥(1) 坦桑尼亚(1) 贝宁智利 哥伦比亚
民主柬埔寨 埃及 加纳 以色列 约旦 墨西哥 尼日尔 南非 斯里兰卡叙利亚 泰国 乌拉圭 吉布提
海地 巴拿马 马来西亚 新加坡

注: 1. 该国声明, 只适用本公约于在另一缔约国领土内作出的仲裁裁决, 即作互惠保留。

2. 该国声明, 只适用本公约于根据其本国的法律认定为属于商事的法律关系(契约性或非契约性的)所引起争议, 即作商事保留。

3. 该国声明, 只承认和执行该国加入本公约之后在外国作出的仲裁裁决。

ПРОБЛЕМА ИСПОЛНЕНИЯ РЕШЕНИЙ МЕЖДУНАРОДНОГО КОММЕРЧЕСКОГО АРБИТРАЖНОГО СУДА ПРИ ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННОЙ ПАЛАТЕ РФ В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

© Цхай Цзефэн
Китай, г. Пекин

В КНР согласно Закона о гражданской процедуре 1991 г. во всех предусмотренных этим законом случаях (исполнение решения суда КНР против стороны, которая не находится на территории КНР, исполнение решения международного арбитражного органа (третейского суда), когда сторона или ее имущество не находится на территории КНР, признание и исполнение в КНР решения, принятого иностранным судом), исполнение может иметь место в соответствии с международным договором или на основании принципа взаимности.

В случае, если истец получил положительное решение Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате РФ. Для того, чтобы китайские судебные приставы смогли принудить ответчика исполнить решение, само такое решение должно быть сначала признано законным на территории КНР. А для этого необходимо обратиться в суд уже в Китае.

В течение многих лет иностранные компании скептически относились к возможности настоять на исполнении решения в Китае, поскольку фактически привлечь ответчика-китайца к ответственности во многих случаях оказалось невозможно, что объяснялось протекционизмом судебных властей страны по отношению к отечественным компаниям. Однако начиная с конца девяностых годов эксперты отмечают рост положительных решений, приведших в конечном счете к исполнению ответчиком наложенного на него наказания. Данная положительная тенденция связывается, прежде всего с позицией Верховного народного суда Китая и растущим давлением международных организаций.

Китай, как и Россия, участвует в Конвенции ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений, в которой закреплены основные принципы и положения относительно данного вопроса. Что касается китайского законодательства, то в Законе «Об арбитраже» в ст. 72 прямо закреплено, что если сторона требует исполнения вступившего в законную силу решения, принятого арбитражной комиссией, а имущество другой стороны находится за пределами территории КНР, то стороне следует прямо обратиться за признанием решения и его исполнением в зарубежный суд, в чьей юрисдикции находится данная собственность. Российской стороне внешнеэкономического договора в данном случае не стоит упускать данное положение в случае наличия у противоположной стороны каких-либо активов на территории РФ. Если же этого нет, то ничего не остается как обратиться в народный суд КНР среднего звена через китайских посредников.

Дела по заявлениям об исполнении решений арбитражных судов переходят в юрисдикцию Народных судов среднего уровня, расположенных по месту жительства лица обязанного исполнить арбитражное решение или по месту нахождения собственности, в отношении которой было принято арбитражное решение. Контроль за исполнением арбитражных соглашений по международным и морским делам также передан под юрисдикцию Народных судов средней инстанции и Судов по морским делам (в пределе их компетенции), расположенных по месту вынесения арбитражного решения, подписания арбитражного соглашения, месту жительства заявителя или ответчика.

Как разъяснили в Верховном суде КНР, такая постановка вопроса связана с тем, что исполнение решений арбитражных судов Народными судами низшей инстанции не было эффективным. Разъяснение определяет также, что, если при рассмотрении кассационной жалобы участника арбитражного процесса кассационным судом будут выявлены недостатки арбитражного производства, которые, по мнению кассационного суда, могут быть устранены в ходе пересмотра дела, то кассационный суд уведомляет соответствующий арбитражный суд о необходимости повторного рассмотрения арбитражного дела в определенные сроки.

Недостатками арбитражного процесса, ведущими к необходимости пересмотра дела признаются: фальсификация доказательств или утаивание важных обстоятельств дела одной из сторон процесса.

Конкретный алгоритм действий для признания иностранных судебных решений и приведение их в исполнение таков:

После принятия арбитражного решения иностранным судом возникает необходимость его признания и исполнения в Китае.

Порядок признания иностранных арбитражных решений и приведение их в исполнение на территории Китая установлен следующими нормативными правовыми актами: Конвенцией ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (заключена в Нью-Йорке в 1958 г.), Законом КНР от 31 августа 1994 года "Об арбитраже" и рядом постановлений Верховного суда КНР.

1. Представление документов

Согласно нормам, содержащимся в вышеуказанных документах, государство признает арбитражные решения как обязательные и приводит их в исполнение в соответствии с процессуальными нормами Китая. В Китае для того, чтобы **арбитражное решение** было признано обязательным, необходимо представить в компетентный суд следующие документы:

- 1) письменное заявление на китайском языке;
- 2) свидетельство о регистрации для организации или паспорт для физического лица;
- 3) доверенность на представителя;
- 4) справку о юридическом представителе;
- 5) подлинное арбитражное решение;
- 6) подлинное арбитражное соглашение (арбитражная оговорка);

Все вышеуказанные документы должны быть переведены на китайский язык, документы, указанные в пунктах 2,3,5 должны быть легализованы консульством КНР;

- 7) данные о должнике и его имуществе.

2. Подсудность

Взыскатель должен представить вышеуказанные документы в суд средней инстанции столицы провинции, автономного района, города центрального подчинения, города отдельного планирования, особой экономической зоны, суд зоны экономического и технического освоения, созданной по разрешению Госсовета КНР, суд высшей инстанции или иные суды средней инстанции, уполномоченные Верховным судом КНР, где зарегистрирован или проживает должник, или где находится имущество должника.

3. Госпошлина

По заявлению о признании иностранного арбитражного решения суд взимает госпошлину в размере **500 юаней КНР**.

По заявлению о приведении иностранного арбитражного решения в исполнение суд взимает госпошлину в размерах:

1. Если цена заявления в юанях КНР составляет до 10 000, то пошлина составляет 50 юаней,
2. Если цена заявления от 10 000 до 500 000 юаней, то пошлина составляет 0,5 % от цены заявления,
3. И в случаях, когда цена заявления свыше 500 тысяч юаней, размер госпошлины составит 2000 юаней плюс 0,1 % от цены заявления.

Компетентный суд имеет право требовать от взыскателя оплаты аванса, который компенсирует фактические расходы суда в процессе исполнения иностранного арбитражного решения.

Все вышеуказанные расходы будет нести должник после исполнения решения.

Если суд только признает иностранное арбитражное решение, но отказывает в его исполнении, то взимается госпошлина в размере 500 юаней КНР, остальная сумма уплаченной госпошлины возвращается взыскателю.

4. Срок исполнения

По постановлению ВС КНР от 14 ноября 1998 года суд должен вынести свое постановление о признании и исполнении иностранного арбитражного решения в течение 2 месяцев после принятия заявления взыскателя и прекратить процесс исполнения в течение 6 месяцев, если нет особых обстоятельств.

Обычно процесс по признанию и исполнению затягивается на срок не менее 1 года.

5. Основания отказа в признании и исполнении иностранного арбитражного решения

В признании и исполнении арбитражного решения может быть отказано по просьбе стороны, против которой оно состоялось, если только эта сторона представит компетентный суд по месту, где испрашивается признание и приведение в исполнение, доказательства, что:

- одна из сторон в арбитражном соглашении была по применимому к ним закону в какой-либо мере недееспособна или это соглашение недействительно по закону, которому стороны это соглашение подчинили, а при отсутствии такого указания - по закону страны, где решение было вынесено;
- сторона, против которой вынесено решение, не была должным образом уведомлена о назначении арбитра или об арбитражном разбирательстве или по другим причинам не могла представить свои

объяснения;

- указанное решение вынесено по спору, не предусмотренному или не подпадающему под условия арбитражного соглашения или арбитражной оговорки в договоре, или содержит постановления по вопросам, выходящим за пределы арбитражного соглашения или арбитражной оговорки в договоре;
- состав арбитражного органа или арбитражный процесс не соответствовали соглашению сторон или, при отсутствии такового, не соответствовали закону той страны, где имел место арбитраж;
- решение еще не стало окончательным для сторон или было отменено или приостановлено исполнением компетентной властью страны, где оно было вынесено, или страны, закон которой применяется.

В признании и исполнении арбитражного решения может быть также отказано, если компетентный суд, в котором испрашивается признание и приведение в исполнение, найдет, что объект спора не может быть предметом арбитражного разбирательства по законам Китая или признание и приведение в исполнение этого решения противоречат публичным интересам Китая.

Если суд считает, что иностранное арбитражное решение не подлежит признанию или исполнению, то только после утверждения Верховным судом КНР он сможет вынести свое постановление об отказе в признании или исполнении такого иностранного арбитражного решения. Это означает, что в данный момент в Китае только Верховный суд КНР имеет право решить, какое иностранное арбитражное решение не подлежит признанию или исполнению, а нижестоящие суды только выполняют такое решение Верховного суда КНР и оформляют соответствующие судебные документы.

III. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ В СТРАНАХ АТР

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЗАРАЖЕНИЮ ВЕНЕРИЧЕСКИМИ БОЛЕЗНЯМИ В РОССИИ И ВЬЕТНАМЕ

© А.Н.Бурдинская
Россия, г. Владивосток

С развитием интеграционных процессов Россия проявляет активность в развитии туристических связей не только в европейском направлении, но и в сторону Юго-Восточной Азии. Так, лишь за март 2012 г. поток путешественников из России во Вьетнам увеличился на 27,1% [1], что свидетельствует о повышенном интересе наших соотечественников к данной стране. Внимание вызвано в большей степени благоприятными климатическими условиями, а так же местным колоритом, который выражается в доступности удовлетворения либидо некоторых туристов. Подобная ситуация является одной из доминант в распространении венерических заболеваний.

Выясним, каким образом обстоят дела с распространением венерических заболеваний в целом и ВИЧ-инфекции в Российской Федерации и Социалистической Республике Вьетнам (далее – СРВ). Так, по официальным данным во Вьетнаме в конце 2009 г. численности всех людей (взрослые и дети) живущих с ВИЧ-инфекцией, или симптомами СПИДа составила 280 000 чел., в то время как в России – в 3,5 раза больше (980 000чел). Кроме того, согласно статистическим данным в 2009 г. коэффициент заболеваемости ВИЧ/СПИДом среди взрослого населения (в возрасте от 15 до 49 лет) во Вьетнаме составил 0,40% по отношению ко всему населению страны, в России этот показатель составил 1,00% [4] (в 2,5 раза больше). В период с 2001 по 2007 гг. рассматриваемый коэффициент был равен 0,50% – для Вьетнама и 1,10% – для России (более чем в 2 раза больше) [5]. Учитывая размер территории и численность населения в СРВ можно сказать, что данные показатели свидетельствуют об угрозе безопасности страны. Приведенные данные показывают, что за последнее десятилетие ситуация по распространению венерических заболеваний (ВИЧ-инфекции) в России и Вьетнаме не является стабильной.

Ввиду повышенной опасности распространения указанных заболеваний в России и Вьетнаме установлена уголовная ответственность за преступное заражение венерической болезнью (ВИЧ-инфекцией).

Законодатель Российской Федерации регламентирует ответственность за преступное заражение венерическими заболеваниями и ВИЧ-инфекцией в ст. ст. 121, 122 УК РФ [6]. Во вьетнамском уголовном законе также содержатся составы преступления прямо или косвенно предусматривающие ответственность за заражение ВИЧ-инфекцией (ст. ст. 111-115, ст. 117-118 и ст. 256 УК СРВ) [7].

Сравнивая положения соответствующих норм российского и вьетнамского уголовного закона, прежде всего, выделим схожие признаки составов преступного заражения венерическим заболеванием, а так же ВИЧ-инфекцией, а затем обратимся к их отличительным чертам.

Итак, совпадающих признаков анализируемых составов преступлений немного. К ним можно отнести следующие признаки:

во-первых, объективная сторона преступлений выражена в распространении (заражении, по нашему мнению, «заражение» и «распространение» (последнее понятие используется лишь в УК Вьетнама) – понятия синонимичные) ВИЧ-инфекции (венерического заболевания – характерно лишь для России);

во-вторых, субъект преступлений – специальный: лицо, знающее о наличии у себя ВИЧ-инфекции (в том числе и венерического заболевания в РФ). УК Вьетнама помимо названного субъекта имеет и другие, они будут проанализированы ниже;

в-третьих, путь заражения на квалификацию преступлений не влияет;

в-четвертых, помимо основного наказания за содеянное, уголовные законы Вьетнама и России в своих статьях рекомендуют применять еще и дополнительные виды: штрафы, запрет занимать определенные должности или выполнять определенные виды работ.

Рассмотрим отличительные черты в составах по преступному заражению ВИЧ-инфекцией в УК Вьетнама и УК РФ. Их, так же немного.

Вьетнамский уголовный закон не содержит прямого указания на общепринятую терминологию «венерическое заболевание». Можно лишь констатировать, что в соответствии с нормами ст. ст. 111-115, ст. ст. 117-118 и ст. 256 УК СРВ к уголовной ответственности привлекаются лица за заражение

либо за поставление в опасность заражения только ВИЧ-инфекцией. В России установлена уголовная ответственность за деяния лица по заражению либо за поставление в опасность заражения не только ВИЧ-инфекцией, но и венерическим заболеванием (сифилисом и гонореей; мягким шанкром, лимфогранулематозом и др.).

Отметим, что уголовный закон Вьетнама включает в себя квалифицирующие признаки деяний, сопряженных с заражением либо поставлением в опасность заражения ВИЧ-инфекцией, которые несвойственны для УК РФ. К ним относят: изнасилование, совершенное в отношении детей (ст. 112 УК Вьетнама); принуждение к половому акту (ст. 113 УК Вьетнама); принудительное половое сношение с детьми (ст. 114 УК Вьетнама); беспорядочные половые связи с детьми (ст. 115 УК Вьетнама); половое сношение с несовершеннолетним (ст. 256 УК Вьетнама).

Согласно УК РФ субъектом преступления при преступном заражении венерическим заболеванием либо ВИЧ-инфекцией является лицо, заведомо знающее о своей болезни сифилисом, гонореей и другим венерическим заболеванием. Тогда как в УК Вьетнама субъектом преступления может быть лицо, которое и не знает о наличии у себя вируса иммунодефицита человека, при условии заражения таковым другого лица.

Далее проведем компаративный анализ норм, предусматривающих уголовную ответственность за преступное заражение ВИЧ-инфекцией в России и Вьетнаме, а также венерическим заболеванием в России. Эти составы представлены в ст. ст. 111-115, ст. 117-118 и ст. 256 УК Вьетнама и в ст. ст. 121, 122 УК РФ.

Подчеркнем, что объект сопоставляемых преступлений разнится. В УК РФ – это охраняемое законом благо – здоровье человека. В УК Вьетнама данный признак состава обозначен шире – охраняемые законом блага – здоровье, честь и достоинство человека, а также общественные отношения, обеспечивающие нормальное функционирование порядка общественного управления и общественной безопасности.

Конструкция объективной стороны преступлений, предусмотренных в ст. ст. 121, 122 УК РФ выражается в материальном составе: деяния (действия или бездействия), последствия в виде заражения лица венерическим заболеванием либо ВИЧ-инфекцией, а также причинной связи между ними.

В ст. ст. 111-115, ст. 117-118 и ст. 256 УК Вьетнама объективная сторона выражена в распространении ВИЧ-инфекции, распространении ВИЧ-инфекции в процессе изнасилования и изнасилования детей либо принудительного полового акта или принудительного полового акта с детьми, либо при наличии беспорядочных половых связей с детьми, а также в результате распространения ВИЧ-инфекции в иных случаях. Преступление окончено с момент создания реальной опасности заражения. Вьетнамский законодатель полагает, что распространение ВИЧ-инфекции возможно не только половым путем. По нашему мнению с этим можно согласиться. Так, согласно ст. 117 УК Вьетнама уголовная ответственность может наступить за распространение ВИЧ-инфекции в отношении лиц, выполняющих свои служебные обязанности, а также в отношении врачей и медицинских работников, оказывающих непосредственную помощь ВИЧ-инфицированному. Однако процесс доказывания вины пациента, который предпринял определенные действия по заражению ВИЧ-инфекции указанных лиц, представляется весьма затруднительным. Это, скорее всего, создает сложности в применении данной нормы на практике.

Субъективная сторона преступлений, прямо или косвенно связанных с заражением ВИЧ-инфекцией (венерическим заболеванием в РФ), в уголовном законодательстве России представлена в форме умысла: как прямого, так и косвенного (ст. ст. 121, 122 УК РФ) или по неосторожности: в виде преступного легкомыслия (ст. 122 УК РФ). В отличие от российского коллеги вьетнамский законодатель счел необходимым расширить форму вины и представил ее еще и как неосторожность в виде преступной небрежности.

По мнению вьетнамского законодателя при рассмотрении дел о заражении ВИЧ-инфекцией подсудимый может и не знать о своей болезни. Данная ситуация возможна в результате специфики юридической техники уголовного законодательства этой страны: используется выражение «даже если преступники знают, что они инфицированы ВИЧ». Однако в соответствии с буквальным толкованием данной смысловой конструкции можно констатировать, что лицо может и не знать о наличии у себя ВИЧ-инфекции.

Деяние совершено с прямым умыслом в том случае, если виновный знал, что он болен ВИЧ-инфекцией (венерическим заболеванием – характерно для РФ), предвидел возможность или неизбежность заражения потерпевшей (потерпевшего) болезнью и желал наступления указанных последствий.

Косвенный умысел присутствует в случае, если виновный знал о наличии у себя ВИЧ-инфекции (венерического заболевания – свойственно для России), предвидел возможность заражения другого лица, не желал, но сознательно допускал заражение, либо относился к нему безразлично.

Данное преступление совершается по преступному легкомыслию, если виновный, страдая ВИЧ-инфекцией (в России – венерическим заболеванием), предвидит возможность заражения другого, однако без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывает на предотвращение этого последствия (например, при использовании барьерных контрацептивов).

Деяние признается совершенным по небрежности, если виновный не предвидел возможность заражения другого лица, либо наступление иных общественно-опасных последствий своих действий (бездействия), связанных с ВИЧ-инфекцией, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должен был и мог предвидеть эти последствия (п. «б» ч. 3 ст. 111, п. «б» ч. 3 ст. 113, п. «б» ч. 3 ст. 115 УК Вьетнама).

Субъект преступления по УК Вьетнама – специальный и, как отмечалось выше, имеет разновидности. Им может быть лицо, как заведомо знающее о своей ВИЧ-инфекции, равно как и лицо незнающее о наличии у себя данного заболевания. В соответствии со ст. ст. 121, 122 УК РФ субъект преступления также специальный, но его признаки российский законодатель описал шире: лицо, заведомо знающее о своем венерическом заболевании или ВИЧ-инфекцией либо лицо, заразившее потерпевшего только ВИЧ-инфекцией вследствие ненадлежащего исполнения своих обязанностей. Заражение венерическим заболеванием вследствие ненадлежащего исполнения своих обязанностей в УК РФ отсутствует.

Помимо основных признаков рассматриваемых преступлений в ст. ст. 117, 118 УК Вьетнама и ст. ст. 121, 122 УК РФ содержатся и квалифицирующие обстоятельства за наступление особо серьезных последствий. Так, обстоятельствами, отягчающими ответственность за преступное заражение ВИЧ-инфекцией, вьетнамский законодатель признает совершение деяния, в отношении двух или более лиц, либо в отношении заведомо несовершеннолетнего, либо в отношении врачей и медицинских работников в процессе оказания ими медицинской помощи ВИЧ-инфицированному пациенту. А также в отношении лиц, выполняющих свои служебные обязанности по обеспечению жизнедеятельности указанного больного. В УК РФ характерны лишь три подобных признака: совершенного в отношении двух или более лиц либо в отношении заведомо несовершеннолетнего, а также в отношении лица, которое заразило потерпевшего ВИЧ-инфекцией вследствие ненадлежащего исполнения своих обязанностей.

Подводя итог компаративному изучению вопроса ответственности за преступное заражение ВИЧ-инфекцией во Вьетнаме и за преступное заражение ВИЧ-инфекцией, венерической болезнью в России отметим, что российский законодатель, на наш взгляд, более детально разработал уголовно-правовые нормы об ответственности за указанные преступления. Вместе с тем в УК СРВ:

а) предусмотрена уголовная ответственность непосредственно за заражение ВИЧ-инфекцией в случаях, когда лицо: заведомо знало, равно, как и не знало о своем заболевании; лицо занималось принуждением к половому акту и принуждением к половому акту детей, а также за изнасилование.

б) не использовано в качестве специального термина уголовного закона понятие «венерическое заболевание».

в) не регламентирована ответственность за преступное заражение венерическим заболеванием в виде самостоятельного состава.

Однако, несмотря на различия в законодательном подходе к регламентации в уголовном законе ответственности за преступное заражение ВИЧ-инфекцией во Вьетнаме и за преступное заражение ВИЧ-инфекцией и венерической болезнью в России, не следует российскому законодателю отвергать возможность использования опыта вьетнамского коллеги. К примеру, целесообразно более глубоко исследовать вопрос о возможности установления в УК РФ ответственности за преступное заражение ВИЧ-инфекцией в процессе изнасилования, совершенного в отношении детей или в процессе принудительного полового акта.

Литература:

1. Вьетнам рассчитывает втрое увеличить турпоток из России к 2014. // [Электронный ресурс] . URL: <http://www.tourprom.ru/news/16636/>. (дата обращения: 07.05.2012).

2. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка (онлайн версия). Заражать. // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Dal-term-9574.htm>. (дата обращения: 05.01.2013).

3. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный (онлайн версия). Распространять. // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Efremova-term-92369.htm>. (дата обращения: 05.01.2013).
4. Страны мира (статистика стран мира). ВИЧ/СПИД - коэффициент заболеваемости среди взрослого населения. // [Электронный ресурс]. URL: <http://iformatsiya.ru/tab1/716-vichspid-koefficient-zabolevaemosti-sredi-vzroslogo-naseleniya.html>. (дата обращения: 05.01.2013).
5. Страны мира (статистика стран мира). Распространенность заболеваемостью ВИЧ (СПИД). // [Электронный ресурс]. URL: <http://iformatsiya.ru/tab1/17-rasprostranennost-zabolevaemostyu-vich-spид.html>. (дата обращения: 05.01.2013).
6. Уголовный кодекс Российской Федерации (ред. от 04.03.2013) – Новосибирск: Норматика, 2013. – 191 с.
7. Уголовный кодекс Социалистической Республики Вьетнам. // [Электронный ресурс]. URL: http://www.wipo.int/clea/docs_new/pdf/en/vn/vn017en.pdf – в переводе автора. (дата обращения: 05.01.2013).

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СТРАН АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА В БОРЬБЕ С ЭКСТРЕМИЗМОМ

*© С.Б.Анданова
Россия, г. Улан-Удэ*

Межгосударственный характер экстремизма и его масштабы в современном мире обуславливают необходимость совершенствования системы противодействия и согласованности действий различных государств на долгосрочной основе.

Экстремизм стал реальной угрозой безопасности всего человечества, как по своим масштабам, так и по негативным последствиям. Как форма выражения ненависти, экстремизм формирует силу, способную повлиять на социально-экономическое и политическое развитие любого из государств, при этом его масштабы постоянно растут.

Возникает необходимость объединения усилий всего мирового сообщества в борьбе с новыми вызовами. Для успешной совместной борьбы с экстремизмом, при ограниченности возможностей правоохранительных органов отдельных стран, зажатых в рамках одного государства, необходимо в первую очередь создание эффективной правовой базы, позволяющей вести борьбу, а также выработка конкретных форм и программ совместных действий.

Разработка и реализация мер направленных на борьбу с экстремизмом должна проходить на универсальном, региональном и двустороннем уровнях.

На универсальном уровне все нормативные документы, программы, проекты, разрабатываемые и принимаемые компетентными международными организациями, направлены на установление наиболее общих причин и условий развития и существования экстремизма в современном мире.

На региональном уровне международное сотрудничество выражается в разработке и принятии такой правовой базы, которая бы позволяла осуществлять программы совместной борьбы правоохранительных органов, учитывая особенности и основные характеристики сопредельных государств и регионов.

Работа в двустороннем международном направлении включает в себя такие виды сотрудничества, как обмен данными о лицах, совершающих преступления, установление их местонахождения, обмен информацией о готовящихся преступлениях, а также о способах их совершения, обмен соответствующими специалистами, методиками и т.п.

В числе принципов борьбы с международным экстремизмом можно назвать следующее: принцип противодействия экстремизму на основах вовлечения в данный процесс всех органов государственной власти управления, институтов гражданского общества, общественных объединений; принцип толерантности; принцип сотрудничества, выраженный во взаимодействии стран-участников в рамках международных договоренностей и конкретных организаций; разработка новых соглашений. Принятие конкретных мероприятий по предотвращению экстремистской и террористической деятельности, включающих обмен информацией, координация совместных усилий, осуществление оперативно-розыскных мероприятий, оказание государствами друг другу уголовно-процессуальной помощи. Работа над спорными вопросами по толкованию и применению конвенции в области борьбы с терроризмом и экстремизмом.

основополагающим правовым документом в этом отношении признается Всеобщая декларация прав человека (принята и провозглашена резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи от 10

декабря 1948 года). Статья 1 содержит следующее положение «все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах». Статья 2 говорит о том, что «каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами, провозглашенными настоящей Декларацией, без какого бы то ни было различия, как то в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения» [1].

В Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1994 года. № 49/60 отмечается, что «Генеральная Ассамблея ... глубоко озабочена тем, что во многих регионах мира все чаще совершаются акты терроризма, в основе которых лежит нетерпимость или экстремизм» [2]. Однако само понятие экстремизма не раскрывается.

Анализируя документы, можно сделать вывод о том, что Организация Объединенных Наций связывает экстремизм с определенной идеологией и мотивацией деяний, вытекающих из данной идеологии, как определенное отношение к другим, лежащее в основе мотивации разнообразного поведения, в том числе и террористического [3, С. 65].

Вследствие распространения новых угроз в России начались многопрофильные реформы, направленные на борьбу с ним и включающие создание Концепции национальной безопасности, Доктрины информационной безопасности, Военной доктрины, Концепции государственной национальной политики.

Одним из многих важных результатов данной реформы стало принятие Федеральных законов от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» и Указа Президента России от 15 февраля 2006 г. № 116 «О мерах по противодействию терроризму». Данные акты заложили основы формирования эффективной общегосударственной системы противодействия терроризму в Российской Федерации.

Китайская Народная Республика также придает огромное значение борьбе с экстремизмом и терроризмом. В 2001 г. китайские аналитики определили основные угрозы внутренней безопасности как «три злых силы» - международный терроризм, национальный сепаратизм и религиозный экстремизм [7, С. 123]. В связи с повышением террористической активности на территории Китая активизировались и усилия властей по принятию законов, касающихся антитеррористической и экстремистской деятельности. Так, в декабре 2001 г. на 25-й сессии Постоянного комитета 9-го съезда народных депутатов была принята поправка № 3 к уголовному Кодексу КНР, согласно которой изменился и расширился список преступлений, относящихся к разделу террористических, был дополнен ряд постановлений и нормативных актов, касающихся антитеррористической деятельности.

При Министерстве общественной безопасности был создан Департамент по борьбе с терроризмом.

В июне 2004 г. при правительстве КНР была учреждена Государственная координационная группа по борьбе с терроризмом.

Анализ имеющихся исследований и материалов, связанных с деятельностью Российской Федерации и Китайской Народной Республики в сфере борьбы с этими угрозами, показывает, что она имеет несколько важных направлений.

Пожалуй, самым конкретным направлением подобной межгосударственной деятельности выступает антитеррористическое сотрудничество России и Китая в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), ориентированное прежде всего на стабилизацию обстановки в Центрально-азиатском регионе.

В апреле 1996 г. в Шанхае главы пяти государств (России, Китая, Казахстана, Киргизии и Таджикистана) подписали соглашение об укреплении доверия в военной области в районе границы – первое в АТР.

Как отмечает Е.Г. Моисеев «этот полномасштабный военно-политический документ создал гарантии укрепления безопасности, сохранения спокойствия и мира в районе границы, сделал совместный важный вклад в дело обеспечения стабильности, безопасности в АТР, стал примером для других государств региона» [5, С. 165]. В 2001 году лидерами Китая, России, Казахстана, Таджикистана, Киргизии и Узбекистана была основана Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), как региональная международная организация.

15 июня 2001 года была подписана Шанхайская Конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, которая определила главные направления и формы сотрудничества в этой области.

Конвенция направлена на регулирование взаимодействий правоохранительных ведомств и спецслужб государств-участников в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. В Конвенции содержится развернутое определение «экстремизма», под которым подразумевает какое-либо деяние, направленное на осуществление насильственного захвата власти, насильственное удержание власти или насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в указанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них, преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Сторон [6].

Как отмечает В.Г. Кирсанов определение, содержащееся в Шанхайской Конвенции, наглядно отличается от понимания экстремизма в документах ООН и является более емким, однако несет больше политический, чем юридический смысл [4, С. 129].

Ст.6 закрепляет меры направленные на борьбу с этими явлениями: обмен информацией, запросы о проведении оперативно-розыскных мероприятий, принятие мер по предотвращению, раскрытию и пресечению деяний, обозначенных в документе как «терроризм», «сепаратизм» и «экстремизм», обмен опытом работы в области предупреждения и пресечения соответствующих деяний.

Особенность антитеррористического взаимодействия России и Китая состоит не только в укреплении договорной базы, но и в институционализации этой сферы сотрудничества. Региональная антитеррористическая структура (РАТС) ШОС является постоянно действующим органом Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), призванной содействовать координации и взаимодействию соответствующих органов стран - членов ШОС в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом.

Именно совместная работа России и Китая, как двух ядерных держав, постоянных членов Совета Безопасности ООН обуславливает значимость и международный вес ШОС, как организации призванной вести борьбу с обозначенными угрозами, даже в более значимой мере, чем совокупный потенциал всех стран - членов этой международной организации.

Деятельность России и Китая, в качестве членов ШОС, в которой им принадлежит самая активная роль, стала существенным вкладом обеих стран в международные усилия по противодействию терроризму и экстремизму. Благодаря этой деятельности за прошедшие годы ШОС создала прочую базу для тесного сотрудничества в области безопасности, центральным звеном которого является борьба с международным терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, и понимания того, что эффективно противостоять указанным вызовам и угрозам – прерогатива и ответственность расположенных в данном регионе государств.

Именно сотрудничество России и Китая в рамках Шанхайской организации сотрудничества создают хорошие перспективы для развития и становления данной организации в качестве наиболее жизнеспособной международной структуры в Евразии.

Шанхайская организация сотрудничества является первым, но не единственным направлением межгосударственного взаимодействия России и Китая в сфере борьбы с международным терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом.

Следующее направление связано с обсуждением и решением актуальных международных проблем, в том числе проблем международного терроризма и экстремизма в рамках ООН.

Также среди направлений взаимодействия будут:

- встречи на высшем уровне, носящие регулярный характер;
- военное взаимодействие стран и правоохранительных органов с целью обеспечения общей безопасности и реализации мер доверия в этой сфере.
- регулярные консультации по линии министерств иностранных дел по вопросам поддержания региональной безопасности, урегулирования международных проблем.

В целом говоря о международном сотрудничестве по противодействию терроризму между Россией и Китаем, следует констатировать, что к настоящему времени, каркас регионального сотрудничества в этом направлении в основном определен. Сегодня речь идет о наполнении данных форм сотрудничества конкретным содержанием, и главное, их последовательной практической реализации.

Таким образом, рассматриваемое сотрудничество России и Китая выявляется, прежде всего, в поддержании тесного взаимодействия и координации в рамках ООН, укреплении ШОС, активизации взаимодействия в рамках двухсторонних диалоговых структур, проведении широких консультаций

друг с другом по актуальным международным вопросам в сфере противодействия терроризму и экстремизму.

Литература:

1. Всеобщая декларация прав человека // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/>.
2. Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/>.
3. Долгова А.И. Терроризм, экстремизм и их взаимосвязь с организованной преступностью // Оперативно-розыскные меры по борьбе с организованными группами и преступными сообществами экстремистской и террористической направленности: Материалы международной научно-практической конференции (Москва, 28 октября 2010 г.) / Под ред. С.И. Гирько. - М.: ФГУ «ВНИИ МВД России», 2011. – С. 65-68.
4. Кирсанов В.Г. Шанхайская Организация сотрудничества: правовые аспекты развития региональных антитеррористических институтов // Журнал российского права. – 2004. № 3. - С. 129-137.
5. Моисеев Е.Г. Россия в современном мире: международно-правовые и внешнеполитические аспекты. Кн.1. - М.: Книга и бизнес, 2002. – 376с.
6. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/>.
7. Чуфрин Г.И. Проблемы национальной безопасности во внешней политике Китая. – М.: Наука, 2005.

УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В ОТДЕЛЬНЫХ СТРАНАХ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

© *С.И. Вейберт*
Россия, г. Екатеринбург

Именно коррупция в государственных органах признается ведущими учеными – правоведами всего мира в качестве наиболее опасной формы совершения коррупционных правонарушений, так как именно она непосредственным образом влечет за собой подрыв авторитета государственной службы и ведет к дезорганизации управленческой деятельности, ущемлению прав и законных интересов граждан, подрыву доверия населения к власти. Среди наиболее острых социальных проблем, стоящих перед современной Россией, также приоритетное место занимает коррупция, особенно в посткризисное время. «Мировой финансовый кризис, безусловно, не способствует снижению преступности, создавая проблемы социального порядка. В этой связи необходимо выявлять и пресекать любые коррупционные проявления в этой сфере. Наживаться на кризисе вдвойне преступно», - заявил Дмитрий Медведев на заседании коллегии ФСБ 29 января 2009 г. [11].

По итогам анализа данных 2012 года Россия занимает 133-е место в рейтинге TransparencyInternational (что свидетельствует о высочайшем уровне коррупции), первое место по склонности бизнесменов давать взятки при ведении дел за границей [13]. В данной работе считаем целесообразным изучение опыта стран, отличающихся достаточно эффективной политикой противодействия коррупционным преступлениям, а также низким уровнем коррупции [14]. Наименее пораженными коррупционными явлениями в соответствии с указанным рейтингом TransparencyInternational являются Новая Зеландия, Сингапур, Австралия и США, занимающие первое, пятое, седьмое и 19 места в рейтинге соответственно. Данные страны входят в группу стран Азиатско-Тихоокеанского региона и показывают интересные подходы к противодействию коррупции, а также демонстрируют эффективность применяемых мер.

Прежде чем остановиться на основных подходах уголовной политики по противодействию коррупции, применяемых указанными странами Азиатско-Тихоокеанского региона, считаем необходимым, отметить достаточную разработанность законодательства в сфере противодействия коррупции. В том числе указать на значительное внимание, оказываемое реализации положений международно-правовых актов. Таких как, например, Конвенция ООН против коррупции 2003 года [1], Конвенция Организации экономического сотрудничества и развития «О борьбе с подкупом иностранных публичных должностных лиц в международных коммерческих отношениях» (OECD Convention on Combating Bribery of Foreign Public Officials in International Business Transactions) от 21 ноября 1997 года [2], Межамериканская конвенция против коррупции (Inter-American Convention on Corruption) от 29 марта 1996 года [3]. Относительно разработанного

законодательства в сфере противодействия коррупции, следует указать на сочетание нормативных предписаний уголовно-правового характера. Речь идет, прежде всего, о нормативных предписаниях Уголовного кодекса Австралии [8], Уголовном кодексе Сингапура [9], Законе Сингапура по обеспечению более действенного предупреждения коррупции 1993 года [7], главе 11 «Подкуп, незаконные доходы и конфликт интересов» титула 18 Свода законов США (US Code) [5]. Указанные предписания формулируют составы преступлений коррупционного характера и «позитивного законодательства, регулирующего деятельность государственных служащих и содержащего основные положения, регламентирующие организацию управленческой деятельности».

К «позитивному» законодательству в сфере противодействия коррупции можно отнести, прежде всего, следующие нормативно-правовые акты: Акт об иностранной коррупционной практике США 1977 года (Foreign Corrupt Practices Act) [4], Закон Сингапура по обеспечению более действенного предупреждения коррупции 1993 года [7], Закон Австралии о публичной службе 1999 года [6].

Необходимо отметить существующее в странах Азиатско-Тихоокеанского региона разумное и оптимальное соотношение между количеством запретов, существующих в сфере государственного устройства и порядка деятельности государственных служащих, и общественным регулированием ряда аспектов взаимодействия лиц, потенциально имеющих возможность совершить коррупционное правонарушение, и субъектами и институтами гражданского общества. «Урегулированность» некоторых аспектов деятельности государственных служащих, наблюдавшаяся в России, осложняет порядок деятельности, прежде всего, самого государственного служащего, вынуждая соблюдать множественные «императивы» и создавая определенную напряженность.

По итогам изучения основ уголовной политики в сфере противодействия коррупции в указанных странах Азиатско-Тихоокеанского региона была предпринята попытка выделить некие общие аспекты противодействия коррупции. Однако автор настоящего исследования пришел к выводу о необходимости использования другого подхода к исследованию и последовательно остановиться на основных положениях уголовной политики каждой из стран, так как устройство, организация и предпринимаемые меры по противодействию коррупции слишком отличаются в каждой из стран. Отметим, что в связи с небольшими объемами исследования, далее будут отражены некоторые из основных позиций, отражающих подходы рассматриваемых стран Азиатско-Тихоокеанского региона в сфере противодействия коррупции.

Уголовная политика США отличается следующими особенностями:

1. Наличие большого количества структурных подразделений, занимающихся противодействием коррупции. Многие исследователи отмечают «распыление» полномочий и компетенции в рамках разных органов, однако власти США считают это способом ухода от монополизации полномочий «в одних руках», и связанной с этим коррумпированности.

2. Защита осведомителей о фактах коррупции. Проводится на основе Федерального закона 1989 года о защите осведомителей [10], в котором прописана обязанность соответствующих органов власти защищать определенные категории лиц, сообщающих о фактах коррупционной направленности, на основе приема сигналов о недобросовестной кадровой практике, расследовать факты и проводить по ним судебное разбирательство. Отметим, что сообщения о фактах коррупции оплачиваются, что является немаловажным фактором при противодействии коррупции, побуждающим рядовых граждан участвовать в такой форме.

3. Законодательная определенность и стандартизация служебного поведения государственных служащих, подробное определение характера и правил служебного поведения, с учетом коррупционных рисков – в зависимости от характера исполняемых обязанностей и основных функций государственного органа и конкретного государственного служащего.

4. Открытость государственной службы, выражающаяся, среди прочего, в обязанности государственных служащих предоставлять информацию о своей деятельности населению, общественным организациям и отдельным гражданам, например, путем присутствия на коллегиальных открытых собраниях.

Уголовная политика Новой Зеландии построена на следующих основных аспектах противодействия коррупции:

1. Ключевым в сфере противодействия коррупции в Новой Зеландии считается повышение качества управления в целом, что неизбежно должно привести к минимизации коррупции. Одним из немаловажных факторов эффективности государственного управления выступает этическая культура.

Поддержание и укрепление общей культуры, в которой неэтичным является определенное поведение, неприемлемое в обществе. Можно издавать руководящие принципы и кодексы поведения, но это не означает, что они обязательно будут соблюдены. Это будет зависеть от более широкой этической культуры. Поэтому при исследовании факторов коррупции необходимо выявлять не только уровень понимания того, что является приемлемым поведением среди политиков, общественности и в частном секторе, но и уровень приверженности соблюдению этого поведения.

2. Также повышения качества управления Новая Зеландия добивается путем повышения престижа государственной службы при помощи внедрения в методы организации и построения государственной службы принципов кадрового менеджмента и корпоративного управления, среди которых можно особо выделить следующие: установление оплаты труда и финансирования государственного органа в зависимости от успешности выполнения им поставленных задач; установление денежного содержания государственных служащих в размере, превышающим размер оплаты труда на схожей должности в коммерческом предприятии, что позволяет увеличить приток профессиональных кадров; возможность заниматься предпринимательской деятельностью, с разрешения руководителя и при отсутствии конфликта интересов; доступность государственных услуг для населения.

3. Существует также необходимость введения законодательных требований к большей прозрачности и объективности назначений в руководящих структурах государственных органов. На высокопоставленных чиновников должны распространяться такие требования, как, например, формирование и ведение реестра получаемых подарков, уточнение сроков ограничений по совмещению должности государственной службы и осуществления деятельности в рамках других организаций.

В заключение необходимо отметить, что те основные элементы уголовной политики, которые выделены по итогам анализа мер противодействия коррупции в Новой Зеландии, при сравнении с существующими в Российской Федерации, могут показаться довольно абстрактными и неразработанными. Однако ключевое отличие состоит в том, что в Новой Зеландии принимаемые, пусть и немногочисленные и зачастую неподкрепленные механизмами реализации, нормативные предписания относительно функционирования и работы государственного сектора, отражают лишь сложившиеся в обществе этические нормы и принципы, принятые и обществом в целом, и лицами, осуществляющими государственное управление, в частности.

Самым жизнеутверждающим примером победы над коррупцией является опыт Сингапура. Сингапур сегодня – это одна из наименее коррумпированных стран не только в Азии, но и в мире. Отметим, что в момент обретения независимости в 1965 году, Сингапур был страной с очень высоким уровнем коррупции [12]. Сегодня коррупция в этой стране выступает в качестве «факта» жизни, а не «образа жизни», «случайной», а не «системной». Чем же отличается уголовная политика Сингапура по противодействию коррупции:

1. Сильный акцент в политике Сингапура делается на расследование и уголовное преследование дел о коррупции. Они проводятся независимо и «без страха», Бюро по расследованию случаев коррупции (БРК), подразделениями Генерального прокурора и судом, при том, что каждый орган профессионально выполняет свои функции. Это подтверждается количеством дел, в которых в качестве обвиняемых выступают политические лидеры и члены парламента от правящей партии.

2. При отсутствии единого плана противодействия коррупции, создана «впечатляющая» нормативная база, закрепляющая стандарты поведения и этические принципы. Параметры и стандарты поведения, исключающие совершение коррупционных актов, закрепляются в отдельных законах Сингапура, на уровне управления и административных процессов, а также в рамках подготовки государственных служащих.

3. Открытость экономики для прямых иностранных инвестиций и транснациональных корпораций, а также деятельность государственных «связанных» компаний также служат основой противодействия коррупции.

4. Национальное развитие в целом, и противодействие коррупции, в частности, осуществляются без активного привлечения к этой деятельности гражданского общества или СМИ, или сильной политической конкуренции между партиями за власть, хотя перечисленные институты обычно считаются важными и необходимыми в противодействии коррупции.

Таковы в кратком изложении важнейшие элементы антикоррупционной стратегии Сингапура. Её нельзя копировать в нашей стране, но её изучение и творческая адаптация к российским условиям могли бы способствовать существенному снижению уровня коррупции в России.

Австралийские особенности уголовной политики в сфере противодействия коррупции и построении оптимальной системы государственного управления заключаются в следующем:

1. Стремление к созданию аполитичной государственной службы, что является эффективным и действенным в служении правительства, парламента и австралийской общественности.

2. Интересная мера, внедренная в Австралии, заключается в том, что если работник получает вознаграждение за исполнение обязанностей в качестве работника APS, от лиц иностранного государства, то руководитель государственного органа может письменно уведомить работника о необходимости передачи всего вознаграждения, или его части, в пользу государственного органа. Также данное незаконное вознаграждение может быть конфисковано по решению суда. Те же правила распространяются и на руководителей государственных органов.

3. В Австралии имеется возможность применения множества следственных действий в случаях взяточничества, начиная от запросов документов и информации, заканчивая такими специальными методами расследования, как тайное наблюдение и агентурные операции.

Сегодня отдельные страны Азиатско-Тихоокеанского региона в области противодействия коррупции показывают впечатляющие результаты. Это связано, прежде всего, с оздоровлением экономики в целом, реформированием государственной службы и изменением подходов в формировании «целостности» государственного устройства. Например, для борьбы с коррупцией в Новой Зеландии применяются управленческие методы, проведена административная реформа, целью которой является привлечение лиц, работающих в коммерческих компаниях в государственные органы, а также разрешительная процедура занятия предпринимательской деятельностью наряду с государственной службой.

Таким образом, исследовав основные особенности уголовной политики и законодательства зарубежных стран в сфере противодействия коррупции, необходимо признать, что Россия нуждается в более широком изучении опыта других государств по противодействию коррупции. Рассмотренные страны показали интересные подходы к противодействию коррупции, а также продемонстрировали эффективность применяемых мер. Однако, выявляя опыт зарубежных стран, необходимо, прежде всего, оценивать, какие меры предпринимаются, с целью возможной их адаптации к российским условиям, либо выработки на их основе чего-то совершенно нового.

Литература:

1. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции 2003 года. Принята в Нью-Йорке 31.10.2003 г. резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Конвенция вступила в силу 14.12.2005 г. Россия подписала Конвенцию 09.12.2003 г. (Распоряжение Президента РФ от 06.12.2003 г. № 581-рп), ратифицировала с заявлениями (Федеральный закон от 08.03.2006 № 40-ФЗ). Конвенция вступила в силу для России 08.06.2006 г. // Собрание законодательства РФ от 26.06.2006 г. № 26. Ст. 2780.

2. Конвенция Организации экономического сотрудничества и развития «О борьбе с подкупом иностранных публичных должностных лиц в международных коммерческих отношениях» от 21 ноября 1997 года [электронный ресурс]. Вступила в силу 15 февраля 1999 года. URL:<http://www.oecd.org/daf/anti-bribery/anti-briberyconvention/>, свободный. - Загл. с экрана. - Яз. англ. — Перевод автора. (дата обращения: 23.03.2013).

3. Межамериканская конвенция против коррупции от 29 марта 1996 года (г. Каракас, Венесуэла) [электронный ресурс]. Вступила в силу 6 марта 1997 года. Общая характеристика Конвенции. URL: <http://www.council.gov.ru/files/journalsf/item/20110603131532.000000.pdf>, свободный. - Загл. с экрана. - Яз. русс. (дата обращения: 23.03.2013).

4. Акт об иностранной коррупционной практике 1977 г. [электронный ресурс]. Сайт Министерства Юстиции США. URL:<http://www.justice.gov/criminal/fraud/fcpa/>, свободный. - Загл. с экрана. - Яз. англ. — Перевод автора. (дата обращения: 26.03.2013).
5. Свод законов США [электронный ресурс]. Сайт Юридической школы Университета Корнелла. URL:<http://www4.law.cornell.edu/uscode/18/201.html>, свободный. - Загл. с экрана. - Яз. англ. — Перевод автора. (дата обращения: 25.03.2013).
6. Act to provide for the establishment and management of the Australian Public Service, and for other purposes (Public Service Act 1999) [электронный ресурс]. This compilation was prepared on 21 March 2012 taking into account amendments up to Act No. 75 of 2011. URL: <http://www.oecd.org/> (дата обращения: 27.03.2013).
7. Act to provide for the more effectual prevention of corruption (Prevention of Corruption Act) [электронный ресурс]. Cap 241, 1993 Rev Ed. The closest version currently available is that of 01/03/2012. URL: <http://www.oecd.org/> (дата обращения: 18.03.2013).
8. Criminal Code Act 1995 [электронный ресурс]. Date of Assent 15 Mar 1995. Act No. 12 of 1995. Date Prepared 20/Mar/2013. URL: <http://www.comlaw.gov.au/Series/C2004A04868> (дата обращения: 14.03.2013).
9. Penal Code Singapore [электронный ресурс]. Original Enactment: Ordinance 4 of 1871. Revised edition 30th November 2008. The closest version currently available is that of 01/01/2013. URL: <http://statutes.agc.gov.sg/>, свободный. Заглавие с экрана. Яз. англ. Перевод автора. (дата обращения: 18.03.2013).
10. Whistleblower Protection Act of 1989 [электронный ресурс]. The Library of Congress. URL: <http://thomas.loc.gov/cgi-bin/query/z?c101:S.20.ENR>: (дата обращения: 28.03.2013).
11. Выступление Д.А. Медведева на расширенном заседании коллегии Федеральной службы безопасности [электронный ресурс]. URL: http://archive.kremlin.ru/appears/2009/01/29/1425_type63378_212235.shtml (дата обращения: 20.03.2013).
12. Интервью с Уткиным А. Шведский или сингапурский вариант? [электронный ресурс]. Официальный сайт Российской газеты. URL: <http://www.rg.ru/2008/06/05/medvedev-korrupcia.html>, свободный. Загл. с экрана. - Яз. Рус. (дата обращения: 12.03.2013).
13. Отчет по уровню коррупции в мире. Сайт Transparency International [электронный ресурс]. URL: <http://www.transparency.org> (дата обращения: 25.03.2013).
14. Рейтинг стран мира по уровню коррупциогенности в 2012 г. по данным Транспаренси Интернешнл. Сайт Transparency International [электронный ресурс]. URL: <http://www.transparency.org> (дата обращения: 20.03.2013).

КОНТРАБАНДА ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ И КИТАЯ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

© В.А. Лютов
Россия, г. Чита

В большинстве стран современного мира контрабанда по праву признана одним из самых опасных видов преступной деятельности. Это не случайно, так как контрабанда наносит наибольший ущерб экономическим интересам любой страны, в том числе России и Китая. Исторически, контрабанда, как преступное деяние, появилась с момента появления государственных и таможенных границ. В настоящее время, принято считать, что контрабанда существует практически во всех государствах. Во всех странах существует перечень предметов, перемещение которых через границу запрещено или ограничено. Соответственно, необходимость их перемещения порождает появление такого явления как контрабанда. Практика борьбы с контрабандой показывает, что искоренить данное преступление не удастся ни одному государству. Однако, предпринимать меры юридического, экономического характера для минимизации этого преступления необходимо для любого государства, являющегося правовым.

Федеральным законом Российской Федерации от 07 декабря 2011 года № 420-ФЗ внесены изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации [1] (далее по тексту УК РФ), согласно которым статья 188 УК РФ – контрабанда, признана утратившей силу. Одновременно, в главу 24 УК РФ «Преступления против общественной безопасности» введена статья 226¹ УК РФ, устанавливающая ответственность за контрабанду сильнодействующих, ядовитых, отравляющих, взрывчатых, радиоактивных веществ, радиационных источников, ядерных материалов, огнестрельного оружия или его основных частей, взрывных устройств, боеприпасов, оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а также материалов и оборудования, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а равно стратегически

важных товаров и ресурсов или культурных ценностей, а глава 25 УК РФ «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности» введена статья 229¹ УК РФ² [2], предусматривающая ответственность за контрабанду наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов, растений, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, либо их частей, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, инструментов или оборудования, находящихся под специальным контролем и используемых для изготовления наркотических средств или психотропных веществ. До внесения соответствующих изменений, контрабанда в уголовном законодательстве России рассматривалась как преступление в сфере экономической деятельности. Подобная законодательная позиция объяснялась тем, что предметом контрабанды являлись в первую очередь, обычные товары, незаконное перемещение которых через таможенную границу рассматривалось, как посягательство на монополию внешней торговли, а затем – на порядок перемещения товаров через государственную (таможенную) границу. Наряду с обычными товарами к предметам контрабанды относились и предметы, оборот которых был запрещен или ограничен.

Таким образом, российский законодатель выделил из одного состава преступления контрабанды, ранее предусмотренного ст.188 УК РФ два самостоятельных состава преступлений, исходя из предмета преступного посягательства.

С принятием Федерального закона от 7 декабря 2011г. № 420-ФЗ, была декриминализована контрабанда обычных товаров, а также внесены изменения, касающиеся инструментов и оборудования, находящихся под специальным контролем. Если раньше предметами контрабанды признавались инструменты и оборудование, предназначенные для производства и изготовления наркотических средств и психотропных веществ, то теперь – только для изготовления.

В настоящее время предметами преступлений, предусмотренных ст. 226¹ и ст. 229¹ УК РФ, являются только такие предметы, оборот которых запрещен или в отношении которых установлены специальные правила оборота.

В Уголовном кодексе КНР (далее по тексту УК КНР)[3], ответственность за контрабанду предусмотрена в главе 3 УК КНР «Преступления против социалистического рыночного экономического порядка». Данная глава объединяет семь статей в параграфе 2 УК КНР:

- статья 151 УК КНР контрабанда оружия, боеприпасов, ядерных материалов или фальшивой валюты;

- статья 152 УК КНР контрабанда с целью извлечения прибыли или распространения порнографических кинофильмов, видеокассет, аудиокассет, картинок, печатной продукции и иных порнографических материалов;

- статья 153 УК КНР контрабанда иных товаров и предметов, в зависимости от тяжести сопутствующих обстоятельств;

- статья 154 УК КНР перечисляет контрабандные действия на основании данного параграфа (самовольная реализация на внутреннем рынке с целью получения прибыли без санкции таможенных органов и без доплаты соответствующей суммы налогов утвержденных к ввозу в страну с применением льготного налогообложения давальческого сырья, деталей для комплектации и сборки, являющихся предметом компенсационной торговли сырьем, запчастями, изделиями, оборудованием; самовольная реализация на внутреннем рынке с целью получения прибыли без санкции таможенных органов и без доплаты соответствующей суммы налогов импортных товаров и предметов, в отношении которых было применено налогообложение по пониженной ставке или которые были освобождены от налогообложения);

- статья 155 УК КНР перечисляет действия (незаконное приобретение непосредственно у контрабандиста товаров, запрещенных государством к ввозу в страну, или незаконное приобретение непосредственно у контрабандиста иных контрабандно ввезенных в страну товаров и предметов в сравнительно крупных размерах; перевозка, покупка, перепродажа во внутренних морях и территориальных водах продукции, запрещенной государством к ввозу и вывозу из страны, или перевозка, покупка, перепродажа в сравнительно крупных размерах без наличия законного разрешения товаров и предметов, ввоз и вывоз из страны которых государством ограничен; ввоз из-за границы на территорию страны твердых отходов без проверки таможенных органов). и данные действия квалифицируются как контрабанда;

- статья 156 УК КНР сговор с контрабандистом, предоставление ему кредита, денежных средств, номера счета, чека, свидетельства или оказание ему транспортных услуг, услуг по хранению и почтовой пересылке рассматриваются как участие в групповой контрабанде;

- статья 157 УК КНР вооруженное прикрытие контрабанды.

Исходя из выше изложенного, мы приходим к выводу, что китайский законодатель, более детально разграничил рассматриваемый состав преступлений.

Новеллой УК РФ стало то, что уголовная ответственность наступает за незаконное перемещение предметов указанных в ст.ст. 226¹, 229¹ УК РФ через таможенную границу Таможенного союза в рамках Евразийского экономического сообщества (далее ЕврАзЭС), или государственную границу Российской Федерации с государствами - членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС. Данные изменения в российском уголовном законодательстве связаны, в связи с принятием федерального закона от 2 июня 2010 г. № 114 – ФЗ «О ратификации Договора о Таможенном кодексе таможенного союза»[4].

Объективная сторона контрабанды заключается в незаконном перемещении предметов указанных в диспозициях статей 226¹ и 229¹ УК РФ: 1) через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС либо 2) Государственную границу Российской Федерации с государствами – членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС. Напомним, что в соответствии с Договором от 06 октября 2007 года «О создании единой территории и формировании таможенного союза» в Таможенный союз в рамках ЕврАзЭС входят государства-члены Таможенного союза: Республика Беларусь, Республика Казахстан, Российская Федерация. В статье 1 данного договора упоминается о том, что «таможенный союз» - форма торгово-экономической интеграции Сторон, предусматривающая единую таможенную территорию, в пределах которой во взаимной торговле товарами, происходящими с единой таможенной территории, а также происходящими из третьих стран. При этом стороны применяют единый таможенный тариф и другие меры регулирования торговли товарами с третьими странами – государствами, не являющиеся участниками Договора. Диспозиция ст. 226¹ и 229¹ УК РФ требуют разъяснения для обеспечения единообразного правопонимания. Например, вызывает неоднозначное понимание использование в диспозициях данных статей словосочетаний «в рамках ЕврАзЭС». Согласно ст. 2 Таможенного кодекса Таможенного Союза (ТКТС), таможенную территорию Таможенного Союза в рамках ЕврАзЭС, составляют территории Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации, а также находящиеся за пределами территорий государств – членов Таможенного союза искусственные острова, установки, сооружения и иные объекты, в отношении которых государства – члены Таможенного союза обладают исключительной юрисдикцией.

Исходя из вышеизложенного, на наш взгляд, требуется изменить толкование, используемое в ст. 226¹ и 229¹ УК РФ, путем определения контрабанды как незаконного перемещения через таможенную границу Таможенного союза в рамках Евразийского экономического сообщества либо государственную границу Российской Федерации с государствами - членами Таможенного союза в рамках ЕвразЭС.

Кроме того, не ясным остается вопрос о перечне наркотических средств и психотропных веществ, их прекурсоров, сильнодействующих и ядовитых веществ для целей ст. 226¹ и 229¹ УК РФ, которые устанавливаются постановлениями Правительства Российской Федерации. В Республиках Беларусь и Казахстан действуют свои перечни указанных предметов, которые не совпадают с российскими перечнями. Например, в России по ст. 229¹ УК РФ расследуется состав контрабанды на российско-китайской границе. При этом, согласно российскому перечню сильнодействующее вещество признается, а по казахстанскому – не признается.

Указанная коллизия видится в принятии единого перечня наркотических средств и психотропных веществ, их прекурсоров, сильнодействующих и ядовитых веществ и других предметов для всех трех республик – членов Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС.

Далее, проанализируем особенности привлечения к уголовной ответственности за контрабанду по УК РФ и УК КНР.

Таблица 1

Ст. 226 ¹ УК РФ	Ст.151 УК КНР
<p>Часть первая Незаконное перемещение – наказывается лишением свободы на срок от трех до семи лет</p>	<p>Преступления в частях первой и второй статьи 151, при особо отягчающих обстоятельствах, - наказывается бессрочным лишением свободы или смертной казнью, а также конфискацией имущества</p>

<p>Часть вторая (п. «а») Незаконное перемещение, совершенное должностным лицом и использованием своего служебного положения, - наказывается лишением свободы на срок от пяти до десяти лет</p>	<p>Ст. 152 УК КНР При отягчающих обстоятельствах, - наказывается лишением свободы на срок свыше 10 лет или бессрочным лишением свободы и конфискацией имущества</p>
<p>Часть вторая (п. «б») Незаконное перемещение, совершенное с применением насилия к лицу, осуществляющему таможенный контроль, - наказывается лишением свободы на срок от пяти до десяти лет</p>	<p>Ст. 153 УК КНР При особо отягчающих обстоятельствах наказывается - лишением свободы на срок свыше 10 лет или бессрочным лишением свободы, а также штрафом от 1-кратного до 5-кратного размера сокрытых от уплаты налогов или конфискацией имущества</p>
<p>Часть третья Незаконное перемещение, совершенное организованной группой, - наказывается лишением свободы на срок от семи до двенадцати лет</p>	<p>Ст. 154 УК КНР Контрабандные действия на основании данного параграфа квалифицируются как преступления и наказываются в соответствии со статьей 153 УК КНР</p>
<p>Ст. 229¹ УК РФ</p>	<p>Ст.155 УК КНР Незаконное приобретение непосредственно у контрабандиста товаров, запрещенных государством к ввозу в страну, или незаконное приобретение непосредственно у контрабандиста иных контрабандно ввезенных в страну товаров и предметов в сравнительно крупных размерах; перевозка, покупка, перепродажа во внутренних морях и территориальных водах продукции, запрещенной государством к ввозу и вывозу из страны, или перевозка, покупка, перепродажа в сравнительно крупных размерах без наличия законного разрешения товаров и предметов, ввоз и вывоз из страны которых государством ограничен; ввоз из-за границы на территорию страны твердых отходов без проверки таможенных органов. Данные действия квалифицируются как контрабанда, наказание за их совершение устанавливаются на основании соответствующих статей параграфа 2 УК КНР</p>
<p>Часть первая Незаконное перемещение – наказывается лишением свободы на срок от трех до семи лет</p>	<p>Ст. 157 УК КНР Вооруженное прикрытие контрабанды – наказывается самыми суровыми из мер наказания, предусмотренных частями первой и четвертой статьи 151 УК КНР</p>
<p>Часть вторая (п. «а») Незаконное перемещение, совершенное группой лиц по предварительному сговору, - наказывается лишением свободы на срок от пяти до десяти лет</p>	
<p>Часть вторая (п. «б») Незаконное перемещение, совершенное должностным лицом и использованием своего служебного положения, - наказывается лишением свободы на срок от пяти до десяти лет</p>	
<p>Часть вторая (п. «в») Незаконное перемещение, совершенное в значительном размере, - наказывается лишением свободы на срок от пяти до десяти лет</p>	
<p>Часть третья Незаконное перемещение, совершенное в особо крупном размере, - наказывается лишением свободы на срок от десяти до двадцати лет</p>	

<p>Часть четвертая (п. «а») Незаконное перемещение, совершенное организованной группой, - наказывается лишением свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет</p>	
<p>Часть четвертая (п. «б») Незаконное перемещение, совершенное в особо крупном размере, - наказывается лишением свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет</p>	
<p>Часть четвертая (п. «в») Незаконное перемещение, совершенное с применением насилия к лицу, осуществляющему таможенный или пограничный контроль, - наказывается лишением свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет</p>	

Из приведенных выше данных следует, что уголовная ответственность за контрабанду в Китае является более жесткой, чем в России.

Так, по данным официального китайского информационного агентства «Синьхуа» 18 мая 2012 года - Народный суд средней ступени города Сямэнь (провинция Фуцзянь, Восточный Китай) приговорил Лай Чансина к пожизненному тюремному заключению, пожизненному лишению политических прав и конфискации всего личного имущества за контрабанду товаров и подкуп госслужащих. Суд установил, что с 1991 года подсудимый Лай Чансин путем открытия компаний в Сянгане и Сямэне создавал опорные пункты, выбирал и вербовал соучастников, в итоге была сформирована преступная группировка во главе с ним, занимавшаяся контрабандой. С декабря 1995 года по май 1999 года данная группировка занималась контрабандой огромных партий сигарет, автомобилей, нефтепродуктов, растительного масла, сырья химической и текстильной промышленности и других товаров общей стоимостью 27,395 млрд. юаней (1 долл. США - 6,32 юаня), в результате преступная группировка уклонилась от уплаты налогов на общую сумму 13,999 млрд. юаней. В 1991-1999 гг. Лай Чансин лично или через членов группировки дал 64 госслужащим взятки в виде денег, квартир, автомобилей и иного имущества общей стоимостью 39,1289 млн. юаней. Как сообщил представитель соответствующего ведомства, со второй декады августа 1999 года по конец апреля 2001 года по решению ЦК КПК и Госсовета КНР судебные и правоохранительные органы страны произвели строгое расследование контрабандной деятельности, совершенной Лай Чансином и его соучастниками в таможенной зоне Сямэня, что в полной мере продемонстрировало решимость ЦК КПК и Госсовета КНР бороться с контрабандой и коррупцией. Целенаправленная деятельность по борьбе с контрабандой и коррупцией позволила нанести сильный удар по контрабанде и другим видам экономических преступлений, обеспечить экономический порядок в Сямэне и соседних с ним районах, а также содействовать местному экономическому развитию и защите социальной стабильности. Однако, продолжил данный представитель, в 1999 году Лай Чансин скрылся в Канаде, чтобы избежать судебного наказания. В результате упорных усилий китайской стороны Лай Чансин был экстрагирован в Китай, затем судебные и таможенные органы приступили к открытому разбирательству дела в отношении него, всесторонне разоблачили совершенные им преступления и серьезно наказали подсудимого, что еще раз отразило твердую решимость китайского правительства нанести удар по контрабанде и коррупции [5].

Подводя итог вышеизложенному, нужно подчеркнуть, что уголовное законодательство Российской Федерации, касающиеся таких составов преступлений, как контрабанда нуждается в дальнейшем совершенствовании, и требуют дополнительного толкования. На наш взгляд, российскому законодателю следует разрешить указанные проблемы и заимствовать уголовное законодательство Китайской Народной Республики в сфере противодействия такого преступления как контрабанда.

Литература:

1. Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420 – ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 50. Ст.7362.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63 – ФЗ (ред. от 04.03.2013 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации 17.06.1996. № 25. Ст.2954.

3. Уголовный кодекс КНР 1997 г // [Электронный ресурс] // URL: <http://www.asia-business.ru>. (дата обращения 01 марта 2013 г.)
4. Договор о Таможенном кодексе Таможенного союза (Минск, 27 ноября 2009 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 50. Ст. 6615.
5. Официальное китайское информагенство «Синьхуа» // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ussian.xinhuanet.com>. (дата обращения 01 марта 2013 г.)

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА ПРОДОЛЖАЕМЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В РОССИИ И ЯПОНИИ

©О.С.Одоев
Россия, г. Улан-Удэ

Ни для кого не секрет, что юридическая квалификация характеризуется разнородностью содержания и специфичностью процесса сопоставления фактических обстоятельств содеянного норме уголовного закона, что детерминирует возникновение проблем как теоретического, так практического значения.

В данной связи следует замечание, что в теории уголовного права сложилась позиция о том, что все преступления, квалифицируемые по одной статье уголовного закона, классифицируются на простые и сложные. При этом, под простым обычно понимается преступление, совершённое одним деянием с одной формой вины и образующее один состав. Сложное же преступление, именуется таковым вследствие специфичности и сложности содержания их объективной стороны.

Указанный постулат как в отечественной, так и в зарубежной науке уголовного права можно признать устоявшимся. Тем не менее, по ряду принципиальных положений, как в теории, так и в правоприменительной практике консенсуса достичь не удаётся. К примеру, ряд авторов полагает, что рассматриваемые преступления называются единичными, другие - единичными. Не вдаваясь в дискуссию по этому поводу, отметим, что категория «единичное», по нашему мнению, в наиболее полном виде и с наибольшей детализацией раскрывает юридическую природу данного института. Также отсутствует единодушие в вопросе о дифференциации сложных преступлений в зависимости от структуры объективной стороны (в литературе выделяется до семи видов единичных сложных преступлений). По данному вопросу существуют и иные проблемы, носящие дискуссионный характер.

Между тем, всё многообразие взглядов на данную проблематику, как нам представляется, детерминировано факторами объективного и субъективного характера. При этом думается, что и объективные и субъективные факторы связаны в первую очередь с авторскими трактовками норм уголовного закона, положения которого зачастую не отвечают требованиям объективной действительности. Однако необходимо согласиться с Т.Б. Басовой в том, что сравнительное изучение уголовно-правовых систем разных стран дает возможность совершенствовать национальное законодательство [1, С. 48].

В данной связи интересным представляется исследование правовопорядков в государствах, относимых к различным правовым семьям и развивающихся на параллельных курсах. В рамках поставленной задачи целесообразным видится анализ доктринальных разработок и законодательства Российской Федерации, как страны-представителя континентальной правовой семьи и Японии, как страны общинного права.

Рассматривая поставленную проблему необходимо отметить, что ни Уголовный кодекс Японии 1907 г. (введён в действие Законом № 45 от 24 апреля 1907 г.), ни иные источники японского уголовного права, такие как Законы о предотвращении подрывной деятельности 1952 г., о несовершеннолетних 1948 г., о предотвращении краж и наказании за них 1930 г. не содержат легальных дефиниций как преступления «вообще», так и единичного сложного, в частности, оставив решение этого вопроса на откуп уголовно-правовой доктрине. В данной связи абсолютно прав К. Дзюньити: «...наш Уголовный кодекс не содержит общей характеристики преступления. Следовательно, нет иного пути, кроме как разрешать эту проблему в научной теории» [2, С. 434]. Также необходимо отметить, что учение о единичном сложном преступлении в рамках японской уголовно-правовой доктрины можно считать достаточно разработанной. Между тем при всей разработанности вопроса, изучение единичного сложного преступления сводится лишь к учению о едином обобщённом преступлении - *сокацутэки итид-зай* [2, С. 447].

В отличие от законодательства страны восходящего солнца, российский уголовный закон в ч. 1 ст. 14 УК РФ содержит научно обоснованное базовое определение преступления. Однако, как и японский Уголовный кодекс, УК РФ не содержит дефиниции единичного сложного преступления. Между тем, в отечественной уголовно-правовой теории проблема единичного сложного преступления считается недостаточно разработанной и изучавшейся лишь попутно с другими уголовно-правовыми институтами [3, С. 2]. При этом, в российской уголовно-правовой литературе в рамках единичного сложного преступления выделяются: 1) продолжаемые; 2) длящиеся; 3) составные; 4) с альтернативно указанными действиями; 5) с дополнительными тяжкими последствиями [4, С. 307-308]. Также представители уголовно-правовой доктрины рассматриваемые преступления классифицируют на: 1) продолжаемые; 2) составные; 3) длящиеся [5, С. 25]. Нередко в юридической литературе можно встретить мнения о классификации сложных преступлений на пять [6, С. 312] и даже более [7, С. 407-413] видов.

Не подвергая сомнению те или иные воззрения исследователей, можно прийти к выводу, что факт существования продолжаемого, длящегося и составного преступления учёными не оспаривается.

В данной связи необходимо выяснить какому из указанных видов единичного сложного преступления в наибольшей степени соответствует сокацутэки итид-зай. Так, В.И. Ерёмин указывает, что сокацутэди итид-зай представляет собой одно деяние, которое охватывает несколько действий, которые выглядят самостоятельным и подпадающим под определенный состав преступления, однако все эти деяния, будучи объединены и оценены с точки зрения состава преступления, признаются за одно преступление [2, С. 407]. Подобную же характеристику сокацутэди итид-зай в своей работе приводят Н.Н. Куличенко и К.Р.Абызов [8, С. 130].

Из имеющихся дефиниций можно заключить, что единое обобщённое преступление характеризуется рядом сущностных черт:

1. Сокацутэди итид-зай слагается из двух и более последовательно совершённых действий, каждое из которых предусмотрено уголовным законодательством в качестве преступления.

2. Действия, образующие в своей совокупности единое обобщённое преступление должны быть тождественны друг другу. Говоря иными словами, все эпизоды неправомерного поведения лица должны быть аналогичны по способу преступного посягательства.

В данной связи показательным представляется пример из судебной практики Японии. Так, 10 апреля 2013 г. суд по уголовным делам префектуры Ямагата признал, что в действиях лица имеются признаки единого обобщённого преступления при нанесении потерпевшему трёх аналогичных друг другу ударов ножом с небольшими промежутками во времени [9].

3. Действия, образующие сокацутэди итид-зай направлены на один и тот же объект посягательства, конкретизированный одним предметом и (или) потерпевшим.

4. Деяния, образующие единое обобщённое преступление, направлены на достижение одной цели и объединены одним умыслом.

При поверхностном взгляде можно заключить, что в российской уголовно-правовой науке указанным сущностным чертам в наибольшей степени соответствуют признаки *продолжаемого преступления*, под которым в соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1929 г. [15] понимается ряд тождественных действия, направленных на достижение общей цели.

Вывод о сходстве рассматриваемых уголовно-правовых институтов основан на сходстве признаков. Так, специфика и тех, и других преступлений заключается в том, что образующие объективную сторону деяния объединены не только относительно небольшими промежутками времени между ними, но и единым способом совершения деяния, а равно наступлением однородных последствий [6, С. 314]. Также в теории российского уголовного права общеизвестен факт того, что деяния, образующие продолжаемое преступление, являются тождественными или однородными. К примеру, лицо совершает с ювелирного магазина, в котором работает, сегодня кражу первого золотого кольца, завтра – второго, послезавтра – третьего и т.д. В приведенном примере преступление должно быть квалифицировано как одно продолжаемое. Также аксиоматичен постулат о том, что деяния, образующие в своей совокупности продолжаемое преступление, причиняют вред одному и тому же объекту посягательства, конкретизированные предметом (для хищений характерно изъятие из одного и того же источника).

Между тем, продолжаемое преступление имеет определённые отличия от единого обобщённого. Так, если в Японии вопрос о юридической природе деяний, образующих в своей совокупности единое обобщённое преступление, дискуссий не вызывает и решается в пользу того,

что все деяния должны содержать признаки преступления, то в российской уголовно-правовой доктрине и практике единство мнений отсутствует. К примеру, Р.Р. Галиакбаров полагает, что каждое деяние должно быть предусмотрено уголовным законом в качестве самостоятельного преступления [10, С. 312]. Противоположной позиции придерживается З.А. Незнамова, которая считает, что деяния, образующие продолжаемое преступление, могут быть самостоятельными преступлениями, административными правонарушениями либо не влечь никакой юридической ответственности [11, С. 295]. В соответствии со смыслом, придаваемым российским законодателем и правоприменительной практикой, вторая точка зрения представляется предпочтительнее. Между тем необходимо сделать оговорку, что если действия (бездействия), образующие продолжаемое преступление, являются преступными деяниями, при окончательной квалификации они не должны получить самостоятельной уголовно-правовой оценки, поскольку являются способом для достижения более крупного результата. По общему правилу такое положение применимо и к случаям, если действия (бездействия) лица являются административными правонарушениями, поскольку «сочетание уголовной ответственности с дисциплинарной или административной ответственностью недопустимо» [12, С. 95]. Однако, думается, что исключением из общего правила являются случаи, когда бланкетная диспозиция статьи особенной части УК РФ содержит ссылку на аналогичное по форме, но меньшее по степени общественной опасности деяние, запрещённое Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (178 УК РФ, 151.1 УК РФ). Так, приговором мирового судьи г. Лыткарино Московской области Королёва С.М. была признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ст. 151.1 УК РФ «Розничная продажа несовершеннолетнему алкогольной продукции». Суд, мотивируя решение, указал, что для выполнения действия, входящих в объективную сторону состава преступления, предусмотренного ст. 151.1 УК РФ, необходимо их совершение *неоднократно*, т.е. совершениилицом административно наказуемого деяния в течение ста восьмидесяти дней. (курсив мой – О.О.).

В данном случае полагаем, что существующие на сегодняшний день в системе действующего правового регулирования уголовно-правовые нормы с административной преюдицией являются разновидностью продолжаемого преступления. Признание преступлений, содержащих административную преюдицию, продолжаемыми, как нам представляется, способствует максимальному достижению цели борьбы с преступностью.

Следующий признак продолжаемого преступления, разработанный российской теорией уголовного права и качественно отличающийся от сокацутэки итид-зай, заключается в том, что такие преступления могут быть совершены как действием (например, продолжаемая кража), так и чистым или смешанным бездействием (например, продолжаемая халатность). Между тем, в японской юридической литературе устоялось мнение о том, что единое обобщённое преступление может быть совершено исключительно действием.

Исследуя соотношение юридической природы продолжаемого и единого обобщённого преступлений, необходимо отметить, что основным условием для квалификации рассматриваемых преступлений является наличие умысла и единой цели при совершении всех деяний, образующих объективную сторону рассматриваемых преступлений. При этом, и в Японии, и в России мнение учёных о наличии умышленной формы вины является доминирующей. Между тем необходимо согласиться с В.Д. Малковым, не отрицающим возможности совершения продолжаемого преступления с неосторожной виной [14, С. 152].

Подводя итог, можно констатировать, что продолжаемое и единое обобщённое преступление (сокацутэки итид-зай) представляют собой особые формы совершения сложных преступлений, обусловленные повторением преступного поведения лица. Между тем, при всей схожести рассмотренных правовых институтов, продолжаемое и единое обобщённое преступление имеют своеобразие, детерминированные факторами исторического, политического и культурного характера. При этом, следует отметить, что ни в Японии, ни в России легального определения рассмотренных преступлений не существует, что как нам представляется, является упущением законодательств, требующие устранения.

Литература:

1. Басова Т.Б. Регламентация уголовной ответственности за должностные преступления: законодательный опыт России и Японии // Вестник ДВО РАН. 2005. №4.
2. Уголовное право зарубежных государств. Общая часть. Учебное пособие / Под ред. И с предис. И.Д. Козочника. – М.: Омега-Л, Институт международного права и экономики А.С. Грибоедова, 2003. – 576с.
3. Куличенко Н.Н. Уголовно-правовая оценка единичного сложного преступления: автореферат дисс...

канд. юрид. наук. – Омск: ОМА МВД, 2006. – 22с.

4. Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций. В 2-х томах. Т.1. – М.: Юридическая литература, 2004. – 489с.

5. Яковлев А.М. Совокупность преступлений по советскому уголовному праву. - М.: Госюриздат, 1960. – 118с.

6. Курс уголовного права в 5 томах. Т.1. Учение о преступлении. / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. – М.: Зерцало, 2002. – 624с.

7. Уголовное право. Общая часть: учебник / отв. ред. И.Я. Козаченко. – 4-е изд. перераб и доп. - М.: Норма, 2008 – 720с.

8. Единичное сложное преступление в уголовном праве и законодательстве зарубежных стран (сравнительный анализ) // [Ползуновский вестник](#). 2006. № 3-1. С. 129-133.

9. URL: jarandaily.press.com (дата обращения 12.04.2013).

10. Уголовное право России. Часть Общая / Отв. ред. Л.Л. Кругликов. - М.: Волтерс Клуверс, 2005. – 592с.

11. Уголовное право. Общая часть / Под ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамовой. М., 2003.

12. Студеникина М. Административная ответственность должностных лиц // Закон. 1998. –№ 9.– С. 95.

13. URL: www.rospravosudie.com (дата обращения 12.04.2013).

14. Малков В.П. Множественность преступлений и ее формы по советскому уголовному праву. – Казань. 1987. – 174с.

15. СПС КонсультантПлюс.

КРИМИНАЛИЗАЦИЯ СФЕРЫ ЛЕСОПОЛЬЗОВАНИЯ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ, СВЯЗАННОЙ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ ЛЕСА НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ

© Л. Ю. Шкедова
Россия, г. Улан-Удэ

Несовершенство законодательного регулирования оборота леса и лесопродукции, отсутствие научно-обоснованной методики расследования преступлений, совершаемых в данной сфере, создают условия для функционирования значительного рынка нелегальной древесины. Объем теневого сектора лесопромышленного комплекса, несмотря на проводимые Правительством Российской Федерации в данном направлении работы по разработке инструментов пресечения нелегального оборота лесопродукции, не уменьшается. Все вышесказанное определяет актуальность темы исследования и свидетельствует о сложной ситуации в сфере лесопользования, оборота лесопродукции в Российской Федерации и в Республике Бурятия, в частности.

Как известно, 83% всей территории Республики Бурятия занимает лес. Запасы лесных ресурсов республики представляют собой огромную сырьевую базу для развития лесопромышленного комплекса, лесного хозяйства и региональной экономики в целом. Однако на территории республики экспорт леса и лесоматериалов относится к числу наиболее криминогенных сфер внешнеэкономической деятельности. Анализ исследования проблемы показывает, что одна из причин неблагоприятной ситуации в лесопромышленном комплексе Бурятии заключается в функционировании в данной сфере организованных преступных групп, лидеры которых проявляют к деятельности предприятий лесной и деревоперерабатывающей промышленности повышенной интерес, который обусловлен большой ликвидностью продукции. На предприятиях, находящихся под их контролем, повсеместно скрываются объемы лесозаготовок и выручка от реализации неучтенной продукции.

Так, по материалам пресс-службы Прокуратуры Республики Бурятия, в 2012 году было возбуждено 358 уголовных дел (для сравнения: в 2011 - 391). Всего в прошлом году было выявлено порядка 800 фактов незаконной рубки леса, объем древесины составил 30 тыс. куб. м. По данным Министерства внутренних дел России по Республике Бурятия ущерб, нанесенный лесному фонду Бурятии от незаконных вырубок, по итогам 2012 года составил 215 миллионов 315 тысяч рублей [5].

За минувший год на территории региона было зарегистрировано 799 преступлений в сфере незаконного оборота леса и лесопродуктов. Анализ структуры преступлений, связанных с незаконным оборотом леса и лесопродуктов, показывает, что в основном на территории Республики Бурятия совершаются незаконные рубки лесных насаждений. По итогам 2012 года сотрудниками органов внутренних дел было зарегистрировано 684 факта незаконных порубок, из которых 37%

составляют тяжкие преступления. К их числу относятся преступления, совершенные в особо крупном размере, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой. Ответственность за совершение данных преступлений, предусмотренная Уголовным Кодексом Российской Федерации, составляет до шести лет лишения свободы.

При этом о разрешении проблемы, судя по всему, говорить не приходится. Так, с начала 2013 года уже зарегистрировано 39 фактов незаконных порубок [5]. Наибольшее количество таких преступлений было выявлено в Заиграевском, Тункинском и Бичурском районах Бурятии. Кроме того, неблагополучная ситуация отмечается в Прибайкальском и Тарбагатайском районах, которые расположены ближе всего к г. Улан-Удэ – центру сбыта нелегальной древесины.

Что касается контроля за оборотом лесоматериалов за границу Российской Федерации, по материалам Бурятской транспортной прокуратуры всего с декабря 2012 года по март 2013 года было проверено 10 пунктов приёма и отгрузки древесины, откуда лес отправлялся по железной дороге. В частности, изучалась документация, подтверждающая легальность происхождения леса, проверялись сверки со сведениями, представленными при таможенном декларировании, в Минпромторг РФ и Республиканское Агентство лесного хозяйства. В результате выявлены многочисленные нарушения таможенного законодательства, а также законодательства Республики Бурятия об организации деятельности пунктов приёма и отгрузки древесины. Так, проверка установила факты незаконного перемещения через границу с недостоверным декларированием и использованием недействительных документов. Таким образом, всего было перевезено более 3 тыс. куб. м. лесоматериалов на сумму 5,6 млн. рублей. В итоге было возбуждено три уголовных дела по статье «контрабанда стратегически важных товаров и ресурсов» [5].

Проанализировав ситуацию, связанную с незаконной заготовкой и незаконным оборотом леса, можно сделать вывод, что Республика Бурятия продолжает находиться в группе субъектов Российской Федерации с высоким уровнем преступлений, предметом которых выступают лесные богатства региона. Наиболее массовыми преступлениями являются незаконная порубка леса (ст. 260 УК РФ), а также хищения (ст. 158 УК РФ). Причем, кривая зафиксированных правоохранительными органами криминальных порубок неуклонно ползет вверх.

Таким образом, анализ нынешней ситуации позволяет сделать вывод о том, что действенного механизма государственной политики в сфере борьбы с незаконным оборотом леса и лесоматериалов до настоящего времени не выработано. Правоохранительные органы продолжают фиксировать лишь отдельные элементы преступной деятельности, без исследования всего пути оборота нелегальной древесины, не выявляя причины и условия, способствующие возникновению криминального бизнеса.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о необходимости разработки правовых основ государственной политики в сфере оборота лесоматериалов, а также в области противодействия их незаконному обороту в целях рационального использования лесов, защиты прав и законных интересов граждан, экономических интересов республики и государства.

Проанализировав основные причины, виды и мероприятия по борьбе с незаконной рубкой леса и нелегальным оборотом древесины, проводимые правоохранительными органами республики, можно определить ряд мер, способствующих быстрому сокращению объемов незаконных рубок в ближайшие годы. В частности, необходимо усовершенствовать работу профильных ведомств по следующим основным направлениям:

- борьба с социальным неблагополучием жителей лесных деревень и поселков, и сельского населения в целом (безработицей, бедностью);
- повышение эффективности работы Межведомственной рабочей группы по противодействию незаконной заготовке и незаконному обороту леса;
- усовершенствование существующих и внедрение новых эффективных систем слежения за происхождением древесины;
- повышение эффективности взаимодействия контролирующих структур;
- создание эффективных путей сообщения «лесосека - покупатель»;
- создание и эффективная работа экспертной группы в целях ревизии важнейших нормативно-правовых актов лесного хозяйства на предмет выявления явных ошибок, положений, которые способствуют развитию коррупции или препятствуют развитию малого бизнеса, и других, нуждающихся в незамедлительном исправлении, с внесением и утверждением соответствующих изменений;

- повышение ответственности (как административной, так и уголовной) за незаконный оборот леса.

Несомненно, что с учетом усовершенствования вышеперечисленных мер, совместными усилиями заинтересованных сторон в наведение порядка в лесном секторе удастся добиться желаемого результата.

Также в целях совершенствования государственного обеспечения противодействия незаконным рубкам и незаконному обороту леса региону следует ориентироваться на западный «лесной» опыт, а также на опыт субъектов Российской Федерации, позволяющий проследить движение древесины в цепочке от леса через пункты переработки до потребителя с целью подтверждения ее законности.

За последние 20 лет правительства ряда экономически развитых стран активно разрабатывают меры, направленные на борьбу с незаконными рубками и незаконным оборотом леса за границу, а также механизмы поддержки ответственного управления лесами. Так, на территории государств Европейского Союза регламент ЕС № 995 в сфере лесных отношений налагает определенные обязательства на операторов, размещающих древесину на рынке, самым главным из которых является запрет на продажу нелегально заготовленного сырья. Кроме того, в Европе существует так называемое «обязательство должной осмотрительности», согласно которому поставщику древесины необходимо проверить законность ее происхождения.

Что касается субъектов Российской Федерации, приведем несколько интересных примеров. Так, в Архангельской области функционирует единая база по учету древесины. База призвана контролировать передвижение древесины с места рубки до её конечной переработки и отгрузки на завод-переработчик. Анализ показывает, что данная система доказала и продолжает доказывать свою эффективность. Например, в Иркутской области ведется подготовительная работа об открытии секции торговли лесом в Иркутске. Регион планирует создать лесную биржу, что позволит сделать невыгодной нелегальную торговлю лесом, защитить добросовестно работающие компании в лесной сфере. Участниками площадки должны стать лесозаготовители, организации и компании, участвующие в транспортировке леса.

Подводя итог всему вышеизложенному, остается справедливым вывод о том, что на фоне продолжающейся криминализации сферы лесопользования меры, принимаемые правоохранительными органами Республики Бурятия, по-прежнему пока еще явно неадекватны складывающейся ситуации.

Акцентируя внимание на том, что нелегальные рубки и оборот нелегальной древесины являются сложной проблемой, эффективное решение которой невозможно без тесного сотрудничества различных ведомств, необходимо отметить, для решения данной проблемы должны быть максимально задействованы органы законодательной власти, правоприменительные органы, органы управления лесами, органы таможенного контроля, а также активизирована работа межведомственных комиссий по противодействию незаконным рубкам и нелегальному обороту древесины.

В заключение следует подчеркнуть, что незаконная заготовка и незаконный оборот древесины – это проблемы, вызванные бессистемной работой в области лесных отношений. Однако, и органы власти, и общественность не должны опускать руки. Как показывает практика, эти проблемы решаются, важно обратить внимание на восстановление легальности лесопользования на территории Республики Бурятия. К сожалению, Бурятия – достаточно большой источник проблем, связанных с нарушением законодательства в лесной сфере, эти проблемы мы сегодня должны обсуждать, разрабатывать эффективный план действий по борьбе с нелегальными рубками, а также вносить конкретные предложения по внесению изменений в статьи действующего лесного законодательства республики.

Литература:

1. Все о российских лесах (Электронный ресурс). Режим доступа: <http://www.forest.ru/>
2. «Консультант Плюс» - Общероссийская Сеть распространения правовой информации: информационно-поисковая система (Электронный ресурс). URL: <http://www.consultant.ru/>
3. Материалы сотрудников Прокуратуры Республики Бурятия, Министерства внутренних дел РФ по Республике Бурятия, Бурятской транспортной таможни.
4. Республиканское агентство лесного хозяйства: официальный сайт (Электронный ресурс). URL: <http://www.alh-rb.ru/>
5. Министерство внутренних дел Российской Федерации: официальный сайт. URL: www.mvd.ru.

**ВОВЛЕЧЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
И ИНЫХ АНТИОБЩЕСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В РОССИИ
И ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ СТРАН АТР**

© *Е.И. Попова*
Россия, г.Улан-Удэ
© *Т. А.Савельева*
Россия, г.Улан-Удэ

В настоящее время Россия переживает переходный период, характеризующийся жизненной необходимостью в воспитании качественно иного поколения для развития нового общества. Вследствие этого, в ст. 38 Конституции Российской Федерации не случайно закреплено положение, в соответствии с которым материнство и детство находятся под защитой государства. Значимое место охране материнства и детства отводится в уголовном законодательстве.

В то же время в нынешней криминальной ситуации, сложившейся в России, наименее защищенной категорией граждан оказались именно несовершеннолетние. Еще не достигнувшие по физическим и психологическим стандартам уровня, необходимого для жизни и работы в условиях современного производства и потребления, лишенные возможности независимо обеспечивать свои потребности, в условиях обесценивания семейного воспитания и надзора, несовершеннолетние все чаще оказываются втянутыми в совершение преступлений.

Данные статистики подтверждают, что удельный вес преступлений, ответственность за которые предусмотрена ст. 150 и 151 УК РФ, составляет менее 1 % от общей массы уголовных дел, рассмотренных судами. Между тем этот показатель не отражает реального состояния преступности в данной сфере. Причиной 20-30 % всех преступлений среди данной категории лиц является вовлечение их в совершение названных действий.

Общественная опасность обуславливается, преимущественно, тем, что под влиянием взрослых преступников нарушается процесс нормального психического и нравственного развития несовершеннолетнего. Лицо, вовлеченное в сферу преступной деятельности в несовершеннолетнем возрасте, в большей степени, нежели взрослый, подвержено рецидиву и, как следствие, выступает потенциальный резерв преступности совершеннолетних.

При опросе несовершеннолетних, находящихся в исправительных учреждениях и специальных профессионально-технических училищах, о причинах, побуждающих их стать на путь правонарушений, свыше 37 % ответили, что они оказались вовлеченными в совершение преступлений взрослыми. По мнению опрошиваемых, несовершеннолетние совершают преступления под влиянием взрослых лиц с антиобщественным поведением, которые в свою очередь или вовлекают их в совершение преступлений, или подают дурной пример.

В 2010 году нами был проведен социологический опрос, было опрошено 67 человек: «Почему несовершеннолетние совершают преступления?» Самыми распространенными были следующие ответы [3, С. 85]:

- 1) влияние со стороны (взрослых, сверстников) - 69%;
- 2) нужда, нехватка денег - 57%;
- 3) психические заболевания - 43%;
- 4) хочется острых ощущений, стремление выделиться - 39%;

- 5) от нечего делать, проблемы в семье - 26%;
- 6) пропаганда культа насилия через СМИ - 22%;
- 7) недостаточность внимания родителей - 22%;
- 8) любопытство - 13%;
- 9) употребление алкоголя (других психоактивных веществ) - 13%;
- 10) безнаказанность - 12%.

Под вовлечением одни авторы понимают - «подстрекательство или понуждение несовершеннолетнего к участию в конкретном преступлении, другие - «склонение несовершеннолетнего к совершению различных преступлений и привлечение к участию в преступлении, третьи «побуждение к определенному поведению, склонение к указанной в законе деятельности, либо привлечение к участию в ней» [5, С. 194].

Изучая сущность определения «вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления» надлежит обратить внимание на термин «вовлечение». Вовлечь - значит побудить, привлечь к участию в чем-нибудь и не только побудить, а втянуть, ввести силой, принудить, соблазнить к какому-либо делу, заманить, заставить принять участие [4, С. 84].

Теория и практика выделяют две разновидности вовлечения [6, С. 37-38]:

- неконкретизированное, при котором, действия взрослого лица выступают как пропаганду преступного образа жизни, вербовку новых приверженцев преступного мира, обеспечивающую пополнение преступных рядов и не направленную на привлечение несовершеннолетнего к совершению определенного преступления;

- конкретизированное, заключающееся либо в склонении подростка к участию в замышленном взрослым преступлении в качестве соисполнителя или пособника, либо в образовании у несовершеннолетнего самостоятельного умысла на совершение определенного деяния. Именно конкретизированное вовлечение вызывает множество трудностей в квалификации, поскольку действия взрослого включают помимо вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления признаки иных составов преступлений.

Статья 150 УК РФ определяет ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления, что представляет собой специальный вид подстрекательства. Закон предполагает вовлечение в совершение вполне определенного преступления, поэтому действия вовлекающего должны квалифицироваться не только по ст. 150 УК РФ, но и по той статье, которая устанавливает ответственность за преступление, совершенное несовершеннолетним. Преступления, ответственность за которые предусмотрена статьями 150 и 151 УК РФ, являются оконченными с момента совершения несовершеннолетним преступления, приготовления к преступлению, покушения на преступление или после совершения хотя бы одного из антиобщественных действий, предусмотренных диспозицией части 1 статьи 151 УК РФ (систематическое употребление спиртных напитков, одурманивающих веществ, занятие бродяжничеством или попрошайничеством). Если последствия, предусмотренные диспозициями названных норм, не наступили по не зависящим от виновных обстоятельствам, то их действия могут быть квалифицированы по части 3 статьи 30 УК РФ и по статье 150 УК РФ либо статье 151 УК РФ [2].

Субъектом данного вида преступления может быть только лицо, достигшее 18 лет. Наряду с этим законодатель, устанавливая восемнадцатилетний возраст, с которого возможна уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в преступную деятельность, имел, несомненно, в виду определенные возрастные преимущества субъекта преступления над подростком. Вследствие этого в случае, когда субъект старше несовершеннолетнего на несколько месяцев, по мнению некоторых исследователей, не всегда целесообразно привлечение такого взрослого к ответственности по ст. 150 УК РФ. Часть 2 ст. ст. 150 УК РФ устанавливают повышенную ответственность для родителей, педагогов и иных лиц, на которых возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетних.

Необходимо заметить, что комментируемые статьи, указывают на специального субъекта: родителей по происхождению (не лишенных родительских прав), усыновителей, опекунов, попечителей, приемных родителей, представителей органов опеки и попечительства, и иные лица. Родители обязаны воспитывать своих детей, заботиться об их физическом, психическом, духовном и нравственном развитии и обучении, готовить их к общественно полезному труду, растить достойными членами общества. Родительские права не могут осуществляться в противоречии с интересами детей [1].

На квалификацию действий субъекта преступления оказывает влияние тот факт, что, вовлекая несовершеннолетнего в преступное сообщество, банду, незаконное вооруженное формирование,

незаконное религиозное или общественное объединение, он выполняет одновременно два состава преступления и его действия по правилам идеальной совокупности могут квалифицироваться по статьям за преступления против общественной безопасности (создание какой-либо группы или подстрекательство к участию в ней) и против личности (квалифицированное вовлечение). Такая оценка возможна не всегда, а потому мы можем предложить следующие правила квалификации вовлечения:

1) если в уже созданные незаконное вооруженное формирование, банду, преступное сообщество, незаконное религиозное или общественное объединение их организатор вовлекает несовершеннолетнего, то его действия квалифицируются по совокупности преступлений независимо от возраста вовлекаемого несовершеннолетнего;

2) если какую-либо группу составляют лица в возрасте до 14 лет, то создатель группы не может отвечать за преступление против общественной безопасности, а его действия должны квалифицироваться только по ч. 4 ст. 150 УК, поскольку незаконное вооруженное формирование, банду, преступное сообщество, незаконное религиозное или общественное объединение могут образовывать только лица старше 16 лет;

3) если процесс создания какой-либо из указанных групп не завершен и сопровождается вовлечением в группу несовершеннолетнего, то независимо от возраста последнего содеянное должно квалифицироваться по совокупности преступлений как покушение на создание незаконного вооруженного формирования, банды, преступного сообщества, незаконного религиозного или общественного объединения и вовлечение несовершеннолетнего в преступную группу, если в группе, помимо вовлекаемого, уже состояло более двух лиц старше 16-летнего возраста;

4) если первый или единственный человек, к которому обращается взрослое лицо для создания незаконного вооруженного формирования, банды, преступного сообщества, незаконного религиозного или общественного объединения, - несовершеннолетний, достигший 16 лет, то действия субъекта включают признаки соответствующего состава преступления против общественной безопасности и не могут квалифицироваться как вовлечение несовершеннолетнего в преступную группу.

Важное место в правовых системах зарубежных государств занимает охрана интересов несовершеннолетних, что находит свое отражение в уголовном законодательстве. Характерной чертой уголовных кодексов ФРГ, Испании, Швейцарии, Голландии, Китая, Франции, США является то, что они не предусматривают самостоятельной главы о преступлениях против несовершеннолетних.

Можно выделить самостоятельную группу норм зарубежного законодательства направленных на защиту несовершеннолетнего от вовлечения его в преступную деятельность.

Особого интереса заслуживает УК Китая, который предусматривает в ст. 295 «Обучение способам преступной деятельности». В статье есть указания на отягчающие и особо отягчающие обстоятельства, которые влияют на осуждение виновного. [8, С. 365]

Например, УК Республики Казахстан предусматривает главу 2 «Преступления против семьи и несовершеннолетних»; УК Республики Беларусь предусматривает глава 21 «Преступления против уклада семейных отношений и интересов несовершеннолетних». Тем не менее, существует ряд стран, которые относят аналогичные преступления к преступлениям, нарушающим общественный порядок и общественную безопасность. Например, это УК Украины, в который «Вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность» входит в раздел «Преступления против общественного порядка и нравственности».

Также большинство стран Европы вообще не осуществляет группировку преступлений против прав и интересов несовершеннолетних, в большинстве случаев они разбросаны по Особенным частям уголовных законов, а выделенных преступлений относительно вовлечения несовершеннолетних в совершение преступления практически нет. Так, в ст. 253 УК Голландии предусмотрено наказание законного представителя ребенка, если он отдает другому лицу или оставляет под контроль другого лица ребенка младше двенадцати лет, зная, что он будет использован в целях попрошайничества или работы, опасной или вредной для здоровья. Статья 171 УК ФРГ грозит тюремным заключением, либо штрафом тому, кто грубо нарушает свою обязанность по попечению и воспитанию лица моложе шестнадцати лет, и тем самым создает опасность для физического или психического развития опекаемого, приводит к преступному образу жизни или к занятию проституцией. УК Австрии в ст. 74 раскрывает понятия: малолетнего как лица, не достигшего 14 лет и несовершеннолетнего как лица, не достигшего восемнадцатилетнего возраста. Спецификой Таджикского УК является примечание к

рассматриваемым нормам, «под понятием несовершеннолетний понимаются малолетние и несовершеннолетние лица» [10].

УК Турции в книге второй Разделе 5 главе 1 ст. 311 вовлечение в виде подстрекательства: «Если лицо, публично подстрекающее к совершению правонарушения, наказывается, если в результате этих преступных действий было совершено правонарушение или попытка к его совершению, наравне с основными правонарушителями [11].

Рассмотрим следующую группу норм зарубежного законодательства, направленную на обеспечение нормальной социализации личности несовершеннолетнего, его физического, духовного, нравственного развития, а именно законодательное противодействие его вовлечения в антиобщественную деятельность.

Так, УК Китая предусматривает ответственность в ст. 353 «Вовлечение, обучение, привлечение обманным путем или принуждение несовершеннолетних к употреблению наркотиков перорально или путем инъекций [9].

Государственный интерес в деле охраны несовершеннолетних заключается, в первую очередь, в понимании несовершеннолетнего и его семьи как блага общества, обеспечивающего прочность и стабильность государства, и поэтому подлежащего особой защите с его стороны. Таким образом, уголовно-правовая защита несовершеннолетних в своем содержании, имеет в виду установления норм, санкций, ответственности, играющих роль гарантий обеспечения субъективных прав и интересов формирующейся личности.

В заключении хотелось бы отметить, что в настоящее время общество стало осознавать, что проблема преступлений против несовершеннолетних - это не только проблема государственных органов, это, преимущественно, социальная катастрофа. Так как вчерашний несовершеннолетний уже сегодня становится полноправным гражданином своего государства, а его воспитание и оказанная ему поддержка со стороны правительства и социума будут являться той основой, сказывающейся на его поведении и правопонимании.

Литература:

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (принят ГД ФС РФ 08.12.1995 в ред. от 30 ноября 2011 г. № 363-ФЗ) // Собрание законодательства РФ – 1996. - № 1. - ст. 16.
2. «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних»; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 // Российская газета. - № 29. – 2011.
3. Журнал «Социологические исследования». 2010г. №16.–С.85.
4. Ожегов В.И. Словарь русского языка. – М., Советская энциклопедия. – 1968. – С. 84.
5. Пудовочкин Е.Ю. Охрана интересов несовершеннолетних в истории уголовного законодательства России // Журнал российского права. - 2003. - №5. – С.194.
6. Пудовочкин Ю., Чечель Г. Квалификация случаев вовлечения несовершеннолетних в преступную группу // Российская юстиция - 2000 - №12 - С. 37-38.
7. Строков А.А. Характеристика зарубежного законодательства в вопросах совершения преступлений против несовершеннолетних по аналогии с Главой 20 УК РФ // Пробелы в российском законодательстве. – 2008. – № 2. – С. 204-205.
8. Современное законодательство КНР, Уголовный кодекс КНР / Ахметшин Х.М., Ахметшин Н.Х., Петухов А.А. - М. Изд. дом «Муравей», 2000. – С. 401
9. Современное уголовное законодательство КНР. Уголовный кодекс КНР / Ахметшин Х.М., Ахметшин Н.Х., Петухов А.А. - М. Изд. Дом «Муравей», 2000. – С. 365
10. Уголовное право зарубежных государств / Под ред. Козочкина И.Д. – М.: ОМЕГА-Л, 2003. - С.205.
11. Уголовный кодекс Турции; науч. ред., Сафарова Н., Аджара Х. - СПб: Юридический центр-пресс, 2003 г. - С. 269.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРЕСТУПНОЕ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПОЛНОМОЧИЯМИ АУДИТОРАМИ В РОССИИ И КНР: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

© *Е.Ю.Вольных*
Россия, г. Владивосток

Аудиторская деятельность является неотъемлемой частью экономической системы страны. Значимость аудиторской деятельности для общества и государства очевидна, поэтому уголовное

законодательство многих зарубежных государств устанавливает ответственность за злоупотребление полномочиями аудиторами, в котором отражена специфика общественных отношений, возникающих в процессе осуществления аудиторской деятельности.

Наибольший интерес в данной области представляет опыт уголовно-правового регулирования ответственности аудитора в странах Азиатско-Тихоокеанского региона (далее АТР) в силу того, что: во-первых, страны АТР представляют собой центр мощного развития мировой экономики в современном обществе; во-вторых, в последнее время развивается сотрудничество России со странами АТР во многих областях, в том числе в экономической, политической, культурной и т.д.; в-третьих, данный опыт может быть использован для совершенствования УК РФ.

Следует отметить, что в странах АТР уголовная ответственность аудитора за злоупотребление полномочиями предусмотрена не только в УК РФ, но и в УК КНР, УК Монголии, УК Шри-Ланки, УК Малайзии, УК Таиланда и др.

В настоящей публикации обратимся к опыту Китайской Народной Республики, которая является мировым лидером среди стран АТР в развитии аудиторской деятельности. В Китае исторически сложилась прочная аудиторская система. Еще в 1982 г. Всекитайским собранием народных представителей (далее – ВСНП) была создана Аудиторская администрация КНР, что стало мощным стимулом в развитии аудиторской системы в Китае: уже в сентябре 1983 г. было зарегистрировано более 3 тысяч аудиторских организаций, в которых работали более 30 тысяч штатных членов. К концу 90-х гг. в стране существовала 21 тысяча внутренних аудиторских организаций и 32 тысячи внутренних аудиторов [1, С. 74-76]. Аудиторская система Китая и ее правовое регулирование активно продолжает развиваться и в настоящее время. Именно поэтому опыт Китая в отношении регулирования аудиторской деятельности, а особенно в части регламентации ответственности аудитора за злоупотребление полномочиями можно считать полезным для совершенствования УК РФ.

Обратимся к отличительным особенностям правового регулирования аудиторской деятельности в России и КНР:

1. В России аудиторская деятельность регулируется Федеральным законом от 30.12.2008 № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности» (далее ФЗ РФ № 307-ФЗ) [8].

Аудиторская деятельность в Китае регулируется Законом об аудиторской деятельности в КНР [2], Законом о дипломированных бухгалтерях высшей категории [3], Законом о бухгалтерском учете в КНР [4], Нормативами бухгалтерской работы [5].

Закон об аудите в КНР содержит основные права и обязанности аудитора и аудиторских организаций, определяет полномочия органов финансового контроля, аудиторские процедуры, закрепляет общие положения юридической ответственности за нарушения данного закона со стороны аудируемых лиц, а также основы ответственности аудитора за злоупотребление полномочиями.

Согласно ст. 53 Закона об аудите в КНР если аудитор злоупотребляет полномочиями своими функциями и полномочиями, занимается в личных целях противозаконной деятельностью, халатно относится к своим обязанностям, или разглашает государственную или коммерческую тайну, к которой у него имеется доступ, то он подвергается наказанию, при наличии в деле состава преступления, в отношении него проводится уголовное преследование.

Ввиду повышенной опасности нарушений в сфере аудиторской деятельности российский и китайский законодатели установили уголовную ответственность за злоупотребление полномочиями аудиторами.

Уголовное законодательство России содержит состав преступления, предусматривающий ответственность за злоупотребление полномочиями частными аудиторами (ст. 202 УК РФ) [7], а Уголовный закон Китая предусматривает ответственность ответственных лиц посреднических организаций, осуществляющих аудиторское обслуживание, за умышленную выдачу ложных свидетельств при отягчающих обстоятельствах (ст. 229 УК КНР) [6].

Сопоставим уголовно-правовые нормы, предусматривающие ответственность аудиторов за преступные злоупотребления в КНР и России.

Объект обозначенных к сравнению преступлений различается. Статья 202 УК РФ расположена в разделе VIII «Преступления в сфере экономики» и в главе 23 «Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях», следовательно, родовым объектом выступают экономические отношения, видовым объектом – интересы в службе в коммерческих и иных организациях.

Статья 229 УК КНР расположена в главе 3 «Преступления, связанные с нарушением экономического порядка социалистического рынка», в параграфе 8 «Преступления против рыночного порядка». Следовательно, родовым объектом являются экономический порядок социалистического рынка, видовым объектом являются рыночные отношения.

Конструкция объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 202 УК РФ, описана по типу материального состава. Обязательными признаками выступают: а) деяние в форме использования частным аудитором своих полномочий, противоречащее задачам их деятельности; б) последствия в виде причиненного существенного вреда для прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемым законом интересам общества и государства; в) причинно-следственная связь между названным деянием и последствиями.

Объективная сторона преступления, представленного в ч. 1 ст. 229 УК КНР, выражается в формальном составе: деяние в форме предоставления фиктивных свидетельств персоналом посреднической организации, ответственной за аудиторские услуги.

Однако ч. 3 ст. 229 УК КНР законодатель конструирует по типу материального состава преступления, предусматривающего в качестве обязательного признака преступления причинение серьезных последствий, наступивших в результате выдачи свидетельств со значительными неточностями.

Субъективная сторона преступления ст. 202 УК РФ представлена в форме прямого умысла по отношению к деянию и любая форма вины по отношению к общественно опасным последствиям. Помимо вины обязательными признаками субъективной стороны преступления является альтернативная цель: а) извлечение выгод и преимуществ для себя и других лиц либо б) нанесение вреда другим лицам. Исходя из буквального толкования ч. 1 ст. 202 УК РФ, выгоды и преимущества могут быть любого характера (имущественного либо неимущественного) и извлекаться в пользу как самого частного аудитора, так и любого другого лица.

В составах преступления, предусмотренных в частях 1 и 2 ст. 229 УК КНР, субъективная сторона преступления выражена в форме умысла. Исходя из положений ст. 14 УК КНР, умысел может быть как прямым, так и косвенным.

Однако в ч. 3 ст. 229 УК КНР законодатель указывает на «крайне халатное» отношение к своим должностным обязанностям, что позволяет утверждать, что вина – неосторожная в виде преступной самонадеянности. При преступной самонадеянности (ст. 15 УК КНР) лицо предвидит возможность наступления общественно опасных последствий своего деяния, не желая их наступления, но без достаточных оснований, проявляя самонадеянность, рассчитывает предотвратить эти последствия, которые в результате наступят.

Анализ ст. 202 УК РФ и ст. 229 УК КНР показывает, что мотив преступления на квалификацию деяния не влияет, но учитывается при назначении меры наказания. Мотив в обозначенных преступлениях чаще всего бывает корыстный, но возможны мотивы мести, карьеристских побуждений и т. д.

Субъект преступления по ст. 202 УК РФ специальный – частный аудитор, вменяемый, достигший 16-летнего возраста. При этом 16 лет как признак субъекта преступления в рассматриваемом случае является формальным требованием, вытекающим из ст. 19 УК РФ. В силу требований ст. 4 и ст. 11 ФЗ РФ № 307-ФЗ к аудиторам (наличие специального образования и стажа работы), минимальный возраст, с которого возможно наступление уголовной ответственности в данном случае значительно выше.

Согласно ст. 4 Федерального закона № 307-ФЗ аудитором признается лицо, получившее квалифицированный аттестат аудитора и являющееся членом одной из саморегулируемых организаций аудиторов. Обязательными требованиями к претендентам на получение квалифицированного аттестата аудитора являются: а) высшее образование, полученное в образовательном учреждении высшего профессионального образования, имеющим государственную аккредитацию; б) стаж работы, связанной с осуществлением аудиторской деятельности либо ведением бухгалтерского учета и составлением бухгалтерской (финансовой) отчетности не менее трех лет. Не менее двух лет из последних трех лет указанного стажа работы должны приходиться на работу в аудиторской организации (ст. 11 указанного закона).

Вместе с тем, следует подчеркнуть, что субъектом преступления по ст. 202 УК РФ является частный аудитор и так называемый «государственный аудитор» не признается субъектом преступления по данной статье.

Субъект преступления по ст. 229 УК КНР является специальным – это ответственные лица посреднических организаций, осуществляющие оценку имущества, экспертизу, бухгалтерское, аудиторское, юридическое обслуживание.

Представляется, что за совершение действий, предусмотренных ст. 229 УК КНР могут быть привлечены к уголовной ответственности не только аудитор, но и бухгалтер, а также персонал посреднических организаций, ответственный за оценку имущества, экспертизу, бухгалтерское, аудиторское, юридическое обслуживание. Таким образом, к уголовной ответственности при осуществлении аудиторской деятельности могут быть привлечены не только лица, обладающие статусом аудитора или бухгалтера, но и персонал осуществляющий аудиторское или бухгалтерское обслуживание. Обратим внимание на то, что аудиторское обслуживание выделено в качестве самостоятельной разновидности, что указывает на придание законодателем ему особого уголовно-правового значения.

Более того, ст. 229 УК КНР не предусматривает в качестве субъекта преступления указание только на частного аудитора (как в России), что позволяет предположить придание равного уголовно-правового значения преступным деяниям как государственного, так и иного аудитора.

Помимо названных признаков субъектом преступления по ст. 229 УК КНР может быть только вменяемое физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности. По общему правилу согласно ст. 17 УК КНР уголовная ответственность за преступления, предусмотренные настоящим кодексом, наступает, если лицо к моменту совершения преступления достигло 16 полных лет, за исключением указанных в ч. 2. ст. 17 УК КНР преступлений, уголовная ответственность за которые наступает с 14 лет. Таким образом, исходя из требований ст. 17 УК КНР уголовная ответственность за преступление, предусмотренное ст. 229 УК КНР, наступает с 16-летнего возраста.

Вместе с тем, достижение 16-летнего возраста является достаточно формальным, поскольку согласно ст. 12 Закона об аудите КНР [2] аудиторы должны обладать профессиональными знаниями и способностями, соответствующими выполняемой ими аудиторской работе. Следовательно, минимальный возраст, с которого возможно наступление уголовной ответственности по ст. 229 УК КНР, также как и по российскому законодательству, значительно выше.

Таким образом, субъект преступления по ст. 229 УК КНР сформулирован значительно шире, чем по ст. 202 УК РФ.

Подводя итог сравнительно-правовому анализу норм, предусматривающих ответственность аудитора за злоупотребление полномочиями по уголовным законам России и Китая, следует отметить, что каждая из сопоставляемых норм (ст. 202 УК РФ и ст. 229 УК КНР) имеет свои характерные черты.

Учитывая схожесть правовых систем РФ и КНР считаем, что необходимо более глубоко изучить опыт Китая по установлению уголовной ответственности аудитора в части формулирования признаков субъекта. Это даст возможность найти правильный ответ на вопрос о целесообразности разделения ответственности частных и государственных аудиторов, являющегося в настоящее время для теории уголовного права России спорным.

Литература:

1. Ножкина Т.В. Международный аудит: учебное пособие Петропавловск-Камчатский; Камчат ГТУ, 2007. –127 с.

2. Закон об аудиторской деятельности в КНР. Принят на 9-ой сессии Постоянного комитета ВСНП 8-го созыва, 31 августа 1994 года, внесены изменения в соответствии с Решением о внесении поправок в Закон КНР об аудите, принятый на 12-й сессии Постоянного комитета ВСНП 10-го созыва 28 февраля 2006 г. // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.asia-business.ru/law/law2/accounting/audit.html>. (дата обращения: 02 марта 2013).

3. Закон о дипломированных бухгалтерах высшей категории в КНР. Принят на 4-ой сессии Постоянного комитета ВСНП 8-го созыва 31 октября 1993 г., обнародован Указом № 13 Президента КНР 31 октября 1993 г., вступил в силу с 1-го января 1994 года. Согласно статье 43 данного закона дипломированный аудитор высшей квалификации, работающий в аудиторской фирме, чья квалификация признана соответствующей квалификации дипломированного бухгалтера высшей квалификации, может заниматься оказанием предусматриваемых данным законом услуг. // [Электронный ресурс] – URL: <http://www.asia-business.ru/law/law2/accounting/accountant/#6.html>. (дата обращения: 02 марта 2013).

4. Закон о бухгалтерском учете в КНР. Первоначально принят на 9 заседании Постоянного комитета ВСНП 6 созыва, 21 января 1995 года, поправки внесены на 5-й сессии Постоянного комитета ВСНП 8-го созыва

29 декабря 1993 г. // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.asia-business.ru/law/law2/accounting/accounting.html>. (дата обращения: 02 марта 2013).

5. Нормативы бухгалтерской работы в КНР. Введены в действие 7 июня 1996 г. Минфином КНР. // [Электронный ресурс]. URL: <http://asia-business.ru/law/law2/accounting/bookkeeping.html>. (Дата обращения: 02 марта 2013).

6. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / Под ред. и с предисл. проф. А.И. Коробеева. Перевод с китайского. – Владивосток; Изд-во Дальневосточного университета, 1999. 176 с.

7. Уголовный кодекс Российской Федерации (ред. от 04.03.2013) – Новосибирск: Норматика, 2013. – 191 с.

8. Федеральный закон от 30.12.2008 г. № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности» (ред. от 21.11.2011). // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/popular/auditor/>. (дата обращения: 02 марта 2013).

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В КИТАЕ: ЧТО МОЖНО ИСПОЛЬЗОВАТЬ В РОССИИ

© А.С.Кошечкина
Россия, г. Чита

В последние годы многие российские и иностранные специалисты в области права и экономики отмечают, что в качестве основной угрозы экономике России следует признать не столько глобальные макроэкономические изменения, такие как снижение мировых цен на нефть и другие энергоресурсы, сколько коррупционную и криминально-коррупционную угрозу.

Широкое распространение коррупционных сделок и в целом - коррупционных отношений резко снижает эффективность экономики, делают ее менее конкурентоспособной на мировом рынке, препятствуют столь необходимым стране иностранным и иным инвестициям. «Огромные финансовые ресурсы, изымаемые из Российского государства и общества, приводят к тому, что материальный ущерб от этой деятельности достиг размеров нескольких годовых национальных доходов страны. Коррупционность органов власти и управления приводит к тому, что принимаемые решения и служебная практика направлены на корыстные интересы получения личных доходов в ущерб интересам государства и общества» [3].

Организованные преступные формирования, коррумпированный ими чиновничий аппарат постоянно адаптируют свою деятельность к изменениям правового, финансового, технологического, организационного характера. Растут преступные доходы, все большие суммы легализуются (отмываются) с помощью самых изощренных схем, многие миллиарды долларов незаконно «утекают» за границу. По данным Центрального банка Российской Федерации за 2011 год отток капитала из страны составил \$80,5 миллиарда против \$34,4 миллиарда в 2010 году. Чистый вывоз капитала из Российской Федерации частным сектором в первом квартале 2012 года составил \$35,1 миллиарда [5].

Изложенное определяет особую актуальность научной концепции противодействия коррупции и связанной с ней организованной, прежде всего экономической преступности. И здесь необходимы как международно-правовые, так и сравнительно-правовые исследования.

Как известно, признанное на международном уровне определение коррупции дано в документе ООН о международной борьбе с коррупцией: «Коррупция – это злоупотребление государственной властью для получения выгоды в личных целях» [8]. Россия ратифицировала Конвенцию ООН против коррупции и Конвенцию Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию, а также стала участницей объединения государств против коррупции. С вступлением в силу Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», ставшего основой для формирования отечественного системного инструмента борьбы с этим опаснейшим явлением, в России, наконец, появилось легальное понятие коррупции и крупный пакет антикоррупционного законодательства.

Вместе с тем, в России в последние годы доминирует тенденция либерализации уголовного законодательства, смягчения санкций статей УК РФ за совершение ряда экономических и коррупционных преступлений, а также тенденция смягчения реально назначаемых судами наказаний.

В целом в мире для борьбы с коррупцией применяются различные по своему содержанию методы. Некоторые авторы указывают, что есть две точки зрения и соответственно два способа того, как бороться с коррупцией – западный и восточный. Прозрачность финансовых институтов,

независимость судебной системы и ротация кадров – вот западные методы борьбы. Восточный метод заключается в правовом воспитании общества, в формировании в общественном сознании жесткого негативного отношения к экономическим преступлениям. В частности такой точки зрения придерживались древний мудрец и философ Конфуций и величайший китайский реформатор XX века Дэн Сяо Пин. Современный Китай взял на вооружение оба способа [7].

И России может помочь опыт этой страны, которая в последние годы стала одним из крупнейших мировых лидеров. При этом с культурной, идеологической и этнической точки зрения Китай является наиболее близким государством для России из числа государств АТР. Как известно, система государственной власти КНР, ее правовая система при своем становлении во многом основывалась на модели Советского Союза. И в то же время система государственного управления в КНР, в том числе антикоррупционное законодательство, система регулирования и защиты экономики, уникальна и вполне эффективна по ряду причин.

Во-первых, эта система представляет собой разумное сочетание «советской социалистической» и либерально-капиталистической моделей управления [2].

Во-вторых, в КНР накоплен уникальный опыт в части противодействия хищению государственной (общественной) собственности и неэффективному использованию бюджетных средств. В частности, по оценке американских экспертов объем коррупционных доходов в 2008 г. в Китае был в 1,9 раза меньшим, чем в Российской Федерации. Одна единица государственных инвестиций в экономику Китая приводит к росту ВВП в 1,7 раза большему, чем при аналогичных государственных инвестициях в США, и в 5,3 раза большему, чем в Российской Федерации [6].

В-третьих, значительных успехов государство и общество в КНР добились в противодействии коррупции. Конечно, в этой стране далеко не все проблемы в этой сфере решены, однако ежегодно выявляются десятки тысяч преступлений коррупционного характера [1].

В-четвертых, осужденным судами назначаются адекватно жесткие меры наказания. В том числе назначается конфискация имущества осужденных, пожизненное лишение свободы и смертная казнь.

Как известно в Китае в конце прошлого столетия с целью повышения эффективности борьбы с преступностью, была принята общенациональная стратегия под условным наименованием «Суровый удар». Она призвана значительно снизить уровень общеуголовной, организованной и экономической преступности в стране, обеспечить общественную и социальную стабильность, содействовать нормальному функционированию рыночной экономики, повысить доверие населения к партийно-государственному руководству и властным структурам в целом [4].

Заслуживает внимательного изучения, и опыт Китая в части того, что идеология и пропаганда воспитательной политики в этой стране – несет весьма существенные факторы воздействия на преступность, в том числе, на экономическую. Мощный и эффективный аппарат пропаганды, имеющий в качестве культурной основы идеологию социализма, а также такие фундаментальные философско-религиозные учения как конфуцианство, даосизм, буддизм, позволяет привлекать к решению общенациональных проблем широкие массы населения и получать их поддержку. Конечно, не стоит некритично перенимать китайский, равно как и любой иной опыт.

Однако представляется целесообразным дальнейшее изучение опыта КНР и других стран АТР в вопросах противодействия коррупции, рассмотрение перспектив его возможного использования в России.

Литература:

1. Верховный суд Китайской Народной Республики: Исполнительная власть Китая подвержена коррупции. URL: <http://vz.ru/news/2009/10/29/343015.html>. (дата обращения: 12 марта 2013 г.).

2. Конституция Китайской Народной Республики от 4 декабря 1982 г. (в пятой редакции, 2004 г.). URL: <http://www.xinhuanet.com>. (дата обращения: 10 марта 2013 г.).

3. Никитина И.А. Экономическая преступность в банковской сфере // «Налоги» (газета). – 2006. – № 9.– С. 5.

4. О борьбе с преступностью в Китае // Переводы материалов о практике деятельности правоохранительных органов зарубежных стран. Вып. № 20.– М., 2002. –С. 35.

5. Официальный сайт Центрального банка РФ: http://www.cbr.ru/statistics/print.aspx?file=credit_statistics/capital.htm&pid=svs&sid=cvvk. (дата обращения 18 марта 2013 г.).

6. Поданнымсайта://www.wikipedia.ru. Подробнееобэтомсм.: Goncharov V.V. Problems and use prospects in the Russian Federation positive experience of formation and functioning of system of executive power abroad // // Международноепубличноеправо. 2010. № 3. С. 39 - 46.

7. Шабаганов С. В. Противодействие коррупции в России, Гонконге и Сингапуре // Сравнительное правоведение в странах Азиатско-Тихоокеанского региона-IV: материалы межд. науч. конф. (г. Улан-Удэ, 15 апреля 2011 г.) / науч. ред. Ю.П. Гармаев. - Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2011. – С. 241.

8. Ovchinskiy V.S. The XXI century against mafia (criminal globalization and the UNO convention against multinational organized criminality). – М., 2001. – 83с.

ОСОБЕННОСТИ ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ И ПРЕСТУПЛЕНИЙ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ (ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ И МОНГОЛИИ)

© Э.Ю. Хармаева
Россия, г. Москва

На фоне стабилизирующейся, на первый взгляд, криминогенной ситуации в стране, все же существует необходимость дальнейшего совершенствования и качественного улучшения ранней профилактики подростковой преступности как резерва общей преступности, и, прежде всего – создание прочной законодательной базы, направленной на предупреждение правонарушений среди несовершеннолетних.

Хотелось бы вкратце выделить основные направления и тенденции, характеризующие профилактику правонарушений несовершеннолетних на современном этапе.

1. Во многих регионах России в последнее время наблюдаются определенные положительные тенденции по количеству несовершеннолетних лиц, совершивших преступления, правонарушения, а также количество подростков поставленных на профилактический учет. Для этого есть, безусловно, ряд положительных обстоятельств, которые, прежде всего, связаны со стабилизацией, как политической, так и социально-экономической ситуации в стране.

2. Отечественное уголовное законодательство было отмечено существенным изменением в сторону гуманизации и либерализации уголовно-правовых норм, особенно в отношении несовершеннолетних и женщин. Это обстоятельство также положительно повлияло на общую статистику.

3. Вместе с тем, не следует забывать, что в ряде регионов продолжается тенденция роста подростковой преступности, и кривая амплитуда преступности несовершеннолетних может поползти опять вверх.

4. Появившиеся положительные тенденции в профилактике правонарушений среди несовершеннолетних следуют все больше закреплять, изучать и пропагандировать появившийся передовой опыт, который, как показывают анализ юридической литературы и материалы судебно-следственной практики, имеется также во многих регионах России.

5. Профилактика правонарушений несовершеннолетних, вопросы нравственного и правового воспитания подростков – большая и сложная задача, решить которую можно только совместными усилиями школы, семьи, государственных органов и общественности, каждый из которых должен внести в это дело свой достойный вклад [1].

Политика в области предупреждения преступности должна быть основана на определенных принципах. Являясь особым видом деятельности в области социального управления, профилактика, как правило, не связана с причинением конкретным лицам лишений и «правоограничений». Она направлена на совершенствование общественных отношений, в недрах которых коренятся причины преступности. В этом смысле предупреждение отвечает принципам гуманизма и рациональности.

Предупреждение преступности — это не только устранение, нейтрализация негативных обстоятельств, но и использование, стимулирование позитивных процессов социальной жизни общества. Именно поэтому оно наиболее эффективное средство борьбы с преступностью и по экономическим параметрам, так как позволяет решать многие задачи путем применения в первую очередь социальных мероприятий, реализуемых государством с целью решения иных, более общих проблем, последовательного улучшения условий жизни населения.

Эта деятельность должна иметь целенаправленный характер и осуществляться применительно ко всем сферам воспитания детей и подростков с помощью специфических, характерных для органов, участвующих в этой деятельности, средств и методов. Речь идет главным образом о целенаправленной работе по устранению недостатков в области семейного, школьного, трудового

воспитания несовершеннолетних, организации их досуга, а также повышению эффективности деятельности органов, ведущих борьбу с преступностью.

В настоящее время в Республике Бурятия, уделяется особое внимание вопросам профилактики безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних.

Также существенным вкладом в развитие правовых основ профилактической деятельности в республике является принятие в октябре 2010 года Закона РБ «О системе профилактики правонарушений в Республике Бурятия» (№ 1570–IV от 13 октября 2010 г.). Его задача – консолидировать усилия органов государственной власти, органов местного самоуправления муниципальных образований, правоохранительных органов, хозяйствующих субъектов, общественных и религиозных объединений, населения в профилактике правонарушений.

В республике была принята целевая программа «Профилактика преступлений и иных правонарушений в Республике Бурятия на 2009-2012 годы» из средств данной Республиканской целевой программы были сняты документальные фильмы «Легко ли быть молодым» и «Семейные ценности» и «Милиция общественной безопасности Республики Бурятия», а также 4 социальных ролика (пропаганда здорового образа жизни, профилактика школьного рэкета) [2].

В целях формирования правосознания в подростковой среде воспитания активной гражданской позиции по вопросам предупреждения и пресечения преступлений и правонарушений, оказания содействия органам внутренних дел в обеспечении правопорядка общественной безопасности в образовательных учреждениях республик проводится ежемесячная информационная акция «Неделя общественной безопасности», в рамках которой проводятся лекции, тренинги, родительские собрания и «круглые столы» с участием членов общественных советов, советов ветеранов и представителей общественных организаций [3].

Представляется интересным рассмотрение вопросов профилактики правонарушений и преступлений среди несовершеннолетних в приграничном государстве, в частности, в Монголии.

В начале XXI века интеграционные и глобализационные процессы в условиях стирания национальных различий между приграничными регионами России и Монголии заметно возросли. В настоящее время Монголия стремится развивать добрососедские отношения и сотрудничать не только с Россией, но и с ее субъектами на новой взаимовыгодной основе, используя многолетние, традиционные связи [4].

Одним из основных источников, регламентирующих профилактику правонарушений среди несовершеннолетних является закон Монгольской республики «О профилактике преступлений» от 5 декабря 1997 г. [5]. Ряд его положений сформулирован в строгом соответствии с нормами международных документов. В частности, закрепляется положение п. V (5.1.4) об участии общественности в профилактической работе; п. VI (6.1.3) об устранении условий и причин преступности; п. XI об обязанностях телевидения и средств массовой информации в профилактической работе и др.

Законодательство Монголии и судебно-следственная практика на современном этапе выделяет следующие основные направления в области профилактики правонарушений и преступлений среди несовершеннолетних [6]:

- личное поручительство: два совершеннолетних лица, берущих на себя ответственность за подозреваемого или осужденного, письменно обязуются в прибытии в срок своего подопечного по повестке. Два поручителя должны иметь прописку по месту жительства, определенную работу. В случае побега подозреваемого или осужденного от следствия на поручителей налагается штраф в размере увеличения зарплаты от одного до четырех раз, также они компенсируют затраты на поиски беглеца (ст.ст. 65, 77 УПК МР);

- залог имущества: в этом случае подозреваемый или осужденный сам за себя поручается или другие граждане, организации перечисляют на специальный счет или дают наличными деньги или ценные вещи. Размер залога определяется в зависимости от степени тяжести преступления или личного имущественного положения подозреваемого или осужденного. Если осужденный не прибудет по вызову в назначенное время, по решению судьи имущество, взятое в залог, становится государственной прибылью (ст. 67 УПК);

- отдача под контроль родителей, опекунов: помимо этих пунктов несовершеннолетнее лицо можно отдать под контроль его родителей, опекуна. Родители и опекун дают письменное обязательство за хорошее поведение опекаемого, обязуются в прибытии в срок своего подопечного по необходимому вызову. В случае невыполнения своих обязательств родители или опекун компенсируют все затраты на поиски беглеца;

- задержание и заключение под стражу.

В г. Улан-Баторе беспризорных детей до 16 лет привозят в Центр установления адреса и держат в нем в течение 14 дней. В этом Центре работают работники полиции, это место безопасное и спокойное. В этом Центре работает один работник международной организации, отвечающий за общественный вопрос. В Центре фотографируют доставленных детей, берут их отпечатки пальцев, открывают личное дело. Детей, у которых есть родители, передают им, а остальных переводят в государственные или частные Попечительские Центры или передают в местную администрацию.

Детей, подозреваемых в уголовном или административном преступлениях, содержат для выяснения места жительства в течение 6 часов в Центре предварительного задержания при Полицейском управлении. Детей, находящихся в общественном месте в нетрезвом состоянии, доставляют в специальные вытрезвители, где задерживают на срок до 72 часов.

В последние годы активно перенимается передовой опыт в профилактике правонарушений среди несовершеннолетних не только российский, но и ряда западных и других стран (например, Великобритании, Канады, Филиппин).

Существуют самые разные формы контроля за поведением несовершеннолетних, на которые обратили внимание правоохранительные и иные социальные органы в Монголии.

Контроль со стороны родителей на конкретных условиях. Самым распространенным способом освобождения от заключения является контролирование несовершеннолетних детей со стороны родителей, которые гарантируют, что их дети не будут повторно совершать преступление, будут во время являться по вызову в Полицейский отдел. Подтверждено, что этот метод является самым результативным. У родителей есть возможность получать консультации по вопросам улучшения условий и контролирования детей.

Контроль общественных или попечительских работников. Детей, семьи которых в тяжелом положении или разведены, из-за невозможности родительского контроля, временно заключают под стражу. Программу деятельности добровольного воспитателя необходимо обработать под контролем следователя для несовершеннолетних, подготовить студентов педагогических и юридических институтов к деятельности добровольного воспитателя. Воспитательская деятельность студентов-практикантов является результативным способом набрать хороший опыт работы с подследственными детьми.

Интенсивный домашний контроль. Другим распространенным методом контроля за детьми, подверженных к совершению преступления, является интенсивный домашний контроль. Несовершеннолетних детей в обязательном порядке отдают на обучение в общеобразовательные школы, оказывают им поддержку и помощь, подключают их к остальным программам, дают возможность трудиться, что является результативным способом перевоспитания и профилактики совершения преступления. В дальнейшем в Монголии необходимо подготовить профессиональных работников, которые использовали бы разные методы контролирования несовершеннолетних детей, находящихся под следствием, или детей с отсроченным отбыванием наказания.

Контрольные центры. Такие Центры создаются с целью интенсивного перевоспитания детей, не находящихся под контролем родителей, подверженными к повторному совершению преступления. Эти центры работают под ведомством Полицейских управлений, местной администрации или частных учреждений, в течение 6-12 часов в день среди детей проводится консультативная, воспитательная работа и другая деятельность, откуда дети сразу же возвращаются домой. Главной целью деятельности этих Центров является не наказание несовершеннолетних детей, а правильное и результативное проведение свободного времени, которое не дает детям возможности бродяжничать без дела по улицам.

Попечительство в другой семье. В некоторых странах во время следственного процесса детей отдают под контроль новых родителей-воспитателей. Каждый месяц таким воспитательно-попечительским семьям государство выплачивает небольшое пособие. Воспитатели специально обучались работе с несовершеннолетними детьми, нарушившими закон, в случае необходимости пользуются помощью полиции, следователя, совместно работают с общественными работниками. Этот метод воспитания более подходит детям, особенно малолетним, брошенными родителями или подвергающимися семейному насилию.

Такая форма воспитания в Монголии мало распространена. Отработав долгосрочную стратегию, необходимо внедрить эту форму при помощи и поддержке общества.

Воспитание в Попечительских Центрах. В Попечительских центрах воспитываются бездомные дети, не имеющие родственников. Эти Центры расположены между жилыми домами и похожи на обыкновенные квартиры, двери их всегда открыты для детей.

В заключение хочется еще раз вспомнить изречения известных мыслителей XIX в., основоположников криминологической науки Рафаэлло Гарофало и Иеремия Бентам, которые и сегодня выглядят современными и актуальными: «Должна быть соразмерность между преступлениями и наказаниями», «Лучше предупреждать преступления, чем за это наказывать». Действительно, для снижения уровня подростковой преступности в качестве профилактических мер следует использовать и учитывать наработанный годами и имеющийся в практике передовой зарубежный опыт.

Литература:

1. Хармаев Ю.В. Некоторые особенности профилактики правонарушений несовершеннолетних на современном этапе / Ю.В. Хармаев // Ювенальная юстиция и проблемы защиты прав несовершеннолетних: материалы международной научно-практической конференции (май, 2008 г.). – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета, 2008. – 97 с.
2. Докладная записка о результатах работы МВД по Республике Бурятия по предупреждению безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в 2010 году. Улан-Удэ, 2011. – С.12.
3. Раднаева Э.Л. Ювенальная юстиция и проблемы защиты прав несовершеннолетних, - Улан-Удэ, 2012.
4. Дугаров В.Д. Опыт интеграционных процессов Республики Бурятия и регионов Сибирского федерального округа с приграничными территориями Монголии / В.Д. Дугаров // Монголия и Россия: новые парадигмы отношений. Материалы международной научно-практической конференции. (21 апреля 2011 г.) – Улан-Батор, 2011. С. 49.
5. О профилактике преступлений: Закон Монгольской Республики // Сб. законов Монгольской Республики. - Улан-Батор, 2002.
6. Монгол улсын Эрүүгийнбайцааншийтгэххууль. - Улаанбаатар хот. 2002 он. - хуудас 140-141, 152-153.

ИСПОЛНЕНИЕ ПРИКАЗА КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВО, ИСКЛЮЧАЮЩЕЕ ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ: ВОПРОСЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ОТРАЖЕНИЯ В ОТДЕЛЬНЫХ СТРАНАХ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

© *Е.Ю. Ушаков*
Россия, г. Владивосток

В настоящей публикации исследуются вопросы законодательного отражения института исполнения приказа как обстоятельства, исключающего преступность деяния, в законодательстве отдельных стран Азиатско-Тихоокеанского региона на примере уголовных законов Социалистической Республики Вьетнам и Китайской Народной Республики.

Выбор для исследования законодательства именно этих государств обусловлен наличием определенных устойчивых связей с Россией и особенностью правовых систем Вьетнама и Китая. В последние годы Россия активно сотрудничает с указанными государствами Азиатско-Тихоокеанского региона, проявляя к ним разносторонний интерес. Законодательный опыт Китая и Вьетнама может быть полезен России, так как уголовные законы всех обозначенных стран объединяет одна система права – постсоциалистическая.

В настоящее время институт исполнения приказа представлен в уголовном законодательстве многих стран мира. При этом данному уголовно-правовому институту, имеющему двойное предназначение, в законодательстве различных государств по-разному определено место в системе уголовного законодательства. Так, уголовные законы одних стран относят его к обстоятельствам, исключающим преступность деяния, и размещают в системе Общей части. В законодательстве же других государств институт исполнения приказа сформулирован в виде отдельных составов воинских или международных преступлений, которые размещены в системе Особенной части уголовных законов.

Правовая система Вьетнама сформировалась в результате длительного и сложного процесса взаимодействия различных правовых культур и нормативных систем: феодального вьетнамского права (обычного и писаного), французского права и концепций социалистической правовой семьи. В 1990-е гг. Вьетнам оставался одной из немногих стран мира, где сохранялась социалистическая правовая система, хотя и модернизированная. Несмотря на достаточно радикальные реформы, во Вьетнаме сохранились основные черты социалистической правовой системы, монопольное руководство Коммунистической партии, официальный характер марксистско-ленинской идеологии,

приоритет социалистической (общенародной и коллективной) собственности, а также общественных и государственных интересов над частными [1, С. 175].

В Уголовном кодексе Социалистической Республики Вьетнам (далее – УК СРВ)[3] институт исполнения приказа или распоряжения не представлен в качестве обстоятельства, исключающего преступность деяния. Однако к числу таких обстоятельств вьетнамский законодатель причисляет необходимую оборону и крайнюю необходимость, которым в УК СРВ посвящены самостоятельные статьи (соответственно ст.ст. 15 и 16 УК СРВ). То позволяет утверждать, что уголовный закон Социалистической Республики Вьетнам стоит на позиции, которую занимал УК РСФСР 1960 г., когда уголовно-правовая оценка деянию в виде исполнения приказа или распоряжения в условиях, исключающих преступность деяния, давалась по правилам крайней необходимости.

При этом вьетнамский законодатель устанавливает уголовную ответственность за неисполнение приказа в виде самостоятельного состава, предусмотренного ст.316 «Неподчинение приказам» УК СРВ, которая гласит: «Те подчиненные, которые не подчинятся приказам своих прямых командиров, должностных лиц или компетентного начальства подлежат наказанию в виде лишения свободы на срок от 6 месяцев до 5 лет».

В качестве квалифицирующих признаков в ч. 2 ст. 316 УК СРВ законодателем определено:

- преступником является командир либо офицер;
- преступник вовлекает другое лицо либо лиц в совершение преступления;
- преступление связано с использованием силы;
- совершение преступления повлекло за собой тяжкие последствия [3].

За совершение преступления, при указанных квалифицирующих признаках, виновный подлежит наказанию в виде лишения свободы на срок от 5 до 10 лет.

Если указанное преступление было совершено в зоне боевых действий или во время боя, или при других обстоятельствах, которые повлекли тяжкие последствия, нарушитель может быть приговорен к лишению свободы на срок от 10 до 20 лет в соответствии с ч.3 ст. 316 УК СРВ.

Достаточно сурово караются преступники, деяния которых повлекли наступление особо тяжких последствий. В отношении виновных в совершении деяния, предусмотренного ч. 4 ст. 316 УК СРВ, применяется высшая мера наказания в виде лишения свободы сроком 20 лет, пожизненного заключения либо смертной казни.

Хочется подчеркнуть, что психическое отношение к исполнению отданных должностным лицом приказов также влияет на уголовную ответственность военнослужащих.

В соответствии со ст. 317 УК СРВ «Бессовестное (безответственное) выполнение приказов», установлена ответственность в отношении военнослужащих, которые выполняют приказы по неосторожности и (или) небрежности, тем самым вызывая тяжкие (серьезные) последствия. Виновный, в таком случае, может быть приговорен к наказанию, не связанному с лишением свободы на срок до 3 лет, либо лишению свободы на срок от 3 месяцев до 3 лет.

Как и в ст. 316 УК СРВ, в ч.2 ст. 317 УК СРВ в качестве квалифицирующих признаков обозначено: совершение преступления в бою, в зонах боевых действий или в других особых обстоятельствах, либо наступили особо тяжкие последствия. В отношении виновного устанавливается наказание в виде лишения свободы на срок от 2 до 10 лет.

Нам представляется, что военнослужащие, исполняющие приказ, нередко оказываются перед трудным выбором: ведь при любом из обозначенных в уголовном законе варианте поведения ему грозит кара. Это обстоятельство способствует тому, что в УК многих стран, законодатель специально оговаривает, случаи, при которых лицо, не исполнившее заведомо незаконный приказ или распоряжение, не подлежит уголовной ответственности.

Хочется отметить, что законодатель СРВ закрепил ответственность в отношении лица, которое во время войны отдало приказ, чтобы кто-либо или он сам напрямую взял на себя убийство гражданских лиц, раненых, военнопленных, совершение мародерства, уничтожение населенных кварталов, применение запрещенных средств или методов ведения войны. Либо же совершил иные действия, связанные с серьезными нарушениями международного права или международного договора, который был подписан Вьетнамом, или к которому Вьетнам присоединился. Такое лицо может быть приговорено к лишению свободы на срок от 10 до 20 лет либо пожизненному лишению свободы, либо смертной казни.

Таким образом, по уголовному закону СРВ не все приказы носят для исполнения строго обязательный характер, а лишь те, которые имеют законный характер.

Правовая система КНР имеет смешанный характер, представляя собой сплав древних правовых традиций и современного законодательства, основанного на идеях «социализма с китайской спецификой» и некоторых принципах романо-германского права. Для правовой культуры Китая характерно традиционное преобладание норм морали над нормами права в регулировании любых вопросов общественной жизни, включая самые важные. [См.подробнее: 1, С. 372].

Позиция уголовного закона Социалистической Республики Вьетнам в регламентации института исполнения приказа имеет определенное сходство с мнением законодателя Китайской Народной Республики. В УК КНР [2] также отсутствует самостоятельная норма, регламентирующая исполнение приказа или распоряжения в качестве обстоятельства, исключаящего преступность деяния. Но уголовно-правовая оценка деяниям в форме исполнения приказа или распоряжения может быть дана по правилам крайней необходимости, положения о которой представлены в ст.21 УК КНР.

Вместе с тем отголоски института исполнения приказа или распоряжения находят свое отражение в нормах, устанавливающих ответственность за преступления против служебного долга. Как и в других зарубежных странах, более четкой регламентации институт исполнения приказа в уголовном законе КНР получил в сфере воинских правоотношений.

Так, неповиновение приказу в военное время, причинившее вред военным действиям, – наказывается лишением свободы на срок от 3 до 10 лет в соответствии со ст. 421 УК КНР. То же деяние, приведшее к серьезным потерям при ведении операции, военных действий, наказывается лишением свободы на срок свыше 10 лет, бессрочным лишением свободы или смертной казнью.

Можно предположить, что в уголовном законодательстве КНР в части установления ответственности за воинские преступления подразумевается, что приказ, подлежащий исполнению, должен быть обязательно законным. Хотя нормативно не закреплены пределы повиновения военнослужащих приказу. По нашему мнению, военнослужащий не должен знать о незаконности приказа, а приказ не должен выглядеть явно противоречащим закону.

В ст. 422 УК КНР установлена ответственность за различные деяния, связанных с приказом, а именно: а) за отказ от передачи военного приказа; б) передачу военного приказа в искаженном виде, причинившую вред военным действиям. Такие деяния наказываются лишением свободы на срок от 3 до 10 лет. А при наличии квалифицирующих признаков таких как – серьезные потери при ведении операции, военных действий, - наказываются лишением свободы на срок свыше 10 лет, бессрочным лишением свободы или смертной казнью.

Ответственность за неповиновение приказу карается 5-тью годами лишения свободы или краткосрочным арестом (ст.440 УК КНР).

Обращает на себя внимание тот факт, что неисполнение приказа как конструктивный признак воинских преступлений по воле законодателя отягчает вину, а вместе с тем и строгость наказания.

Таким образом, институт исполнения приказа таких стран Азиатско-Тихоокеанского региона, как Китайская Народная Республика и Социалистическая Республика Вьетнам законодательно отражен в УК этих государств. Однако Китай и Вьетнам идут по пути тех стран, которые размещают его в системе Особенной части уголовных законов виде отдельных составов воинских или международных преступлений. Деяния в форме исполнения приказа или распоряжения, обладающие обстоятельствами, исключаящими преступность деяния, подлежат уголовно-правовой оценке в рамках института крайней необходимости. Следовательно, законодатели обозначенных государств АТР причисляют институт исполнения приказа или распоряжения к разновидности крайней необходимости как обстоятельства, исключаящего преступность деяния.

На наш взгляд, более прогрессивен в этом отношении уголовный закон России, который в действующем УК впервые закрепил исполнение приказа или распоряжения в качестве самостоятельного обстоятельства, исключаящего преступность деяния, и представил это в ст. 42 УК РФ. В ней содержится не только общее правило о том, что лицо, которое действовало во исполнение приказа с соблюдением условий правомерности, не подлежит уголовной ответственности лица, но и сделаны акценты на положениях об уголовной ответственности как лица, отдавшего незаконный приказ, так и лица, совершившего умышленное преступление во исполнение заведомо незаконного приказа.

Обобщая вышеизложенное, следует отметить:

– институт исполнения приказа или распоряжения не закреплен в качестве самостоятельного обстоятельства, исключаящего преступность деяния, в УК СРВ и в УК КНР. Причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам лицом, действующим во исполнение обязательных для него приказа или распоряжения, может расцениваться в Китае и во Вьетнаме по правилам института

крайней необходимости, положения которого закреплены в уголовном законодательстве данных государств;

– сходство правовых систем Вьетнама, Китая и России позволяет предположить, что опыт регламентации института исполнения приказа в нормах Особенной части УК СРВ и УК КНР, устанавливающих ответственность за воинские преступления, может быть детально изучен в рамках отдельных специальных исследований в целях его использования при совершенствовании УК РФ.

Литература:

1. Правовые системы стран мира: Энциклопедический справочник / А.Я. Сухарев. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2003. – 976 с.

2. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики: [принят 14 марта 1997 г.] / Китайская Народная Республика; под ред. и с предисловием А.И. Коробеева; пер. Д.В. Вичикова. – Спб.: Юридический центр Пресс, 2001. – 303 с.

3. Уголовный кодекс Социалистической Республики Вьетнам. [Элек-тронныйресурс]. Vietnam Criminal Code[July 1st 2000] with Law No. 37/2009/QN12 Amending and Supplementing a Number of Articles of the Penal Code / Уголовный кодекс Вьетнама [принят 1 июля 2000 года], Вьетнам; пер. авторский. URL: <http://www.wipo.int/wipolex/en/details.jsp?id=5025>. (дата обращения: 26 января 2013).

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ОРГАНИЗАЦИЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РОССИИ И НЕКОТОРЫХ СТРАНАХ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

© В.В. Ульянова
Россия, г. Новосибирск

Согласно утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» одним из основных источников угроз национальной безопасности России в сфере государственной и общественной безопасности признается деятельность террористических организаций, направленная на насильственное изменение основ конституционного строя [8]. В этой связи совершенствование правового регулирования борьбы с террористическими организациями, в том числе с помощью строго уголовного закона, приобретает определяющее значение.

Следует отметить, что в настоящее время, Уголовный кодекс Российской Федерации (далее по тексту УК РФ) не содержит оснований уголовной ответственности за создание и деятельность таких организаций, а террористическими в соответствии с п. 1 примечаний к ст. 205.1 УК РФ признает только организованную группу (ч. 3 ст. 35 УК РФ), незаконное вооруженное формирование (ст. 208 УК РФ) и преступное сообщество (преступную организацию, ст. 210 УК РФ). В свою очередь, согласно ч. 1 ст. 24 Федерального закона от 06 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» [6] в России запрещены создание и деятельность организаций, цели или действия которых, направлены на пропаганду, оправдание и поддержку терроризма или совершение преступлений, предусмотренных ст.ст. 205, 205.1, 205.2, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 279, 280, 282.1, 282.2 и 360 УК РФ.

Получается, что действия лица по организации деятельности или участия в деятельности организации, в отношении которой судом принято вступившее в законную силу решение о признании ее террористической (запрете деятельности), не являются уголовно наказуемыми, несмотря на высокую степень их общественной опасности, в связи с чем в юридической литературе неоднократно поднимался вопрос о необходимости введения в УК РФ самостоятельной уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за создание террористической организации.

По данному вопросу И.Е. Елизарова пишет: «...как показывает практика, не всякое незаконное вооруженное формирование или преступное сообщество могут иметь своей целью совершение терроризма. По указанной причине следует констатировать, что в настоящее время в Российской Федерации отсутствует уголовная ответственность за создание террористической организации и руководство ею (за исключением случаев, если они одновременно подпадают под признаки ст. 208, 209 или 210 УК РФ). Отсюда следует другой вывод о невозможности привлечь к уголовной ответственности только за склонение лица к участию в деятельности террористической организации, а равно за финансирование ее деятельности, если нет ответственности за функционирование такой организации» [3, С. 171]. В связи с этим автор предлагает ввести в УК РФ самостоятельную уголовную ответственность за террористическую деятельность, а именно:

создание террористической организации, руководство ей, а также участие в ее деятельности и совершаемых ею преступлениях.

Другие ученые, придерживающиеся аналогичной точки зрения, также объясняют свою позицию наличием существенной разницы между конечными целями, преследуемыми организованной преступностью и террористическими организациями [1, С. 25-30; 10, С. 24].

Прямо противоположные мнения высказывают С.У. Дикаев и Д.Д. Магомедов, считая, что создание террористической организации охватывается общей нормой, предусматривающей ответственность за организацию преступного сообщества (преступную организацию) (ст. 210 УК РФ). Поэтому отдельная криминализация этих действия является излишней [2, С. 261; 4, С. 184]. «И терроризм, и все преступления террористического характера относятся к категории тяжких и особо тяжких, – пишет С.У. Дикаев – что вполне достаточно для организации противодействия организованным формам террористических проявлений» [2, С. 261].

В связи с вышесказанным, позиция данных ученых, определяющих причастность той или иной организации к разряду террористических, основывается на том, что таковой в уголовно-правовом смысле является организация как одна из форм совместной преступной деятельности, предусмотренная ст. 35 УК РФ. Следуя данной логике, а также учитывая, что преступления террористического характера, могут быть совершены в составе преступного сообщества (преступной организации) (ст. 210 УК РФ), можно согласиться с мнением С.У. Дикаева и Д.Д. Магомедова, что отдельная криминализация создания террористической организации, как формы соучастия, является излишней.

Однако если сопоставить положения уголовного закона, раскрывающие признаки преступной организации, с положениями ст. 24 Федерального закона «О противодействии терроризму», то под понятием «организация», применяемом в указанном нормативном акте, подразумевается не преступная организация, как форма соучастия, а юридическое лицо в значении Гражданского кодекса Российской Федерации.

Поэтому, как замечает А.Ю. Стешин, террористическая организация, обладая совокупностью свойственных только ей признаков, не может входить ни в одну из указанных ст. 35 УК РФ форм соучастия, равно как и незаконное вооруженное формирование (ст. 208 УК РФ), банда (ст. 209 УК РФ) и другие объединения, особо оговоренные в Особой части уголовного закона, в силу этого действия по ее созданию подлежат самостоятельной криминализации в рамках УК РФ [9, С. 62-64].

В.А. Бурковская, наоборот, утверждает, что отсутствие в диспозиции ст. 205.1 УК РФ указания об ответственности за склонение лица к участию в деятельности террористической организации или к ее финансированию не означает, что эти деяния декриминализованы. Такую точку зрения автор аргументирует тем, что в соответствии со ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» террористическая деятельность рассматривается как одно из проявлений экстремизма, осуществление которой служит основанием для признания организации террористической, представляющей собой один из видов экстремистской организации. А поскольку ответственность за организацию деятельности экстремистской организации предусмотрена ст. 282.2 УК РФ, действия по склонению лица к участию в террористической организации или ее финансированию подлежат квалификации по ст. 282.2 УК РФ без ссылки на ч. 4 или ч. 5 ст. 33 УК РФ [10, С. 10].

Экстремистской организацией, по смыслу ст. 282.2 УК РФ, признается общественное или религиозное объединение либо иная организация, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности.

Действительно, в силу ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [7] одной из форм экстремистской деятельности (экстремизма) является публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность.

При решении вопроса об отнесении того или иного деяния к террористической деятельности следует руководствоваться ее определением, приведенным в ст. 3 Федерального закона «О противодействии терроризму».

Террористической, как уже было указано выше, является организация, от имени или в интересах которой осуществляются организация, подготовка и совершение преступления, предусмотренных ст.ст. 205–206, 208, 211, 220, 221, 277–280, 282.1, 282.2 и 360 УК РФ, а также в случае, если указанные действия осуществляет лицо, которое контролирует реализацию организацией ее прав и обязанностей.

При этом сравнение признаков террористической деятельности, предусмотренных ст. 3 Федерального закона «О противодействии терроризму», и перечня преступлений, совершение которых от имени и в интересах организации является основанием для признания ее террористической, позволяет сделать вывод, что эти преступления лишь по формальным основаниям можно признать проявлениями

террористической деятельностью, и то за исключением преступлений, предусмотренных ст.ст. 280, 282.1, 282.2 УК РФ, которые вообще к ней не относятся.

Исходя из буквального толкования положений ст. 24 Федерального закона «О противодействии терроризму», организация может быть признана террористической только в случае совершения от ее имени или в ее интересах строго определенных преступных деяний, признаки которых предусмотрены статьями УК РФ, а не указанным Федеральным законом. Поэтому необходимым условием признания организации террористической является доказанность, что деяние, совершенное от имени или в интересах такой организации, является преступлением, предусмотренным ст.ст. 205–206, 208, 211, 220, 221, 277–280, 282.1, 282.2 и 360 УК РФ, то есть наличие решения суда, вступившего в законную силу. В свою очередь, экстремистская организация не носит обязательного преступного характера, и может осуществлять непреступную экстремистскую деятельность, например, пропаганду и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, ответственность за которые предусмотрена ст. 20.3 КоАП РФ [12, С. 12].

Кроме того, преступления, предусмотренные ст.ст. 205–206, 208, 211, 220, 221, 277–280, 282.1, 282.2 и 360 УК РФ, прямо не поименованы в п. 2 ст. 3 Федерального закона «О противодействии терроризму», поэтому не относятся к террористической деятельности, как проявлению экстремизма для целей ст. 282.2 УК РФ. Следовательно, действия лица по организации деятельности организации, в отношении которой судом принято вступившее в законную силу решение о признании ее террористической, не образуют состав преступления, предусмотренного ст. 282.2 УК РФ.

Также необходимо отметить, что преступление, предусмотренное ст. 282.2 УК РФ, является преступлением небольшой тяжести, что вполне соответствует непреступному характеру экстремистской организации. При этом размер предусмотренного за него наказания не соответствует характеру и степени общественной опасности деяния по организации деятельности или участию в деятельности террористической организации, целью которой может являться приготовление к совершению и совершения преступлений террористической направленности, которые по своей тяжести относятся к преступлениям тяжким и особо тяжким.

Сравнительное исследование зарубежной законодательной практики установления уголовной ответственности за создание и участие в деятельности террористической организации, позволило сделать вывод, что самостоятельная уголовная ответственность за подобное преступление предусмотрена в уголовном законодательстве ряда зарубежных государств.

Так, в соответствии со ст. 120 Уголовного кодекса Китая «организация, руководство или активное членство в террористической организации, - наказываются лишением свободы на срок от 3 до 10 лет; для прочих участников указанной организации предусматривается наказание лишением свободы на срок до 3 лет, краткосрочным арестом или надзором» [11].

Необходимость привлечения к уголовной ответственности за создание и участие в деятельности террористических организаций также вытекает из международных обязательств Российской Федерации. В частности, новой редакцией Международных стандартов по противодействию отмыванию денег, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения, принятой в феврале 2012 г. Группой разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег [12], предусмотрено, что государствам следует признать преступлением не только финансирование террористических актов, но также финансирование террористических организаций и отдельных террористов даже при отсутствии связи их действий с конкретными террористическими актами (рекомендация № 5).

В свете изложенного возникает вполне обоснованный вопрос о необходимости криминализации в УК РФ действий по организации деятельности террористической организации. На наш взгляд, отсутствие самостоятельной уголовно-правовой нормы об ответственности за создание террористической организации не исключает возможность привлечения лица к уголовной ответственности за совершение данного деяния, которое, по сути, может рассматриваться как приготовление к совершению преступления террористического характера либо организация или пособничество в его совершении.

Например, лицо учреждает организацию для того, чтобы впоследствии от ее имени совершать склонение, вербовку или иное вовлечение лиц в членство незаконного вооруженного формирования. Если действия лица обнаружены на стадии создания такой организации и до момента совершения действий, направленных на вовлечение лиц в деятельность незаконного вооруженного формирования, то при наличии к тому оснований оно (лицо) может быть привлечено к уголовной ответственности по ст. 205.1 УК РФ со ссылкой на ч. 1 ст. 30 УК РФ. Если же от имени организации уже совершено преступление, предусмотренное ст. 205.1 УК РФ, то действия лица по учреждению организации в зависимости от степени участия в совершении основного преступления (ст. 205.1 УК РФ) могут быть квалифицированы как

организация или пособничество по соответствующей части ст. 205.1 УК РФ со ссылкой на ч. 4 или ч. 5 ст. 33 УК РФ.

Таким образом, необходимость введения в УК РФ самостоятельной статьи об уголовной ответственности за организацию деятельности террористической организации отсутствует, так как имеющиеся уголовно-правовые средства позволяют осуществлять эффективное противодействие организованным формам террористической деятельности.

Литература:

1. Бриллиантов А.В. Вопросы соучастия при квалификации содействия террористической деятельности // Уголовное право. 2008. № 3. - С. 25–30.
2. Дикаев С.У. Терроризм: феномен, обусловленность и меры противодействия: уголовно-правовое и криминологическое исследование: дис. ... доктора юрид. наук: 12.00.08. СПб., 2004. – 345 с.
3. Елизаров И.Е. Уголовно-правовой анализ вовлечения в совершение преступлений террористического характера (ст. 205.1 УК РФ): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08.– М., 2003. – 281 с.
4. Магомедов Д.Д. Противодействие финансированию терроризма: значение зарубежного опыта для российского законодательства: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. –СПб., 2006. – 230 с.
5. Международные стандарты по противодействию отмыванию денег, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения: утверждены ФАТФ 15 февраля 2012 г. // [Электронный ресурс]: Библиотека / Международный учебно-методический центр финансового мониторинга. URL: <http://www.mumcfm.ru/index.php/ru/materials/books>. – Загл. экрана. – Яз. рус.
6. О противодействии терроризму: Федеральный закон от 06 марта 2006 г. № 35-ФЗ (с изм., внесенными Федеральным законом от 08 ноября 2011 г. № 309-ФЗ) // Российская газета. 2006, 10 марта. № 48; Российская газета. 2011, 11 нояб. № 254.
7. О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (с изм., внесенными Федеральным законом от 25 декабря 2012 г. № 255-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3031 Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). 26 дек. 2012.
8. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 // Собрание законодательства РФ. 2009. № 20. Ст. 2444.
9. Штеин А.Ю. Совершенствование уголовно-правового регулирования борьбы с финансированием террористической деятельности // Право в Вооруженных Силах. 2004. № 12. - С. 62-64.
10. Уголовное преследование терроризма / В.А. Бурковская [и др.]. М.: Изд-во «Юрайт», 2008. – 160 с.
11. Уголовный кодекс Китая // [Электронный ресурс]: Законодательство Китая / Информационно-аналитический портал «Бизнес в Китае». URL: <http://www.asia-business.ru/law/law1/criminalcode/>. – Загл. экрана. – Яз. рус.
12. Хлебущкин А. Квалификация деятельности экстремистской организации // Законность. 2012. № 3. – С. 12-15.

ИНСТИТУТ СОУЧАСТИЯ В ПРЕСТУПЛЕНИИ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ И ТАИЛАНДА: СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОТДЕЛЬНЫХ АСПЕКТОВ

© А.К. Субачев
Россия, г. Владивосток

Институт соучастия в преступлении относится к числу проблемных, в уголовном праве России. Это обусловлено тем, что при его законодательной регламентации сложно учитывать особенности преступлений, совершаемых в группе. Актуальность его изучения высока и объясняется тем, что достаточно много трудностей возникает в правоприменительной практике из-за неточностей в описании данного института или пробелов его законодательного регулирования. В целях совершенствования отдельных положений института соучастия в преступлении целесообразно обратиться к опыту зарубежных стран. Учитывая, что в рамках сравнительного правоведения институт соучастия в преступлении подвергался исследованию в ракурсе уголовных законов многих государств, считаем возможным изучить положения уголовного закона Таиланда, проведя их сравнительную характеристику с соответствующими положениями уголовного закона России.

Прежде всего, обратимся к исследованию подстрекательства как вида соучастия в преступлении посредством сопоставления соответствующих положений УК РФ [2] и УК Таиланда [3].

Понятия подстрекателя законодательно закреплено в уголовных законах России и Таиланда и имеют определенное сходство. Так, в соответствии с ч. 4 ст. 33 УК РФ, подстрекателем признается лицо, склонившее другое лицо к совершению преступления путем уговора, подкупа, угрозы или другим способом. В свою очередь, в соответствии с ч. 2 ст. 84 УК Таиланда, тот, кто с помощью принятia на работу, давления, угрозы, найма или просьбы об одолжении, подстрекательства или других средств заставляет другое лицо совершить преступление, именуется подстрекателем.

Сопоставление данных легальных дефиниций подстрекателя можно выявить лишь незначительные расхождения в понимании данного вида соучастника законодателем России и Таиланда. В частности, в УК РФ деятельность подстрекателя направлена на склонение к совершению преступления, в то время как таиландский уголовный закон использует формулировку «заставляет». Слово «заставить» означает поставить в необходимость делать что-нибудь [1, С. 220], принудить, в то время как «склонить» – убедить в необходимости какого-нибудь поступка, решения [1, С. 723]. На основании этого мы можем сделать вывод, что таиландский законодатель подходит к направленности действий подстрекателя необоснованно узко. В связи с этим нам кажется, что данный факт входит в противоречие с содержащимися в ст. 84 УК Таиланда способами осуществления подстрекательской деятельности. Действительно, крайне тяжело представить себе ситуацию, в которой лицо посредством найма или просьбы об одолжении *заставляет* другое лицо совершить преступление. Перечень способов подстрекательства в анализируемых уголовных законах также является открытым, хотя положения УК Таиланда более казуистичны в сравнении с положениями российского уголовного закона. В частности, об этом свидетельствует изложение в ст. 84 УК Таиланда способов, непосредственно направленных на подавление воли подстрекаемого: давление и угроза.

Исходя из содержания понятия подстрекателя в УК РФ, нельзя не отметить, что подстрекательство возможно лишь в отношении конкретного(-ых) лица (лиц). В то же время, в соответствии с ч. 1 ст. 85 УК Таиланда, любое лицо, которое пропагандирует или обращается к широкой общественности с призывом совершить преступление, которое наказывается тюремным заключением на срок не менее шести месяцев, должно быть приговорено к наказанию, равному половине наказания за данное преступление. Несмотря на то, что в данной норме не фигурирует термин «подстрекатель», посредством буквального толкования, мы можем сделать вывод, что она подразумевает именно подстрекательские действия. О том, что таиландский законодатель, используя словосочетание «любое лицо», имеет в виду подстрекателя, также косвенно свидетельствует системный анализ положений ст. ст. 84, 85 УК Таиланда. В частности, в соответствии с ч. 2 ст. 84 данного закона, если нанятое лицо совершает преступление, то подстрекатель подлежит наказанию как исполнитель. Аналогичная норма об ответственности за пропаганду и призыв содержится в ч. 2 ст. 85 УК Таиланда. Таким образом, законодатель Таиланда, помимо подстрекательства конкретного(-ых) лица (лиц), также определяет основания для ответственности за подстрекательскую деятельность в отношении неопределенного круга лиц. Последняя форма действий подстрекателя ввиду специфичности предусматривает лишь два способа ее осуществления: пропаганда и призыв. В связи с ограниченностью способов данной разновидности подстрекательства по УК Таиланда, нам представляется, что их уголовно-правовая оценка вызывает сложности у правоприменителя по причине отсутствия легального объяснения законодателем Таиланда выражений «пропагандировать» и «обращаться с призывом». Так, слово «пропагандировать» означает заниматься пропагандой [1, С. 616]. В свою очередь, под пропагандой следует понимать распространение в обществе и разъяснение каких-нибудь воззрений, идей, знаний, учения [1, С. 616]. Призыв определяется как просьба, мольба [1, С. 591]. Следовательно, первый из способов воздействия подстрекателя оказывает влияние на сознание, носит относительно завуалированный характер, в то время как второй представляет собой открытое выражение его намерений. Отсутствие официальной позиции законодателя может привести к расширительному толкованию данных способов осуществления подстрекательской деятельности, что определенно не способствует принципу законности в любом государстве.

Следует отметить, что схожая норма содержится в Особенной части УК РФ, в виде самостоятельного состава преступления, но ею охватывается строго очерченный рамками закона круг действий. Так, в соответствии с ч. 3 ст. 212 УК РФ предусмотрена ответственность за призывы к массовым беспорядкам или к участию в них, а равно призывы к насилию над гражданами. В связи с этим нам представляется более целесообразным решение таиландского законодателя, который предусматривает норму о «подстрекательстве» в отношении неопределенного круга лиц. Однако механизм реализации данного положения УК Таиланда, на наш взгляд, недостаточно отлажен.

Характеризуя деятельность подстрекателя, следует остановиться и на вопросе об его ответственности. В уголовном законе РФ не существует специальных норм об ответственности того

или иного вида соучастника. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 34 УК РФ, ответственность соучастников преступления определяется характером и степенью фактического участия каждого из них в совершении преступления. Вопрос об ответственности за преступление, совершенное в соучастии, связан с вопросом о назначении наказания за него. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 67 УК РФ, при назначении наказания за преступление, совершенное в соучастии, учитываются характер и степень фактического участия лица в его совершении, значение этого участия для достижения цели преступления, его влияние на характер и размер причиненного или возможного вреда. В свою очередь, уголовный закон Таиланда устанавливает строгие рамки для назначения наказания за обозначенные выше две разновидности подстрекательства на стадии неоконченного преступления. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 84 УК Таиланда, если преступление не совершено исполнителем в силу разных причин (добровольный отказ, пресечение деятельности по подготовке преступления правоохранительными органами), подстрекателю назначается только одна треть наказания, предусмотренного за данное преступление. Лицу, которое пропагандирует или обращается к широкой общественности (подстрекатель второго вида), в соответствии со ст. 85 УК Таиланда, назначается половина предусмотренного наказания. Однако ст. 88 данного закона, регламентируя ответственность подстрекателей, говорит и о том, что помимо правил, указанных в ч. 2 ст. 84, ч. 1 ст. 85 УК Таиланда, наказание назначается также в зависимости от конкретных обстоятельств дела. Данную коллизию, на наш взгляд, возможно, разрешить, если расценивать указание на фиксированный размер наказания как на его верхний предел. В противном случае можно применять нормы двумя перечисленными выше способами уголовного закона Таиланда, что вряд ли приемлемо.

Несколько иной подход таиландского законодателя к вопросу об ответственности подстрекателей на стадии оконченного преступления. Так, в случае совершения подстрекаемым(-ми) преступления, подстрекатель подлежит наказанию как исполнитель преступления (ст. ст. 84, 85 УК Таиланда). Данная формулировка уголовного закона Таиланда нам не совсем ясна. В частности, не вполне понятно, имел ли таиландский законодатель в виду наказание, предусмотренное за совершение преступления в виде выполнения объективной стороны состава, либо же он устанавливает акцессорный (придаточный) характер ответственности подстрекателя, которому следует назначить такое же наказание, как и исполнителю данного конкретного преступления. Посредством системного и логического толкования таиландского уголовного закона, можно вывести, что в ст. ст. 84, 85 УК Таиланда речь идет именно об уравнивании ответственности подстрекателя с ответственностью подстрекаемого. Вряд ли данное законодательное положение соотносится с нормами об ответственности соучастников на стадии неоконченного преступления, о которых говорилось выше: наказание подстрекаемого (как исполнителя) предопределено санкцией статьи, в то время как наказание подстрекателя целиком и полностью зависит от наказания, назначенного исполнителю. Мы также считаем, что подобные положения закона противоречат принципам индивидуализации наказания, установленного российским уголовным законом, что определенно не способствует реализации принципа справедливости. Более того, исследуя нормы об ответственности подстрекателя, мы считаем, что таиландский уголовный закон необоснованно уравнивает степень его общественную опасность со степенью общественной опасности исполнителя. Полагаем, что УК РФ более взвешенно подходит к данному вопросу и позволяет суду назначить наказание в зависимости от конкретных обстоятельств дела, характера и степени участия подстрекателя в преступлении, а также значения его действий для достижения преступного результата.

Таким образом, сравнительная характеристика отдельных аспектов института соучастия в преступлении по законодательству России и Таиланда позволяет сделать следующие выводы:

– законодательное регулирование института соучастия в преступлении в России и Таиланде в части регламентации такой разновидности соучастия как подстрекательство имеет определенные сложности. Однако положения российского закона в регламентации ответственности подстрекателя, по нашему мнению, в большей степени отвечают требованиям законности и справедливости, а неопределенность закрепленных в законе дефиниций не столь очевидна как в УК Таиланда;

– законодательный опыт Таиланда в вопросе о возможности привлечения к уголовной ответственности лиц, осуществляющих подстрекательскую по своей сути деятельность в отношении неопределенного круга лиц, представляется нам вполне интересным и требующим соответствующей проработки в целях его заимствования при совершенствовании УК России. При исследовании данного вопроса надлежит непременно определиться:

а) со способами такого подстрекательства, с их четким и исчерпывающим законодательным определением, из которого будет вытекать указание на прямой умысел со стороны подстрекателя;

б) с категориями преступлений, на которые будет распространяться применение новых положений о подстрекательстве в отношении неопределенного круга лиц, ограничив их лишь тяжкими и особо тяжкими преступлениями.

Литература:

1. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 1997. – 943 с.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации. Принят 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: в ред. Федерального закона от 04 марта 2013 № 23-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954; 2013. - № 9 – Ст. 875.

3. Уголовный кодекс Таиланда / Науч. ред. с предисл. проф. А.И. Коробеева, проф. Ю.В. Голика. – М.: «Юридический центр Пресс», 2005. – 200 с.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПНОСТИ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И США

© Ч.В. Пансолов
Россия, г. Улан-Удэ

В результате проводимых в настоящее время на основе Конституции РФ, международных правовых актов правовых социальных преобразований, направленных, прежде всего на обеспечение прав, свобод и законных интересов личности, огромное внимание уделяется совершенствованию правоохранительных органов, созданию общественных организаций и социальных институтов. А также созданию специализированных судов по делам несовершеннолетних и разработке специальных программ по предотвращению преступности. В условиях роста подростковой преступности, которая дает в будущем взрослую преступность, создание ювенальной юстиции в РФ приобретает особую значимость [3, С. 186]. Одним из элементов ювенальной юстиции является активизация превенции и контроля над преступностью среди несовершеннолетних, что в свою очередь требует индивидуального подхода к личности несовершеннолетнего правонарушителя, а также выяснения причин и условий совершения преступлений [1, С. 246].

Существующая система профилактики правонарушений среди несовершеннолетних, а также ряд норм УК, УПК РФ, которые, к сожалению, упразднили персональную подследственность уголовных дел в отношении несовершеннолетних, отсутствие координации взаимодействия между различными службами и ведомствами, связанными с производством дел в отношении несовершеннолетних, системная разобщенность правоохранительных органов способствуют узко ведомственному подходу, что приводит к нарушению основных прав несовершеннолетних [2, С. 16].

Программы по улучшению положения детей в России действуют с 1993 г. Комплекс программ «Дети России» в качестве президентской программы утвержден в 1994 г. в составе 6 федеральных целевых программ. С 1997 года с учетом позитивных результатов реализации программ и важности решения текущих проблем детства разработаны новые федеральные целевые программы, направленные на решение острых проблем детского неблагополучия и уже 10 федеральных целевых программ вошли в состав президентской программы «Дети России» [6, С. 20]. Актуальность программ и состав подпрограмм определен исходя из данных мониторинга о социально-экономическом положении детей в России, Конвенции ООН по правам ребенка, Всемирной декларации об обеспечении выживания, защиты и развития детей, других международно-правовых актов, Концепции демографического развития Российской Федерации на период до 2015 года, приоритетов государственной политики в отношении детей [3, С. 235], а также результатов ранее действовавших федеральных целевых программ по острым проблемам детства.

Программно-целевой метод в решении проблем детства позволил обеспечить достаточно высокий уровень межведомственной координации, укрепить механизм формирования и реализации государственной социальной политики в области защиты и обеспечения прав и интересов детей, их выживания и развития.

Возросла роль органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в обеспечении прав ребенка, что позволило внедрить на практике многообразные формы профилактики детского неблагополучия и принципы адресности при оказании помощи детям и семьям, имеющим несовершеннолетних детей [4, С. 152].

Вместе с тем, несмотря на достигнутый уровень в вопросах улучшения положения детей в России, остается много нерешенных проблем, среди них: насилие в семье, трудности детей, освободившихся из воспитательных колоний или проживающих с одним из родителей, освободившимся из мест лишения свободы [1, С. 247].

В 1998 году в РФ был создан Центр «Судебно-правовая реформа», который ведет работу по проведению программ восстановительного правосудия. Надзор за исполнением законодательства по профилактике преступлений среди несовершеннолетних необходимо организовывать, исходя из индивидуального подхода, а их исправление и дифференциация уголовной ответственности несовершеннолетних в соответствии со стандартными правилами ООН, касающимися отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила). В пункте 1.1 Пекинских правил говорится, что «при рассмотрении дел несовершеннолетних правонарушителей следует по возможности не прибегать к официальному разбору дела компетентным органом власти». Реализация данного положения способствует возможности освобождения несовершеннолетних от уголовной ответственности в связи с применением принудительных мер воспитательного воздействия [8, С. 175]. А также возможность прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон [7, С. 53]. Механизмом реализации этих норм могут стать программы восстановительного правосудия [3, С. 213]. Например, в США существуют Федеральные программы предотвращения преступности среди молодежи с учетом региональных особенностей.

Общие положения программы Федерального правительства, несомненно, оказывают огромное влияние на региональные программы. Порой ряд положений имеет обязательный и ужесточенный характер. Хотя в последнее время в США тенденция идет к независимости федерального закона и процедуры рассмотрения дел, за исключением минимального количества положений, которые реализуются, согласно Конституции в судах общей уголовной юрисдикции.

В большинстве штатов федеральные судьи общей уголовной юрисдикции при рассмотрении дел о несовершеннолетних преступниках сохраняют, в основном, традицию магистратских судов Великобритании. Каждый штат имеет большую самостоятельность в разработке и реализации своей программы предотвращения преступности среди молодежи. Штаты самостоятельно и гораздо шире используют экспериментальные методы предотвращения преступности. Однако, благодаря Детскому Федеральному Бюро, оказывается помощь через свои подразделения (Национальная ассоциация по проблемам уголовного осуждения, Национальная конфедерация судей по делам несовершеннолетних и Национальная конфедерация Юношеских ассоциаций) каждому штату без исключений [3, С. 187].

Различия между Федеральной программой и программой каждого штата, несомненно, существуют, так же как между сельскими незаселенными районами и промышленными, густонаселенными центрами и городами в каждом штате. Различия, носят относительный характер и зависят от уровня разрешения социальных проблем, от состояния оснащенности различных служб, уровня подготовленности персонала социальных служб, и конечно, от благосостояния штата, который поддерживает деятельность и финансирует эти службы.

Хуже всего оснащены и финансируются сельские районы, маленькие города и деревни, особенно на юге штатов. Дела о совершеннолетних подлежат рассмотрению в судах общей уголовной юрисдикции и к ним применяются все исправительные меры как к взрослым преступникам.

Несовершеннолетние чаще всего помещаются в тюрьмы, нежели в другие исправительные институты, учитывая их возраст. Характерно для этих регионов то, что суды по делам несовершеннолетних, это как одна из составных подразделений общего уголовного или гражданского суда, собираются очень редко: один или два раза в неделю. Ощущается острая нехватка должностных лиц службы пробации. Местные суды приглашают для работы служебный персонал областных судов, пользуются услугами их социальных служб, клиник и других вспомогательных институтов [3, С. 107].

Здесь большую роль играют добровольные, религиозные и другие общественные организации, которые оказывают непрофессиональную помощь детям и их семьям. Очень эффективно и интенсивно используются различные социальные службы. В крупных густонаселенных городах существует широкая разветвленная сеть специализированных исправительных институтов для несовершеннолетних (служба пробации).

Внедрение новаций в структуру программы с учетом общей картины преступности, активно реализуются в исправительных институтах штатов Калифорния, Миннесота, Массачусетс, Висконсин, а также Нью-Йорка и Нью-Джерси. Именно в этих штатах наиболее сильно развита система судов прогрессивных уголовных и детских юрисдикций и сильна традиция деятельности

различных социальных служб, ведь именно в этих штатах очень высокий уровень преступности среди несовершеннолетних [5, С. 17]. Следует отметить, что самый высокий уровень преступности в гетто. Именно эта группа населения США чаще всего лишена гражданских прав, не имеет постоянного места работы и не занята общественным трудом. В этой группе населения чаще всего отмечаются случаи психических заболеваний и умственной отсталости несовершеннолетних, особенно в неблагополучных семьях [1, С. 246].

Исследования известных американских юристов, таких как Шелдона и других, поднимают такие вопросы, как внутренние семейные конфликты, которые возникают на почве материального благосостояния, на моральных, культурных, духовных, религиозных ценностях, установках и принципах, заложенных в каждой семье. Проблемы нарушения закона находятся в этих конфликтах, в каждой семье [2, С. 18]. На это следует обращать внимание полиции, юношеским судам и др. социальным институтам и службам, делая упор на индивидуальную работу с этими семьями.

Корни преступности уходят глубоко в традиции американской культуры, ее материальную сторону, ее кризис, духовная интенсивная борьба с человеческими ценностями в свою очередь ведет к нарушению человеческих норм поведения, социальной дезорганизации, и формированию антисоциального характера поведения [5, С. 8]. Признаки преступного поведения коренятся в эмоциональной нестабильности, неуравновешенности несовершеннолетнего, его конфликтном отношении к самой культуре, ее принципам, моральным установкам в семье [2, С. 17]. Эту задачу должны решать социальные и воспитательные институты, системы протекции, системы школьного воспитания.

Литература:

- 1.Егоров А.Ю., Игумнов С.А. «Расстройства поведения у подростков: клиничко-психологические аспекты» - СПб, 2005, с. 247 - 249.
- 2.Иванов В.И. Насилие в семье // Семья. - № 5. - 2005. – С. 15-18.
- 3.Калашников Н.Я. Изучение и предупреждение правонарушений среди несовершеннолетних. - М.: Педагогика, 2006. – 278 с.
4. Марченко М.Н. Теория государства и права: Учебник. – 2-е изд.; перераб. и доп.-М.:Проспект, 2008.-648 с.
5. Прозуметов Л.М. «Несовершеннолетние: преступность, особенности уголовной ответственности» - Томск, 2006.– С. 8, 17.
- 6.Скурту И.Г. Виктимологические аспекты профилактики преступлений в отношении несовершеннолетних: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб, 1996. - 23 с.
- 7.Уголовный кодекс Российской Федерации: офиц. текст. – М.: Юридическая литература, 2012. – 75 с.
- 8.Уголовно - процессуальный кодекс Российской Федерации: офиц. текст. – М.: Юридическая литература, 2011. – 267 с.

О ПРИМЕНЕНИИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА ПО АНАЛОГИИ В НЕКОТОРЫХ СТРАНАХ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

© *М.В. Морозов*
Россия, г.Новосибирск

Институт аналогии в современном уголовном праве России является проблемным. Несмотря на ее прямой запрет в ч. 2 ст. 3 УК РФ, юристами отмечено множество фактов, когда без нее либо невозможно применить уголовный закон, либо когда она «санкционируется» Верховным Судом РФ [2, С. 273-275; 4, С. 63; 6, С. 106-108]. При этом проблема применения уголовного закона по аналогии выходит за рамки внутригосударственной проблемы. В связи с постоянно нарастающей глобализацией мирового сообщества соблюдение принципа законности и запрета применения уголовного закона по аналогии играет важную роль в сотрудничестве государств в борьбе с преступностью.

В сравнительно-правовом аспекте данной проблемы интерес представляет уголовное право стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) и особенно стран Дальнего Востока. Обращение к уголовному праву этих государств уже интересно тем, что позволяет учесть общие исторические корни уголовного законодательства России и, в частности, КНР и КНДР, принадлежащего в свое время к социалистической правовой семье. Однако жизнь общества не стоит на месте, что влечет

известные различия в политическом развитии указанных государств. В связи с этим проблема аналогии закона в данных государствах была решена по-разному. При этом добавляет определенную долю контрастности изучение законодательного опыта решения проблемы аналогии в Японии, которая никогда не относилась к социалистическим странам.

Применение аналогии в уголовном праве КНР имеет давнюю и непростую историю. В этом государстве долгое время, включая и современный период, разрешалось применение уголовного закона по аналогии. Так, УК КНР 1979 г., действовавший до принятия нового УК КНР 1997 г., допускал применение наказания за деяния, прямо не предусмотренные в нем в качестве преступления.

Такая законодательная позиция в целом одобрялась китайскими правоведами. Так, Лю Юи отмечал, что в условиях «огромной страны, гигантского населения, отсутствия достаточного опыта борьбы с преступностью невозможно выработать единое, охватывающее все случаи жизни законодательство. Мы не можем утверждать, что наш УК совершенен — в его Особенной части имеются всего лишь 103 статьи, описывающие менее 200 преступлений, многие из которых четко не определены. Аналогия является дополнением к УК, применяя ее, мы будем дорабатывать кодекс, внося в него соответствующие изменения» [1, С. 165].

При использовании аналогии накладывались определенные ограничения. Во-первых, она была «контролируемой». Вынесенный на ее основе приговор подлежал обязательному утверждению Верховным народным судом КНР. Во-вторых, применение данного метода охватывалось рядом обязательных условий: квалифицируемое деяние должно быть общественно опасным и подлежащим наказанию; признаки этого деяния не должны быть описаны в соответствующих статьях уголовного закона; необходимо сравнение с наиболее сходной статьей закона, соответствующей как характеру преступления, так и предположительной мере наказания. Китайскими юристами назывались и другие условия, в числе которых были: недопустимость квалификации преступлений, имеющих характер антагонистических противоречий, как преступлений, носящих характер противоречий внутри народа; недопустимость квалификации неосторожных преступлений по статьям о преступлениях с умышленной виной и т. д. [1, С. 168]

Однако даже наличие этих обязательных условий на практике не исключало определенных трудностей и различной степени злоупотреблений. В некоторых случаях отмечались факты привлечения к уголовной ответственности за действия, которые могли считаться лишь аморальными, но не противоправными. Например, как отмечает Э. З. Имамов, судебной практике известен случай, когда к уголовной ответственности был привлечен молодой человек, обманом добившийся согласия девушки выйти за него замуж. «Суд хотел применить по аналогии ст. 160, предусматривающую ответственность за массовую драку, бродяжничество, оскорбление женщины с санкцией 7 лет лишения свободы или же ст. 151 об ответственности за грабеж с санкцией до 5 лет лишения свободы» [1, С. 168].

В связи с этим у аналогии закона в КНР появлялось все больше противников, как у теоретиков, так и среди практических работников. В итоге, несмотря на огромную роль аналогии при применении китайского уголовного права, она оказалась несовместимой с провозглашенным в ст. 3 УК КНР 1997 г. принципом законности: «Преступлением является то, что названо как таковое в настоящем Кодексе, поэтому определение преступления и вынесение приговора осуществляется на основе настоящего Кодекса; если деяние не названо как преступление в настоящем Кодексе, то его нельзя определять как преступление и выносить приговор» [8, С. 15].

Следует отметить, что провозглашение принципа законности в ст. 3 УК КНР, сопровождавшееся увеличением количества составов преступлений, предусмотренных Особенной частью, а также четким их формулированием, позволило приблизить китайский уголовный закон к требованиям мирового сообщества. Однако можно предположить, что в ст. 3 УК КНР говорится лишь о запрете аналогии преступления и наказания, но не о воспрещении использования аналогии вообще.

Другой подход к решению вопроса аналогии можно увидеть в уголовном праве Японии. Дело в том, что УК этого государства вовсе не содержит формулировок каких-либо принципов уголовного права. Однако отсутствие принципа законности и нормы о запрете аналогии в УК Японии учеными и практиками в основном не считается недостатком Общей части уголовного права [7, С. 423]. Принцип законности закреплен в Конституции Японии, авторитет которой является нерушимым. Так, согласно ст. 31 Основного закона «никто не может быть лишен жизни или свободы или быть подвергнут иному уголовному наказанию иначе как в соответствии с процедурой, установленной законом», а в соответствии со ст. 39 «никто не может быть привлечен к уголовной ответственности за

действие, которое было законным в момент его совершения, или за действие, в отношении которого он уже был признан невиновным». Требование о запрете аналогии японские юристы выводят именно из этих конституционных положений [7, С. 423].

Ограничение на применение аналогии имеется и в УК КНДР 1974 г. В ст. 10 данного УК указано: «Если в уголовном законе нет пункта, который мог бы точно квалифицировать совершенное преступление, то выбирается пункт, определяющий в максимальной степени сходное с содеянным, по характеру и опасности преступление. В том случае, когда в кодексе отсутствует статья, определяющая сходное по характеру и тяжести преступление, уголовная ответственность не наступает. Ибо недопустимо применять аналогию, расширительно толкуя определяемые соответствующей статьей закона объекты посягательства и общественные отношения, субъективные признаки и характерные черты преступника» [3, С. 31].

Однако, как видно из текста статьи, аналогия неприменима только если правоприменителем в УК не обнаружен сходный состав преступления. Поскольку «сходный состав преступления» – достаточно размытое понятие, можно полагать, что границы применения аналогии в КНДР достаточно широки. Аналогия не касается лишь объекта, субъективной стороны и субъекта преступления. В связи с этим преступным можно признать неограниченный круг деяний, представляющих опасность для северокорейского общества в его современном состоянии.

Зачем нужна аналогия в уголовном праве КНДР? Официальные источники Северной Кореи обосновывают это тем, что «классовые враги, по которым революцией нанесен сокрушительный удар, отчаянно борются за свержение социалистической системы и за восстановление своих прав. Почти невозможно перечислить все виды антисоциалистической деятельности по категориям, поэтому уголовный кодекс дает только определенные стандарты, которые должны использоваться в разбирательстве таких преступлений. Кроме того, невозможно предсказать все виды деятельности, которые могут осуществляться этими контрреволюционерами в будущем» [5, С. 34]. Очевидно, что такое положение устраивает северокорейского законодателя, что подтверждается объемом УК КНДР, включающим в себя всего 161 статью. При таком объеме полностью кодифицированного уголовного права действительно вряд ли можно перечислить в УК весь спектр общественно опасных деяний.

Итак, рассмотрев отношение к восполнению пробелов путем аналогии в источниках уголовного права, в правоприменительной практике, а также доктринах государств Дальнего Востока, можно сделать определенные выводы.

Во-первых, в уголовном праве тех государств, где аналогия прямо или косвенно запрещена (КНР и Япония), можно усмотреть исключения из такого запрета, которые в основном связаны с возможностью использования аналогии в случаях, не связанных с усилением уголовной ответственности.

Во-вторых, наблюдается и противоположная тенденция, заключающаяся в отказе от неограниченного применения аналогии в уголовном праве государств, где таковая разрешена (КНДР). Ограничение в данном случае состоит лишь только по отношению к объективной стороне состава преступления (что является, пожалуй, довольно несущественным ограничением).

Исходя из этого, «среднее» государство Дальнего Востока имеет такой подход, в соответствии с которым аналогия в его уголовном праве полностью не отрицается, а ограничивается только общей частью либо толкованием норм уголовного права и при этом не должно быть усиления уголовной ответственности за совершенное деяние.

Учитывая это, вопрос о том, действительно ли необходимо полное отрицание аналогии закона в уголовном праве России, на наш взгляд, нуждается в дальнейшем исследовании.

Литература:

1. Имамов З. З. Уголовное право Китайской Народной Республики. Теоретические вопросы Общей части. – М., 1990. – 240 с.
2. Кауфман М. А. Пробелы в уголовном праве: понятие, причины, способы преодоления. – М., 2007. – 304 с.
3. Кобозев Н. Об уголовном кодексе КНДР // Проблемы Дальнего Востока. – 2000. – № 2. – С. 31-38.
4. Ляпунов Ю. И. Социалистическая законность и уголовный закон // Советское государство и право. – 1989. – № 2. – С. 59-65.
5. Права человека в Северной Корее: реальность мнимого рая. – М., 1993. – 40 с.
6. Сабитов Т. Р. Уголовно-правовые принципы: методы познания, сущность и содержание. – М., 2012. – 192 с.

7. Уголовное право зарубежных государств. Общая часть : учеб. пособие / под ред. И. Д. Козочкина. – М., 2003. – 576 с.
8. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики. – СПб., 2001. – 301 с.

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА КРИМИНАЛЬНЫЕ АБОРТЫ ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ, ЯПОНИИ И КНДР

© С.М.Мантатова
Россия, г. Улан-Удэ

В современном мире государство ставит человека на первое место в приоритетах уголовно-правовой охраны. Так, статья 3 Всеобщей декларации прав человека 1948 г., статья 2 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г., статья 6 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г., статья 20 Конституции России гарантируют право каждого человека на жизнь.

Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996г. (далее - УК РФ) отдаёт приоритет интересам личности, а не интересам государства, усилив при этом ее охрану (увеличение санкций за ряд преступлений против личности и конструирование новых уголовно-правовых норм за посягательства на жизнь человека). Между тем УК РФ не предусмотрел состава преступления за лишение жизни плода, находящегося в утробе матери.

Уголовно-правовая охрана репродуктивной сферы человеческой жизни является в настоящее время малоизученной темой правового исследования. Кроме того, с учетом значительного обновления нормативного материала по вопросу прерывания беременности, актуальной является юридическая оценка права женщины на репродуктивный выбор.

В Российской Федерации действует одно из самых либеральных законодательств по вопросам аборта в сравнении с законодательством стран АТР (Япония, КНДР).

В соответствии со статьей 56 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» каждая женщина самостоятельно решает вопрос о материнстве [4]. Искусственное прерывание беременности проводится по желанию женщины при наличии информированного добровольного согласия при сроке беременности до двенадцати недель, по социальным показаниям проводится при сроке беременности до двадцати двух недель, а при наличии медицинских показаний - независимо от срока беременности. Социальные показания для искусственного прерывания беременности определяются Постановлением Правительства РФ от 6 февраля 2012 г. № 98 «О социальном показании для искусственного прерывания беременности». Таковой является беременность, наступившая в результате совершения преступления, предусмотренного статьей 131 УК РФ (изнасилование) [2]. Перечень медицинских показаний для искусственного прерывания беременности определяется в соответствии с Приказом Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 3 декабря 2007 г. № 736 «Об утверждении перечня медицинских показаний для искусственного прерывания беременности» [3].

Незаконное производство аборта является по-своему уникальным составом преступления: это единственное криминализованное законодателем деяние, для которого необходимо согласие потерпевшей на причинение ей вреда, на умаление ее благ или поставление их в опасность.

Статья 123 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за незаконное производство аборта. Позиция законодателя такова, что объектом преступления является не жизнь народившегося ребенка, а жизнь и здоровье беременной женщины. Субъектом является не врач-специалист, а лицо, не имеющее высшего профессионального образования соответствующего профиля. Таким образом, уголовную ответственность закон связывает не с самой операцией при отсутствии условий (оснований) ее проведения (например, срок беременности превышает 12 недель), а с личностью виновного – врачом не соответствующего профиля или лицом, не имеющим медицинского образования. Позиция законодателя такова, что аборт, выполненный врачом без соответствующих медицинских обследований беременной, не исключив медицинских противопоказаний к операции, с нарушением сроков беременности, вне стационара в условиях, где в крайнем случае нет возможности оказать экстренную квалифицированную медицинскую помощь женщине, состава преступления, предусмотренного ст. 123 УК РФ, не образует. Действия врача, выполнившего аборт в подобной ситуации, в результате которого наступила смерть беременной женщины или причинен тяжкий вред ее здоровью, будут квалифицироваться по ч.2 ст. 109 УК РФ (причинение смерти по неосторожности

вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей) или по ч.2 ст. 118 УК РФ (Причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности, совершенное вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей), а если указанных последствий не наступило, то состав преступления, предусмотренный ст. 123 УК РФ, вовсе отсутствует. Можно сказать, что не является незаконным аборт, проведенный врачом соответствующего профиля, но в ненадлежащих условиях, в нарушение медицинских показаний (на сроках беременности, позднее 12 недель). И если виновные наказываются, то только в дисциплинарном порядке.

Японское законодательство предусматривает объектом уголовно-правовой охраны помимо жизни и здоровья самой женщины и жизнь ребенка, находящегося в утробе матери независимо от срока беременности. Уголовный кодекс Японии от 24 апреля 1907г. уделяет данной проблеме куда большее внимание. Так, глава 29 УК Японии посвящена преступлениям, состоящим в совершении аборта. Субъектом данного вида преступления является беременная, прервавшая свою беременность путем применения медикаментов или другим способом (ст. 212), лицо, производившее аборт с согласия беременной и причинивший в результате этого смерть или телесные повреждения (ст. 213),лицо, занимающееся специальным видом деятельности и причинение в результате этого смерти или телесных повреждений (ст. 214), лицо, производившее аборт без согласия беременной или покушение на совершение этого деяния (ст. 215), лицо, производившее аборт без согласия беременной и причинившее в результате этого смерть или телесные повреждения (ст.216).

В соответствии с ч.1 статьи 269 УК Республики Корея от 18 сентября 1953 года женщина, которая способствует вызыванию у себя преждевременных родов путем принятия таблеток или других средств, подлежит наказанию в виде каторжных работ на срок не более одного года или штрафа в размере не более двадцати миллионов вон; ч.3 ст.269 лицо, которое вследствие совершения преступления, указанного в параграфе (2), причинило физический вред женщине, подлежит наказанию в виде каторжных работ на срок не более трех лет. Если это лицо вследствие совершения преступления, указанного в параграфе (2), причинило смерть женщине, оно подлежит наказанию в виде каторжных работ на срок не более семи лет. Статья 270 УК КНДР предусматривает субъектом преступления врача, гомеопата, акушера, фармацевта, аптекаря, которые способствуют преждевременным родам у женщины по ее просьбе или по сговору с ней, без просьбы и согласия беременной.

Законодательство Японии и Корейской Народно-Демократической Республики запрещает женщинам делать аборт. Санкции статей 212-216 29 главы УК Японии предусматривают для лица, совершившее данное преступление, лишение свободы с принудительным физическим трудом, санкции статей 269-270 27 главы УК КНДР - каторжные работы, а санкция ч.1 ст.123 УК РФ – штраф, либо обязательные работы, либо исправительные работы, ч.3 ст.123 - принудительные работы с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью либо лишением свободы с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Субъективная сторона незаконного производства аборта выражается в форме умысла или неосторожности, в том случае если речь идет о причинении физического вреда здоровью беременной или наступлении смерти женщины в результате аборта. Мотив незаконного производства аборта может быть различным (желание помочь женщине избавиться от беременности, корысть и т.д.). Объективная же сторона выражается в активных действиях лица, его производящего, с нарушением установленных правил. Преступление считается оконченным с момента производства аборта, независимо от наступивших последствий.

Таким образом, законодатели разных государств к вопросу связанному с искусственным прерыванием беременности имеют дифференцированный подход. Данное обстоятельство связано с тем, что здесь переплетается право женщины на свободное распоряжение своими правами и предоставленными ей благами, в том числе право на здоровье и материнство, и обязанность государства на охрану материнства и детства. Подводя итог сравнительного анализа уголовного законодательства России и стран АТР (Япония, КНДР), я считаю, что необходимо внести поправки в УК РФ, включив ответственность медицинского работника за незаконное производство аборта.

Литература:

1. Рашидов Ш.М. Особенности уголовной ответственности за криминальные аборты по уголовному законодательству Российской Федерации и некоторых Зарубежных стран//Актуальные проблемы российского права. 2011. –№ 1.

2. Постановление Правительства РФ от 6 февраля 2012 г. № 98 «О социальном показании для искусственного прерывания беременности» // Российская газета от 15 февраля 2012 г. № 32.
3. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 3 декабря 2007 г. № 736 «Об утверждении перечня медицинских показаний для искусственного прерывания беременности» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти от 3 марта 2008 г. № 9.
4. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Парламентская газета от 24 ноября 2011 г. № 50.
5. Уголовный кодекс РФ (в ред. от 15 марта 2013г.).
6. URL: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1241616>
7. URL: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1241816>

БОРЬБА С НАЛОГОВЫМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ, РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН И РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

© Л.Б. Сандакова
Россия, г. Улан-Удэ

Проблема борьбы с налоговыми преступлениями, являющимися источником преступных доходов, актуальна во всех экономически развитых государствах. Для ее решения применяются как меры экономического характера, так и уголовно-правовые средства воздействия.

Во всех экономически развитых и развивающихся странах уголовное законодательство предусматривает ответственность за совершение налоговых преступлений. Как правило, как налоговое преступление можно квалифицировать нарушения действующего порядка исчисления и уплаты налоговых платежей, нанешие существенный ущерб национальному бюджету.

В большинстве стран СНГ, налоговое преступление квалифицируется как один из видов преступных посягательств в экономической сфере. Данная модель характерна и для уголовного законодательства РФ. Ответственность за налоговые преступления предусмотрена в главе 22 «Преступления в сфере экономической деятельности» раздела 8 «Преступления в сфере экономики» в ст. 198 УК РФ «Уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица», ст. 199 УК РФ «Уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с организации», ст.199.1 УК РФ «Неисполнение обязанностей налогового агента», ст. 199.2 УК РФ «Соккрытие денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых должно производиться взыскание налогов и (или) сборов».

Похожий принцип размещения налоговых преступлений встречается в уголовном законодательстве Таджикистана. Очевидно, что при разработке уголовных законодательств указанных государств национальный законодатель в качестве основы использовал действующий Уголовный кодекс РФ, принятый в 1996 году. В УК РТ содержатся нормы, предусматривающие уголовную ответственность за налоговые преступления: ст. 292 УК РТ «Уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с юридического лица»; ст. 293 УК РТ «Уклонение физического лица от уплаты налогов и (или) сборов» [2].

В качестве разновидности экономических преступлений нарушения налогового законодательства рассматриваются также в национальном уголовном законодательстве Казахстана. Законодательством Республики Казахстан также установлен, схожий с российским, принцип размещения налоговых преступлений в главе 7 «Преступления в сфере экономической деятельности» содержатся: ст. 221 УК РК «Уклонение гражданина от уплаты налога и (или) других обязательных платежей в бюджет»; ст. 222 УК РК «Уклонение от уплаты налога и (или) других обязательных платежей в бюджет с организаций»; ст. 222-1 УК РК «Незаконные действия в отношении имущества, ограниченного в распоряжении в счет налоговой задолженности налогоплательщика» [3].

Модель уголовной ответственности, реализованная в действующем законодательстве РФ, Республике Таджикистан и Республике Казахстан, разделяет уклонение от уплаты налогов и сборов, взимаемых с физического и юридического лиц, на два самостоятельных вида преступления. Уклонение от уплаты налогов и сборов с организации рассматривается в качестве отдельного вида налогового преступления.

Таким образом, из анализа вышеприведенных норм можно сделать вывод о том, что в России, Казахстане и Таджикистане налоговым преступлением признается уклонение от уплаты налогов с определенной категории налогоплательщиков.

В настоящий момент наблюдается реальный (а не зарегистрированный) существенный рост преступности в области налогового законодательства.

Борьба с налоговой преступностью – это системная и многоплановая проблема, решение которой требует усилий со стороны органов внутренних дел, со стороны иных учреждений органов государств [8].

В российском праве появились новые и изменились старые нормы, регулирующие отношения, связанные с налоговой преступностью и производство по данным преступлениям. В декабре 2011 года вступил в силу Федеральный закон № 407-ФЗ «О внесении изменений в статьи 140 и 241 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [1]. В соответствии с ним поводом для возбуждения уголовного дела о преступлениях, предусмотренных статьями 198-199.2 УК РФ, служат только те материалы, которые направлены налоговыми органами в соответствии с законодательством о налогах и сборах для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Таким образом, единственным субъектом, уполномоченным направлять материалы в следственные органы для решения вопроса о возбуждении уголовных дел о налоговых преступлениях, является налоговый орган. Органы внутренних дел отстранены от выявления налоговых преступлений.

В настоящее время противодействие налоговой преступности находится в ведении сразу трех ведомств, самостоятельность и самодостаточность которых очевидна (МВД РФ, СК РФ, ФНС РФ). И такой сложный механизм слишком тяжел для реализации задач налоговой политики. Следует отметить, что уголовные дела о налоговых преступлениях с 1 января 2011 г. были переданы в подследственность Следственного комитета РФ. Традиционно функцию противодействия налоговой преступности осуществляли правоохранительные органы (до 1992 г. – органы внутренних дел, с 1993 г. – Департамент налоговой полиции, в 1995 г. переименованный в Федеральную службу налоговой полиции, а с 2003 г. – вновь органы внутренних дел).

В 2010 году в России было зарегистрировано 6802 налоговых преступления, то в 2011 году – 3367, а в 2012 году – на 15% меньше чем в 2011 году [10]. Столь существенное снижение статистических показателей отчасти обусловлено изменением материального права в области определения преступности и уголовно-правовой наказуемости деяний. В частности, в 2011 году примерно в шесть раз были увеличены размеры сумм неуплаченных налогов и сборов, которые образуют преступность деяния.

За 2011 год налоговыми органами было направлено почти 10 тысяч материалов, суммы налоговых претензий по которым превысили 140 млрд. рублей. По результатам их рассмотрения возбуждено всего 1745 уголовных дел. Из них направлено в суд 153 уголовных дела, из которых по 126 делам вынесен обвинительный приговор. На стадии уголовного преследования возмещен ущерб в размере чуть более 5 млрд. рублей (3,5% от общей суммы налоговых претензий)[10].

Республике Таджикистан в целях расширения системы борьбы против правонарушений и преступлений коррупционного характера, устранения случаев дублирования функций и полномочий государственных органов управления, обеспечения прозрачности и совершенствования контрольно-ревизионной деятельности Указом Президента Республики Таджикистан от 10 января 2007 года было создано Агентство по государственному финансовому контролю и борьбе с коррупцией Республики Таджикистан, уполномоченное в пределах компетенции установленной законодательством страны, в том числе противодействовать коррупции, и осуществлять контроль и надзор за экономической деятельностью всех субъектов права.

В отличие от России в Республике Казахстан с 1998 года действует государственный орган, правомочный расследовать экономические преступления - финансовая полиция. В последующие годы финансовая полиция Республики Казахстан только совершенствовала свою деятельность и в настоящее время является мощной государственной структурой по борьбе с экономической преступностью и противодействию коррупции, подчиненная непосредственно президенту Республики. Финансовая полиция это сильнейшая служба, которая выполняет большую часть работы по борьбе с уклонением, с незаконными НДС-схемами, с отмыванием, с мошенничеством, работники которой являются профессионалами широкого профиля и у них сосредоточены, помимо оперативных и процессуальных, еще и контрольные налоговые полномочия. Следует отметить, что такие специалисты были и в нашей налоговой полиции, упраздненной в 2003 году.

Разделение функций противодействия общеуголовной и экономической преступности существует во многих странах. В них выявлением преступлений в сфере экономической деятельности, в первую очередь финансовой, занимается не полицейское ведомство, а узкоспециализированные органы государственной власти либо подразделения ведомств экономического блока. Как указывалось выше, такие органы или подразделения созданы в

Казахстане. Будет целесообразно рассмотреть вопрос о создании качественно нового ведомства – финансовой полиции России с функцией противодействия преступлениям, посягающим на финансовую систему государства в целом [9].

Борьба с налоговыми преступлениями основывается, прежде всего, на нормах национального уголовного законодательства. Вместе с тем страны стремятся объединять свои усилия в деле противодействия налоговым и иным экономическим преступлениям. Это предполагает выработку на межгосударственном уровне общих подходов и принципов, которые закрепляются в международных актах, соглашениях общеуголовной направленности. Так, было принято в 2005 году Соглашение о сотрудничестве государств-участников СНГ в борьбе с налоговыми преступлениями от 03 июня 2005 г.[4]. Участниками Соглашения являются Азербайджан, Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Молдавия, Россия, Таджикистан, Украина. Данное Соглашение 2005 г. предусматривает сотрудничество компетентных органов стран СНГ, направленное на предупреждение, выявление, пресечение и раскрытие налоговых преступлений. В целях повышения эффективности борьбы с налоговыми преступлениями налоговые органы могут осуществлять обмен информацией, непосредственно связанной с совершением противоправных действий в данной сфере (нарушения национального законодательства, сокрытие доходов от налогообложения и др.).

Также существуют соглашения в целях оказания государствами взаимной правовой помощи:

- Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Таджикистан о сотрудничестве и обмене информацией в области борьбы с нарушениями налогового законодательства от 14 января 1998 года[5];

- Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о сотрудничестве и обмене информацией в области борьбы с нарушениями налогового законодательства от 06.07.1998 г. [6].

- Соглашения между Правительством Республики Казахстан и Правительством Республики Таджикистан о сотрудничестве и обмене информацией в области борьбы с экономическими преступлениями от 4 мая 2006 года[7].

Литература:

1. Федеральный закон от 06.12.2011 № 407-ФЗ «О внесении изменений в статьи 140 и 241 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ». 12.12.2011. - № 50. - Ст. 7349
2. Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 года // СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс». – 2001. – 410 с.
3. Кодекс Республики Казахстан от 16.07.1997 № 167-І. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.pavlodar.com/zakon/?dok=00087>. Дата обращения: 23 марта 2013 г.
4. Сведения о выполнении внутригосударственных процедур подготовлены по материалам сайта Исполнительного комитета СНГ <<http://cis.minsk.by>>.
5. Бюллетень международных договоров. Июль 1998 г. – № 7.
6. Бюллетень международных договоров. 1998г. - № 12. - С. 44 - 49.
7. Соглашения между Правительством Республики Казахстан и Правительством Республики Таджикистан о сотрудничестве и обмене информацией в области борьбы с экономическими преступлениями от 4 мая 2006 года. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=15985. Дата обращения: 23 марта 2013 г.
8. Васильева М.В., Алыхова М.В., Ксандопуло К.В. Борьба с налоговыми преступлениями: сущность, тенденции и перспективы /М.В. Васильева, М.В. Алыхова, К.В. Ксандопуло // исом. - 2012. - №6. - С. 257-259.
9. Соничев А. Уголовное преследование по налоговым преступлениям /А. Соничев // Консультант. - 2012. - № 7. - С. 51-53.
10. Источник информации: официальный сайт МВД России //<http://www.mvd.ru>.

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПОСЯГАТЕЛЬСТВА НА ИНТЕРЕСЫ ПРАВОСУДИЯ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ СТРАН АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

© Е.Н.Скорик
Россия, г. Ростов-на-Дону

На сегодняшний день исследование вопросов уголовной ответственности за преступные посягательства на интересы правосудия в законодательстве зарубежных стран остается одной из малоизученных проблем сравнительного правоведения в сфере уголовного права. Особый интерес в этом плане представляет обращение к уголовно-правовым системам, существенно отличающимся от российской. В их числе государства Азиатско-Тихоокеанского региона.

В качестве предмета рассмотрения выберем уголовно-правовые нормы, направленные на охрану правосудия (закрепленные в законодательстве Японии, Китайской Народной Республики и Республики Корея). Прежде всего, необходимо отметить, что правосудие не выделяется в качестве самостоятельного объекта преступного посягательства в указанных странах АТР. Традиционно отдельные нормы располагаются в главах, в основном посвященных преступлениям против порядка управления.

Представленный законодательный материал можно сгруппировать следующим образом:

1. Преступления, состоящие в сокрытии преступника и в фальсификации доказательств.

В УК Японии данные преступления разбросаны по разным главам. В главе 7 описываются сокрытие преступника (ст. 103), уничтожение доказательств (ст. 104) запугивание свидетеля (ст. 105 II); в главе 20 - лжесвидетельство (ст. 169), ложное заключение и ложный перевод (ст. 171) и в главе 21 - оговор (ст. 172).

Сокрытие преступника может быть выражено в двух формах: непосредственно в сокрытии лица, совершившего преступное деяние, влекущее денежный штраф или более тяжелое наказание, или того, кто совершил побег из-под стражи; либо в оказании содействия в обнаружении названных лиц.

Под уничтожением доказательств понимаются следующие альтернативные действия: уничтожение, подделка, видоизменение доказательства по уголовному делу другого лица либо использование подделанного или видоизмененного доказательства. Применительно к этим двум преступным деяниям японский законодатель предусматривает случай специального освобождения от уголовной ответственности – речь идет о родственниках преступника, совершившего указанные преступления.

Объективная сторона запугивания свидетеля сформулирована в законе как вымогательство у того, кто признан обладающим необходимыми знаниями для предварительного или судебного расследования, или у его родственника встречи; ведение с ними настойчивых переговоров или осуществление в отношении них угроз. Причем, субъектом этого преступления может быть как лицо, в отношении которого ведется предварительное или судебное расследование, так и любое другое лицо, заинтересованное в данном уголовном деле.

Диспозиция ст. 169 сформулирована как простая – названо только деяние – ложное показание. Хотя в ст. 170 предусмотрены условия смягчения наказания или освобождения от наказания - если лицо, совершившее лжесвидетельство, созналось до того, как по делу, по которому оно дало свидетельское показание, решение вступило в законную силу или было наложено дисциплинарное взыскание, то возможно смягчение наказания или освобождение от него.

Аналогично сконструирован и состав ложного заключения и ложного перевода: «эксперт или переводчик, приведенные, согласно закону, к присяге и давшие ложное заключение или ложный перевод».

Оговор предусматривает ложное сообщение со специальной целью - добиться возбуждения уголовного или дисциплинарного преследования против другого лица. Так же как и при лжесвидетельстве предусмотрено смягчение наказания или освобождение от наказания в результате признания.

УК Республики Корея преступления данной группы относит к сокрытию преступника (ст. 151); лжесвидетельство (ст. 152); ложное экспертное заключение, мнение, перевод (ст. 154); уничтожение доказательств (ст. 155); ложное обвинение (ст. 156).

Укрывательство преступника представляет собой сокрытие лица, виновного в совершении преступления, за которое установлено наказание в виде штрафа или более строгое наказание, либо склонение такого лица к совершению побега. В данном случае корейский законодатель также предусматривает освобождение от уголовной ответственности родственника преступника (глава семь либо член совместно проживающей семьи).

Под лжесвидетельством уголовный закон понимает дачу ложных показаний свидетелем, принесшим присягу в установленном порядке. Однако в соответствии со ст. 153 в случае, если лицо, совершившее названное преступление, делает добровольное признание или отказывается от данных

им показаний до завершения уголовного или административного дела, по которому оно свидетельствовало, наказание подлежит смягчению или не назначается.

Ст. 154 предусматривает уголовную ответственность специальных субъектов - эксперта, специалиста или переводчика – за дачу ложного заключения или перевода.

Уничтожение доказательств по УК Республики Корея понимается достаточно широко – по сути, в ст. 155 сформулировано два самостоятельных состава: 1) уничтожение, сокрытие, фальсификация либо изменение доказательства по уголовному или административному делу в отношении другого лица, либо использование фальсифицированных или измененных доказательств; 2) сокрытие свидетеля либо склонение его отказаться от дачи показаний по уголовному или административному делу против другого лица. В качестве квалифицирующего признака, относящегося к двум названным деяниям, указывается причинение вреда обвиняемому либо подозреваемому по уголовному или административному делу.

Объективная сторона ложного обвинения выражена в сообщении ложной информации государственному служащему или должностному лицу. Обязательным признаком является цель – привлечение другого лица к уголовной или административной ответственности. Таким образом, уголовно наказуемым является ложное обвинение лица не только в совершении преступления, но и административного проступка.

В УК КНР преступления, состоящие в сокрытии преступника и в фальсификации доказательств, представлены составами, описанными в ст.ст. 243, 305 – 308, 310 – 312 (в УК КНР статьи названий не имеют).

Ст. 243 предусматривает уголовную ответственность за фальсификацию фактов, оговор и клевету в отношении третьих лиц, совершенных с целью подвергнуть этих лиц уголовному преследованию. В качестве квалифицирующего признака указано наступление серьезных последствий. Кроме того, наказание увеличивается до «максимально сурового», если это деяние совершено «работником государственных органов». Неумышленный оговор, произошедший из-за ошибочного сообщения или сообщения сведений, после проверки оказавшихся ошибочными, не подпадает под действие данной статьи.

Субъектом преступления, предусмотренного в ст. 305, являются участвующие в процессе по уголовному делу свидетели, эксперты, ведущие протоколы секретари, переводчики. Объективная сторона соответственно выражается в даче по важнейшим обстоятельствам судебного дела ложных показаний, составлении ложного экспертного заключения, искажении протокола, неправильном переводе. Законодатель указывает специальную цель этого деяния - намерение причинить вред третьему лицу или сокрыть улики.

В ст. 306 также указан специальный субъект - участвующие в процессе по уголовному делу адвокаты, представители истца. Деяние может быть выражено в следующих альтернативных действиях: 1) уничтожение или подделка улик; 2) помощь сторонам, участвующим в процессе, в уничтожении или подделке улик; 3) вынуждение свидетелей изменить свои показания или дать ложные показания (в качестве способов названы угрозы либо «посулы»).

Ст. 307 закрепляет уголовную ответственность за воспрепятствование даче свидетелем свидетельских показаний или принуждение его к даче ложных показаний путем насилия, угроз, подкупа и иными способами. Работники органов юстиции, совершившие данное деяние, наказываются «максимально суровым наказанием».

Свидетель выступает в качестве потерпевшего и в ст. 308, которая предусматривает ответственность за избивание свидетеля ради сведения с ним счетов.

В ст.ст. 310 – 312 говорится о различных формах укрывательства преступлений: 1) предоставление лицу, заведомо совершившему преступление, убежища, финансовой помощи, содействия в побеге, выгораживание его путем дачи ложных показаний (ст. 310); 2) отказ от предоставления улик в отношении третьего лица, заведомо занимающегося преступной шпионской деятельностью, в случае проведения проверки обстоятельств дела органами государственной безопасности и сбора ими соответствующих улик (ст. 311) и 3) укрывательство, транспортировка, покупка или посредничество при продаже имущества, заведомо добытого преступным путем (ст. 312).

2. Преступления, связанные с исполнением процессуальных решений. Наиболее подробному законодательному регулированию подвергается уголовная ответственность за побег из-под стражи. Причем можно выделить ряд общих подходов у всех законодателей стран АТР:

- обязательно уточняется, что лицо должно содержаться под стражей на законных основаниях;

- предусмотрены похожие квалифицирующие признаки (путем повреждения тюремных строений или средств охраны, применения насилия или угрозы либо соглашения между двумя или более лицами);

- ответственность за пособничество закреплена в отдельной норме, причем особо выделяется пособничество со стороны тюремных охранников либо конвойных.

К данной группе преступлений могут быть также отнесены деяния, предусмотренные ст.ст. 313 и 314 УК КНР. Речь идет об отказе от исполнения решения, вынесенного народным судом; и сокрытии, перемещении, перепродаже, умышленном уничтожении опечатанного, арестованного или замороженного органами юстиции имущества при отягчающих обстоятельствах.

Кроме того, в рамках данной группы преступлений следует выделить состав нарушения порядка содержания под арестом (надзором), который, согласно ст. 315 УК КНР, выражается в: 1) избиении надзирателя; 2) организации нарушения порядка содержания под арестом (надзором) другими арестованными; 3) учинении массовых беспорядков, нарушающих нормальный порядок содержания под арестом (надзором); 4) избиении, применении телесных наказаний или принуждении третьих лиц к избиению, применению телесных наказаний по отношению к другим арестованным.

3. Служебные преступления.

В УК Республики Корея данная группа представлена одним основным составом - ложным арестом, незаконным заключением под стражу (ст. 276), однако законодатель предусматривает дополнительно целый ряд квалифицированных составов, выделенных в отдельные нормы: 1) ложный арест, сопряженный с жестоким обращением (ст. 277); 2) совершенный под угрозой применения силы или опасного оружия (ст. 278); 3) повлекший смерть или физический вред (ст. 281). За совершение указанных деяний виновному в качестве дополнительного наказания может быть назначено приостановление квалификации на срок до десяти лет (ст. 282).

УК КНР предусматривает два состава служебных преступлений: 1) применение работником юстиции к подозреваемым в преступлении или обвиняемым допроса под пыткой с целью получения вынужденного признания или вымогательство с помощью насилия свидетельских показаний (ст. 247); и 2) избиение заключенных и применение жестоких телесных наказаний, совершаемые надзирателями тюрем, помещений для арестованных, домов предварительного заключения (ст. 248).

Проведенное исследование уголовно-правовых норм, направленных на охрану правосудия в странах АТР, позволяет сделать вывод о том, что в каждой из них существует свой уникальный опыт противодействия преступности, который вполне мог бы быть использован при совершенствовании российского уголовного законодательства.

从等级角度浅析古代印度种姓制度

THE ANALYSIS OF ANCIENT INDIAN CASTE SYSTEM BY GRADE VIEW

© MaLi

Китай, г. Манчжурия

【摘要】 种姓出现于古印度国家形成过程中。种姓制度的定义。关于种姓制度的性质和评价标准。《摩奴法典》以残酷刑罚维护种姓制，犯罪和刑罚公开不平等。种姓制度的表现、特点、影响。

【关键词】 种姓制度 瓦尔纳 迦提 《摩奴法典》 等级

IV. УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ. ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ В СТРАНАХ АТР

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИИ И МОНГОЛИИ: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОИЗВОДСТВА ПРОВЕРКИ СООБЩЕНИЙ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

© А.В. Коршунов
Россия, г. Иркутск
© Д.Г. Шагин
Россия, г. Иркутск

Актуальность изучения законодательства стран АТР и России обусловлена тем, что оно основывается во многом на одинаковых принципах. Так, например, в соответствии со ст. 1 Конституции Монголии обеспечение демократии, справедливости, свободы, равенства, национального согласия и верховенства закона – основной принцип деятельности современного монгольского государства. В свою очередь, Конституция РФ в ст. 2 гарантирует, что человек, его права и свободы, в том числе право на свободу и личную неприкосновенность, являются высшей ценностью современного российского государства, и эти принципы основных законов изучаемых стран сближают их.

Уголовно-процессуальный кодекс Монголии (далее по тексту - УПК Монголии) принят 10 января 2001 года и вступил в действие с 1 сентября 2002 года, а Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее - УПК РФ) принят 18 декабря 2001 года и вступил в силу 01 июля 2002 года, то есть почти в одно время.

В контексте данной статьи нам представляется интересным провести сравнительно-правовой анализ мер, принимаемых правоохранительными органами рассматриваемых стран по проверке сообщений о преступлениях. В этой сфере общественных отношений традиционно имеются проблемы, требующие изучения, осмысления и решения, что поможет нам понять проблемы уголовного процесса России и по возможности предложить их решение.

Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [1], в очередной раз существенно изменена редакция ч. 1 ст. 144 УПК РФ [2], которая теперь выглядит так:

«1. Дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа обязаны принять, проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении и в пределах компетенции, установленной настоящим Кодексом, принять по нему решение в срок не позднее 3 суток со дня поступления указанного сообщения. При проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном настоящим Кодексом, назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, привлекать к участию в этих действиях специалистов, давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий».

Как и УПК РФ, УПК Монголии содержит перечень возможных действий (процедур проверки сообщений о преступлении) для решения вопроса о возбуждении уголовного дела или об отказе в таковом (ст. 172 УПК Монголии). Так, следователь или дознаватель может:

- проверять документы для установления личности человека;
- производить личный осмотр, осмотр транспортного средства и багажа;
- опечатывать помещения, имущество, активы или финансовые средства коммерческих структур, организаций и граждан;
- налагать временный арест на транспортные средства, товары или финансовые средства;

- получать образцы, отпечатки пальцев, предметы, требуемые для выполнения судебно-медицинской и иных экспертиз.
- получать объяснения от граждан и должностных лиц;
- устанавливать контроль за входом и выходом из помещений и территорий;
- проникать в жилища и помещения граждан и организаций в процессе пресечения преступления и задержания преступника;
- проверять, применялись ли алкогольные, наркотические или ядовитые вещества.
- производить арест лица, подозреваемого в совершении преступления.

Из приведенного перечня возможных действий должностных лиц можно увидеть существенные отличия в полномочиях по проверке сообщений о преступлениях в России и Монголии, хотя заметны и некоторые сходства.

Анализ УПК РФ и УПК Монголии позволяет выявить такое различие законодательной регламентации производства проверки сообщения о преступлении как срок проверки. Это 3 суток и 5 суток соответственно, а также дополнительные сроки 10 (30) суток (УПК РФ) и 14 суток (УПК Монголии). При этом УПК Монголии не содержит норм о продлении срока проверки более чем на 14 суток – решение должно быть принято до истечения именно этого периода времени. Основания продления основного срока проверки (3 и 5 суток) также несколько различны. Статья 171.2 УПК Монголии устанавливает, что срок проверки (5 суток) может быть продлен до 14 дней в случаях, когда для принятия решения о возбуждении уголовного дела необходимо получить дополнительные объяснения, документы и другие материалы или произвести осмотр места преступления, тогда как ч. 3 ст. 144 УПК РФ лишь ограничивается указанием на то, что руководитель следственного органа, начальник органа дознания вправе по мотивированному ходатайству соответственно следователя, дознавателя продлить до 10 суток срок, установленный ч. 1 ст. 144 УПК РФ. То есть, в российском законе оснований или мотивов продления срока проверки сообщений о преступлении до 10 суток попросту нет. Практика, очевидно, подсказывает сама такие основания и это, как правило, также необходимость получения каких-либо материалов, справок (например об ущербе), объяснений и т.д.

Однако УПК РФ устанавливает четкие основания для продления срока проверки до 30 суток: необходимость производства документальных проверок, ревизий, судебных экспертиз, исследований документов, предметов, трупов, а также проведения оперативно-розыскных мероприятий. При этом при продлении необходимо указать на конкретные, фактические обстоятельства, послужившие его основанием.

УПК РФ устанавливает, что ходатайство о продлении оформляется мотивированным постановлением следователя перед руководителем следственного органа или дознавателем перед прокурором, а УПК Монголии не определяет – ни каким документом оформляется продление, ни кому оно могло бы быть адресовано.

В качестве вывода можно отметить, что УПК РФ более детально прописывает деятельность следователей и дознавателей по проверке сообщений о преступлениях, нежели УПК Монголии.

В соответствии с поставленной целью работы, а именно – изучение, осмысление, понимание проблем уголовного процесса России и по возможности, формирования предложений по их разрешению, мы считаем необходимым углубиться в анализ УПК РФ по данной проблеме.

Итак, Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ были предусмотрены изменения ст. 144 УПК РФ, предусматривающей порядок рассмотрения заявлений и сообщений о преступлениях. В некотором смысле эти изменения можно назвать революционными.

Так, следует признать правильным включение в ч. 1.1. ст. 144 положения о возможности получать образцы для сравнительного исследования, а также назначать и производить экспертизу до возбуждения уголовного дела. Этим положениям корреспондируют и ст. 195, 202 УПК РФ. Извечная проблема соотношения «предварительного исследования» и судебной экспертизы, казалось бы, разрешена. Действительно, нет смысла проводить «непроцессуальное» исследование предметов, документов, когда имеется возможность назначить экспертизу. Во-первых, это уменьшает нагрузку на экспертные учреждения, так как нет необходимости фактически дважды проводить одну и ту же работу. Во-вторых, наконец-то решена проблема с доказательственным значением результатов тех экспертных исследований, которые проводились по уже несуществующим объектам. Речь идет, в первую очередь, о наркотических средствах и психотропных веществах, которые в результате проведенного исследования до возбуждения уголовного дела оказывались уничтожены. Экспертиза после возбуждения уголовного дела проводилась фактически без самих объектов исследования.

Применявшиеся для обеспечения доказательственного значения таких заключений приемы можно было охарактеризовать одним выражением – «от лукавого» [3]. В настоящее время назначение и производство экспертизы возможно до возбуждения уголовного дела, поэтому описанная выше проблема, по нашему мнению решена.

Вместе с тем нельзя не признать наличие в указанных изменениях спорных вопросов и противоречий, которые отнюдь не способствуют оптимизации и совершенствованию правоприменительной практики. Так, ч. 1.1 УПК РФ предусматривает положение, в соответствии с которым лицам, участвующим в производстве *процессуальных* (выделено нами – А. К., Д. Ш) действий при проверке сообщения о преступлении, разъясняются их права и обязанности, предусмотренные УПК и обеспечивается возможность осуществления этих прав в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы, в том числе права не свидетельствовать против самого себя, своего супруга (супруги), близких родственников.

В соответствии с п. 32 ст. 5 УПК РФ процессуальное действие - следственное, судебное или иное действие, предусмотренное нормами УПК РФ.

Однако из процессуальных действий (т. е. действий, порядок производства которых регламентирован УПК РФ) в ч. 1 ст. 144 УПК можно выделить лишь следующие:

- получение образцов для сравнительного исследования;
- назначение и производство экспертизы;
- производство осмотра места происшествия, документов, предметов, трупов,
- освидетельствование.

Очевидно, что право не свидетельствовать против самого себя, своего супруга (супруги), близких родственников в указанных следственных действиях практически не реализуемо. Это право обеспечивается должностными лицами при допросе (очной ставке и др.), а в рамках доследственной проверки – при получении объяснений. Получение же объяснений процессуальным действием не является. Очевидно, что рассматриваемое право должно быть законодательно распространено и на непроцессуальные действия в стадии возбуждения уголовного дела.

Другая проблема – декларированная законодателем возможность использования полученных в ходе проверки сообщений о преступлениях сведений в доказывании. В ч. 1.2. ст. 144 УПК сказано, что такие сведения могут быть использованы в качестве доказательств при условии соблюдения положений ст. ст. 75, 89 УПК РФ. В связи с этим возникает ряд вопросов. В соответствии со ст. 75 УПК доказательства, полученные с нарушением требований УПК РФ, являются недопустимыми. Возникает вопрос: можно ли соблюсти требования, предъявляемые к порядку проведения непроцессуальных действий, предусмотренных ч. 1 ст. 144 УПК, если закон их (эти действия) попросту не предусматривает? Получение объяснений, истребование и изъятие предметов и документов, их исследование – все эти действия не регламентированы уголовно-процессуальным законом. Можно ли соблюдать требования, предъявляемые к несуществующим действиям? Или правоохранительные органы должны применять закон по аналогии? При получении объяснений пользоваться нормами, регламентирующими порядок производства допроса, при изъятии предметов и документов – выемки и т. д.

На наш взгляд, при ответе на эти вопросы сначала необходимо ответить на более глобальный – относятся ли указанные изменения ко всем уголовно-процессуальным процедурам («обычному» дознанию, предварительному следствию) или только к вновь введенному дознанию в сокращенной форме, предусмотренному главой 32.1 УПК РФ? Ведь именно нормы этой главы (а именно – ст. 226.5) корреспондируют положениям ст. 144. Очевидно, нет, в противном случае об этом было бы указано в самой ст. 144 УПК. Иначе говоря, материалы доследственной проверки могут быть использованы в качестве доказательств и при производстве предварительного следствия, и при производстве дознания. Но возможно ли соблюдать требования УПК РФ при производстве указанных выше непроцессуальных действий? Ответ отрицательный. На наш взгляд, выходом в данной ситуации будет включение в ч. 1.2. ст. 144 УПК РФ положения о том, что результаты таких непроцессуальных действий могут быть доказательствами только при расследовании уголовных дел в форме сокращенного дознания.

Несколько абстрагируясь от этого вывода, можно задать еще одним вопросом – каково соотношение доказательственного значения результатов исследования предметов и документов и заключения эксперта? С одной стороны, возможность назначения и производства экспертизы до возбуждения уголовного дела влечет ненужность проведения различных «предварительных» исследований. Зачем проводить медицинское освидетельствование трупа, если можно сразу

назначить судебно-медицинскую экспертизу? С другой стороны, при расследовании определенных категорий уголовных дел без такого исследования, пожалуй, не обойтись. Речь идет, например, о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотиков, когда путем экспресс-анализов необходимо быстро сделать вывод о наличии/отсутствии, виде наркотического вещества. «Полноценная» экспертиза требует большего времени. В принципе, такой порядок (проведение исследования до возбуждения уголовного дела и судебной экспертизы после) применялся и раньше, но сейчас, в силу ч. 1.2. ст. 144 УПК возникает резонный вопрос о необходимости производства судебной экспертизы после проведения исследования, в том числе по делам других категорий.

На наш взгляд, результаты исследования, проведенного в рамках доследственной проверки, не могут быть доказательствами. Если до возбуждения уголовного дела необходимо провести «полноценное» исследование (установление причин смерти, характера телесных повреждений, пригодность оружия для стрельбы и т. д.), то оно должно производиться только в рамках судебной экспертизы. Если же результаты исследования носят промежуточный характер и необходимы лишь для того, чтобы сделать вывод о наличии или отсутствии основания для возбуждения уголовного дела (установление вида, размера наркотического средства, признаков подделки документов, наличия/отсутствия загрязнения почвы или воздуха и т. д.), то после возбуждения уголовного дела в любом случае необходимо назначить соответствующую экспертизу.

Другой вопрос, связанный с производством экспертиз – возможность производства до возбуждения уголовного дела экспертиз, ущемляющих конституционные права граждан и, соответственно, требующих судебного решения. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 203 УПК РФ, подозреваемый или обвиняемый, не содержащийся под стражей, помещается в медицинский или психиатрический стационар для производства судебно-медицинской или судебно-психиатрической экспертизы на основании судебного решения, принимаемого в порядке, установленном ст. 165 УПК РФ. Но и амбулаторная судебно-психиатрическая экспертиза имеет значительный «элемент принудительности» и, безусловно, ущемляет права подэкспертных. На наш взгляд, в рассматриваемой стадии уголовного процесса, когда еще не решен принципиальный вопрос о возбуждении уголовного дела, недопустимо столь существенное ограничение конституционных прав граждан. Таким образом, в ст. 144 необходимо установить запрет на производство любых судебно-психиатрических и стационарных судебно-медицинских экспертиз.

Наконец, вызывает вопросы положение ч. 1.2. ст. 144 УПК РФ, предусматривающее, что если после возбуждения уголовного дела стороной защиты или потерпевшим будет заявлено ходатайство о производстве дополнительной либо повторной судебной экспертизы, то такое ходатайство подлежит удовлетворению. Возникает вопрос – как потерпевший (который, к слову, в стадии возбуждения уголовного дела еще не признается таковым, правильной будет его называть – пострадавший) впоследствии узнает о том, что до возбуждения дела была назначена экспертиза? Ведь в п. 11 ч. 2 ст. 42 УПК речь идет о возможности потерпевшего ознакомиться с постановлением о назначении экспертизы и заключением эксперта лишь в случаях, предусмотренных ч. 2 ст. 198 УПК, т. е. когда экспертиза проводилась в отношении него. В остальных случаях он лишен такой возможности. Не говорится об обязанности дознавателя уведомлять потерпевшего о проведенной до возбуждения уголовного дела экспертизе (исследовании) и при производстве дознания в сокращенной форме (ст. ст. 226.3, 226.5 УПК), хотя, как говорилось выше, положения ч. ч. 1.1., 1.2 ст. 144 УПК должны, в первую очередь, относиться именно к этой форме предварительного расследования.

Подводя итог, необходимо сказать следующее. Мы уверены в том, что в рассматриваемом федеральном законе можно и нужно было устранять уже давно существующие (и широко обсуждаемые юристами) недостатки правового регулирования этой стадии уголовного процесса: вопросы проведения освидетельствования до возбуждения уголовного дела, проблемы доказательственного значения результатов исследования специалиста, соотношение фактического и процессуального задержания подозреваемого и т. д. Вместо этого мы получили очередную порцию абсолютно «сырых», малопригодных для беспроblemного практического применения норм, которые требуют еще более тщательной «отладки». Хочется надеяться, что в процессе последующей работы над Уголовно-процессуальным кодексом России законодатель учтет имеющиеся недоработки и устранил их.

Литература:

1. Российская газета. 6 марта 2013 г. № 48 (6024).

2. Об изменениях данной нормы УПК РФ мы неоднократно писали, в том числе и критически. См. об этом: Процессуальные проблемы предварительных исследований в стадии возбуждения уголовного дела // Актуальные вопросы судебных экспертиз: материалы междунар. науч.-практ. конф. – Иркутск: ФГОУ ВПО МВД России, 2010. – С.272-274; Процессуальные проблемы участия специалиста в расследовании уголовного дела / Д.Г. Шашин // Деятельность правоохранительных органов и федеральной противопожарной службы в современных условиях: проблемы и перспективы развития: Материалы 15 Междунар. науч.-практ. конф. – Иркутск: ФГОУ ВПО «Восточно-Сибирский институт МВД России», 2010. – С. 301-304; Современные тенденции использования заключения специалиста в качестве доказательства / Д.Г. Шашин, А.А. Шаевич // Актуальные вопросы судебных экспертиз: материалы междунар. науч.-практ. конф. – Иркутск: ВСИ МВД России, 2011. – С.102-108 и др.

3. В таких случаях эксперт отражал в своем заключении факт уничтожения исследуемого вещества на предварительном исследовании (если он сам его проводил). Кроме того, в некоторых правоохранительных органах была распространена практика приобщения справки специалиста в качестве вещественного доказательства. Разумеется, оба эти варианта были весьма спорными и абсолютно не вязались с принятыми нормами процесса доказывания.

ПОЛНОМОЧИЯ СУДА В ПРОЦЕССЕ ДОКАЗЫВАНИЯ В СУДЕ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ ПО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

© В.С. Шестакова

Россия, п. Александровский Завод

Проблемы доказывания по уголовным делам на протяжении уже многих лет являются наиболее обсуждаемыми в уголовно-процессуальном праве, и, несмотря на бесконечные дискуссии до сих пор тема доказывания является одной из наиболее актуальных. Процесс доказывания в суде происходит на стадии судебного следствия и регламентируется уголовно-процессуальным законодательством. Судебное следствие – это основная часть судебного разбирательства, в ходе которого происходит исследование представленных сторонами доказательств и установление фактических обстоятельств совершенного преступления под руководством и с участием независимого и беспристрастного суда [3, С. 156].

В вопросе о полномочиях суда по участию в доказывании нет единого мнения среди ученых-процессуалистов. Так, например Белкин А.Р., Лазарева В. считают, что суд должен быть арбитром в споре между сторонами – пассивной стороной в процессе доказывания. [1, С. 26; 5, С. 12]. В статье 243 УПК РФ законодатель указывает, что председательствующий руководит судебным заседанием, принимает меры по соблюдению состязательности и равноправия сторон.

Другие же ученые (Бойков А.Д., Зинатуллин З.З., Егорова Т.З.) считают, что суд должен играть активную роль в доказывании при рассмотрении уголовного дела. Так, по их мнению, без активного включения суда в процесс доказывания невозможна постановка вопросов, проверка показаний, назначение экспертиз, устранение с помощью сторон и по своей инициативе пробелов в доказательствах и т.п. [2, С. 121; 3, С. 56]. Как указал Конституционный суд РФ, наделение суда функцией осуществления правосудия предполагает предоставление суду необходимых и достаточных для надлежащего осуществления этой функции полномочий. Суд должен иметь право не только руководить разбирательством дела (ч. 3 ст. 15, ст. 243 УПК), но и активно участвовать в исследовании его доказательственной базы, достаточность которой определяет законность и обоснованность будущего приговора. Выполняя свою уголовно-процессуальную функцию в судебном разбирательстве, суд, в отличие от государственного обвинителя, не доказывает тот или иной заранее выдвинутый тезис, не имеет целью изобличить подсудимого в совершении преступления (п. 55 ст. 5; ч. 4 ст. 37 УПК). Суд осуществляет доказывание для беспристрастного установления всех обстоятельств дела (ст. 73 УПК). В этой связи очень точно подметила Т.В.Моисеева: «требование постановления по каждому уголовному делу законного, обоснованного и справедливого приговора не позволяет устранить суд от участия в исследовании материалов уголовного дела, поскольку позиция стороннего наблюдателя для суда не гарантирует защиту прав и интересов лиц и организаций, потерпевших от преступления, а также защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения и осуждения» [7, С. 132].

Тем не менее, процессуальная активность суда по многим направлениям существенно ограничена.

Если провести сравнительный анализ с уголовно-процессуальным законодательством КНР, то следует отметить, что в Китайской Народной Республике уголовно-процессуальный кодекс создавался на основе УПК РСФСР, принятом в 1960 году, поэтому уголовно-процессуальное законодательство России и Китая имеет много общего, в том числе и в процедуре доказывания.

В ходе судебного следствия в суде первой инстанции процесс доказывания по уголовно-процессуальному законодательству КНР и РФ основан на принципе состязательности и равноправия сторон, а функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо (ст. 15 УПК РФ, ст. 7 УПК КНР).

Следует отметить, что в УПК РФ, так же как и в УПК КНР, суд вправе собирать доказательства путем производства следственных и иных процессуальных действий (ст. ст. 17, 86, 87, 88 УПК РФ, ст. 43 УПК КНР).

Согласно уголовно-процессуального кодекса РФ, в суде первой инстанции предусмотрены такие следственные действия как допрос (подсудимого, потерпевшего, свидетеля, эксперта), производство судебной экспертизы (ст. 283 УПК РФ), осмотр вещественных доказательств (ст. 284 УПК РФ), осмотр местности и помещения (287 УПК РФ), следственный эксперимент (288 УПК РФ), предъявление для опознания (289 УПК РФ), освидетельствование (290 УПК РФ), а так же иные процессуальные действия, такие как оглашение показаний (276, 281 УПК РФ), оглашение протоколов следственных действий и иных документов (285 УПК РФ), приобщение документов (286 УПК РФ).

Соответственно, уголовно-процессуальным законодательством КНР на стадии судебного следствия предусмотрены следующие следственные действия: допрос (подсудимого, свидетеля, эксперта), осмотр вещественных доказательств (157 УПК КНР) и проведение экспертизы (159 УПК КНР), а так же иные процессуальные действия в виде оглашения показаний и оглашения протоколов следственных действий и иных документов. Кроме того, в ходе судебного разбирательства судебная коллегия КНР может заявить о недопущении в суд сомнительных доказательств и о проведении по ним следственной проверки. В ходе осуществления следственной проверки доказательств возможно проведение: осмотров, освидетельствования, ареста имущества, проведение экспертизы, опросов, блокирование счетов (ст. 158 УПК КНР). Уголовно-процессуальным законодательством КНР, в отличие от УПК РФ, на стадии судебного следствия не предусмотрено проведение следственного эксперимента и предъявление для опознания.

Как правило, на стадии судебного следствия в КНР и в РФ особое место в доказывании занимают допросы. В уголовно-процессуальном кодексе РФ предусмотрены допросы подсудимого, потерпевшего, свидетеля, эксперта. В УПК КНР, в отличие от УПК РФ, не предусмотрен допрос потерпевшего, он лишь может изложить свое мнение в отношении преступления, совершение которого вменяется обвиняемому.

Необходимо отметить, что общим в уголовно-процессуальном законодательстве рассматриваемых государств является то, что суд никогда не начинает допрос первым, он может задавать вопросы допрашиваемому лицу только после того, как его допросили стороны. Председательствующий регулирует допрос в плане соблюдения требований закона для осуществления допроса. Если председательствующий считает, что содержание задаваемых вопросов не имеет отношения к делу, он обязан его снять. Роль суда заключается в сопоставлении показаний всех свидетелей между собой и с другими доказательствами по делу, таким образом, суд дает им соответствующую правовую оценку.

Отличия в уголовно-процессуальном законодательстве РФ и КНР заключаются в следующем: согласно УПК РФ, первой предоставляет доказательства сторона обвинения. При этом очередность доказательств определяется самой стороной. Суд не может вмешиваться в установленный порядок исследования доказательств, за исключением следующих случаев: во-первых, с разрешения председательствующего подсудимый вправе давать показания в любой момент судебного следствия, и, во-вторых, если в деле участвует несколько подсудимых, то очередность представления ими доказательств определяется судом с учетом мнения сторон (ст. 274 УПК РФ). В УПК КНР порядок предоставления доказательств четко регламентирован законодателем, и не может быть изменен ни при каких обстоятельствах. Кроме того, в УПК РФ предусмотрено право подсудимого, потерпевшего и свидетеля отказаться от дачи показаний, воспользовавшись положениями ст. 51 Конституции РФ и это не повлечет каких-либо для них процессуальных последствий.

Уголовно-процессуальное законодательство РФ и КНР предусматривает оглашение показаний свидетелей, (в УПК РФ – оглашение показаний потерпевшего, подсудимого), осмотр вещественных доказательств и исследование письменных материалов дела.

Инициатором следственных и иных действий в Уголовно-процессуальном законодательстве РФ могут выступать исключительно стороны и суд, также имеются случаи, когда инициатор в законе прямо не указан.

В российском уголовном процессе предусмотрено оглашение показаний подсудимого, свидетеля и потерпевшего. Огласить показания подсудимого возможно только по ходатайству одной из сторон и только при наличии определенных оснований, перечисленных в ст. 276 УПК РФ. Показания свидетеля и потерпевшего оглашаются в случаях, указанных в ч. 2 ст. 281 УПК РФ. Оглашение их показаний возможно как по ходатайству сторон, так и по инициативе суда. Кроме того, как по ходатайству сторон, так и по инициативе суда возможно назначение судебной экспертизы (ч. 1 ст. 283 УПК РФ); вызов для допроса эксперта, давшего заключение в ходе предварительного расследования (ч. 1 ст. 282 УПК РФ); оглашение протоколов следственных действий и иных документов (ст. 285 УПК РФ); приобщение к материалам уголовного дела документов (ст. 286 УПК РФ). Только по ходатайству сторон могут быть проведены такие процессуальные действия, как допрос свидетелей (ст. 278 УПК РФ) и осмотр вещественных доказательств (ст. 284 УПК РФ). Кроме того, имеются и такие процессуальные действия, относительно которых закон не содержит прямых указаний об их инициаторе. К ним относится осмотр местности и помещения, следственный эксперимент, предъявление для опознания и освидетельствование. Анализ статей 287 - 290 УПК РФ, регламентирующих указанные действия, позволяет сделать вывод о возможности их проведения, как по ходатайству сторон, так и по инициативе суда, поскольку их юридической основой является определение или постановление суда, которое, как можно полагать, может быть вынесено и при отсутствии ходатайств сторон [6, С. 212].

В уголовно-процессуальном законодательстве КНР после допроса свидетелей: «Государственный обвинитель, защитник должны предъявить суду вещественные доказательства для их опознания сторонами в деле; не поступившие в суд протоколы показаний свидетелей, экспертные заключения экспертов, протоколы осмотра и другие документы, выступающие в качестве доказательств, должны быть оглашены в суде. Судья должен заслушать мнения государственного обвинителя, сторон в деле и защитника, представителя в процессе» (ст. 157 УПК КНР). Кроме того «в ходе судебного разбирательства стороны в деле вправе ходатайствовать о вызове в суд новых свидетелей, о получении новых вещественных доказательств, о проведении новых экспертиз либо осмотров. По заявленным выше ходатайствам суд должен вынести постановление об их удовлетворении либо об отказе в их удовлетворении» (ст. 159 УПК КНР). В статье 158 УПК КНР законодатель указывает, что «в ходе осуществления следственной проверки доказательств народный суд может проводить осмотры, освидетельствования, арестовывать имущество, проводить экспертизы и опросы, блокировать счета».

Все описанные полномочия позволяют суду осуществлять действия, направленные на проверку и оценку имеющихся в деле доказательств. Сбор же доказательств – это прерогатива сторон. В процессе доказывания суд не должен подменять стороны и проявлять активность в судебном разбирательстве по установлению фактических обстоятельств дела. Все вышеизложенное свидетельствует о некоторой размытости положений уголовно-процессуального закона, устанавливающих полномочия суда в процессе доказывания в суде первой инстанции как в Китайской Народной Республике, так и в Российской Федерации. Выделение полномочий суда в уголовно-процессуальной науке бесценно, однако необходимо их закрепление и в норме закона. Полномочия суда в процессе доказывания не должны вытекать из анализа норм закона, они должны быть четко прописаны в законе. Это позволит более точно определить пределы полномочий суда в процессе доказывания. Но, не смотря на пробелы в действующем уголовно-процессуальном кодексе, необходимо всегда помнить, что от грамотного, полного, законного и объективного рассмотрения судом уголовного дела, зависит вынесения справедливого и законного решения, которое вправе вынести только суд.

Литература:

1. Белкин А.Р. Теория доказывания: Научно-методическое пособие. - М., 1999. - С. 26;
2. Бойков А.Д. Третья власть в России. Книга вторая. Продолжение реформ. - М., 2002. - С. 121;
3. Зинатуллин З.З., Егорова Т.З., Зинатуллин Т.З. Уголовно-процессуальное доказывание. Концептуальные основы. - Ижевск, 2002. - С. 56
4. Информационная система «Консультант плюс» <http://contact@consultant.ru> (Дата обращения: 16.04.2013 г.)
5. Лазарева В. Состязательность и доказывание в уголовном процессе // Уголовное право. - 2007. - № 3

6. Михайловская И.Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе. - М., 2008. – 353с.
7. Моисеева Т.В. Объективность и беспристрастность суда первой инстанции.– М.,2006.– С.132.
8. Смирнов А.В., Калиновская К.Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. Постатейный/ А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский.- М.:Кнорус,2007.– 538 с.
9. Уголовно-процессуальный кодекс КНР. Лаборатория сравнительного правоведения в странах Азиатско-тихоокеанского региона <http://www.labatr.bsu.ru>(дата обращения 02.04.2013).
10. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18.12.2001 №174-ФЗ (ред. от 11.02.2013)//Собрание Законодательства РФ.-2001.-№52(ч.1.-ст.4921).

ИНСТИТУТ РЕАБИЛИТАЦИИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ И ДРУГИХ СТРАН АТР

© С.Н.Свиридова
Россия,г. Улан-Удэ

В соответствии со ст. 2 Конституции Российской Федерации человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина это обязанность государства. Пункт 34 статьи 5 УПК РФ закрепляет такое понятие как реабилитация. Реабилитация это порядок восстановления прав и свобод лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, и возмещение причиненного ему вреда. Реабилитация (от позднелатинского - *rehabilitatio*) – означает восстановление в правах. В уголовном судопроизводстве РФ институт реабилитации имеет существенное значение, поскольку в процессе уголовного преследования ограничиваются как свободы так и права личности.

Одним из положений института реабилитации в уголовном судопроизводстве Российской Федерации является процессуальный порядок производства. Он четко закреплен в главе 18 УПК РФ.Исходя из норм, содержащихся в УПК РФ, можно выделить три вида вреда, причиняемого гражданину в уголовном судопроизводстве незаконным или необоснованным уголовным преследованием:а) имущественный вред (убытки), который выражается в утрате или повреждении имущества, уменьшении возможности использовать его в соответствии с назначением либо в получении доходов, которые гражданин получил бы, если бы не был он привлечен к уголовной ответственности;б) вред моральный, под которым следует понимать вред или урон, наносимый положительной общественной оценке моральных качеств гражданина, имя которого связывается с совершением преступления. в) иной вред, под которым понимается лишение гражданина определенных прав или ограничение в них.

Отсюда можно определить три группы уголовно-процессуальных реабилитирующих мер:

- 1) направленные на возмещение имущественного вреда;
- 2) направленные на восстановление доброго, честного имени;
- 3) направленные на восстановление прав и свобод, в том числе трудовых, пенсионных, жилищных и иных прав.

Меры, которые направлены на возмещение имущественного вреда, призваны компенсировать материальные потери, наступившие для гражданина в связи с незаконным или необоснованным уголовным преследованием. Речь идет о возмещении вреда, который поддается денежной оценке.

Привлечение к уголовной ответственности, а также осуждение ставят под сомнение добропорядочность и честь гражданина, подрывают его авторитет, порочит и оскорбляют репутацию. В некоторых случаях он лишается свободы, отрывается от семьи. Задержание, заключение под стражу, подозрение и обвинение в совершении преступления, а тем более осуждение приводят к длительным душевным переживаниям, душевным травмам и вызывают отчаяние, физические лишения, иногда приводят к нервным и другим заболеваниям.

Моральный же вред есть претерпевание и перенесения каких-либо нравственных страданий, унижения, стеснения свободы личности. По мнению Б.Т. Безлепкина единственной формой реального возмещения морального вреда является восстановление объективно существующей моральной ценности – это чести. Сделать это можно путем «опровержения не соответствующих действительности порочащих гражданина данных, которые вытекают из уголовного дела» [1, С. 32].

По требованию гражданина меры по его реабилитации в части возмещения морального вреда обязаны принять органы дознания, а также предварительного следствия, прокуратуры и суда. В случае наличия оснований возникновения права на реабилитацию, перечисленных в ст.133 УПК РФ,

если сведения о задержании реабилитированного, заключении его под стражу, временном отстранении его от должности, применении к нему принудительных мер медицинского характера, об осуждении реабилитированного и иных примененных к нему незаконных действиях были опубликованы в печати, распространены по радио, телевидению или в иных средствах массовой информации, то по требованию реабилитируемого, а в случае его смерти - его близких родственников или родственников либо по письменному указанию суда, прокурора, следователя, дознавателя соответствующие средства массовой информации обязаны в течение 30 суток сделать сообщение о реабилитации. Также по требованию реабилитируемого, а в случае его смерти - его близких родственников или родственников, суд, прокурор, следователь, дознаватель обязаны в срок не позднее 14 суток направить письменные сообщения о принятых решениях, оправдывающих гражданина, по месту его работы, учебы или месту жительства (ч.3,4 ст.136 УПК РФ).

Также существует ряд вопросов, связанных с возмещением морального вреда в денежной форме. Уголовно-процессуальным законодательством России определено, что иски о компенсации за причиненный моральный вред в денежном выражении предъявляются в порядке гражданского судопроизводства (ч. 2 ст. 136 УПК РФ).

Важным элементом процедуры реабилитации является признание права на реабилитацию. Вопрос о праве на реабилитацию решается судом, прокурором, следователем или дознавателем в зависимости от того, кто принял то или иное соответствующее решение (ч. 1 ст. 134 УПК РФ).

На досудебном производстве ч. 2 ст. 212 УПК РФ требует принятия мер по реабилитации лица только в случаях прекращения уголовного дела в связи с отсутствием события преступления, отсутствием в деянии состава преступления и непричастностью подозреваемого или обвиняемого к совершению преступления (п. 1 и 2 ч. 1 ст. 24 и п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ). Эта норма не согласуется с положениями ст. 134 УПК РФ, которые предписывают признавать право на реабилитацию и направлять извещение об этом реабилитированному при прекращении в отношении него уголовного преследования по любому из оснований, указанных в п. 3 ч. 2 ст. 133, а не только по п. 1 и 2 ч. 1 ст. 24 и п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ.

Прокурор, следователь и дознаватель должны признавать право лица на реабилитацию также в случаях прекращения уголовного дела и уголовного преследования: а) за отсутствием заявления потерпевшего, если дело может быть возбуждено не иначе как по его заявлению; б) отсутствием заключения суда о наличии признаков преступления в действиях одного из лиц, указанных в пунктах 2 и 2.1 ст. 448 УПК РФ, либо отсутствием согласия соответствующих органов государственной власти на возбуждение уголовного дела, или привлечение в качестве обвиняемого одного из лиц, указанных в пунктах 1 и 3 - 5 ч. 1 ст. 448 УПК РФ; в) при наличии в отношении подозреваемого или обвиняемого вступившего в законную силу приговора по тому же обвинению либо определения суда или постановления судьи о прекращении дела по тому же обвинению; г) при наличии в отношении подозреваемого или обвиняемого неотмененного постановления органа дознания, следователя или прокурора о прекращении дела по тому же обвинению либо об отказе в возбуждении уголовного дела; д) при отказе Государственной Думы в даче согласия на лишение неприкосновенности Президента Российской Федерации, прекратившего исполнение своих полномочий, и (или) отказе Совета Федерации в лишении неприкосновенности данного лица.

Отсутствие обязанности соответствующих должностных лиц принимать меры по реабилитации лица в указанных случаях способно иногда существенно затруднить для реабилитированного восстановление нарушенных неправомерным уголовным преследованием прав, свобод и законных интересов. Суд же в резолютивной части оправдательного приговора или определения, а судья в резолютивной части оправдательного приговора или постановления должны отдельным пунктом указать, что за оправданным признается право на реабилитацию. Соответственно, лица, осуществляющие уголовное преследование, признают право подозреваемого или обвиняемого на реабилитацию в своих постановлениях о прекращении производства по делу. Данные лица обязаны направить реабилитируемому извещение с разъяснением порядка возмещения вреда, связанного привлечением к уголовной ответственности. Для должностных лиц в РФ установлена обязанность не только обеспечить реализацию процессуальных прав, но и создать условия для этого путем разъяснения участникам процесса их законных прав. Однако отсутствие в приговоре, постановлении, определении указания на признание за лицом права на реабилитацию не может служить основанием для отказа в реабилитации [3, С. 4].

Несколько иная ситуация обстоит в законодательстве Китайской Народной Республики. Если в УПК Китая отмечается только право обжаловать нарушающие процессуальные права граждан действия должностных лиц, что установлено отдельным положением и в УПК РФ, то российский

законодатель сразу же указывает на определенные негативные последствия для государства в виде необходимости и обязанности возмещения вреда в целях восстановления нарушенных процессуальных прав личности. Основные конституционные права личности в российском уголовном судопроизводстве ограничиваются только на основании судебного решения независимого суда. В КНР по-прежнему такие процессуальные действия санкционируются народной прокуратурой, что в меньшей степени гарантирует процессуальные права личности.

Освещение же основных процессуальных гарантий прав человека в РФ и КНР позволяет сделать вывод о наличии совпадения основных демократических положений, однако российское же законодательство предоставляет больший спектр процессуальных гарантий, чем законодательство КНР. Китайское же законодательство не содержит положения о том, что только суд, в соответствии с законом, может признать лицо виновным в совершении преступления и подвергнуть его уголовному наказанию. Оно не признает также презумпции невиновности, т. е. принципа, согласно которому лицо считается невиновным, пока его вина в совершении преступления не будет установлена вступившим в законную силу приговором суда.

УПК Китая закрепляет положение, когда решение о виновности принимается органами общественной безопасности или народной прокуратурой, ведущими предварительное следствие. Лицо становится обвиняемым не с момента предъявления ему обвинения, а с момента возбуждения уголовного дела. Аналогичным образом решается вопрос о мерах пресечения. Органы общественной безопасности после возбуждения уголовного дела, но до предъявления обвинения, избирают в отношении обвиняемого меру пресечения [5, С. 4].

При этом лицо, в отношении которого избирается мера пресечения, прямо называется преступником.

В Кодексе определено, что работники суда, прокуратуры и органов предварительного следствия «должны в установленном законом порядке собирать доказательства о виновности или невиновности обвиняемого в совершении преступления, о смягчающих или отягчающих вину обстоятельствах. Строго запрещается принуждать к признанию путем допроса под пыткой и получать доказательства путем использования угроз, обмана или другими незаконными способами» [4, С. 6]. В КНР нередко высказывается озабоченность по поводу имеющих случаи незаконных арестов, принуждения к даче показаний, допросов под пытками и других запрещенных способов «сбора доказательств» виновности тех, против кого возбуждено уголовное дело. По официальным сообщениям, в период с января 1979 по июнь 1980 года органы прокуратуры рассмотрели свыше 10 тыс. случаев незаконного задержания и заключения под стражу, незаконных обысков, принуждения к даче показаний, допросов под пытками и других противозаконных действий в отношении граждан. При этом только по 8 тыс. случаев свыше 9 тыс. работников государственного аппарата были признаны виновными в нарушении законов, 1800 из них были привлечены к уголовной ответственности, а остальные подверглись партийным и административным взысканиям [5, С. 5].

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что в Китае в отличие от России вред лицам, незаконно подвергшимся к уголовной ответственности, не возмещается, поскольку это не предусмотрено нормами УПК Китая, а только работники государственных органов, вынесшие решения привлекаются к уголовной ответственности. В УПК КНР в отличие от России отсутствуют нормы, регламентирующие возмещение имущественного, морального и иного вреда лицам, незаконно привлеченным к уголовной ответственности, отсутствует институт реабилитации в уголовном судопроизводстве. Поэтому российское законодательство, в отличие от китайского, предоставляет более широкий круг гарантий человеку по вопросу реабилитации.

Литература:

1. Безлепкина Б.Т. Вопросы реабилитации на предварительном следствии. Горький: Изд-во ГВШ МВД СССР, 1975. - 36с.
2. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2011 г. № 17 «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве». // Российская газета от 5 декабря 2011 г. № 273.
4. Уголовно-процессуальный Кодекс КНР – Комментарии. URL: <http://www.asiabusiness.ru/law/law1/criminal/procedurallaw5/>.
5. Уголовно-процессуальный Кодекс РФ (по состоянию на 1 апреля 2013 года). Комментарии к изменениям, принятым в 2011-2013 гг.- Новосибирск: Норматика, 2013. – 256с.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Китайской Народной Республики принят на II сессии Всекитайского собрания народных представителей пятого созыва 1 июля 1979 г. с изм. от 17 марта 1996 г. //

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ЛИЦА, ЛИЧНОСТЬ КОТОРОГО НЕ УСТАНОВЛЕНА (НА ПРИМЕРЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РФ И КНР)

©К.В.Лугавцов
Россия, г. Улан-Удэ

Вопросы установления личности обвиняемого, не закрепленные в настоящее время должным образом в УПК РФ, неизменно возникают на стадии предварительного расследования, порождая целый ряд процессуальных проблем. Наиболее сложная из них касается привлечения лица к уголовной ответственности, если при этом не удалось получить документы, удостоверяющие его личность.

В этой связи весьма показательным представляется следующий пример из судебной практики.

Ранее не судимый обвиняемый, не имеющий при себе на момент задержания документов, отказался назвать следствию свои установочные данные, ссылаясь на ст. 51 Конституции РФ сообщил лишь, что его зовут «Семен». Проверка по дактилоскопическим учетам ГИАЦ МВД России показала отсутствие в базах данных МВД сведений о данном лице. Получить сведения о личности указанного лица из иных источников в ходе расследования данного дела также не удалось. При таких обстоятельствах следователь принял решение об установлении личности обвиняемого под вымышленными данными, с чем был не согласен сам обвиняемый. Однако суд счел такое решение незаконным и вернул уголовное дело прокурору, указав, что личность обвиняемого надлежащим образом не установлена, и это препятствует вынесению законного приговора. В результате обвиняемый был освобожден из-под стражи в связи с истечением предусмотренного ст. 109 УПК РФ срока содержания под стражей на период предварительного следствия, после чего скрылся [3, С. 44].

Отсюда на практике возникает парадоксальная ситуация: в деле имеются доказательства виновности конкретного лица в совершении преступления, но при этом, установить его личность процессуальными и иными средствами не представляется возможным.

С одной стороны, уголовно-процессуальный закон не содержит норм, прямо препятствующих привлечению такого обвиняемого к уголовной ответственности. Основания прекращения уголовного преследования, закрепленные в статьях 27, 28 и 28.1 УПК РФ, не содержат упоминания о таком обстоятельстве, как невозможность установления и документального подтверждения анкетных данных лица, совершившего преступление. Более того, в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 73 УПК РФ к предмету доказывания по уголовному делу относятся обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, которые не сводятся к анкетным данным о нем. Понятие личности обвиняемого означает в большей степени совокупность свойств и характеристик субъекта преступления.

С другой стороны, ряд норм УПК РФ прямо указывает на необходимость установления данных о личности обвиняемого. В силу ч. 5 ст. 172 УПК РФ следователь обязан удостовериться в личности обвиняемого и лишь затем предъявить ему обвинение. В дальнейшем на стадии подготовки дела к судебному разбирательству «председательствующий устанавливает личность подсудимого, выясняя его фамилию, имя, отчество, год, месяц, день и место рождения» (ч. 1 ст. 265 УПК РФ).

На основе данных положений, сложилась устойчивая судебная практика возвращения уголовных дел, личность подсудимого по которым не установлена, прокурору на основании п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ, то есть в связи с тем, что обвинительное заключение или обвинительный акт составлены с нарушением требований УПК РФ, что исключает возможность постановления судом приговора или вынесения иного решения на основе данного заключения или акта.

Отметим также, что наибольшие сложности в установлении личности обвиняемых возникают в случае привлечения к уголовной ответственности лиц, постоянно проживающих на отдаленной от места совершения преступления территории, а также иностранных граждан. По данным Федеральной миграционной службы РФ в России находится не менее 3,5 млн. нелегальных мигрантов, из которых немало граждан Китайской Народной Республики [5].

Для самого Китая проблема привлечения к уголовной ответственности лица, личность которого не установлена, также является актуальной. Установление анкетных данных не упоминается напрямую в нормах УПК КНР, однако оно также является необходимым. При предъявлении лицу обвинения наличие в деле персональных данных о нем является обязательным. В противном случае, согласно ст. 140 УПК КНР, «народная прокуратура в ходе рассмотрения дела может затребовать от

органов общественной безопасности предоставления для судебного разбирательства всех необходимых доказательств и материалов» [4]. Подобные правила действуют и на стадии подготовки дела к судебному разбирательству. В силу п. 5 ст. 151 УПК КНР на народный суд возлагается обязанность «по делам, рассматриваемым открыто, заблаговременно за три дня до судебного разбирательства вывесить объявление с указанием характера дела, фамилии и имени обвиняемого, времени и места судебного разбирательства» [4]. Тем самым подразумевается, что на момент подготовки дела к судебному разбирательству суд должен располагать всеми необходимыми сведениями об обвиняемом.

Таким образом, положения российского и китайского уголовно-процессуального законодательства об уголовном преследовании лица, личность которого не установлена, являются идентичными, и решение данной проблемы в них не предусмотрено.

При сложившейся практике «любое лицо, совершая преступление, может избежать уголовной ответственности за него, при условии отсутствия его отпечатков пальцев в дактилоскопической базе данных ГИАЦ МВД России и совершении преступления без документов» [3, С. 42]. Для предотвращения подобного, как отмечает С. В. Зуев, «в случае, когда отсутствуют анкетные данные подозреваемого или обвиняемого, уголовное дело должно направляться в суд, а лицу, скрывающему свои данные, необходимо присваивать условное имя или номер» [2, С. 42].

На наш взгляд, более целесообразным будет именно присвоение условного номера обвиняемому. Как указывает А. П. Гуськова, «правом выносить решение о присвоении личного номера в данном случае должен наделяться суд в порядке контрольных функций как орган судебной власти» [1, С. 117].

Необходимо также предусмотреть максимальное закрепление сведений о таком лице, в связи с чем, представляется целесообразным: получить отпечатки его пальцев, образцы биологической ткани (крови), сделать его фотографии, а также осуществить измерения его антропометрических данных. Указанные объекты целесообразно приобщить к справке о личности обвиняемого, которая должна приобщаться к уголовному делу, а также направляться в ГИАЦ МВД России. Документом, удостоверяющим личность обвиняемого, в данном случае будет именно справка о личности, составленная следователем (дознавателем) [3, С. 46].

Следует отметить, что такое предложение нововведением не является. Статьей 6 Федерального закона от 25 июля 1998 № 128-ФЗ «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации» предусмотрено, что дактилоскопическая информация, полученная в результате проведения государственной дактилоскопической регистрации, используется в том числе для подтверждения личности граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства. Это свидетельствует о том, что законодатель склонен рассматривать дактилоскопическую карту как альтернативный паспорту документ, удостоверяющий личность.

Институт установления личности обвиняемого под условными данными позволит избежать как случаев уклонения виновных от уголовной ответственности, так и случаев необоснованного затягивания процессуальных сроков по делу, то есть нарушения разумных сроков уголовного судопроизводства [3, с. 46].

Литература:

1. Гуськова А. П. Теоретические и практические аспекты установления данных о личности обвиняемого в российском уголовном судопроизводстве: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2002.
2. Зуев С. В. Теоретические и прикладные проблемы совершенствования уголовного преследования по делам о преступлениях, совершенных организованными преступными группами и преступными сообществами: дис. доктора юрид. наук. Москва, 2010. – 448 с.
3. Малофеев И. В. Возможность уголовного преследования лица, личность которого не установлена // Уголовный процесс. – 2013. - № 2. – С. 42-47.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Китайской Народной Республики // URL: http://labatr.bsu.ru/public/file/zak_ug_proc.doc. Дата обращения: 11. 04. 2013г.
5. ФМС посчитала нелегалов // [Электронный ресурс] - URL: <http://www.rg.ru/2012/10/15/fmssite.html>

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОПЕРАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА КАК СРЕДСТВА БОРЬБЫ СО ВЗЯТОЧНИЧЕСТВОМ В РОССИИ И США

© О.В. Викулов

Сложно спорить с утверждением, что оперативно-розыскное мероприятие «оперативный эксперимент» самое эффективное средство борьбы со взяточничеством. В связи с этим его применение широко распространено. По данным разных исследователей до 90 % уголовных дел о взяточничестве возбуждается именно по результатам проведенного оперативного эксперимента. В последующем они становятся основными доказательствами стороны обвинения.

Очевидно, что высокая эффективность оперативного эксперимента связана с тем, что по сути своей это совершение преступления под контролем правоохранительных органов, и как правило, сопровождаемое аудио- и видео- фиксацией этого процесса. Данное обстоятельство наделяет результаты оперативного эксперимента таким важным качеством, как убедительность. Однако, несмотря на указанное достоинство, все больше разгорается споров среди ученых о допустимых пределах борьбы с преступностью в такой форме, о том, вправе ли оперативные подразделения правоохранительных органов провоцировать на совершение преступления и в какой мере.

Следует отметить, что в настоящее время по рассматриваемому вопросу в России сложилась противоречивая ситуация. С одной стороны, на законодательном уровне провокация прямо запрещена. Так, статьей 5 Федерального закона от 12 августа 1995 г. №144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон «Об ОРД») органам (должностным лицам), осуществляющим оперативно-розыскную деятельность запрещено подстрекать, склонять, побуждать в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий [10]. При этом, имеет смысл напомнить, что данным положением закон дополнен в связи с вынесением Европейским судом по правам человека решений об удовлетворении жалоб ряда граждан, в том числе и России, которые привлекались к уголовной ответственности именно на основании результатов оперативного эксперимента [6]. Указанные решения Постановление Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) помогают уяснить её истинный смысл.

С другой стороны, следственно-судебная практика применения ст.ст. 290, 291, 291-1 УК РФ идет в разрез с требованиями ст. 5 Закона «Об ОРД». Решая вопрос о допустимости результатов оперативного эксперимента, следователь, а впоследствии и суд, крайне поверхностно исследуют вопрос о роли лиц, проводивших оперативный эксперимент, в формировании у подозреваемого (обвиняемого, подсудимого) умысла на дачу или получение взятки. В результате, даже при наличии признаков провокации, суды зачастую выносят обвинительные приговоры.

Такая двоякая ситуация не может удовлетворить ни сторонников более активного применения оперативного эксперимента в борьбе с преступностью, ни поборников прав человека. Поэтому те и другие в поисках поддержки своей позиции всё чаще обращаются к международному опыту. И если противники провокации при проведении оперативного эксперимента апеллируют к европейским критериям допустимости такого мероприятия, то его сторонники ссылаются на опыт США.

Например, в 1970 г. в США принят Закон РИКО [RICO] (Закон о борьбе с коррумпированными и находящимися под рэкетирским влиянием организациями), по которому правоохранительные органы наделяются правом применения ловушек (entrapment). Данным нормативным актом полиции предоставляется право проведения некоторых мероприятий, российским аналогом которых является оперативный эксперимент. В частности, в Законе РИКО упоминается так называемая «sting operations», то есть сложная операция с внедрением агентов в преступную организацию, вплоть до создания фиктивных компаний со всеми атрибутами коммерческого предприятия. Нередко применяется и такая схема, как операция с «внедрением обратного действия» (reverse sting), в ходе которой агенты полиции сами осуществляют преступные действия (предложение взятки) [2, С. 885-887].

Полиция США практикуют и то, что по американской терминологии называется операция «манна небесная» («Manna from Heaven»), в которых ценные товары напоказ оставляются в открытых автомобилях, или в домах с приоткрытыми окнами, заманивая, соблазняя тем самым потенциальных воров совершать кражи [11, С. 809].

Тем не менее, в отношении агентов полиции действуют определенные ограничения, направленные на то, чтобы они не слишком увлеклись организацией преступной деятельности, не подталкивали и не побуждали невиновных лиц к совершению преступлений, которые они не стали бы совершать в отсутствие активности самих полицейских. Эта проблема решается в рамках доктрины права обвиняемого защищаться ссылкой на провокацию со стороны представителей правоохранительных органов [2, С. 885-887].

Общие принципы признания провокации преступления правомерной регламентируются в Примерном УК США. Согласно ст. 2.13 «Провокация» публичное должностное лицо,

осуществляющее исполнение закона, или лицо, действующее в сотрудничестве с таким должностным лицом, совершает провокацию, если с целью получения доказательств совершения посягательства оно побуждает или поощряет другое лицо к поведению, составляющему это посягательство, путем:

а) создания заведомо ложного представления о фактах, рассчитанного на формирование предположения о том, что такое поведение не является запрещенным;

б) применения методов убеждения или побуждения, создающих существенный риск того, что такое посягательство будет совершено иными лицами помимо тех, которые готовы его совершить [5].

Для разрешения вопроса о квалификации действий полицейских как провокация, в США используются два критерия: субъективный и объективный. В обоих случаях следует доказать, что инициатива исходила именно от полицейских. Кроме этого, субъективный критерий также предполагает, что обвиняемый был предрасположен (*predisposed*) к совершению преступления, т.е. «обвиняемый был готов и склонен к совершению преступления, в котором он обвиняется на основе обвинительного заключения, как только представится соответствующая возможность». Поэтому обвинение старается представить суду как можно больше данных отрицательно характеризующих личность обвиняемого.

Как альтернатива «субъективному критерию» судебной практикой выработан «объективный критерий». В этом случае основное внимание уделяется не преступным наклонностям обвиняемого, а анализу того, каким образом действия агентов полиции повлияли бы на «среднего невинного человека» [2, С. 885-887].

Несмотря на то, что законодательство США декларирует право обвиняемого защищаться от уголовного преследования выдвиганием версии о провокации, в целом, суды редко признают незаконными проведенные полицией оперативные эксперименты, даже при наличии явных признаков провокации. Как указал Верховный суд США в одном из своих решений «только поистине возмутительные действия полиции при проведении операций, которые были сочтены провокацией преступлений, могли бы образовать нарушения принципов надлежащей правовой процедуры». При этом Верховный суд США отметил, что «пока таких дел к нему не поступало» [12].

Таким образом, в соответствии с правовой позицией Верховного суда США для освобождения от уголовной ответственности обвиняемого не достаточно установление самого факта провокации. На это можно рассчитывать лишь в случае грубого нарушения основополагающих прав человека.

Американский опыт используют многие отечественные научные и практические работники с целью обоснования своих предложений об ужесточении борьбы с коррупцией посредством предоставления оперативным подразделениям большей свободы при проведении оперативного эксперимента.

Так, например, Д.С. Кучерук, ссылаясь на этот опыт, предлагает «допустить выполнение лицом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, в ходе оперативного эксперимента «функции» подстрекателя. Это, - пишет Д.С. Кучерук, - является исполнением служебных обязанностей, связанных с крайней необходимостью: иначе в современных условиях иным образом получать необходимую информацию о взяточничестве невозможно» [4, С. 205].

И.А. Александрова и А.В. Шевелев высказывают ещё более радикальные идеи. Они считают, что цель деятельности оперативника – «заманить в ловушку и поймать с поличным взяточника», а уголовно-правовой запрет на провокацию взятки в современных условиях изжил себя и должен быть ликвидирован. Данные авторы считают, что «бремя доказывания того, что имела место фальсификация доказательств (недопустимая «провокация») должно лежать на стороне защиты. Если доказательств этому не будет защитой представлено, значит, обвинение право в своем утверждении. Для признания виновности – достаточно показаний оперативника, участвовавшего в оперативном эксперименте и результатов применения технических средств, которыми фиксируется акт передачи-получения взятки» [1].

Анализируя опыт регулирования оперативного эксперимента в США, и основанные на нем предложения о его внедрении в России, мы пришли к следующим выводам.

Очевидно, что высказанные И.А. Александровой, Д.С. Кучерук, А.В. Шевелевым и их сторонниками идеи, связаны с назревшей необходимостью совершенствования борьбы с коррупцией, которую сейчас эффективной назвать нельзя. Статистика свидетельствует о том, что с каждым годом все меньше взяточников привлекается к уголовной ответственности. Например, по данным Генеральной прокуратуры РФ, если в 2009 г. выявлено 7856 преступлений, предусмотренных ст. 290 УК РФ (получение взятки), то в 2010 г. - 7747, в 2011 г. - 6947, а в 2012 г. только 6576 преступлений [7]. Вместе с тем, сомнительно, что перенос отдельного элемента правовой системы США в отечественную правовую систему приведет к желаемым результатам. Расширение полномочий

правоохранительных органов одновременно расширит и возможности для служебных злоупотреблений, а в конечном итоге может обернуться для страны полицейским диктатом. Реального усиления борьбы с преступностью, скорее всего, в этом случае не произойдет. Нет никаких предпосылок к тому, чтобы оперативные подразделения направили свои усилия на изобличение опасных преступников. Скорее всего, подгоняемые «палочной» системой оценки результативности работы сотрудники оперативных подразделений пойдут по пути наименьшего сопротивления, провоцируя на преступления наиболее уязвимых и многочисленных - педагогов и медицинских работников. При этом, покой взяточников-чиновников и взяточников-сотрудников силовых ведомств, несомненно, представляющих большую общественную опасность, предлагаемые меры вряд ли как-нибудь потревожат.

Думается, что в настоящее время американский опыт неприемлем для России и в связи с отсутствием условий для надлежащей судебной проверки достоверности результатов оперативного эксперимента. Как указывалось ранее, права полиции в США все-таки не безграничны, и, например, многократные уговоры с их стороны о совершении преступления суды, как правило, расценивают как недопустимую провокацию. Также расцениваются предложения о совершении преступления под угрозой, давлением, с использованием тяжелой жизненной ситуации и т.д. Для выяснения подлинных обстоятельств оперативного эксперимента в США есть все условия в связи с высоким уровнем процессуальных гарантий. Наиважнейшей из них считаем право обвиняемого на рассмотрение уголовного дела судом присяжных, над которым нет начальства и давления «палочной» системы оценки их работы. Такую гарантию, государственная власть в России пока не готова предоставить. Так, выступая 1 февраля 2012г. на заседании Совета по развитию гражданского общества и правам человека Президент России Д.А. Медведев выступил против рассмотрения коррупционных дел присяжными. «Еле-еле мы этих там чиновников отлавливаем, которые деньги берут. Еле-еле создаем доказательственную базу, — сказал Медведев. — Если еще рассматривать такого рода дела через процедуру суда присяжных, я просто боюсь, что в значительной мере она не будет способствовать эффективности правосудия» [3].

Выясняя обстоятельства проведенного оперативного эксперимента не обойтись и без допроса оперативного сотрудника. И здесь огромное значение имеет степень доверия к нему. Между тем репутация отечественного полицейского, к сожалению далека от совершенства в отличие от его коллеги из США, и доверие к нему у нас в стране крайне низкое. Такое положение связано, в частности, с высоким уровнем преступности в правоохранительных органах. Так, в 2010 г. в системе МВД России было выявлено 3284 сотрудника, которые совершили должностные преступления [8], что составляет почти полпроцента от штатной численности органов внутренних дел на тот период [9]. Учитывая крайне высокую латентность таких преступлений, нетрудно предположить, что реальный уровень преступности ещё выше.

Серьезную проблему представляет и отсутствие в России действенного противодействия даче ложных показаний. Приговоры по данной категории преступлений в России, в особенности в отношении сотрудников правоохранительных органов, можно по пальцам перечесть. В условиях безнаказанности лиц, принимавших участие в оперативном эксперименте, вряд ли что-то будет сдерживать от дачи ложных показаний по обстоятельствам проведенного оперативно-розыскного мероприятия. С другой стороны, Закон «Об оперативно-розыскной деятельности» не содержит требования об обязательной аудио - и видео - фиксации хода оперативно-розыскного мероприятия.

Перечень причин, по которым опыт правового регулирования оперативного эксперимента в США не подходит для России, можно продолжить, однако временные рамки излагаемой нами статьи ограничены.

Литература:

1. Александрова И.А., Шевелев В.А. Использование оперативного эксперимента для изобличения взяточников [Электронный ресурс]: статья / И.А. Александрова, В.А.Шевелев. Дата обновления: 25.03.2013. // СПС КонсультантПлюс.
2. Бернам У. Правовая система США. 3-й выпуск / Науч. ред. В.А. Власихин. – М., 2006. – 1216 с.
3. Выступление Президента России Д.А. Медведева на заседании Совета по развитию гражданского общества и правам человека 1 февраля 2012г. [Электронный ресурс] // URL: <http://voice2012.ru/news/1/1776/>. (дата обращения: 25.03.2013).
4. Кучерук Д.С. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам о взяточничестве: дис... канд. юрид. наук. – Н.Новгород, 2011. – 349 с.
5. Примерный Уголовный кодекс США. Официальный проект Института Американского права: Перевод с английского / под ред. Б.С. Никифорова (Предисл.); Пер.: А.С. Никифоров. – М., 1969.

6 Постановление Европейского Суда по правам человека от 15.12.2005г. по делу "Ваньян против Российской Федерации" [Электронный ресурс]. Дата обновления: 25.03.2013. Доступ из системы КонсультантПлюс.

7. Состояние преступности [Электронный ресурс] // URL: <http://crimestat.ru/>. (дата обращения: 25.03.2013).

8. Стенографический отчет о заседании Совета по противодействию коррупции. 13 января 2011 года. Москва. Кремль. [Электронный ресурс] // URL: <http://президент.рф/transcripts/10067>. (дата обращения: 26.03.2013).

9. Указ Президента РФ от 31 октября 2005 г. №1246 "Об установлении предельной штатной численности органов внутренних дел РФ [Электронный ресурс]: Дата обновления: 25.03.2013. Доступ из системы КонсультантПлюс.

10. Федеральный закон от 12.08.1995 года №144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // [Электронный ресурс]: Дата обновления: 25.03.2013. // СПС КонсультантПлюс.

11. Robertson G.Q.C. Entrapment evidence: manna from heaven, or Fruit of the poisoned tree? // Criminal law review. – 1996. P. 809.

12. Jacobson v. U.S., (1992): United States Reports. Vol. 503. P. 540– 561 // Supreme Court of the United States [Электронный ресурс] // URL: <http://www.supremecourt.gov/opinions/boundvolumes/503bv.pdf>. (дата обращения: 26.03.2013).

ПРОИЗВОДСТВО ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ В РОССИИ И ЯПОНИИ

© М.В. Дабаева
Россия, г. Улан-Удэ

В мире подавляющее большинство государств пришло к мнению о необходимости учреждения не только независимой судебной системы, но и ее первичного звена местных, мировых судов, доступных для проживающих людей в своем городе, районе, и способных защищать свои права и интересы. Как справедливо отмечал Б.В. Виленский, именно мировые суды простотой форм судопроизводства соответствовали потребностям городского и сельского населения [6, С. 9].

Важным шагом в совершенствовании судопроизводства, в усилении роли суда как гаранта прав человека было становление в Российской Федерации института мировых судей. Начало становления это института в современной России пришлось на 2000 год. Согласно [гл. 41](#) УПК РФ производство по уголовным делам частного обвинения подсудны мировому судье. По общему правилу уголовное дело частного обвинения рассматривает мировой судья по месту совершения преступления, исключения составляют случаи, указанные в [ст. 35](#) УПК РФ.

Согласно п. 1 ст. 3 Федерального закона «О мировых судьях в Российской Федерации» от 1998 года мировой судья рассматривает уголовные дела о преступлениях, за совершение которых максимальное наказание не превышает трех лет лишения свободы [5].

В Японии современная судебная система сложилась в результате послеконституционных реформ 1947-1948 гг. Она включает Верховный суд, высшие, территориальные (окружные), семейные и первичные (дисциплинарные) суды. Схожими с нашей системой мировых судей является первичный суд, (низшая судебная инстанция, их около 600) рассматривающая уголовные дела, по которым может быть назначено наказание в виде штрафа, а также дела о некоторых категориях преступлений, караемых лишением свободы (эти суды вправе приговорить не более чем к 3 годам заключения) [9, С. 7].

В Российской Федерации дела частного обвинения рассматриваются единолично мировым судьей. В Японии уголовные дела в первичных судах также рассматривают только единоличные судьи.

Рассмотрим в производстве по уголовным делам частного обвинения в Российской Федерации.

Согласно ч. 2 ст. 20 УПК РФ уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 115 (умышленное причинение легкого вреда здоровью), ч. 1 ст. 116 (побои), ч. 1 ст. 128.1 (клевета) Уголовного кодекса Российской Федерации считаются уголовными делами частного обвинения [2, С. 28].

Уголовные дела частного обвинения предполагают диспозитивный характер их производства: потерпевшему от преступления лицу предоставляется возможность самостоятельно решить,

насколько серьезно затронуты его интересы, необходимо ли привлекать виновное лицо к уголовной ответственности.

Производство у мирового судьи по делам частного обвинения состоит из нескольких этапов:

1. прием заявления (жалобы), определение подсудности дела;
2. первичные действия мирового судьи по проверке фактических данных, изложенных в подаваемом заявлении; проверка заявления по существу;
3. возбуждение уголовного дела и назначение его к рассмотрению в судебном заседании;
4. судебное заседание.

Уголовное дело частного обвинения возбуждается в отношении конкретного лица путем подачи заявления потерпевшего, его законного представителя, в суд, за исключением случаев предусмотренных п. 2 ч. 1 и ч. 4 ст. 147 УПК РФ, и в случае смерти потерпевшего заявление подается его близким родственником. К близким родственникам относятся: супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и сестры, дедушка, бабушка, внуки.

Заявление с перечисленными фактами совершения преступления подается в суд с копиями по числу лиц, в отношении которого возбуждается уголовное дело. Заявитель предупреждается об уголовной ответственности за заведомо ложный донос, и мировой судья разъясняет ему право на примирение с лицом, в отношении которого подано заявление.

С момента принятия заявления к своему производству, выносится постановление, и лицо подавшее заявление является частным обвинителем. Ему разъясняются права, предусмотренные ст.ст. 42 и 43 УПК РФ, о чем составляется протокол, подписываемый судьей и лицом, подавшим заявление.

Также могут участвовать в деле законный представитель потерпевшего и прокурор.

В соответствии со ст. 319 УПК РФ мировой судья, изучив поданное частным обвинителем заявление и установив, что оно не соответствует по форме или содержанию требованиям закона или требует дополнительной проверки, вправе возвратить его заявителю для устранения недостатков или отказав в принятии заявления к своему производству направить руководителю следственного органа или начальнику органа дознания для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, о чем уведомляет лицо, подавшее заявление.

Предварительное расследование по уголовным делам частного обвинения не проводится. Стороны сами собирают и представляют в суд доказательства. Только в соответствии с ч. 2 ст. 319 УПК РФ мировой судья по ходатайству сторон вправе оказать им содействие в собирании таких доказательств, которые не могут быть получены сторонами самостоятельно. Более точного содержания УПК РФ не содержит.

Уголовный процесс строится на принципе состязательности и частный обвинитель в данном случае имеет право на отстаивание своей позиции, а обвиняемый право на защиту. В России у обвиняемого практически всегда имеется профессиональный защитник – адвокат. Даже в случае если обвиняемый не способен оплатить услуги адвоката, но заявляет суду, что нуждается в защитнике, защитник ему будет предоставлен в порядке ст. 51 УПК РФ.

Заявление частного лица, пострадавшего от преступления, должен быть достаточным и бесспорным основанием для возбуждения уголовного дела, если только для правильной правовой оценки и юридической квалификации преступного деяния не требуется заключения соответствующего специалиста, либо показаний очевидцев. Ведь в период судебного разбирательства гражданин будет считаться обвиняемым, а постановка на учет в Информационном центре МВД России может повлиять на его биографию, по работе, в приеме на работу в правоохранительные органы, на детей и так далее. Ведь на практике встречаются такие ситуации, когда из личной неприязни «оговаривают» давая ложные заявления. Поэтому мировой судья, активно использует примирительную процедуру при рассмотрении уголовных дел. Это достижение и оформление согласия потерпевшего и обвиняемого (подсудимого) на прекращение производства по уголовному делу по нереабилитирующему основанию. Подавляющее большинство уголовных дел частного обвинения прекращается именно по этому основанию – в связи с примирением с потерпевшим и это вполне обоснованно.

Такая процедура у мирового судьи проводится по всем рассматриваемым уголовным делам, не только дел частного обвинения и только до удаления судьи в совещательную комнату.

Если примирение между сторонами не состоялось, то мировой судья после выполнения требований ч. 3 и ч. 4 ст. 319 УПК РФ назначает рассмотрение дела в судебном заседании в порядке, предусмотренными гл. 33 УПК РФ, т.е. в общем порядке. Но иногда возникают ситуации, когда обоюдное примирение не достигается, однако потерпевший отказывается от своей жалобы о

привлечении лица к уголовной ответственности, и в этом случае мировой судья должен прекратить производство. И по действующему законодательству неявка частного обвинителя в суд без уважительной причины в силу ч. 3 ст. 249 УПК РФ также рассматривается как отказ от обвинения. Рассмотрение заявления по уголовному делу частного обвинителя может быть соединено в одно производство с рассмотрением встречного заявления. Соединение заявлений допускается на основании постановления мирового судьи до начала судебного следствия, и лицо подавшее становится и частным обвинителем и потерпевшим. Также уголовное дело по отозванному частному обвинению не может быть вновь возбуждено.

В соответствии со ст. 239 УПК РФ дело должно быть начато не позднее 14 суток с момента вынесения судьей постановления о назначении судебного заседания.

Судебное следствие начинается с изложения обвинения частным обвинителем и или его представителем. Обвинитель вправе представлять доказательства, участвовать в их исследовании, излагать суду свое мнение по существу обвинения, о применении уголовного закона и назначении подсудимому наказания, а также по другим вопросам, возникающих в ходе судебного разбирательства. Мировой судья, сохраняя независимость, объективность и беспристрастность обязан осуществлять руководство процессом, разъяснять участникам судебного разбирательства их права и обязанности, предупреждать о последствиях совершения или несовершения процессуальных действий, оказывать им содействие в реализации прав, создавать условия для всестороннего и полного исследования доказательств установления обстоятельств дела и правильного применения законодательства процесса.

Приговор мирового судьи или его постановление о прекращении дела, иные постановления могут быть обжалованы вначале в апелляционном порядке. Жалоба подается через мирового судью, вынесшего решение по делу в районный (городской) суд ([ч. 3. ст. 355](#) УПК РФ). Жалобу можно подать в течение 10 календарных суток. Отсчет срока начинается со дня следующего за днем провозглашения приговора.

В Российской Федерации мировые судьи назначаются на должность на срок, установленный законом соответствующего субъекта РФ, но не более чем на 5 лет. По истечении срока, вправе снова выдвинуть кандидатуру на данную должность [5].

Рассмотрим в производство по уголовным делам частного обвинения в Японии.

Для проводимой в Японии уголовно-процессуальной («судебной») политики характерны: индивидуальный подход к личности преступника и к содеянному им; вывод из сферы уголовной юстиции дел по мотивам их малозначительности и иных конкретных обстоятельств (среда, характер совершенного и т. д.). Этот путь позволяет избежать излишней стигматизации, беречь силы правоохранительных органов (Ross Mouer, W. Clifford). Как отмечает ряд исследователей (в том числе и Хаттори Такааки), доля заключений прокуратуры об отсутствии вины или о неподтвержденности подозрений полиции не достигает 1%. Доля оправдательных приговоров в судах первой инстанции не доходит и до 0,5 %. Соблюдается принцип целесообразной ответственности, реализуемый в форме «мер в отношении малозначительных (ст. 246 УПК) преступлений» (в основном компетенция полиции) или в форме «отсрочки (ст. 248 УПК) привлечения к ответственности» (компетенция прокуратуры). [7, С. 5]

Уголовно-процессуальный кодекс Японии предусматривает, что каждый, кому нанесено оскорбление, может подать жалобу (статьи 230 и 231 упомянутого Кодекса) и каждый может выдвигать обвинение (статья 239 упомянутого Кодекса).

Если в России уголовные дела частного обвинения перечислены в ч. 2 ст. 20 УПК РФ, то в Японии дела как частное обвинение отдельной статьей указаны в уголовном кодексе с разъяснением, что уголовное преследование за преступное деяние рассматриваются только по жалобе потерпевшего, например:

1. Глава 13 «Преступления, состоящие в нарушении тайны», в том числе ст. 133 «Вскрытие корреспонденции», ст. 134 «Разглашение тайны», ст. 135 «Частное обвинение».

2. Глава 28 «Преступления, состоящие в причинении телесных повреждений по неосторожности», в том числе ст. 209 «Причинение телесного повреждения по неосторожности».

3. Глава 34 «Преступления против чести», в том числе ст. 230 «Ущерб чести, т. е. лица, которые нанесли ущерб чести других людей, предав факты гласности, независимо, имели эти факты место или нет, наказываются лишением свободы с принудительным физическим трудом или тюремным заключением на срок до трех лет либо денежным штрафом на сумму до пятисот тысяч иен. Тот, кто нанес ущерб чести умершего, не наказывается, если при этом не имела места клевета», ст. 231 «Оскорбление, т. е. лица, которые публично оскорбляли других людей, хотя и не

представляли факты, наказываются уголовным арестом или малым штрафом», Ст. 232. Частное обвинение «Уголовное преследование за преступления, предусмотренные настоящей главой, возбуждаются только по жалобе потерпевшего лица. Если лицом, могущим заявить жалобу, является император, императрица, императрица-бабушка, императрица-мать или наследный принц, то заявляет ее вместо них премьер-министр, если таким лицом является монарх или президент иностранного государства, то заявляет вместо них представитель этого государства» [4].

Уголовно-процессуальный закон Японии предоставляет подозреваемым (обвиняемым) и подсудимым возможность прибегнуть к услугам адвоката на любой стадии. При этом согласно положениям части второй ст. 30 УПК Японии законный представитель, куратор, супруг(а), брат, сестра или иной родственник подозреваемого (обвиняемого) по прямой линии. Однако если производство осуществляется в дисциплинарных судах любое лицо, не имеющее высшего юридического образования и, соответственно, не являющееся юристом, может быть назначено адвокатом на основании разрешения соответствующего суда (ч. 2 ст. 31 УПК Японии).

В УПК Японии усилена защита прав подозреваемого и обвиняемого и по всем уголовным делам обвиняемый имеет право на быстрое и открытое разбирательство своего дела беспристрастным судом. Обвиняемому по уголовному делу предоставляется полная возможность опроса всех свидетелей; он имеет право на вызов свидетелей в принудительном порядке за государственный счет. Кроме того, никто не может быть принуждаем, давать показания против самого себя. Признание, сделанное по принуждению, не может рассматриваться как доказательство. Никто не может быть осужден или подвергнут наказанию в случаях, когда единственным доказательством против него является его собственное признание (ст. 38).

Обычный порядок судебного следствия по уголовным делам, сначала подсудимому задают вопросы в целях установления его личности. Затем государственный обвинитель вслух зачитывает обвинительное заключение. Подсудимому разъясняются его права, после чего подсудимому и его защитнику предоставляется возможность сделать любые заявления, касающиеся дела. Затем последовательно слово берут государственный обвинитель и защитник. После этого оглашаются результаты соглашений, достигнутых до начала слушания дела, и начинается процедура исследования доказательств: сначала по требованию обвинения, затем по требованию защиты. По завершении исследования доказательств подсудимому задают вопросы, после чего с заключительной речью выступают последовательно государственный обвинитель и адвокат подсудимого. В самом конце выступает подсудимый с последним словом. Судебный процесс завершается оглашением приговора.

В Японии также обжалуются решения апелляционной инстанцией (территориальный (окружной) суд).

В Японии все судьи назначаются на свои должности сроком на 10 лет. Назначения осуществляет Кабинет министров, обычно на основании списка кандидатов, составленного Верховным судом (председатель Верховного суда назначается императором). Спустя 10 лет судья может быть назначен на свой пост повторно, и так до тех пор, пока он не достигнет возраста, установленного законом для выхода в отставку (65 или 70 лет). Конституция предусматривает ряд мер, направленных на повышение судейского авторитета. Если большинство избирателей высказывается за смещение какого-либо судьи, он лишается своей должности. Такая процедура повторяется каждые 10 лет. Судьи всех судов могут быть отстранены от должности только в результате публичного разбирательства в соответствии с процедурой импичмента, которая предусматривает разбирательство обвинений в адрес судьи специальными органами Парламента.

В итоге можно прийти к следующим выводам:

Дела частного обвинения - это такие дела достаточно распространенные, возбуждение и производство по которым полностью зависит от воли потерпевшего от преступного деяния.

Уголовные дела частного обвинения по уголовно-процессуальному законодательству России и Японии имеют много общего, в частности мировой судья рассматривает уголовные дела, за совершение которых максимальное наказание не превышает трех лет лишения свободы, а так же поводом для возбуждения уголовного дела является жалоба потерпевшего.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации. Принята Всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ.

3. Конституция Японии от 03 мая 1947 года. [Электронный ресурс]. URL: <http://labatr.bsu.ru>.
4. Уголовный кодекс Японии 1907 г. (утв. законом от «24» апреля 1907 года № 45, в редакции закона № 91 от 12 мая 1995 года) // [Электронный ресурс]. URL: <http://law.edu.ru/>.
5. Федеральный закон от 17.12.1998 № 188-ФЗ (ред. от 04.03.2013) «О мировых судьях в Российской Федерации» // Российская газета. № 242. 1998.
6. Макаров Ю.Я. Частное обвинение: теория, судебная практика, документы / Ю.Я. Макаров. - М.: Проспект, 2008.
7. Морозов Н., Михеев Р.И. Уголовная политика Японии / Н. Морозов, Р.И. Михеев. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://vostochnik.ru>.
8. Макаров Ю.Я. Настольная книга мирового судьи / Ю.Я. Макаров. - М: Проспект, 2009.
9. Исмаилов Б.И. правоприменительная практика зарубежных государств в формировании системы местного (мирового) правосудия. 2010. // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.portalus.ru>.

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ВИДЕОЗАПИСИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ МОНГОЛИИ, ЮЖНОЙ КОРЕИ И РОССИИ

*© Н. К.Коровин
© В.Е.Овчинникова
Россия, г. Новосибирск*

Наиболее значимые моменты своей жизни, работу, отдых человек стремился зафиксировать на всем протяжении развития общества различными способами, а это:

- наскальные рисунки – петроглифы, граффити;
- узелковое письмо – кипу;
- нити с нанизанными на них бусинами – вампумы;
- свитки папируса;
- берестяные грамоты;
- глиняные, костяные, металлические и восковые таблички;
- кодексы пергамента;
- письмо на бумаге;
- грампластинки;
- фотодокументы;
- пленки с кинофильмами;
- магнитофонные записи;
- гибкие и жесткие диски, стримеры;
- цифровые записи на оптические диски;
- flash-карты, USB-накопители и др.

В настоящее время в большинстве стран в целях фиксации противоправной деятельности и использования ее результатов в качестве доказательственной информации достаточно широко применяется видеозапись, как непосредственно гражданами, сотрудниками охранных предприятий и оперативных служб, так и следователями, специалистами, действия которых регламентированы процессуальным законодательством.

Рассмотрим использование результатов криминалистической видеозаписи в качестве доказательств в уголовном процессе Монголии, Южной Кореи и России.

В статье 86.2 уголовно-процессуального кодекса Монголии (УПК Монголии) говорится, что вещественные доказательства должны быть подробно описаны в протоколе, сфотографированы или сняты на видеокамеру и приобщены к материалам дела. Если не возможно хранение вещественных доказательств, благодаря своему размеру или по другим причинам, говорится в ст. 86.3 УПК Монголии, то они должны быть закрыты, сфотографированы и сняты на видеокамеру и храниться в специальном месте, согласно правилам, установленным законом.

Уголовно-процессуальный кодекс Южной Кореи, которая является мировым производителем различных аппаратных средств с функциями видеозаписи таких как: видеокамеры, камеры видеонаблюдения, скрытые видеокамеры, Веб – камеры, сотовые телефоны, фотоаппараты, MP3 – плееры, видеорегистраторы, электронные книги, планшетные компьютеры и т.д., представляет большой интерес для изучения. В виду большого многообразия этих устройств возникают проблемы их эффективного выбора в конкретной ситуации, а в дальнейшем проведения диагностического

исследования в целях определения устройства, на котором производилась видеозапись.

В уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (УПК РФ), в статье 74 УПК РФ говорится, что доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых суд, следователь, дознаватель устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

В соответствии части 2 статьи 74 УПК РФ доказательствами допускаются:

- 1) показания подозреваемого, обвиняемого;
- 2) показания потерпевшего, свидетеля;
- 3) заключение и показания эксперта и специалиста;
- 4) вещественные доказательства;
- 5) протоколы следственных и судебных действий;
- 6) иные документы.

Касаясь применения видеозаписи, рассмотрим положения ст. 81 УПК РФ, в соответствии с которой вещественными доказательствами признаются любые предметы:

- которые служили орудиями преступления или сохранили на себе следы преступления;
- на которые были направлены преступные действия;
- полученные в результате совершения преступления;
- которые могут служить средствами для обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела.

Иные документы, в соответствии со статьей 84 УПК, допускаются в качестве доказательств, которые содержат сведения об обстоятельствах, подлежащих доказыванию, могут, зафиксированы как в письменном, так и в ином виде. К ним могут относиться материалы фото- и киносъемки, аудио- и видеозаписи и иные носители информации.

Документы, обладающие признаками, указанными в статье 81 УПК РФ, признаются вещественными доказательствами.

Подводя итог, следует сделать вывод, что фиксация доказательственной информации с помощью современных технических средств видеозаписи уголовно-процессуальное законодательство Монголии, Кореи и России допускает возможным, а в соответствии со ст. 84 УПК РФ видеозапись, представленная не важно в каком виде - в аналоговом или цифровом на «ином носителе информации»:

- содержащая сведения об обстоятельствах, подлежащих доказыванию, к примеру, сведения о личных связях будет признана иным документом и допущена в качестве доказательства;
- имеющая информацию, например, зафиксированную на сотовый телефон о преступных событиях в соответствии со ст. 81 УПК РФ будет признана вещественным доказательством.

Следует отметить, что в настоящее время видеозапись на видеопленку практически не ведется, а тем более на кинопленку, ввиду отсутствия таких устройств, которые заменили современные, малогабаритные цифровые устройства видеозаписи, которые более удобны в использовании.

На основании вышеизложенного, можно предложить внести изменения в соответствующие статьи УПК РФ по исключению понятий «киносъемка», «диапозитивы» и замене «видео- или кинопленка», «фотографические негативы и снимки, киноленты», «кассеты видеозаписи» на «носитель информации».

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Монголия // [Электронный ресурс] - URL: http://law.vl.ru/comments/show_article.php?art_id=517&sec_id=67&law_id=12&law . (дата обращения: 6 апреля 2013г.).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Корея // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.helpline.law.com/article/south%2520korea/153>. (дата обращения: 6 апреля 2013 г.).
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. // СПС КонсультантПлюс.

К ПРОБЛЕМЕ НЕЗАКОННОГО ПЕРЕМЕЩЕНИЯ ФИЗИЧЕСКИМИ ЛИЦАМИ ЧЕРЕЗ ТАМОЖЕННУЮ ГРАНИЦУ ТАМОЖЕННОГО СОЮЗА СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПРЕДНАЗНАЧЕННЫХ ДЛЯ НЕГЛАСНОГО ПОЛУЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ

Четкого понятия «специальные технические средства, предназначенные для негласного получения информации» не имеется в законодательстве Российской Федерации. Однако, Постановлением Правительства №214 от 10.03.2000 г. и №770 от 01.07.1996 г. установлен примерный перечень СТС НПИ, что позволяет более менее определить, что именно относится к СТС НПИ. Следует отметить, что данные перечни не являются окончательными, иными словами законодатель просто не в состоянии охватить весь совокупный перечень предметов относящихся к СТС НПИ. По этим перечням к СТС НПИ можно отнести web-камеру, автомобильный видеорегиистратор и еще несколько вещей гражданского оборота. Наиболее типичные образцы СТС НПИ вы можете просмотреть на слайдах презентации.

К СТС НПИ относятся:

1) СТК 033 «Розетка-С» (Назначение: контроль телефонной линии и акустики помещения с передачей по радиоканалу и кварцевой стабилизацией частоты с питанием от телефонной линии.)

2) Различного рода галстуки, гвозди, шурупы и гайки. (Для камуфлирования в различных предметах одежды выпускается модификация видеокамеры «Лента» с вынесенной матрицей с плоским Pin-hole объективом. Изделие выполнено на базе стандартной черно-белой видеокамеры с вынесенной CCD матрицей на гибком кабеле. Вынесенная часть видеокамеры имеет минимальные габариты и толщину в сочетании со специальным Pin-Hole объективом. Камера предназначена для установки в различные предметы одежды и интерьера.)

3) Различные малогабаритные видеопередатчики ВПЧ-050, которых можно замаскировать под пачку сигарет, автоматическую ручку, настольные часы, и иные бытовые предметы.

4) Малогабаритные диктофоны маскируются под пачку жевательной резинки, ручку и т.д.

Одна из самых отличительных свойств данных предметов заключается в возможности негласного получения информации. Негласного - это означает, что СТС НПИ могут быть замаскированы (замаскированы) *абсолютно* под *любой* предмет (камень, ручку, галстук и т.п.). В связи, с чем возникает огромная проблема у органов безопасности и таможенных органов РФ, связанная с их обнаружением. Некоторые СТС НПИ обнаруживаются лишь при использовании определенных специальных технических средств предназначенных для обнаружения СТС НПИ. К ним относятся:

1) Сверхпортативный нелинейный локаатор «Лорнет 24»(используется при проведении оперативно-поисковых работ в помещениях, в автомашинах, досмотре людей и бандеролей, обнаруживает технические средства и устройства, имеющие в своём составе полупроводниковые компоненты.),

2) NR-900ЕК «Коршун» детектор нелинейных переходов

(Детектор позволяет обнаружить:

- радиопередающие и радиоприемные устройства систем связи, сигнализации и дистанционного управления различными объектами;
- электронные и электромеханические таймеры;
- акустические, магнитные, оптоэлектронные датчики и малогабаритные телевизионные камеры.

Детектор также может применяться для обнаружения скрытых металлических конструкций, механизмов и приспособлений.);

3) «RAKSA-100» панорамный индикатор поля. (Панорамный индикатор поля предназначен для обнаружения в ближней зоне и поиска радиопередающих устройств, использующихся для негласного съема информации, включая мобильные телефоны и устройства Bluetooth.)

4) Индикатор поля SEL SP- 75 «Black Hunter». И другие.

Так же существуют различные специальные технические средства, предназначенные для подавления радиоэлектронных и других сигналов. Такие как «Бархан 1-4+», «Шторм», «Шторм-МЦ», различного рода блокираторы ЛГШ-702, «Веер» и т.п. Следует отметить, что вашему вниманию представлены только отечественные образцы СТС, существует еще множественное количество иностранных аналогов и моделей.

Итак, согласно п.3 Приложения №2 к Решению Коллегии Евразийской экономической комиссии от 16 августа 2012 г. № 134 ввоз и вывоз специальных технических средств на территорию Таможенного Союза физическими лицами не допускается [1]. За незаконное приобретение,

производство и сбыт специальных технических средств в Российской Федерации предусмотрена уголовная и административная юридическая ответственность.

Уголовная ответственность выражается в положениях ст. 138.1 УК РФ [2] «Незаконный оборот специальных технических средств предназначенных для негласного получения информации». За совершение преступления предусмотрено наказание в виде штрафа в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода за период до восемнадцати месяцев, или ограничения свободы на срок до четырех лет, либо принудительных работ на срок до четырех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового, либо лишения свободы на срок до четырех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового. Объективная сторона данного преступления выражается в альтернативно предусмотренных действиях: 1) сбыт, 2) приобретение, 3) производство. Необходимо с особой тщательностью доказывать объективную сторону преступления. Следует отметить, что «перемещение через таможенную границу ТС НПИ» не является преступным деянием.

Административная ответственность выражается в содержании ч.2 ст. 20.23 КоАП РФ «Нарушение правил разработки, ввоза в Российскую Федерацию и вывоза из Российской Федерации, а также порядка сертификации, регистрации и учета специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации». Из данной статьи не совсем ясно, будет ли физическое лицо, не имеющее лицензий и сертификатов, подлежать административной ответственности за перемещение через таможенную границу ТС НПИ или нет, т.к. положение статьи имеет в виду физических и должностных лиц уполномоченных на осуществление деятельности в области оборота ТС НПИ. Субъект не конкретизирован.

Отсутствие конкретики в российском законодательстве по поводу перемещения через таможенную границу ТС НПИ представляет собой огромный пробел в области обеспечения национальной и экономической безопасности государства, а так же в охране прав и законных интересов граждан РФ.

Перемещение через таможенную границу ТС НПИ представляет достаточно высокую степень общественной опасности и может повлечь за собой тяжкие общественно-опасные последствия, особенно при использовании ТС НПИ в качестве средства и орудия для совершения таких преступлений как: *ст. 137 УК РФ* «Нарушение неприкосновенности частной жизни», *ст. 138 УК РФ* «Нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений», *ст. 138.1 УК РФ*, *ст. 183 УК РФ* «Незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну», *ст. 272 УК РФ* «Неправомерный доступ к компьютерной информации», *ст. 275 УК РФ* «Государственная измена» и *ст. 276 УК РФ* «Шпионаж».

Исходя из вышеизложенного, мы предлагаем необходимую поправку в Уголовный Кодекс в одном из следующих вариантов:

1) **Статья 226.1. УК РФ «Контрабанда сильнодействующих, ядовитых, отравляющих, взрывчатых, радиоактивных веществ, радиационных источников, ядерных материалов, огнестрельного оружия или его основных частей, взрывных устройств, боеприпасов, оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а также материалов и оборудования, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а равно стратегически важных товаров и ресурсов или культурных ценностей..., а так же специальных технических средств предназначенных для негласного получения информации»;**

2) **Статья 138.1. УК РФ в текст статьи «...Незаконные производство, приобретение, перемещение через таможенную границу Таможенного Союза и (или) сбыт специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации -.....»;**

3) **Статья 138.2 УК РФ «Контрабанда специальных технических средств предназначенных для негласного получения информации».**

А так же было бы целесообразнее изменить подследственность (ст. 151 УПК РФ) составов преступлений связанных с ТС НПИ, отнеся их к ведению федеральных органов исполнительной власти в области обеспечения безопасности.

Порядок действий должностного лица таможенного органа при обнаружении ТС НПИ.

Вариант 1. При наличии состава административного правонарушения предусмотренного ч. 2 ст. 20.23 КоАП РФ. Должностное лицо таможенного органа, согласно п.12 ч.2 ст. 28.3 КоАП РФ, обязан составить Протокол «О возбуждении дела об административном правонарушении» с описанием всех

обстоятельств совершения правонарушения, лица совершившего правонарушение, с приложением Акта таможенного досмотра. Далее, на основании ст. 26.5 КоАП РФ, Протокол «О взятии проб и образцов», изъять предмет правонарушения (СТС НПИ), составить Постановление «О назначении экспертизы». Направить на экспертизу в Центр по Лицензированию, Сертификации и защите государственной тайны ФСБ России (г. Москва). В случае получения заключения эксперта о том, что изъятый предмет действительно является СТС НПИ, составить Определение по делу об административном правонарушении и назначить наказание.

Вариант 2. При наличии доказательств объективной стороны состава преступления предусмотренного ст. 138.1 УК РФ, должностное лицо, согласно Приказу ФТС России от 12.01.07 г. №23 известить оперативного дежурного об обнаружении признаков преступления, и сделать соответствующую запись в КУСП №1. Далее оперативный дежурный извещает оперативного сотрудника Оперативно-розыскного Отдела региональной таможни. Оперативный сотрудник при прибытии на место преступления в рамках ФЗ №144 «Об ОРД» получить объяснения от должностного лица проводившего таможенный контроль, изъять акт таможенного досмотра, провести опрос очевидцев преступления, а также сбор образцов для сравнительного исследования. Все это сопровождается составлением различного рода процессуальных документов. После сбора всех доказательств и изучения обстоятельств совершения преступления, составить Постановление «О назначении криминалистической экспертизы» и направить изъятые СТС НПИ и данное постановление в ЦЛСЗ ФСБ России (г. Москва), ожидать заключение эксперта в течении до 30 суток. При получении положительного заключения эксперта, сформировать материалы дела, составить Рапорт «Об обнаружении признаков преступления» и согласно п.п. а) п. 2) ч.2 ст.151 УПК РФ, направить материалы дела по подследственности следователю Следственного Комитета России.

Литература:

1. Кодекс об Административных Правонарушениях Российской Федерации (№195-ФЗ от 30 декабря 2001г.).
2. Постановление Правительства Российской Федерации №214 от 10.03.2000г. «Об утверждении положения о ввозе в российскую федерацию и вывозе из Российской Федерации специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, и списка видов специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, ввоз и вывоз которых подлежат лицензированию».
3. Постановление Правительства РФ от 1 июля 1996 г. №770 «Об утверждении положения о лицензировании деятельности физических и юридических лиц, не уполномоченных на осуществление оперативно-розыскной деятельности, связанной с разработкой, производством, реализацией, приобретением в целях продажи, ввоза в российскую федерацию и вывоза за ее пределы специальных технических средств, предназначенных (разработанных, приспособленных, запрограммированных) для негласного получения информации, и перечня видов специальных технических средств, предназначенных (разработанных, приспособленных, запрограммированных) для негласного получения информации в процессе осуществления оперативно-розыскной деятельности».
4. Приказ ФТС России от 12.01.07 г. №23 «Об утверждении инструкции о порядке приема, регистрации и проверки в таможенных органах Российской Федерации сообщений о преступлениях».
5. Приказ ФСБ России от 30 июля 2009г. №365 «Об утверждении Административного регламента Федеральной службы безопасности Российской Федерации по исполнению государственной функции по принятию решений о ввозе в Российскую Федерацию и вывозе из Российской Федерации специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации».
6. Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 16 августа 2012 г. № 134.
7. Уголовный Кодекс Российской Федерации (№ 63-ФЗ от 13 июня 1996 г.).
8. Уголовно-процессуальный Кодекс Российской Федерации (№117-ФЗ от 18 декабря 2001 г.).
9. Федеральный закон от 12.08.1995 г. №144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности».

**РОЛЬ РУКОВОДИТЕЛЯ СЛЕДСТВЕННОГО ОРГАНА ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ
БЕЗОПАСНОСТИ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА НА ЭТАПЕ
ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА**

© Т.Г. Олефиренко
Россия, г. Барнаул

Воплощение идеи правового государства в России предполагает эффективные гарантии безопасности личности в сфере борьбы с преступностью, в частности, в уголовном судопроизводстве. В настоящее время преступность вышла на одно из первых мест среди дестабилизирующих социальных факторов. В условиях роста организованной преступности и коррупции правоохранительные органы встречают активное сопротивление и противодействие заинтересованных в исходе дела лиц. Поэтому проблема обеспечения безопасности лиц, участвующих в уголовном процессе, приобрела крайне острый характер и стала серьезным препятствием для осуществления правосудия.

Данная проблематика глубоко исследовалась в работах ученых-юристов (Р.С. Белкина, В.М. Савицкого, И.М. Лузгина, Л.М. Карнеевой, В.П. Божьева, В.И. Смыслова, Б.Т. Безлепкина, Н.В. Витрука, П.А. Лупинской, О.А. Зайцева, Л. В. Брусницына, А. Ю. Епихина и др.). Несмотря на имеющиеся исследования в данной области, вопросы обеспечения безопасности участников уголовного процесса, особенно на этапе возбуждения уголовного дела руководителем следственного органа, очень актуальны. Кроме того, последние изменения (Федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23 ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ) о необходимости обеспечения безопасности участников досудебного производства при приеме сообщения о преступлении не разрешили существующих проблем. Быстро и полно раскрыть преступление, всесторонне и объективно исследовать обстоятельства дела, как этого требует закон, невозможно без надлежащего исполнения своих процессуальных обязанностей участниками уголовного процесса, в том числе и руководителем следственного органа.

Безусловно, руководитель следственного органа является основным субъектом обеспечения безопасности участников уголовного процесса на этапе возбуждения уголовного дела, его непосредственная близость к действиям и решениям следователя, создает необходимые условия для непрерывной проверки соблюдения требований закона, обеспечения прав участников уголовного судопроизводства и неотложного реагирования на выявленные нарушения и просчеты.

Однако, наличие противоречий, которые возникают между нормами права, препятствуют эффективной реализации указанным субъектом норм данного института и прав участников уголовного процесса, в связи с чем, необходима законодательная регламентация полномочий указанного выше лица по обеспечению безопасности применительно к стадии возбуждения уголовного дела. Вместе с тем до настоящего времени эти вопросы не получили адекватного разрешения в законе.

Безопасность участников уголовного процесса расценивается законодателем как одна из составляющих принципа охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве (ст. 11 УПК РФ).

Выступая гарантом обеспечения законности предварительного расследования, руководитель следственного органа должен обеспечить охрану прав и свобод всех участников уголовного процесса, однако уголовно-процессуальный закон (ч. 1 ст. 11) руководителя следственного органа не относит к таковым субъектам, хотя наделяет его правом принимать в отношении участников уголовного процесса меры безопасности, предусмотренные ч. 9 ст. 166 УПК РФ. Как показывает правоприменительная практика, руководитель следственного органа при производстве по уголовному делу разъясняет участвующим лицам их права, обязанности и ответственность, осуществляя процессуальный контроль, принимает меры к обеспечению и реализации прав участников уголовного судопроизводства, в случае нарушения прав принимает меры к их восстановлению. Данный факт подтверждают 47% из числа опрошенных сотрудников следственных подразделений [2].

По нашему мнению, верно утверждение В.С. Шадрина о том, что обеспечение прав личности охватывает все формы благоприятствования участникам уголовного процесса в осуществлении прав, включая: информирование лица об обладании правами и их разъяснение; создание необходимых условий для полноценной реализации прав; охрану прав от нарушений; защиту прав; восстановление нарушенных прав [3, С. 43].

Для того чтобы обеспечить возможность удовлетворения прав участвующих по делу лиц необходимо создать условия для реализации в полном объеме любых процессуальных прав, то есть «обеспечить», значит создать условия необходимые и достаточные для того, чтобы руководитель следственного органа мог ими воспользоваться. Из анализа ст. 11 УПК РФ следует, что руководитель следственного органа для реализации процессуальных полномочий использует в качестве условия – применение мер безопасности к участникам уголовного судопроизводства. Однако по общему правилу, прежде чем принять к лицам участвующим по делу меры безопасности, предусмотренные уголовно-процессуальным законом, необходимо их информировать о том, какими правами они обладают, и разъяснить эти права. Поэтому, прежде всего, в качестве условия необходимо выделить:

наличие полномочий у руководителя следственного органа разъяснять участвующим в деле лицам их права, обязанности и ответственность и обеспечивать возможность осуществления этих прав. На наш взгляд, это одно из первых условий реализации процессуальных прав руководителем следственного органа. О данном факте свидетельствуют результаты проведенного нами опроса: 41% сотрудников следственных подразделений в качестве условия реализации процессуальных полномочий руководителя следственного органа выделяют разъяснение прав, обязанности, ответственности участникам уголовного судопроизводства и считают его основным элементом принципа охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве [2].

Кроме того, недостатком действующего законодательства является как отсутствие нормативной регламентации понятий и видов правовых средств, применяемых руководителем следственного органа при осуществлении процессуального контроля за деятельностью следователей на стадии возбуждения уголовного дела, так и отсутствие четкой системы актов процессуального реагирования.

Из анализа уголовно-процессуального законодательства следует, что одним из процессуальных средств выявления допущенных нарушений закона, прав и свобод участников уголовного судопроизводства руководителем следственного органа на стадии возбуждения уголовного дела является проверка. О данном факте свидетельствуют результаты проведенного нами опроса: 38% сотрудников следственных подразделений относят проверку к одному из основных процессуальных средств выявления нарушений законодательства [2]. По нашему мнению, поручение проверки сообщения о преступлении руководителем следственного органа следователю, дача ему указаний по материалам проверки также является правовым средством выявления допущенных нарушений закона, прав и свобод участников уголовного процесса. Это подтверждается данными проведенного нами опроса, по результатам которого 33 % из числа опрошенных сотрудников следственных подразделений дачу указаний относят к правовым средствам выявления допущенных нарушений закона, прав и свобод участников уголовного судопроизводства и 29 % опрошенных сотрудников следственных подразделений к процессуальным средствам относят поручение проверки сообщения о преступлении [2].

Закон уполномочивает руководителя следственного органа:

- проверять материалы проверки сообщения о преступлении, отменять незаконные и необоснованные постановления следователя;
- проверять жалобы на действия (бездействие) и (или) решения следователя, истребуя в случае необходимости дополнительные материалы и принимая иные меры (ч. 1 ст. 124 УПК РФ).

Как видим, УПК РФ предоставляет руководителю следственного органа лишь проверять материалы проверки сообщения и продлевать срок предварительной проверки сообщения о преступлении до 10 суток, однако поручать проверку сообщений о преступлениях и давать по ней указания следователю, в том числе, и в части обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства, руководитель следственного органа таким правом не обладает.

Напрашивается вопрос, а как же руководитель следственного органа будет обеспечивать безопасность участников уголовного судопроизводства и осуществлять реализацию их прав, в том числе и на этапе возбуждения уголовного дела, если законом не предусмотрена обязанность данного субъекта разъяснять права, обязанности и ответственность участникам уголовного процесса и обеспечивать возможность осуществления этих прав, поручать проверку сообщения о преступлении следователю и давать по ней указания? По нашему мнению, вряд ли можно говорить о должном обеспечении прав участников уголовного процесса.

Только при условии гарантированности прав и законных интересов лиц, участвующих в уголовном процессе, возможно выполнение задач уголовного судопроизводства. По нашему мнению, наряду с важнейшим принципом правового государства – верховенством закона, таким же жизнеутверждающим принципом является юридическая защищенность личности. При этом под правовой защищенностью подразумевается не только совокупность прав и обязанностей, которыми личность наделена действующими нормами, но и фактическое осуществление этих прав на основе гарантий, установленных законом. И то и другое опирается в деятельность как правотворческих, так и правоприменительных органов. К сожалению, издаваемые законы не всегда отвечают конкретным общественным потребностям и не в полной мере соответствуют Конституции.

Анализ указанных норм УПК РФ показывает, что уголовно-процессуальный закон в этой части нуждается в совершенствовании системы правового регулирования, которое бы гарантировало реализацию всех прав и свобод личности.

Исходя из вышеизложенного, представляется целесообразным ч. 1 ст. 11 УПК РФ после слов «...прокурор» дополнить словами: «руководитель следственного органа...», предусмотреть в Уголовно-процессуальном кодексе поручение руководителем следственного органа предварительной проверки сообщений о преступлениях следователю, передачу материалов предварительной проверки от одного следователя другому, дачу указаний по существу предварительной проверки, в том числе и по вопросам обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства, одновременно предусмотрев обязанность исполнять такое указание руководителя следственного органа в установленный им срок.

С нашим мнением соглашаются 39 % из числа опрошенных сотрудников следственных подразделений, которые считают, что поручение руководителя следственного органа о проведении проверки сообщения о преступлении следователю обязательно и будет способствовать обеспечению безопасности участников уголовного процесса и соответственно реализации их процессуальных прав [2], 37% отмечают, что действия руководителя следственного органа по проверке материалов доследственной проверки скорее будут носить незаконный характер, так как он не наделен правом поручать данную проверку следователю [2], а деятельность, как следователя, так и руководителя следственного органа по рассмотрению сообщений о преступлениях должна отвечать требованиям законности и обоснованности. Между этими понятиями существует неразрывная связь, состоящая в том, что только обоснованное решение может быть признано законным, а обоснованность обеспечивается строгим соблюдением требований уголовно-процессуального закона при собирании, проверке и оценке фактических данных, положенных в основу процессуального решения [1, С. 14], 43% подтверждают, что указания по материалам проверки сообщения о преступлении, в том числе и по вопросу обеспечения безопасности руководителем следственного органа даются, в устной форме и носят эпизодический характер [2].

Внесение указанных изменений в уголовно-процессуальное законодательство создаст надлежащие правовые условия для контроля за законностью и обоснованностью действий следователя по проверке сообщения о преступлении, как в целом, так и в части обеспечения безопасности участников уголовного процесса, продлению сроков такой проверки (до 10 и 30 суток), принятого решения, а в случае выявления нарушений закона и прав граждан – для незамедлительного принятия мер для их устранения.

Литература:

1. Белозеров Ю.Н., Чувилов А.А. Проблемы обеспечения законности и обоснованности возбуждения уголовного дела. — М., 1973.
2. Опрошено 100 сотрудников следственных подразделений ГСУ ГУ МВД России по АК.
3. Шадрин В.С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений: – М.: ООО Издательство «Юрлитинформ», 2000.

«ТРИ КИТА»: КАНАДА, ЯПОНИЯ, СИНГАПУР КАК ЭТАЛОН ЭФФЕКТИВНОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

© Н.И. Шаликова
Россия, г. Улан-Удэ

*«Самое главное при всяком государственном строе - это посредством законов и остального распорядка устроить дело так, чтобы должностным лицам невозможно было наживаться»
(Аристотель)*

Всем нам с давних времен известно, что у России две беды – дураки и дороги. На сегодняшний день, можно с точностью утверждать, что к ним прибавилась третья и имя ей – коррупция. Коррупцию по уровню вредоносности и интенсивности распространения можно сравнить с вирусом, который оказывает отрицательное воздействие на все сферы общественной жизни. Разрушительно воздействие коррупционных проявлений одинаково негативно сказывается на любом государстве, независимо от его государственного устройства и традиций. Исходя из этого, можно сделать вывод,

что и эффективная методика противодействия коррупции может быть единой для всех государств и легко адаптирована в их общественных условиях.

В этой связи, особый интерес представляет практика тех государств, где структурные преобразования дали наибольшие результаты в деле противодействия коррупции и тем самым, создали предпосылки для успешного экономического роста. В современном менеджменте давно сформулировано великолепное правило, согласно которому, в любом сложном деле лучше учиться не на чужих ошибках, а на чужих успехах. Принципы «лучшей практики» позволяют не только изучить опыт достижения положительных результатов, но и получить необходимый заряд уверенности в собственных силах, чтобы повторить и возможно, даже в некоторой степени превзойти успехи предшественников[1, с. 25]. К числу таких стран, на наш взгляд, с уверенностью следует отнести Японию, Канаду и Сингапур. Об их положительном опыте в деле эффективного противодействия коррупции и пойдет речь в данной статье.

И в первую очередь, речь пойдет о мерах противодействия коррупции в Канаде. В 1985 году в Канаде был принят Ценностный этический кодекс государственного служащего, включающий правила поведения, которыми обязаны руководствоваться все государственные служащие в случае возникновения конфликта между их служебными обязанностями и личными интересами. Правила направлены на профилактику коррупционных преступлений, установление четких норм поведения всех государственных служащих в части "конфликта интересов" на государственной службе и после ее оставления, "минимизации возможности их возникновения и разрешения в случае возникновения в интересах общества".

Данный Кодекс состоит из четырех частей. В первой части сформулированы общие принципы поведения, которыми обязаны руководствоваться государственные служащие. Так, государственный служащий обязан делать все необходимое, чтобы исключить реальную возможность возникновения "конфликта интересов", его видимости и создания возможных условий для его возникновения. Канадским госслужащим не рекомендуется иметь частные интересы, за исключением, разрешенных кодексом, которые могут прямо и существенно касаться ведомства, в котором они работают. При поступлении на государственную службу служащие обязаны таким образом перестроить свои частные дела, чтобы исключить возможность возникновения "конфликта интересов". В случае если он все же возник, его необходимо разрешить в интересах общества.

Кроме того, лица, занимающие государственные посты не имеют права принимать различные подарки, стоимость которых может быть выражена в денежном эквиваленте. Им не разрешается отклоняться от своих обязанностей для оказания помощи частным предприятиям или лицам в их делах с правительством, если в результате этого предприятие или лицо получают со стороны последнего какие-либо преимущества по сравнению с другими.

Государственные служащие не вправе извлекать материальную выгоду из информации, которая еще не была обнародована и стала им известна в результате выполнения своих служебных обязанностей. Ни прямо, ни косвенно государственные служащие не должны допускать использование государственной собственности для любых других целей, кроме тех, для которых она официально предназначена. После оставления государственной службы служащие не должны пытаться извлечь какие-либо преимущества, используя знания и возможности, полученные ими на службе.

Вторая часть Кодекса содержит конкретные требования, предъявляемые к повседневной деятельности чиновников. Цель этих требований максимально снизить вероятность возникновения "конфликта интересов" и разрешать их в интересах общества. В соответствии с Кодексом государственный служащий в течение 60 дней после назначения на службу обязан представить уполномоченному должностному лицу подробный конфиденциальный доклад о своем имуществе и обо всех прямых и существенных обязательствах, способных противоречить его должностным интересам.

Государственный служащий обязан отказываться от подарков, гостеприимства и иных личных материальных выгод в любой форме, которые могут повлиять на принимаемое им решение в рамках служебной компетенции. Более того, он не вправе воспользоваться предлагаемой ему лицами, группами или организациями, ведущими дела с правительственными органами, личной материальной выгодой. В случаях, когда невозможно уклониться от несанкционированных подарков, о них следует незамедлительно доложить уполномоченному должностному лицу своего ведомства. Без разрешения руководства государственный служащий не имеет права предлагать свою помощь любому лицу или организации, если ее оказание не входит в его официальные обязанности.

Третья часть Кодекса содержит требования к поведению служащего после оставления им государственной службы, цель которых - свести к минимуму возможности возникновения "конфликта интересов", имея в виду его будущее трудоустройство за пределами государственной службы, извлечения личных выгод из обладания информацией, ставшей ему известной как государственному служащему.

В течение года после оставления службы бывший государственный служащий не имеет права принимать предложения о трудоустройстве в организации, которых он в течение года перед увольнением вел дела от имени государственного ведомства; и даже консультировать с коммерческой целью любую организацию, ведущую дела с правительственным учреждением, в котором он ранее работал, либо с учреждением, с которым вел дела от имени правительственного органа в течение года перед увольнением со службы.

Четвертая часть Кодекса устанавливает отличия в порядке приема на работу и увольнения со службы некоторых категорий государственных служащих, и служит для более качественного отбора лиц, претендующих на определенные посты.

Именно благодаря четким инструкциям, регламентирующим нормы повеления госслужащих, коррупция не является существенной национальной проблемой в Канаде, отдельные примеры, которые все-таки имеют место быть – это скорее статистические исключения... [2]

Гарантируя защиту должностным лицам, японское законодательство строго регулирует их обязанности. Действующий УК Японии относит должностные преступления к преступным деяниям против правовых благ отдельного лица, хотя теория рассматривает их как посяательства на деятельность государства. Между тем, стоит особо отметить, что несмотря на особую значимость проблемы противодействия коррупции в Японии установлены достаточно четкие правовые гарантии защиты от ложных обвинений во взяточничестве[3].

Как и во многих странах, в Японии одним из приоритетных направлений противодействия коррупции выступает кадровая политика. Государственное администрирование здесь, так же как и в Сингапуре, построено на принципе меритократии, ориентировано на государственную службу. Японским чиновникам гарантирована достойная оплата труда. Большое внимание законодательство Японии уделяет Этичному поведению политиков и служащих. С апреля 2000г. в стране действует Закон «Об этике государственных служащих», а также утвержденные правительственным указом этические правила государственного служащего и нормы административных наказаний за их нарушение. В этических правилах государственного служащего дается развернутое определение «заинтересованного лица» и подробный перечень неэтических действий, что исключает произвольное толкование норм Закона[4].

Особое внимание, на наш взгляд, следует уделить антикоррупционной политике Сингапура. Безусловным ключом к успеху в деле противодействия коррупции в этой удивительной стране следует считать наличие постоянно действующего специализированного органа по борьбе с коррупцией – Бюро по расследованию случаев коррупции, обладающее политической и функциональной самостоятельностью. Этот независимый орган, наряду с расследованием случаев коррупции, стремится предотвращать коррупцию в государственном и частном секторе экономики страны. Бюро проверяет факты злоупотреблений государственных чиновников и извещает об этом соответствующие органы с целью принятия в отношении указанных лиц необходимых дисциплинарных мер. Кроме того, Бюро занимается изучением методов работы потенциально подверженных коррупции государственных органов для обнаружения слабых звеньев в системе управления.

Ключевая идея антикоррупционной политики Сингапура заключается в стремлении свести к минимуму либо абсолютно исключить условия, приводящие к совершению коррумпированных действий [5]. Это достигается посредством соблюдения целого ряда ключевых принципов:

- 1.оплата труда государственных служащих согласно формуле, привязанной к средней заработной плате работающих в частном секторе лиц;
- 2.контролируемая ежегодная отчетность государственных должностных лиц об их имуществе, активах и долгах, при этом, прокурор вправе проверять любые банковские, акционерные и расчетные счета лиц, подозреваемых в нарушении Акта о предотвращении коррупции;
3. большая строгость в делах о коррупции в отношении высокопоставленных чиновников для поддержания морального авторитета неподкупных политических лидеров;
4. ликвидация излишних административных барьеров для развития экономики.

5. назначение на должности только высококвалифицированных и высокоморальных людей, чей профессионализм и морально-этические качества соответствуют требованиям, предъявляемым к кандидатам на соответствующий пост.

Таким образом, анализ зарубежного опыта противодействия коррупции приводит к выводу, что в развитых странах коррупция, была максимально исключена, посредством применения ряда необходимых мер:

Во-первых, путем установления ясных и четких методов работы и принятия решений. Как только общественность осознает, что не существует возможности влиять на правительственные решения путем дачи взяток, коррупции станет меньше.

Во-вторых, лидеры должны подавать личные примеры безупречного поведения на самом высоком уровне, чтобы поддерживать свой моральный авторитет, необходимый для борьбы с коррупцией. Следовательно, неподкупность должна быть ключевым критерием, основной целью политических лидеров.

В-третьих, необходимо наличие гарантий, что именно признание личных и профессиональных заслуг, а не родственные связи или политическое покровительство, должно быть определяющим фактором при назначении на любые должности. Использование семейных связей подрывает доверие к государственной службе, к ее эффективности и беспристрастности. Напротив, признание заслуг гарантирует, что на соответствующий пост будет назначен квалифицированный специалист.

В-четвертых, основное правило – соблюдать принцип неподкупности и увольнять запятнавших свою репутацию работников судебной системы. Средства массовой информации играют важную роль в предании гласности случаев коррупции и деталей наказания, чтобы информировать общественность относительно последствий коррупции. Это помогает создать атмосферу открытости, честности и доверия к государственной службе, а также закрепить принцип наказания коррупции, т.к. эффективность противодействия коррупции зависит от системы ценностей политических лидеров, государственной службы и общества.

В-пятых, необходимо создание эффективного, работающего на принципе честности и преданности своему делу органа по борьбе с коррупцией, и защита информаторов, сообщающих о случаях коррупции.

В-шестых, нужно минимизировать количество необходимых для документов подписей. Это уменьшит возможности для коррупции.

В-седьмых, необходимо использовать законы таким образом, чтобы распространить их действие на должностных лиц с целью выяснения источников их доходов. Если они не могут объяснить, откуда у них дополнительные финансовые средства, можно предположить, что источником является коррупция.

Литература:

1. Северная Европа: регион нового развития / Под ред. Ю.С.Дерябина, Н.М. Антюшиной. - М.: «Весь мир», 2008. - С.25.
2. Опыт борьбы с коррупцией в разных странах мира – Канада. [Электронный ресурс] // URL: <http://kostunov.livejournal.com/24270.html>
3. Уголовный кодекс Японии. - СПб., 2002.
4. Еремин В.Н. Характеристика источников уголовного права Японии //Уголовное право зарубежных стран. Общая часть. - М., 1990. – С.56.
5. Хонг Марк. Сингапур – страна, победившая коррупцию. [Электронный ресурс] // URL: http://world.ng.ru/azimuth/2000_05_18/6sing.htm/

ПРОФИЛАКТИКА ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НАЕЗДАМИ НА ПЕШЕХОДОВ В РОССИИ И МОНГОЛИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

© К.С. Латынова
Россия, г. Улан-Удэ

Наибольшее количество аварий, в которых погибают люди, происходит в странах, находящихся на переходном этапе развития. Именно здесь ежегодно регистрируется почти 75 % всех погибших в результате дорожно-транспортных преступлений (далее, для краткости ДТП). При этом доля транспортных средств этих стран в мировом автомобильном парке составляет всего 32 % [7, с. 25].

Быстрый рост автомобильного парка в странах АТР, который происходит в последние годы, значительно увеличил нагрузку на улично- дорожную сеть и инфраструктуру, не рассчитанную на такое количество транспортных средств, а также водителей и пешеходов. Не является исключением и Монголия, в которой потери, связанные с ДТП, в несколько раз превышают ущерб от железнодорожных аварий, пожаров и других видов происшествий.

В течение последних десятилетий (2000-2010г.) основные показатели аварийности в Монголии закрепились на высоком уровне. В 2010 г. произошло свыше 5900 дорожно-транспортных происшествий, в том числе, 1096 преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, в которых погибло 344 и ранены 1165 человек. Относительно 2000 года количество дорожно-транспортных преступлений увеличилось на 21,6%, прирост количества погибших составил 12,1% , раненых – 25,8%. Более четверти от числа погибших в ДТП составляют люди наиболее активного трудоспособного возраста (25-40 лет)[6, с. 3-15].

Что касается России, то анализ состояния и динамики аварийности на автомобильном транспорте показывает, что уровень дорожно-транспортного травматизма в стране продолжает оставаться недопустимо высоким. Каждые сутки на улицах и дорогах России совершается более 430 ДТП, в которых погибают и получают травмы различной степени тяжести около 600 человек[1, с. 25]. По сравнению с 2000 г. количество ДТП увеличилось на 31,1 %.

Сравнительно-статистический анализ показывает, что данные дорожно-транспортных преступлений в Монголии по некоторым показателям не уступают показателям дорожной безопасности в России. Безусловно, основное влияние на ДТП оказывает количество автомобилей на дорогах, чем их больше, тем выше их аварийность. Хотя число погибших в ДТП на 100 тыс. населения Монголии в три раза выше, чем в Великобритании и Швеции, в два раза выше – чем в Германии, Дании и Канаде, а тяжесть последствий в 10-12 раз превышает значение этого показателя в других странах[3, с. 27].

Наезд на пешеходов, как в России, так и Монголии остается самым распространенным видом ДТП. Он характеризуется самой высокой тяжестью последствий. Поскольку их тяжесть трудно переоценить, все исследования могут сводиться лишь к одному – оценке смертельного исхода. Согласно результатам проведенного исследования из общего числа пострадавших пешеходов 28,8 % получили смертельные травмы[4, с. 88].

Под дорожно-транспортными преступлениями, связанными с наездами на пешеходов в России понимаются преступления, составы которых включены в гл. 27 УК РФ «Преступление против безопасности движения и эксплуатации транспорта». Согласно статистическим показателям из числа всех осужденных в 2000-2010 г. за преступления предусмотренные гл. 27 УК РФ, 95,3 % осуждены за преступления, предусмотренные ст. 264 УК РФ[9].

Рассматриваемая норма устанавливает уголовную ответственность за причинения тяжкого вреда здоровью по неосторожности, либо причинения смерти по неосторожности одному или нескольким лицам, путем нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.

Уголовный кодекс Монголии под дорожно-транспортными преступлениями понимаются деяния, предусмотренные ст. ст. 215-225 УК Монголии[8, с. 34], содержащиеся в главе 24 «Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспортных средств». Из них лишь по двум составам водитель, совершивший наезд на пешехода может понести уголовную ответственность: ст. 215 УК Монголии – нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств и ст. 216 УК Монголии – оставление места дорожно-транспортного происшествия.

Сравнивая положения соответствующих норм монгольского и российского уголовного закона, выделим схожие и отличительные черты составов ДТП, связанным с наездами на пешеходов.

Во-первых, объект сопоставляемых преступлений схож – это охраняемое законом общественная безопасность, а именно общественные отношения по охране безопасности движения и эксплуатации транспорта.

Во-вторых, ст. 264 УК РФ и ст. 215 УК Монголии включают в себя несколько самостоятельных общественно опасных деяний, составляющих окончанный состав преступления, в зависимости от степени тяжести наступивших последствий.

В-третьих, субъективная сторона дорожных преступлений в рассматриваемых уголовных законодательствах представлена по-разному. В диспозиции ст. 264 УК РФ форма вины отражается самой нормой «повлекшие по неосторожности или иные последствия», в отличие от ст. 215 УК

Монголии, где вина законодательством не обозначена. Данные обстоятельства дают возможность сделать нам выводы о том, что рассматриваемая категория преступлений может быть совершена как с умышленной, так и с неосторожной формой вины.

В-четвертых, в ст. 216 УК Монголии (так же как и в ряде других стран: Китай, Германия, Испания) предусматривается уголовная ответственность водителей в случае их бегства после совершения дорожно-транспортного происшествия [5, с. 230]. В УК России подобная норма, к сожалению отсутствует. Законодатель аргументирует подобное положение тем, что современный Уголовный закон позволяет привлекать водителя, оставившего место дорожного происшествия, участником которого он являлся по ст. 264 УК РФ и ст. 125 УК РФ «Оставление в опасности».

Одной из острых проблем безопасности на дорогах, как России, так и Монголии является предупреждение преступлений, ведь предупредить их гораздо предпочтительнее, чем иметь дело с его последствиями.

Возьмем за основу определение профилактики дорожно-транспортных преступлений, связанных с наездами на пешеходов, предложенное О.Д. Кузьменко, который рассматривает ее как систему государственных и общественных мер, направленных на выявление, устранение, ослабление или нейтрализацию причин и условий таких преступлений, а также на удержание от перехода или возврата на преступный путь людей, поведение которых указывает на такую возможность [4, с. 78].

Предупреждение дорожно-транспортных преступлений, связанных с наездами на пешеходов, должно носить абстрактный характер, и выглядеть в виде определенной системы. Причем принципы построения и функционирования этой системы должны иметь вполне конкретную теоретическую и практическую направленность. Это связано с тем, что проблема снижения дорожно-транспортной аварийности является комплексной и вынуждает в сложившихся социально-экономических условиях максимально сосредоточить совместные усилия министерств и ведомств, других государственных органов, органов местного самоуправления, физических и юридических лиц, всех участников дорожного движения.

Безопасность дорожного движения в России и Монголии непосредственным образом связана с экономическим потенциалом государств. Государственная политика по предупреждению дорожно-транспортных происшествий должна быть направлена в первую очередь на создание микроструктуры, отвечающей современным требованиям безопасности дорожного движения.

В Монголии преобладающая часть дорожной сети проходит по пустынным безлюдным территориям, поэтому немаловажной проблемой является обустройство дорог и придорожных мест отдыха, так как существует прямая зависимость безопасности дорожного движения от того, в каких условиях работает водитель.

К мероприятиям, которые необходимо осуществить для улучшения состояния дорог и повышения безопасности дорожного движения в Монголии и России можно отнести устройство разделительных полос и установку на них дорожных ограждений, обеспечивающих разделение транспортных потоков по направлениям, строительство и обустройство надземных и подземных пешеходных переходов (обеспечение их освещенности; создание островков безопасности, рациональное расположение перехода с точки зрения уменьшения расстояния, которое проходят пешеходы, пересекая проезжую часть дороги и улучшения видимости; обеспечения безопасного состояния дорожного покрытия в местах ожидания). А также предотвращение дорожных заторов, оптимизация скоростных режимов движения, современных технических средств (светофор, дорожных знаков, разметки и т.д.) и автоматизированных систем управления движением.

Существующее положение с высокой дорожно-транспортной преступностью в России и Монголии в значительной степени определяется уровнем подготовки участников дорожного движения и их отношением к необходимости соблюдения действующих правил. Существующая система подготовки водителей не соответствует современным особенностям дорожного движения, его интенсивности и насыщенности. Программа подготовки водителей недостаточно времени отводит практическому вождению. Обучение навыкам вождения в экстремальных условиях даже не предусмотрено программой, что, на наш взгляд, является неоправданным для подготовки водителей, которым, собственно предстоит управление транспортным средством в сложных погодных, климатических условиях бездорожья Монголии.

На наш взгляд, видится правильной точка зрения по рассматриваемому вопросу, предложенная Е.А. Чипуриной, которая считает, что необходимо ввести административную ответственность автошкол за неудовлетворительный отбор кандидатов на получение водительских прав и их подготовку. Автошкола должна привлекаться к ответственности (штрафоваться) в том случае, если

определенное количество ее выпускников будут признаны виновными в ДТП в течение первого года после ее окончания[11, с. 113].

Немаловажным этапом в рассматриваемом направлении является реализация программы по совершенствованию системы лицензирования в сфере подготовки кандидатов на получение права управления транспортным средством и допуска к участию в дорожном движении, а также введение существенного ограничения самостоятельной подготовки граждан для получения этого права.

Специально уполномоченным органом, осуществляющим деятельность в сфере безопасности дорожного движения и предупреждения дорожно-транспортных происшествий в Монголии является дорожная полиция.

Сотрудники дорожной полиции выполняют следующие функции по предупреждению дорожно-транспортных происшествий и связанных с ними преступлений:

- проводят профилактическую работу, предотвращают, пресекают преступления и административные правонарушения в области дорожного движения;

- осуществляют контроль за выполнением законодательства, нормативных актов и стандартов в области обеспечения безопасности дорожного движения гражданами, организациями и хозяйственными единицами;

- осуществляют разъяснительную работу среди граждан по соблюдению ими Правил дорожного движения, принимают меры предупредительного воздействия в случаях попытки совершения с их стороны нарушений данных Правил;

- осуществляют работу по вовлечению несовершеннолетних граждан в отряды юных инспекторов движения, различные секции, кружки по изучению Правил дорожного движения и др. [2, с. 117].

Для реализации данных направлений в Монголии с апреля 2013 г. начиналась двухмесячная кампания по профилактике и предупреждению автотранспортных аварий и травм. Третью по счёту общественную акцию проводят Министерство Здравоохранения и фонд «Тысячелетие». На порядок сложнее станут правила тестирования для слушателей автомобильных курсов.

В целях профилактики снижения детского дорожного травматизма, который не уменьшается, а наоборот растёт, о чем свидетельствуют статистических данные, по которым только за прошлый год в ДТП погибли 43 ребенка, а 183 получили повреждения разной степени тяжести. Причем специалисты отмечают, что эти показатели выросли от 7 до 17 % по сравнению с предыдущими годами[13]. В связи с этим, дорожной полицией проводится цикл бесед с родителями и педагогами школ и детских садов.

Количество пьяных водителей, а также севших за руль без водительского удостоверения - не уменьшается. Поэтому в Монголии было принято решение об ужесточении наказания в отношении таких водителей. Министерством юстиции была создана рабочая комиссия по разработке закона о нарушениях правил дорожного движения. В рамках реформирования автодорожной полиции, отделилось столичное управление автодорожной полиции, появился отдел по анализу автотранспортных преступлений.

В России основным направлением по реализации профилактики как автотранспортной преступности в целом, так и дорожно-транспортных преступлений, связанных с наездами на пешеходов, была реализована концепция Федеральной целевой программы «Повышение безопасности дорожного движения 2006-2012 годах» (далее, для краткости – Программы), утвержденной постановлением Правительства РФ от 20 февраля 2006 № 100[12].

Программа предусматривала комплекс конкретных мер, направленных на обеспечение безопасности дорожного движения, которая осуществлялась в течение 7 лет в 2 этапа. Вместе с тем, данная программа, на наш взгляд требовала более полного и обстоятельного рассмотрения применительно к профилактике именно дорожно-транспортных преступлений, связанных с наездами на пешеходов. Так, необходимо было реализовать мероприятия по предупреждению опасного поведения водителей в отношении пешеходов, по формированию общественного мнения о необходимости неукоснительного соблюдения правила – «уступи дорогу» в отношении пешеходов, введению соответствующих методов обучения «осторожному вождению» в сочетании с усилением мер ответственности за нарушения правил проезда пешеходных переходов.

То, что целенаправленная деятельность по предупреждению дорожно-транспортных происшествий и преступлений возможна и способна дать ощутимый положительный эффект, подтверждается практикой борьбы с аварийностью и опытом, накопленным отдельными зарубежными странами. Даже в условиях роста транспортного парка, увеличения количества участников дорожного движения (то, что прослеживается в России и Монголии), может быть

достигнут положительный эффект. В этом отношении показателен опыт Японии, добившейся феноменального результата, который окрестили «японским чудом». В Японии при двукратном росте парка автомобилей число жертв ДТП сократилось в 4 раза.

Такой эффект был достигнут за счет комплекса мероприятий, в том числе потребовавших существенных капитальных вложений [10, с. 147]. Было осуществлено интенсивное дорожное строительство и внедрение технических средств безопасности дорожного движения.

Основываясь на вышеизложенном, можно прийти к выводу о том, что количество аварий в России и Монголии можно сократить только совместными усилиями, ведь одной автодорожной полицией снизить количество аварий не под силу. Каждый человек должен думать о своей безопасности - соблюдать правила дорожного движения, быть примером для своих детей, повышать уровень грамотности.

Литература:

1. Гвоздева Е. В., Ларичев В. Д., Ситковский А. Л. Предупреждение уголовно наказуемых нарушений правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (по материалам Приволжского федерального округа) : Учебное пособие. – М. : ВНИИ МВД России, 2008. – С. 25.
2. Доржсүрэн Намдорж. Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений, связанных с нарушениями правил безопасности движения и эксплуатации автомобильного транспорта в Монголии: дис... канд. юрид. наук. – Москва, 2008. – С. 117.
3. Козловский Е.А. Профилактика детского дорожно-транспортного травматизма: Аналитический обзор. – М.: НИЦ БДД МВД России, 2007. – С. 27.
4. Кузьменко Д. О. Криминологический анализ дорожно-транспортных преступлений, связанных с наездами на пешеходов: дис... канд. юрид. наук. – Тамбов, 2009. – С. 88.
5. Латыпова К. С. Средства правовой защиты безопасности дорожного движения в России и КНР: сравнительно-правовой анализ // Сравнительное правоведение в странах Азиатско-Тихоокеанского региона : материалы 4 межд. науч.-практ. конф. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. Госуниверситета, 2012. – С. 230.
6. Майоров В. А. О дорожно-транспортной аварийности и ее причинах // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2007. – № 11. – С. 25.
7. Официальные данные Управления дорожной полицией Монголии. – УБ. 2010 г. – С. 3-15.
8. Совд Г. Комментарий к Уголовному Кодексу Монголии. – УБ., 2002. – С. 34.
9. Уголовный кодекс Российской Федерации: от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.03.2012) // Сбор. Законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. С. 2954.
10. Уэда К. Преступность и криминология в современной Японии. – М., 1987. – С. 147.
11. Чипурина Е. А. Криминологическая характеристика и профилактика ДТП в условиях крупного города, повлекших тяжкие последствия : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005. – С. 131.
12. [Электронный ресурс] // URL: Информационно справочная система «Гарант». – Режим доступа: <http://www.garant.ru/>. – Дата обращения: [05 марта 2013].
13. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.rg.ru/2012/10.13strahovka-anons.htmls>/Дата обращения: 05.02.2013.

А-Б

Алексеев Александр Петрович, заведующий лабораторией кафедры Частного права ВГУЭС, г. Владивосток, alekseenko.a.p@gmail.com

Анданова Светлана Баировна, к.ист.н., магистрант 2-го года обучения ЮФ БГУ, г. Улан-Удэ, Vas.svetlana@mail.ru

Андреев Александр Борисович, канд.геогр. наук, Байкальский институт природопользования СО РАН, г. Улан-Удэ, true2008@yandex.ru

Андреева Татьяна Викторовна, канд.соц.наук, БНЦ СО РАН, г. Улан-Удэ, tv.andreewa@yandex.ru

Арутюнян Артур Арутюнович, студент 4 курса факультета юридических и исторических наук Забайкальского государственного университета, г. Чита, Tiran_arthur@mail.ru

Бальжиев Борис Александрович, преподаватель кафедры теории и истории права и государства ЮФ БГУ, г. Улан-Удэ, boldarev.86@mail.ru

Батоцыренова Лариса Юрьевна, магистрант 1-го года обучения ЮФ БГУ, г. Улан-Удэ, larisa.bato@gmail.com

Бимбаева Оксана Лодоевна, аспирант 2-го года обучения Сибирской академии права, экономики и управления, г. Иркутск, bimbaevaoksana@mail.ru

Бугдаева Людмила Борисовна, магистрант 1-го года обучения ЮФ БГУ, г. Улан-Удэ, blb@baikalpharm.ru

Бурдинская Анна Николаевна, аспирант 3-го года обучения Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, zentr-atr@rambler.ru

Бянкина Анна Михайловна, ст. преподаватель кафедры гражданского права и процесса, зам.декана по учебной работе факультета юридических и исторических наук Забайкальского государственного университета, г. Чита, kalipso-84@mail.ru

В-Д

Вейберт Софья Игоревна, канд юр.наук, Уральский институт – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Екатеринбург, sofja.uapa@gmail.com

Викулов Олег Валерьевич, адвокат, аспирант ЮФ БГУ, г. Улан-Удэ, oleg0977@yandex.ru

Войлошникова Юлия Олеговна, магистрант 1-го года обучения ЮФ БГУ, г. Улан-Удэ, amrina666@mail.ru

Вольных Екатерина Юрьевна, аспирант 2-го года обучения Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, zentr-atr@rambler.ru

Дабаева Марина Валерьевна, магистрант 2-го года обучения ЮФ БГУ, г. Улан-Удэ, maridab80@mail.ru

Доржиева Аюна Галсанбаировна, студент 2 курса ЮФ БГУ, г. Улан-Удэ, ayuna94@yandex.ru

Доржиева Дарима Булатовна, магистрант 1-го года обучения ЮФ БГУ, г. Улан-Удэ, darima5109@mail.ru

Ж-Л

Жамбаева Ульяна Баировна, канд.филос.наук, начальник отдела по работе со студентами Управления высшего образования Улан-Баторского филиала Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, г. Улан-Батор, uliya100186@yandex.ru

Караваева Елена Александровна, студент 2 курса Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, г. Владивосток, Helena-Ka@mail.ru

Колмаков Станислав Юрьевич, студент 4 курса ЮФ БГУ, Улан-Удэ, kolmakov_stanislav@bk.ru

Коровин Николай Кондратьевич, заведующий криминалистической лабораторией ЮФ Новосибирского государственного технического университета, г. Новосибирск, knk3746@mail.ru

Коршунов Артем Александрович, канд.юр. наук, доцент Восточно-Сибирского института МВД России, г. Иркутск, korshounov@mail.ru

Кошечкина Алена Сергеевна, студент 4 курса ЮФ Забайкальского государственного университета, г. Чита, chitaaly@mail.ru

Красикова Ксения Валериевна, студент 4 курса ЮФ БГУ, г. Улан-Удэ,
Куриганов Сергей Ахмедович, студент 2 курса ЮФ БГУ, г. Улан-Удэ, kuriganov_sergei@mail.ru
Латыпова Кристина Сергеевна, аспирант 3-го года обучения ЮФ БГУ, г. Улан-Удэ, krista.100@mail.ru

Лысанов Александр Николаевич, студент 3 курса ЮИ ИГУ, г. Иркутск, lysanov.bk@mail.ru

Литвинова Надежда Алексеевна, г. Пекин, КНР, Svetlana.litvinova@vvsu.ru

Литвинова Светлана Федоровна, канд.юр.наук, доцент, Владивостокский госуниверситет экономики и сервиса (ВСГУЭС, г.Владивосток, Svetlana.litvinova@vvsu.ru

Лугавцов Константин Викторович, студент 4 курса ЮФ БГУ, г. Улан-Удэ, konstantin-21@mail.ru

Лукьянов Дмитрий Васильевич, к.юрид.н., доцент Национальной академии правовых наук Украины, г. Харьков, d_lukyanov@list.ru

Лютов Валерий Александрович, аспирант 2-го года обучения Забайкальского государственного университета, г. Чита, lawinstitute2011@gmail.com

Лян Минь янь, доктор юридических наук, доцент Чанчуньского политехнического университета, Китай, г. Чанчунь

М-О

Мантатова Светлана Матвеевна, студент 2 курса ЮФ БГУ, г. Улан-Удэ, sveta021094@mail.ru

Ма Ли, КНР, г. Маньчжурия

Меженина Елизавета Владимировна, студент 5 курса ЮФ УрГЮА, г. Екатеринбург, mandragorium@mail.ru

Морозов Максим Валерьевич, адвокат Новосибирской областной коллегии адвокатов «ЮВЭД», Новосибирская область, г. Бердск, m_morozov_84@mail.ru

Мункуева Сэсэгма Цыдыповна, студент 2 курса ЮФ БГУ, mseseg@mail.ru

Овчинникова Виктория Евгеньевна, студент 4 курса Новосибирского государственного технического университета, г. Новосибирск, knk3746@mail.ru

Одоев Олег Сергеевич, ассистент кафедры уголовного права и криминологии ЮФ БГУ, г. Улан-Удэ, mincultury@mail.ru

Олефиренко Татьяна Геннадьевна, преподаватель кафедры уголовного процесса Барнаульского юридического института МВД России, адъюнкт 4 года заочной формы обучения, г. Барнаул, olefirenko73@mail.ru

Орлов Николай Геннадьевич, студент 5 курса ЮФ БГУ, г. Улан-Удэ, ONG91@rambler.ru

П-С

Пансалов Чингис Владимирович, магистрант 1-го года обучения ЮФ БГУ, г. Улан-Удэ, khbn@mail.ru

Полицина Т. , аспирант Чанчуньского политехнического университета, Китай, г. Чанчунь

Полонных Артур Владимирович, студент 4 курса факультета таможенного дела ВСГУТУ, г. Улан-Удэ, polonnych@mail.ru

Пэн Бо, Пекин, КНР, kaitlynpeng25@gmail.com

Ром Мухийт, зав. сектором административного права Национального Юридического института Монголии, преподаватель Академии управления Монголии, г. Улан-Батор muhit77@yahoo.com

Русанова Виктория Борисовна, соискатель 5 года кафедры административного права Национального университета «Юридическая академия Украины имени Ярослава Мудрого», судья Харьковского апелляционного административного суда, Украина, г. Харьков, yikt_rusanova@mail.ru

Саенко Людмила Владимировна, к.юрид.н., доцент Российской правовой академии Министерства юстиции РФ, г.Москва, saenko7@yandex.ru

Савельева Татьяна Анатольевна, студент 5 курса ЮФ ВСГУТУ, Улан-Удэ, tanyxa082@rambler.ru

Сандакова Людмила Баторовна, аспирант 3-го года обучения ЮФ БГУ, г. Улан-Удэ, lyudasun@yandex.ru

Свиридова Светлана Николаевна, магистрант 2-го года обучения ЮФ БГУ, г. Улан-Удэ, svetnik7910@mail.ru

Скорик Елена Николаевна, канд.юр. наук, доцент Донского юридического института, г.Ростов-на-Дону, elnek76@mail.ru

Соляр Сергей Петрович, соискатель кафедры теории государства и права Национального университета «Юридическая академия Украины имени Ярослава Мудрого», прокурор Хмельницкой области, Украина, г. Харьков, s.soliar@mail.ru

Степанова Виктория Валериевна, студент 4 курса Национального университета «Одесская юридическая академия», Украина, г. Одесса, ekaterina_karmazina@hotmail.com

Субачев Алексей Константинович, студент 3-го курса Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, zentr-atr@rambler.ru

Т-Ц

Транковская Елена Дмитриевна, студент 2-го курса Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, г.Владивосток, Lena.trankovskaya@mail.ru

Уварова Елена Александровна, к.юрид.н., ассистент кафедры теории государства и права Национального университета «Юридическая академия Украины имени Ярослава Мудрого», г. Харьков, olena_uvarova@mail.ru

Ульянова Вера Владимировна, к.юрид.н., доцент кафедры уголовного права, процесса и криминалистики Новосибирского государственного университета экономики и управления «НИНХ», г. Новосибирск, uljanova_v.v@mail.ru

Ушаков Егор Юрьевич, аспирант 2-го года обучения Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, zentr-atr@rambler.ru

Хармаева Эржена Юрьевна, магистрант 2-го года обучения ЮФ РГУПС, г. Москва, erzhena.kh@mail.ru

Хэ Хуан, магистр юридического института государственного университета Внутренней Монголии, Китай, г. Хух-Хото

Цыдыпова Эржена Сергеевна, магистрант 1-го года обучения ЮФ БГУ, era2006@bk.ru

Цхай Цзефэн, адвокат (юрист) Адвокатской палаты «Дачен» г. Пекин, vik2bess@yandex.ru

Ч-Ш

Черепанов Марк Сергеевич, г.Владивосток, Hatake23@mail.ru

Чен Хун Сюй, аспирант Чанчуньского политехнического университета, Китай, г. Чанчунь

Шаликова Наталья Ивановна, магистрант 2-го года обучения ЮФ БГУ, г. Улан-Удэ, nata.tasha2011@mail.ru

Шашин Даниил Георгиевич, заместитель начальника кафедры общеправовых дисциплин, канд. юр.наук, доцент Восточно-Сибирского института МВД России, подполковник полиции, г. Иркутск, shashin06@mail.ru

Шестакова Виктория Сергеевна, магистрант 2-го года обучения ЮФ БГУ, Улан-Удэ

Шкедова Лидия Юрьевна, магистрант 2-го года обучения ЮФ БГУ, Улан-Удэ, lida.edinros@list.ru

Шумик Ксения Георгиевна, студент 2 курса Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, г.Владивосток, kseniiashumik@gmail.com

Научное издание

**СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ В СТРАНАХ
АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА – V**

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ, АСПИРАНТОВ И СТУДЕНТОВ

(Улан-Удэ, 12 апреля 2013 г.)

В авторской редакции

Дизайн обложки
И.А.Болонев

Компьютерная верстка
Т.О. Балужева

Св-во о государственной аккредитации
№1289 от 23 декабря 2011 г.

Подписано в печать 27.08.2012. Формат 60x84 1/8.
Усл. печ.л. 36,27. Уч.-изд.л. 31,74. Тираж 250. Заказ №218.

Издательство Бурятского госуниверситета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
riobsu@gmail.ru